

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 27

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

1996

**ББК 83.3(0)5
В81**

Редколлегия:

**академик Д. С. ЛИХАЧЕВ,
В. Э. ВАЦУРО, С. А. ФОМИЧЕВ**

Рецензенты:

С. В. Березкина, Ю. П. Фесенко

*Издание выпущено в счет дотации, выделенной
Комитетом РФ по печати*

В $\frac{4603020000-581}{042(02)-96}$ 257-95(II)

ISBN 5-02-028247-2

© Коллектив авторов, 1996

© Российская академия наук, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (двадцать седьмой) сохраняет традиционную структуру данного издания. Продолжая разработку отдельных тем и проблем пушкиноведения, он главной своей задачей ставит подготовку материалов для нового академического Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

Первый раздел «Материалы и сообщения» открывается статьей М. В. Строганова, в которой проясняются спорные вопросы интерпретации одного из значительнейших стихотворений Пушкина «Пророк». В статье И. В. Немировского, основанной на архивных документах, рассматривается история взаимоотношений Пушкина с генералом Киселевым.

В разделе «Обзоры» продолжена публикация подготовленного В. В. Зайцевой аннотированного указателя пушкиноведческой литературы, появившейся в печати в 1989 г. В обзоре А. В. Дубровского представлены уточненные данные о псевдопушкиниане. Обзор Л. С. Кишкина знакомит читателя с восприятием произведений Пушкина, их переводами и исследованиями в Чехии.

Основная часть третьего раздела выпуска «Заметки» традиционно состоит из работ, дающих реальный историко-литературный и текстологический комментарий к различным произведениям Пушкина. Здесь же печатаются статьи В. Н. Грабовской, Т. В. Ковалевой, Н. П. Прожогина, Н. Е. Мясоедовой, Е. П. Лемана, Г. Е. Потаповой, освещающие неизвестные факты биографии А. С. Пушкина, его литературного окружения.

В четвертом разделе помещены сведения о пушкинских конференциях, музеях, выставках и празднествах, о спектаклях по пушкинским произведениям и проч., отраженные в газетной периодике 1989 г.

Все цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не оговаривается особо, даются по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI). При ссылках на это издание римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы (дополнительный, «справочный» том, вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно: ПД (т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и в случае необходимости соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. В. СТРОГАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «ПРОРОК»

І

В комментариях к «Пророку» важное место должно быть отведено объяснению, как стихотворение соотносится с четверостишием «Восстань, восстань, пророк России...», сохранившимся в памяти современников. Сводки данных об этом четверостишии приводили Н. О. Лернер,¹ П. О. Морозов,² М. А. Цявловский,³ Н. В. Фридман,⁴ В. Э. Вацуро.⁵ На основе сводок можно сделать следующие выводы: 1) текст четверостишия соотносится с «Пророком» либо как первоначальный вариант последнего четверостишия, либо как часть другого стихотворения из цикла на общую тему о пророке; 2) Пушкин имел крамольное четверостишие при себе во дворце во время беседы с Николаем I и был испуган его временной потерей.

Не касаясь второго вопроса, чисто биографического, обратимся к первому — прямо относящемуся к истории текста.

О наличии цикла «Пророк» из четырех стихотворений известно из письма М. П. Погодина П. А. Вяземскому.⁶ Эту версию подтверждают (впрочем, весьма туманно) слова С. А. Соболевского: «...стихотворения о повешенных».⁷ Других высказываний современников-мемуаристов об этом нет. Стоит учесть тот факт, что, судя по дневнику М. П. Погодина, стихотворение «Пророк» стало ему известно, очевидно, лишь в 1828 г. 17 ноября он пишет:

¹ Лернер Н. О. Примечания // Пушкин. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1910. Т. IV. С. I—VIII.

² Пушкин. Сочинения / Под ред. П. О. Морозова. Пг., 1916. Т. 4. С. 304—310.

³ Цявловский М. А. Комментарии // Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. М., 1925. С. 91—94.

⁴ Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. М., 1980. С. 188—190.

⁵ Вацуро В. Э. Комментарии // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 424—425.

⁶ Цявловский М. А. Заметки о Пушкине // Звенья. М., 1936. Т. IV. С. 153. Благодарю А. Б. Рогачевского, сделавшего по моей просьбе сверку опубликованного М. А. Цявловским текста (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5083, л. 264об.).

⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 13.

«...восхищ(ался) стихами Пушкина из Исайи».⁸ Так можно написать о впервые прочитанном стихотворении. К тому же в 1826 г. Пушкин с Погодиным был знаком еще очень поверхностно и вряд ли мог доверить ему тайное стихотворение. Скорее всего, Погодин судит с чужих слов; четыре стиха превращаются в четыре стихотворения, что и создает версию о цикле.⁹

Версия о цикле обычно мотивируется и художественной несовместимостью текстов «Пророка» и четверостишия.¹⁰ Едва ли не единственными, кто возражал против этого тезиса, были Н. Ф. Сумцов¹¹ и Д. Д. Благой,¹² хотя последний — из соображений более идеологических, чем собственно эстетических.

Чтобы решить этот спор, обратимся еще раз к тексту четверостишия. За основной принимаем текст, записанный в пятидесятые годы П. И. Бартеневым:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вокруг выи
К У. Г. явись.¹³

Мы должны учесть его «коллективность»: он записан со слов М. П. Погодина и А. С. Хомякова с конъектурой С. А. Соболевского,¹⁴ это и делает его более авторитетным в сравнении с другими. Со слов С. А. Соболевского же известны и варианты второго и третьего стихов «Позорной ризой облекись, иди — и с вервием на выи»,¹⁵ а со слов А. В. Веневитинова дан вариант второго, третьего и четвертого стихов:

Позорной ризой облекись,
И с вервием вокруг смиренной выи
К царю .....явись!¹⁶

Искаженность варианта А. В. Веневитинова очевидна, а то, что мы назвали основным текстом, — вполне добротно.¹⁷ Впечатление

⁸ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива. Пг., 1916. С. 25.

⁹ Ошибки Погодина в письме Вяземского по поводу «Арапа Петра Великого» отмечены, см.: Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. II. С. 296.

¹⁰ См.: Слонимский А. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 144 и след.; Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. С. 188.

¹¹ См.: Сумцов Н. Ф. 1) Исследования о поэзии А. С. Пушкина. Харьковский университетский сборник в память А. С. Пушкина. (1799—1899). Харьков, 1900. С. 193 («Пушкин (...) расширил общечеловеческую сторону художественного образа»); 2) Примечания // Пушкин А. С. Сочинения. 1916. Т. IV. С. 309.

¹² Благой Д. Д. 1) Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950. С. 535—541; 2) Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 29—31.

¹³ Рассказы о Пушкине... С. 31.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Русская старина. 1880. № 1. С. 133.

¹⁶ Там же. № 3. С. 673.

¹⁷ В изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. III. С. 461 — этот текст опубликован как самостоятельный, а не как вариант «Пророка». Первые два стиха

же некоторых исследователей о «художественной беспомощности» его¹⁸ обусловлено, как нам кажется, тем, что до сих пор остается непонятым, кто такой «пророк России». В прошлом веке Н. И. Черняев задавался этим вопросом: «Трудно также понять, что надлежит понимать под выражением „поворная риза“. Уж не рубище ли? Но почему же „пророк России“ должен ходить непременно в разодранной одежде? Это тайна автора разбираемого стихотворения».¹⁹ В веке нынешнем об этом, кажется, никто не высказывался.

Между тем ясно, что поскольку речь в стихотворении идет о назначении поэта, то поэт и есть пророк. В интересующее нас время Пушкин по разным поводам и в разных контекстах называет себя так. Это и шутовское применение к себе поговорки «Нет пророка в своем отечестве» в письме к В. Ф. Вяземской, где, описывая свою жизнь в Михайловском, Пушкин писал: «Что касается соседей, то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — я слышу среди них Онегиным, — и вот я, — пророк в своем отечестве!» (конец октября 1824 г.; XIII, 532, оригинал по-франц.: XIII, 114). Это и характеристика своих произведений как пророческих: «Душа! я пророк, ей богу пророк! Я Андрея Ш.(ень) велю напечатать церковными буквами во имя от(ца) и сы(на) etc.» (XIII, 249; П. А. Плетневу, 4—6 декабря 1825 г.); «Гнедич не умрет прежде совершения Илиады — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк» (XIII, 264; П. А. Плетневу, 3 марта 1826 г.).

Как ни шутовски эти характеристики, уподобления поэта пророку весьма принципиальны в творческой и идеологической практике Пушкина. Полемизируя с А. А. Бестужевым, он писал: «...наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит [она] на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищеньи
Пророча, я тебя хвалил.
Смотри, я рек, триумф минуто,
А добродетель век живет.

совпадают в чтении с нашим «основным» текстом, два вторых имеют следующий вид:

Иди, и с вервием на выи
К у.(бийце) г.(нусному) (?) явись.

Здесь же указаны (с. 1055) и варианты со слов С. А. Соболевского и А. В. Веневитинова.

¹⁸ Вацуро В. Э. Комментарии. С. 425.

¹⁹ Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898. С. 12—16.

«...восхищ(ался) стихами Пушкина из Исайи».⁸ Так можно написать о впервые прочитанном стихотворении. К тому же в 1826 г. Пушкин с Погодиным был знаком еще очень поверхностно и вряд ли мог доверять ему тайное стихотворение. Скорее всего, Погодин судит с чужих слов; четыре стиха превращаются в четыре стихотворения, что и создает версию о цикле.⁹

Версия о цикле обычно мотивируется и художественной несовместимостью текстов «Пророка» и четверостишия.¹⁰ Едва ли не единственными, кто возражал против этого тезиса, были Н. Ф. Сумцов¹¹ и Д. Д. Благой,¹² хотя последний — из соображений более идеологических, чем собственно эстетических.

Чтобы решить этот спор, обратимся еще раз к тексту четверостишия. За основной принимаем текст, записанный в пятидесятые годы П. И. Бартеневым:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вокруг выи
К У. Г. явись.¹³

Мы должны учесть его «коллективность»: он записан со слов М. П. Погодина и А. С. Хомякова с конъектурой С. А. Соболевского,¹⁴ это и делает его более авторитетным в сравнении с другими. Со слов С. А. Соболевского же известны и варианты второго и третьего стихов «Позорной ризой облекись, иди — и с вервием на выи»,¹⁵ а со слов А. В. Веневитинова дан вариант второго, третьего и четвертого стихов:

Позорной ризой облекись,
И с вервием вокруг смиренной выи
К царю .....явись!¹⁶

Искаженность варианта А. В. Веневитинова очевидна, а то, что мы назвали основным текстом, — вполне добротно.¹⁷ Впечатление

⁸ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива. Пг., 1916. С. 25.

⁹ Ошибки Погодина в письме Вяземского по поводу «Арапа Петра Великого» отмечены, см.: Лапкина Г. А. К истории создания «Арапа Петра Великого» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. II. С. 296.

¹⁰ См.: Слонимский А. Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 144 и след.; Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. С. 188.

¹¹ См.: Сумцов Н. Ф. 1) Исследования о поэзии А. С. Пушкина. Харьков-ский университетский сборник в память А. С. Пушкина. (1799—1899). Харьков, 1900. С. 193 («Пушкин (...) расширил общечеловеческую сторону художественного образа»); 2) Примечания // Пушкин А. С. Сочинения. 1916. Т. IV. С. 309.

¹² Благой Д. Д. 1) Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950. С. 535—541; 2) Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967. С. 29—31.

¹³ Рассказы о Пушкине... С. 31.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Русская старина. 1880. № 1. С. 133.

¹⁶ Там же. № 3. С. 673.

¹⁷ В изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. III. С. 461 — этот текст опубликован как самостоятельный, а не как вариант «Пророка». Первые два стиха

же некоторых исследователей о «художественной беспомощности» его¹⁸ обусловлено, как нам кажется, тем, что до сих пор остается непонятым, кто такой «пророк России». В прошлом веке Н. И. Черняев задавался этим вопросом: «Трудно также понять, что надлежит понимать под выражением „позорная риза“. Уж не рубище ли? Но почему же „пророк России“ должен ходить непременно в разорванной одежде? Это тайна автора разбираемого стихотворения». ¹⁹ В веке нынешнем об этом, кажется, никто не высказывался.

Между тем ясно, что поскольку речь в стихотворении идет о назначении поэта, то поэт и есть пророк. В интересующее нас время Пушкин по разным поводам и в разных контекстах называет себя так. Это и шутовское применение к себе поговорки «Нет пророка в своем отечестве» в письме к В. Ф. Вяземской, где, описывая свою жизнь в Михайловском, Пушкин писал: «Что касается соседей, то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — я слыву среди них Онегиным, — и вот я, — пророк в своем отечестве!» (конец октября 1824 г.; XIII, 532, оригинал по-франц.: XIII, 114). Это и характеристика своих произведений как пророческих: «Душа! я пророк, ей богу пророк! Я Андрея Ш.(енье) велю напечатать церковными буквами во имя от(ца) и сы(на) etc.» (XIII, 249; П. А. Плетневу, 4—6 декабря 1825 г.); «Гнедич не умрет прежде совершения Илиады — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк» (XIII, 264; П. А. Плетневу, 3 марта 1826 г.).

Как ни шутовсы эти характеристики, уподобления поэта пророку весьма принципиальны в творческой и идеологической практике Пушкина. Полемизируя с А. А. Бестужевым, он писал: «...наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит [она] на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищеньи
Пророча, я тебя хвалил.
Смотри, я рек, триумф минуто,
А добродетель век живет.

совпадают в чтении с нашим «основным» текстом, два вторых имеют следующий вид:

Иди, и с вервием на выи
К у.(бийце) г.(нусному) (?) явись.

Здесь же указаны (с. 1055) и варианты со слов С. А. Соболевского и А. В. Веневитинова.

¹⁸ Вацуро В. Э. Комментарии. С. 425.

¹⁹ Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корана». М., 1898. С. 12—16.

Прочти послание к А. (Александр) (Жук. (овского) в 1815 году). Вот как русский поэт говорит русскому царю» (конец мая—начало июня 1825 г.; XIII, 179).

Уже позднее,²⁰ в «Путешествии в Арзрум», Пушкин передает слова одного из пашей: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются» (VIII, 475).

Подобное сравнение поэта с дервишем, граничившее со сравнением поэта с шутом, было не чуждо и общественному сознанию пушкинского времени. Так, Ч. Ф. Хеннигсен в своем очерке жизни и творчества Пушкина объяснял возвращение из ссылки Пушкина Николаем I словами последнего «о том, что Пушкину, учитывая его талант, следует предоставить ту неограниченную свободу слова (unbounded freedom of speech), какая предоставляется, в порядке исключения, одному из поэтов или одному из шутов, но никому другому».²¹

Вне зависимости от того, были ли данные слова сказаны на самом деле и знал ли их Пушкин, важно, что они находят параллель в текстах самого поэта. В том же письме к П. А. Плетневу, где Пушкин называл себя пророком, почти сразу же за цитированными словами читаем: «Кстати: Борька также вывел Юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! — мой Юродивый впрочем гораздо милее Борьки — увидишь. Вот тебе письма к двум еще Юродивым» (XIII, 249). Речь идет о том, что Б. М. Федоров в романе «Князь Курбский» так же изобразил юродивого, как и Пушкин — в «Борисе Годунове». Два других юродивых — П. А. Катенин и В. К. Кюхельбекер, которым Пушкин переслал письма через Плетнева.

Тема юродивого в переписке 1825—1826 гг. имеет вполне естественное обоснование. Пушкин работал над «Борисом Годуновым» и собирал материалы к трагедии. В письме к В. А. Жуковскому от 17 августа 1825 г. Пушкин просил: «...не лезь ли мне доставить или жизнь Железного Колпака, или житие какого-нибудь юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четь(ь)их М.(инях) — а мне бы очень нужно» (XIII, 212). Когда материал был получен, это дало повод для каламбуров: «Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак, что он мне присылает; в замену отошлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее!» (П. А. Вяземскому, 13 и 15 сентября 1825 г.; XIII, 226). Наконец,

²⁰ См. об этом: Краснобородько Т. И. Тема «Литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 122—133.

²¹ Цит. по: Аринштейн Л. М. Неизвестные страницы ранней английской пушкинианы: (Критико-биографический очерк о Пушкине и роман из жизни пушкинского Петербурга) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. XI. С. 250.

когда трагедия уже написана, тема юродивого отрывается от реального истока и фигурирует в образных применениях совершенно самостоятельно: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе написана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (П. А. Вяземскому, около 7 ноября 1825 г.; XIII, 240).

Как истолковать последние слова? — Можно так: Пушкин хотел было высказать все, что думал, в «дурацкой» форме, ибо с дурака спрос не велик, но у него мало что получилось. Или: хотя слова о том, что богородица не велит молиться за царя Ирода, в трагедии произносит юродивый, читателю ясно, что протест против преступления на троне высказывает сам автор. Но важно иное — Пушкин берет на себя и роль пророка, и роль юродивого именно потому, что на Руси XVI—XVII вв. юродивые считались пророками.²²

История работы Пушкина над образом юродивого весьма подробно описана в специальных работах.²³ Для нашего исследования нелишне напомнить, что в сборниках пословиц и поговорок Пушкин отмечает такие: «В дураке и царь не волен», «В дураке и бог не волен»²⁴ и строит на них свою концепцию юродивого.

Итак, «пророк России» — это юродивый. Подобное истолкование образа в данном случае вполне корректно, ибо написанное в стиле «библейской» поэзии стихотворение «Пророк» вобрало в себя все слои и русской христианской традиции, и древнерусской культуры.

В свою очередь такое толкование «пророка России» объясняет и смущавшие читателей его атрибуты: «позорны ризы» и «вервие на выи». Один византийский писатель, поясняя смысл юродства, указывал: «Тако повелел бог и Исаии ходить нагу и необувенну, и Иеремии обложить чресленник о чреслах, и иногда возложить на выю клади и узы, и сим образом проповедовать...»²⁵ Здесь исключительно важно указание на то, что ветхозаветный пророк

---

²² Ср., например, свидетельства двух английских современников: «Их (юродивых. — М. С.) считают пророками и весьма святыми мужами, почему и позволяют им говорить свободно все, что хотят...» (цит. по: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 116); «В Пскове был тогда один юродивый, которого тамошние жители считали пророком»; «Между многими такими (юродивыми. — М. С.) был знатен Тимофей Архипович, сумазбродный подъячий, которого за святого и пророка суеверцы почитали...» (там же. С. 148, 153).

²³ См.: Грановская Н. Юродивый в трагедии Пушкина // Русская литература. 1964. № 2. С. 92—94; Филиппова Н. Ф. Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М., 1972. С. 61—65; Агранович С. З. Образ юродивого в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Содержательность форм в художественной литературе. Куйбышев, 1989.

²⁴ См. об этом: Филиппова Н. Ф. Народная драма Пушкина «Борис Годунов». С. 64.

²⁵ Цит. по: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 85.

Исайя воспринимался как юродивый, а поскольку пушкинский «Пророк» восходит некоторыми своими образами к библейской книге Исайи,²⁶ совмещение в нем «пророческого» и «юрродствующего» начал вполне оправданно.

Таким образом, «вервие на выи», столь долго смущавшее читателей Пушкина как указание на казнь через повешение, подобную казни декабристов, должно быть истолковано как атрибут пророческой деятельности и пророческой жизни человека. В этом ряду следует воспринимать строку Пушкина «И я бы мог, как шут...». Здесь имеется в виду не висеть, а истину царям говорить.²⁷

Будучи истолковано таким образом, четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» ни в коей мере не может быть воспринято как художественно недостаточное. Напротив, все в нем полноценно и убедительно. Как мы предполагаем, это четверостишие было первоначальным вариантом заключительного четверостишия «Пророка». Отказ же Пушкина от «пророка России» легко объясняется стремлением уйти не от социальной остроты проблемы, но от исторической конкретности образа пророка-юрродивого, который мог не найти адекватного восприятия. И действительно, А. С. Хомяков, имевший возможность судить об обоих вариантах стихотворения, полагал, что «Пророк», «бесспорно великолепнейшее произведение русской поэзии, получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда)».²⁸ Хомяков считал, что поскольку первый вариант окончания был цензурен, то Пушкин только вследствие этого прибегнул к более «общей» формуле. Он, как, впрочем, и многие пушкинские читатели XIX—XX вв., не увидел в пророке-юрродивом большого человеческого смысла и значения.

Приведенные выше соображения должны, кажется, убедить в необходимости рассматривать четверостишие «Восстань, восстань, пророк России...» как вариант к основному тексту «Пророка» и опубликовать его в разделе «Варианты».

---

²⁶ Впервые об этом см.: Г а л а х о в А. Полная русская хрестоматия. 2-е изд. М., 1845. С. 211. Среди последних работ, где упоминается данная тема, см.: Ф р и д м а н Н. В. Романтизм в творчестве Пушкина. С. 185.

²⁷ См. об этом: Л о т м а н Л. «И я бы мог, как шут (...») // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 46—59.

Надо, впрочем, отметить, что в свете нашего материала появление этой строки у Пушкина можно объяснить и вне прямой связи с романом В. Скотта «Айвенго», хотя, с другой стороны, образ именно шута В. Скотта, имевший у Пушкина негативные коннотации (там же. С. 55—59), и предопределил незавершенность темы, заданной данной строкой. И генетически, и функционально «пророк» был связан с «шутком» через «юрродивого», но Пушкин предпочитал решать тему поэта как «пророка».

Иную трактовку строки «И я бы мог, как шут...» см.: И е з у и т о в а Р. В. К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 95—99.

Надо, впрочем, отметить, что Р. В. Иезуитова недооценивает отмеченные выше негативные коннотации образа «шута», что размывает точные границы данной трактовки.

²⁸ Цит. по: Ко ш е л е в В. А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 39.

II

Тема поэта как зеркала мира в русской поэзии появилась, очевидно, у Пушкина. Еще в 1818 г. в послании «К Н. Я. Плюсковой» Пушкин писал:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

(II, 65)

Текст этот был совершенно неожидан в силу неподготовленности предшествующими размышлениями поэта и на долгое время осталась без отзыва и в самой пушкинской поэзии, и у его современников. В 1832 г. Пушкин создает стихотворение «Эхо» — вольный перевод «Прибрежного эха» Барри Корнуолла.²⁹ Ключевое место между этими двумя текстами занимает четверостишие из «Пророка», где сказано:

И внял я неба содраганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

(III, 30)

Именно это четверостишие будет предметом следующего комментария.

В 1832 г. Е. А. Баратынский написал стихотворение «На смерть Гете», где представил немецкого поэта гением, способным проникнуть во все тайны бытия. Одна из строф звучит так:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.³⁰

В том же году Ф. И. Тютчев написал стихотворение «На древе человечества высококом...», которое по содержанию также связывают со смертью Гете. Здесь великий немец

Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл.³¹

Наконец, в 1837 г. Е. Гребенка в стихотворении «Недуг» сказал:

---

²⁹ См. об этом: Яковлев Н. В. Последний собеседник Пушкина (Бари Корнуоль) // Пушкин и его современники. СПб., 1917. Вып. XXVIII.

³⁰ Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1989. С. 174. На возможность применения этих стихов Баратынского к Пушкину, т. е. на известное сходство с «Пророком», см.: Сумцов Н. Ф. Исследования о поэзии А. С. Пушкина. С. 16.

³¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 121.

Вижу светлых алмазов рождение,
Знаю, в недрах земли
Как граниты росли,
Чую трав и небес прозябанье.³²

В этих трех текстах трудно не уловить более или менее уда-
ленных от первоисточника реминисценций из «Пророка», а в свя-
зи со странным совпадением дат создания «Эха», «На смерть
Гете» и «На древе человечества высококом...» нельзя не задуматься
о мотивах, вызвавших появление стихотворения Пушкина. Но в
любом случае — вначале был «Пророк». Однако если два автора
(Баратынский и Тютчев) с той или иной степенью очевидности
пишут о Гете, то не проще ли предположить в качестве источника
и «Пророка» — Гете?

И в самом деле Тютчев на рубеже 1820—1830-х гг. переводит
«Фауста», в частности монолог Фауста из сцены «Лес и пещера»,
где герой, обращаясь к «державному духу», говорит, что тот

Земнородных строй
Провел передо мной и научил —
В дуброве ль, в воздухе иль в лоне вод —
В них братий познавать и их любить.³³

Но если это так, то какое место в данном ряду: Гете—Баратын-
ский—Тютчев занимает Пушкин? Ведь Пушкин немецкого языка
не знал, по-немецки не читал и, как свидетельствовал В. М. Жир-
мунский, «ни одна черта в его поэтическом облике не была под-
сказана влиянием немецкого поэта».³⁴ Более того, «Фауст как
носитель романтического томления, искатель бесконечного знания
и безграничного счастья, погруженный в мистическое созерцание
природы и „чувственно-сверхчувственное“ переживание любви,
одним словом — романтический Фауст Веневитинова, Тютчева,
Аксакова остался вне поля зрения Пушкина».³⁵

Стоит задуматься, так ли это, все ли моменты этого утвержде-
ния бесспорны.

Здесь мы должны учесть, что Пушкин, подобно своему Онеги-
ну, «знал немецкую словесность По книге госпожи де Сталь» (VI,
219),³⁶ т. е. по книге Ж. де Сталь «О Германии». В этой книге
французская писательница подробно пересказывает, а местами
даже переводит гетевского «Фауста». Переводит она и монолог

---

³² Цит. по: Зубков С. Д. Евген Павлович Гребінка. Життя и творчість. Київ, 1962. С. 84.

³³ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. С. 116—117.

³⁴ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 105.

³⁵ Там же. С. 111.

³⁶ Автобиографический характер этой характеристики Онегина был впервые отмечен Б. В. Томашевским (Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 19—20) и подтвержден В. М. Жирмунским (Гете в русской литературе. С. 106). О влиянии книги де Сталь на формирование пушкинской концепции Мефистофеля см.: Вацуро В. Э. К генезису пушкинского «Демона» // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 255.

Фауста из сцены «Лес и пещера», причем замечает: «...rien n'est plus beau, en allemand, que les vers dans lesquels il exprime tout à la fois l'enthousiasme de la science et la satiété du bonheur». ³⁷ Ясно, что таким образом рекомендованный монолог вряд ли мог пройти мимо взгляда внимательного читателя де Сталь, каким был Пушкин. ³⁸

Перевод де Сталь из Гете очень близок оригиналу; есть смысл удостовериться в этом, ибо книга «О Германии» недостаточно полно включена в научный оборот. ³⁹

Гете

Erhabner Geist, du gabst mir, gab mir alles,
Warum ich bat. Du gast mir nicht umsonst
Dien Angesicht im Feuer zugemendet.
Gabst mir die herrliche Natur zum Königreich,
Kraft, sie zu fühlen, zu genießen. Nicht
Kalt staunenden Besuch erlaubst du nur,
Vergönnest mir, in ihre tiefe Brust
Wie in den Busen eines Freunds zu schauen.
Du führst die Reine der Lebendigen
Vor mir vorbei und lehrst mich meine Brüder
Im Stillen Busch, in Luft und Wasser kennen,
Und wenn der Sturm im Walde braust und knarrt.
Die Riesenfichte stürzend Nachbäraste
Und Nachbarstämme quetschend niederstreift
Und ihren Fall dumpf hohl der Hügel donnert.
Dann führst du mich zur sichern Höhle, ziegst
Mich dann mir selbst, und meiner eignen Brust
Geheime tiefe Wunderöffnen sich.
Und steigt vor meinen Blick der reine Mond
Besänftigend herüber, schweben mir
Von Felsenwänden, aus dem feuchten Busch
Der Vorwelt silberne Gestalten auf
Und lindern der Betrachtung strenge Lust. ⁴⁰

де Сталь

Esprit sublime! tu m'as accordé tout
ce que je t'ai demandé. Ce n'est pas
en vain que tu as tourné vers moi
ton visage entouré de flammes; tu
m'as donné la magique nature pour
empire, tu m'as donné la force de la
sentir et d'en jouir. Ce n'est pas une
froide admiration que tu m'as per-
mise, mais une intime connais-
sance, et tu m'as fait pénétrer dans
le sein de l'univers, comme dans
celui d'un ami; tu as conduit devant
moi la troupe variée des vivants, et
tu m'as appris à connaître mes
frères dans les habitants des bois,
des airs et des eaux. Quand l'orage
gronde dans la forêt, quand il déra-
cine et renverse les pins gigan-
tesques dont la chute fait retentir la
montagne, tu me guides dans un sûr
asile, et tu me révéles les secrètes
merveilles de mon propre coeur.
Lorsque la lune tranquille monte
lentement vers les cieux, les om-
bres argentées des temps antiques
planent à mes yeux sur les rochers,
dans les bois, et semblent m'adoucir
le sévère plaisir de la méditation. ⁴¹

³⁷ *Staël madame de*. De L'Allemagne. Paris, 1859. P. 280, Пер.: «... в немецком языке нет ничего более прекрасного, чем стихи, в которых он (Фауст. — М. С.) выражает одновременно воодушевление наукой (знанием) и пресыщение счастьем».

³⁸ Книга де Сталь «О Германии» не сохранилась в пушкинской библиотеке (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 341—342): из собрания сочинений де Сталь именно тома, содержащие ее (X и XI), утеряны. Но они, очевидно, были хорошо знакомы Пушкину, о чем и свидетельствует характеристика Онегина.

³⁹ Фрагменты книги де Сталь (по преимуществу эстетического характера) приведены в кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. [М.], 1980. С. 383—391.

⁴⁰ Goethes Werke. Leipzig-Wien, 1930. V. 5. P. 145—146.

⁴¹ *Staël, madame de*. De L'Allemagne. P. 280—281.

Ср. также наши переводы обоих текстов:

Гете

Могучий дух, ты дал мне, дал мне все,
О чем я просил. Ты не напрасно
Свой лик в огне обратил (ко мне).
Ты дал мне прекрасную природу для владычества,
Силы — ее чувствовать, ею наслаждаться.
Ты разрешаешь не только холодно удивленным гостем быть,
Позволяешь заглянуть мне в глубину ее груди
Как другу в объятия.
Ты проводишь ряд
Живых (существ) передо мной
И знакомишь меня с моими собратьями
В тихой роще, в воздухе и воде.

де Сталь

Высший дух, ты дал мне все, что
у тебя просил. Не напрасно ты
обратил ко мне свое лицо, окруженное пламенем; ты дал мне магическое свойство власти, ты дал мне силу, чтобы чувствовать и наслаждаться ею (чем — силой власти или природой? — *М. С.*). Это не (то) холодное восхищение, которое ты обещал мне, но близкое знакомство, и ты заставил меня проникнуть в недра вселенной, как в сердце (душу. — *М. С.*) друга; ты провел передо мной разнообразную вереницу живых существ, и ты научил меня узнавать моих братьев в обителях лесов, небес (воздуха) и вод.

Итак, обращаясь к Высшему духу, Фауст благодарит его за те дары, которые позволили ему обладать всей природой и — главное — познавать живые существа, населяющие леса, воздух и воды. На ум волей-неволей приходит пушкинское четверостишие про «неба содроганье и горний ангелов полет», про «гад морских подводный ход» и про «дольней лозы прозябанье».

Однако на этом только сходстве текстов Пушкина и Гете в переводе де Сталь строить гипотезу о восхождении четверостишия «Пророка» к «Фаусту» было бы все же несколько рискованно. Для внятной убедительности нужны и дополнительные аргументы.

«Пророк», как известно, был написан (во всяком случае в первоначальной своей редакции) до 3 сентября 1826 г.⁴² По приезде в Москву из Михайловского Пушкин близко сходится с Д. В. Веневитиновым.⁴³ Именно к концу 1826 г.⁴⁴ относится веневитиновский перевод из «Фауста» — «Монолог Фаустов в пещере» — того самого места, которое особенно интересует нас:

Всевышний дух! ты все, ты все мне дал,
О чем тебя я умолял.
Недаром зрелся мне
Твой лик, сияющий в огне.
Ты дал природу мне, как царство, во владенье;
Ты дал душе моей

⁴² М. А. Цявловский дает датировку 24 июля—3 сентября 1826 г. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. III. С. 1130).

⁴³ См.: Погодин М. П. Из «Дневника» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 18—22.

⁴⁴ Веневитинов Д. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 188.

Дар чувствовать ее и силу наслажденья.
Другой едва скользит по ней
Холодным взглядом удивленья;
Но я могу в ее таинственную грудь
Как в сердце друга заглянуть.
Ты протянул передо мною
Созданий цепь — я узнаю
В водах, в лесах, под твердью голубою
Одну благую мать, одну ее семью.⁴⁵

Вообще при том интересе, который испытывали русские романтики (особенно германофильской ориентации) к Гете, естественно предположить, что именно Веневитинов и обратил внимание Пушкина к данному монологу Фауста. Однако это не так.

Как можно заметить, в творчестве Веневитинова до 1826 г. образ поэта постоянно связывается с именем Байрона, например:

...смелый ученик Байрона,
Я устремлюсь на крыльях мечты
К волшебной стороне, где лебедь Альбиона
Срывал забытые цветы...

(1825).⁴⁶

И хотя к середине 1826 г. относится веневитиновский перевод «Песни Клары» из трагедии Гете «Эгмонт», но образ поэта у него все равно байроновский.

Однако уже к 1826 г. или январю 1827 г. относится стихотворение «Три участи», где сказано:

Завидней поэта удел на земли.
С младенческих лет он сдружился с природой...⁴⁷

В стихотворении 1826 или 1827 г. «Я чувствую, во мне горит...» герой слышит «голос прорицанья: открой глаза на всю природу».⁴⁸ Наконец, в диалогической элегии 1827 г. «Поэт и друг» Поэт говорит:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства...⁴⁹

Итак, «смелый ученик Байрона» вдруг в 1826 г. оставил своего учителя и обратился к Гете. Причиной этого обращения вполне могло быть влияние Пушкина. Нам могут, правда, возразить, что в написанном в сентябре или октябре 1826 г. стихотворном посла-

⁴⁵ Веневитинов Д. В. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 138.

⁴⁶ Там же. С. 69.

⁴⁷ Там же. С. 103.

⁴⁸ Там же. С. 118, 117.

⁴⁹ Там же. С. 143.

нии «К Пушкину» сам Веневитинов призывал Пушкина воспеть Гете, как поэт уже раньше воспел Байрона и Шенье:

Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья:
К хвалам оплаканных могила
Прибавь веселые хваленя.
Их ждет еще один певец:
Он наш — жилец того же света,
Давно блестит его венец;
Но славы громкого привета
Звучней, отрадней глас поэта.
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.⁵⁰

Но дело в том, что именно Пушкин как автор «Сцены из Фауста»⁵¹ мог скорее влиять на Веневитинова, чем Веневитинов — на Пушкина. Ибо в уже цитированном нами монологе Фауста из сцены «Лес и пещера» были такие заключительные слова:

Гете

де Сталь

So tauml' ich von Begierde zu Genuß,
und im Genuß verschmacht ich nach
Begierde.⁵²

...je passe avec ivresse du désir au bonheur;
mais au sein du bonheur fait regretter le
désir.⁵³

Ср. переводы:

Так шатаюсь я от страстного желанья
к наслаждению,
И от наслаждения возвращаюсь
к страсти.

С опьянением перехожу я от желанья к
счастью; но даже в самом счастье смутная
тоска заставляет меня сожалеть о
желании.

Вот как перевел это место Веневитинов:

И я стремлюсь несытою душой
В желаньи к счастью, а в счастье к желанью.⁵⁴

Это противопоставление «страстного желанья» и «наслаждения» (переводы де Сталь и Веневитинова терминологически неточны, ибо в них «наслаждение» заменено словом «счастье» (bonheur)) очень близко излюбленной пушкинской оппозиции «вольности и покоя» и «счастья»: пассивного восприятия жизни и активного стремления к жизнетворчеству.⁵⁵ Именно Пушкин мог воспринять эти близкие ему идеи у Гете (через де Сталь) и подключить к ним Веневитинова.

⁵⁰ Там же. С. 83—84.

⁵¹ См. об этом: Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 469—488.

⁵² Goethes Werke. V. 5. P. 146.

⁵³ Staël, madame de. De L'Allemagne. P. 281.

⁵⁴ Веневитинов Д. В. Полн. собр. стихотворений. С. 139.

⁵⁵ См. об этом: Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь, 1990. С. 72—83.

Более того, мысль о поэте-эхо, чутко откликающемся на все впечатления бытия, была уже знакома Пушкину (см. упомянутое выше послание к Н. Я. Плюсковой). Значит, именно Пушкин (в чтении де Сталь) ввел впервые в русскую поэзию тему поэта-эхо.

Уместно напомнить, что с именем Пушкина связан и первый полный перевод «Фауста» на русский язык. Переводчик Э. И. Губер посвятил свой труд памяти Пушкина такими стихами:

Когда меня на подвиг трудный
Ты, улыбаясь, вызывал,
Я верил силе безрассудной
И труд могучий обещал.⁵⁶

Интересующее нас место дано у Губера в очень близком к оригиналу переводе, хотя, конечно, и не вполне совершенном:

Всесильный дух! ты дал мне, дал мне все,
О чем тебе молился я. Недаром
Ты показал мне пламенный свой образ;
Ты дал мне эту дивную природу,
Дал силу чувствовать и наслаждаться ею.
И я дивлюсь не с холодным удивленьем
Ее высоким тайнам; ты позволил
Мне заглянуть в ее святую грудь,
Как в сердце друга; ты передо мною
Провел ряды живых твоих созданий,
Ты братьев научил меня познать
В водах и в воздухе, и в роще тихой.
(.....)
.....) быстро от желанья
Перехожу я к неге наслажденья,
А, наслаждаясь, вновь горю желаньем.⁵⁷

Конечно, роль Пушкина в этом переводе, может быть, очень мала,⁵⁸ и тем не менее не следует забывать, что какое-то участие в нем Пушкин все же принимал.

Весь наш анализ, таким образом, позволяет комментировать стихи Пушкина в «Пророке» как восходящие к монологу Фауста, что значительно обогащает наше представление о связях русского и немецкого поэтов.⁵⁹ Однако сразу же укажем и на различие в истолковании образа поэта у Пушкина и поэтов-«германофилов». Вместо пушкинского поэта-эхо эти молодые поэты дают истолкование гетевского образа как поэта-философа.⁶⁰ Здесь, несмотря на сходство образности, уже сказался намечавшийся разрыв между Пушкиным и любомудрами.

⁵⁶ Гете И. В. Фауст / Издание А. А. Каспари. СПб., [б. г.]. С. 3.

⁵⁷ Там же. С. 73—74.

⁵⁸ См. об этом: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 410—418.

⁵⁹ См. также статьи М. П. Алексеева в его кн.: Пушкин и мировая литература. С. 402—468; 489—501.

⁶⁰ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 128—129.

И. В. НЕМИРОВСКИЙ

ПУШКИН И П. Д. КИСЕЛЕВ

Павел Дмитриевич Киселев (1788—1872) принадлежит к числу тех современников поэта, которые вызывают к себе неизменный исследовательский интерес.¹

На протяжении двух столь различных между собой эпох русской истории, какими были александровское и николаевское царствования, он не просто сохранил свое положение на самом верху имперской иерархии, но и не утерял при этом репутации прогрессивного политического деятеля. Причем мнение это разделяли не только бюрократы, но и многие декабристы.

Став в 1819 г. начальником штаба 2-й армии, Киселев сумел собрать вокруг себя блестящий коллектив помощников, в той или иной степени связанных с тайными обществами, куда входили П. И. Пестель, А. П. Юшневский, И. Г. Бурцев, Н. В. Басаргин, В. П. Ивашев, И. Б. Аврамов, П. В. Аврамов, А. А. Крюков, Н. А. Крюков, А. П. Барятинский, М. А. Фонвизин, Н. И. Комаров, Е. Е. Лагинов. Всего же под началом Киселева во 2-й армии служило 36 офицеров, вошедших в «Алфавит декабристов», составленный А. Д. Боровковым.

Не случайно среди декабристов активно обсуждалась возможность привлечения генерала (вместе с М. М. Сперанским, Н. И. Мордвиновым и А. П. Ермоловым) к работе Временного правительства, чья деятельность планировалась на переходный после восстания период.²

Служивший под непосредственным началом Киселева декабрист Басаргин вспоминал о творческой и доверительной атмосфере в штаб-квартире 2-й армии в Тульчине,³ а И. Д. Якушкин, рассказывая о том, как Пестель читал своему начальнику штаба выдержки из «Русской правды», прямо утверждал, что Киселев

---

¹ См.: Заблудский-Десятовский А. П. П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1—4; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1—2; Семенова А. В. Начальник штаба 2-й армии // Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 142—176; Гордин Я. А. Судьба генерала Киселева // Гордин Я. А. Право на поединок. Л., 1989. С. 56—74, 412—431.

² См.: Семенова А. В. Начальник штаба 2-й армии.

³ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 58—59.

знал о существовании тайного общества и смотрел на его деятельность «сквозь пальцы». ⁴ На фоне этого устойчиво положительного отношения к генералу со стороны декабристов как необъяснимое или по крайней мере проблемное выглядит отношение к нему со стороны Пушкина. И. П. Липранди, один из самых достоверных летописцев кишиневской жизни поэта, вспоминал: «Дуэль Киселева с Мордвиновым особенно занимала его (Пушкина. — *И. Н.*); в продолжение нескольких дней он ни о чем другом не говорил, выпытывая мнение других; что на чьей стороне более чести, кто оказал самоотвержения и т. п.? Он предпочитал поступок Н. И. Мордвинова как бригадного командира, вызвавшего начальника главного штаба, фаворита государя (...) Пушкин не переносил, как он говорил, „оскорбительной вежливости временщика, для которого нет ничего священного“». ⁵

Дуэли Киселева с бригадным генералом Н. И. Мордвиновым, имевшей место в июне 1823 г., предшествовали весьма драматические обстоятельства: офицеры Одесского полка, недовольные своим командиром, подполковником Ярошевицким, решились на коллективную отставку. Чтобы спасти полк (ибо коллективная отставка была бы расценена как бунт), штабс-капитан Рубановский нанес Ярошевицкому оскорбление действием во время полкового смотра. Этот поступок стоил Рубановскому офицерского чина и свободы: он был сослан в Сибирь, на каторгу. Мордвинова же, как командира бригады, Киселев заставил уйти со службы, поскольку подозревал в том, что тот знал о «заговоре» офицеров, но не сообщил об этом начальству.

Пушкин (или Липранди) был не совсем прав, утверждая, что Киселев являлся начальником Мордвинова: к моменту дуэли последний был уже отставлен и вызывал начальника штаба 2-й армии как частное лицо.

Отношение поэта к Киселеву было сложным уже в петербургские годы. Их знакомство состоялось сразу после выпуска Пушкина из Лицея. ⁶ Тогда генерал обещал ему свою протекцию при переводе в гвардию, но не сдержал своего обещания, по поводу чего Пушкин писал:

На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.

(Орлову. 1819, II, 85)

⁴ Я кушкин И. Д. Записки. М., 1951. С. 39.

⁵ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 345.

⁶ Пушц и н И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 58.

Но, конечно, не это обстоятельство (или не только оно) формировало отношение Пушкина к Киселеву в последующие годы, хотя определение Киселева как «придворного», чьи обещания «не стоят ничего», близко к позднейшей оценке, данной Пушкиным генералу: «временщик, для которого нет ничего священного». Тем не менее современники донесли до нас сведения о спокойных и доброжелательных (по крайней мере внешне) беседах Пушкина с Киселевым в 1820—1821 гг., на основании чего Т. П. Ден совершенно необоснованно, с нашей точки зрения, сделал вывод о конфиденциальном характере этого общения.⁷ Во всяком случае, когда Киселев в своем известном исследователям письме М. Ф. Орлову писал о том, что его образ мыслей будет осужден некоторыми «пылкими учениками Лицея»,⁸ то, скорее всего, имел в виду именно Пушкина.

И все-таки при том, что холодность и известное недоверие между Киселевым и Пушкиным были, скорее всего, обоюдными, до июня 1823 г. поэт явно не выказывал своего отрицательного отношения к генералу.

Размышляя о том, чем была вызвана вспышка негодования Пушкина по отношению к начальнику штаба 2-й армии летом 1823 г., Л. П. Гроссман предположительно в качестве причины назвал увлечение (или даже серьезное чувство) женой Киселева, Софьей Станиславовной, урожденной Потоцкой.⁹

Софья Потоцкая — одна из нескольких кандидатур на «потенную» (хотя и не настолько, чтобы об этом не догадывались пушкинисты) любовь Пушкина. Нам бы не хотелось углубляться в этот вопрос, заметим только, что знакомство Пушкина с Потоцкой-Киселевой С. С., начавшееся в Петербурге зимой 1818—1819 гг., благополучно продолжалось во время их встреч в Тульчине в 1821 г., между тем как резкое высказывание поэта о Киселеве имело место два года спустя.

Нам представляется, что ухудшение отношения Пушкина к Киселеву в тот момент (в середине 1823 г.) вызвано вполне определенными обстоятельствами, в первую очередь — следствием и процессом по делу близкого друга поэта, «первого декабриста» В. Ф. Раевского.

«Делу» Раевского посвящена значительная исследовательская литература,¹⁰ но роль Киселева прояснена в ней недостаточно. Так, главным обвинителем и человеком, инспирировавшим про-

---

⁷ Ден Т. П. Пушкин в Тульчине // Пушкин. Исследования и материалы. М.: Л., 1956. Т. I. С. 223—224.

⁸ Цит. по: Милютин Д. А. П. Д. Киселев и М. Ф. Орлов в 1819—1820 гг. // Русская старина. 1887. Июль. С. 231.

⁹ Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1960. Т. III. С. 65—66.

¹⁰ См. обзор литературы во вступительной статье А. А. Бергман и Е. П. Федосевой «Владимир Федосевич Раевский» (В. Ф. Раевский. Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Иркутск, 1980. Т. I. С. 5—7). Далее: Раевский, с указанием тома римской цифрой, страницы — арабской.

цесс, большинство современников и исследователей считали командира 6-го корпуса, входившего во 2-ю армию, генерала И. В. Сабанеева.¹¹ В значительной степени это и было так, но за действиями Сабанеева во всех стадиях с начала тайного надзора, а затем следствия и суда над Раевским стоял Киселев.

Об этом свидетельствует прежде всего то, что именно начальник штаба 2-й армии стал первым, кто обратил внимание на деятельность Раевского. Так во всяком случае утверждал сам Киселев: «В истории Орлова я был первый, который устремил надзор Г. Сабанеева за майором Раевским, о коем слышал как о вольнодумце пылком и предприимчивом».¹² В письме к дежурному генералу Главного штаба А. А. Закревскому Киселев относит начало надзора за Раевским к июлю 1821 г.¹³

Именно тогда во 2-й армии по инициативе Киселева была создана тайная полиция. В заметке «О предметах наблюдения для тайной полиции в армии» он так определил ее задачи: «Не существует ли между некоторыми из офицеров особой сходки, под названием клуба, ложи и проч.? — Вообще какой дух в полку и нет ли суждений о делах политических и правительства?.. Какие учебные заведения в полковых, ротных или эскадронных штабах; учреждены ли ланкастерские школы, какие в оных таблицы: печатные или писанные и если писанные, то не имеют ли правил непозволительных».¹⁴

Все перечисленные в этой инструкции пункты имели отношение к Раевскому: он выступил в полку организатором подписного листа и своего рода дружеского общества, он язвительно и неосторожно высказывался о правительственных мерах и позволил себе с похвалой отозваться о восстании Семеновского полка, наконец, он, став во главе дивизионной ланкастерской школы взаимного обучения, использовал здесь не официально рекомендованные (печатные) таблицы, а рукописные (писанные) собственного сочинения и острой политической направленности. Все эти поступки Раевского породили целую серию доносов и послужили для его обвинения в ходе следствия.¹⁵

В конце декабря 1821—начале января 1822 г. Киселев разослал командирам своих корпусов, 6-го и 7-го, тайные циркуляры, где просил генералов Сабанеева и Рудзевича соответственно рас-

---

¹¹ Наиболее полно эта точка зрения выражена в работе М. К. Азадовского: Азадовский М. К. Воспоминания В. Ф. Раевского // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. С. 58; перепечатано: Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. [Иркутск], 1992. Т. 2. С. 237—285.

¹² Киселев П. Д. Записка о декабристах // РО ИРЛИ, ф. 143, № 29.6.135. Прилож. 2, л. 1 об.

¹³ См.: Заблоцкий-Десятовский А. П. П. Д. Киселев и его время. Т. 1. С. 96.

¹⁴ Киселев П. Д. Заметки о предметах наблюдения для тайной полиции // РГИА, ф. 958, оп. 1, № 619, л. 1 об.

¹⁵ См.: Определение комиссии военного суда, образованной при корпусной квартире 6-го пехотного корпуса, о майоре 32-го егерского полка В. Ф. Раевском: Раевский, I, 339—342.

следовать, не принадлежал ли кто-либо из их офицеров к масонским ломам. В ответе Сабанеева упоминался Раевский, посещавший собрания недавно закрытой ложи «Овидий».¹⁶ Ответ генерала Рудзевича не имеет прямого отношения к «делу Раевского», но все-таки стоит того, чтобы привести из него выдержку, поскольку по ней можно судить об отношении командира 7-го корпуса к начальнику штаба 2-й армии: «Относительно тайного письма вашего, на которое я сим отвечаю вам, — вам известны, любезнейший Павел Дмитриевич, все генералы и полковые командиры корпуса моего. Кажется от них нельзя ожидать, чтобы кто-то из них был главою Масонских лож... Однако мое подозрение падает только на Дрентельна одного и, как кажется мне, он действительно принадлежит к ложе Масонской — ибо умеет деньги выманивать от людей любящих их».¹⁷ Все письмо написано в таком слегка глумливом тоне. Дело в том, что Рудзевич, будучи старше чином и годами, не скрывал своего отношения к Киселеву как к выскочке. Важно и то, что на служебный запрос, посланный специальной почтой, Рудзевич отвечает нарочито приватным письмом. Сложные взаимоотношения между командиром 7-го корпуса и начальником штаба 2-й армии сыграют свою роль, когда встанет вопрос о том, где именно проходить суду и следствию по «делу Раевского».

Итак, вопреки устоявшемуся мнению, инициатором слежки за Раевским выступил не Сабанеев, а Киселев. Видимо, он и отдал приказ об аресте «первого декабриста». Здесь мы можем опереться на воспоминания самого Раевского, который в мемуарном очерке «Мой арест» так рассказывал о разговоре, произошедшем между генералом И. Н. Инзовым, выполнявшим в это время обязанности Новороссийского наместника, и Сабанеевым 5 января 1822 г.: «Сабанеев утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко, ты знаешь, как он тебя любит, отстаивал тебя горюю. Долго еще продолжался разговор, я многого не дослышал, но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что *ему приказано*, что ничего нельзя открыть, пока ты не арестован».¹⁸

Раевский передает обстоятельство этого эпизода со слов Пушкина, невольно подслушавшего разговор двух генералов. Обратим внимание на то, что Сабанеев не просто настаивает на аресте Раевского, но и ссылается на чью-то волю («ему приказано»). Только один человек мог приказывать Сабанееву, им был Киселев. До более высокого начальства, т. е. в Петербург, дело дошло несколько позднее, уже после ареста Раевского. Слова о том, что «ничего нельзя открыть», пока не арестован Раевский, свидетельствуют о том, что надзор за «первым декабристом» уже велся, что подтверждается как перепиской Киселева с командованием 6-го

---

¹⁶ См. письмо Сабанеева Киселеву от конца декабря 1821 г. (Раевский, I, 158—159):

¹⁷ Письмо А. Я. Рудзевича П. Д. Киселеву // РО ИРЛИ, ф. 143, № 29.69.102, л. 38 об.

¹⁸ Раевский, II, 309.

корпуса,¹⁹ так и признанием генерала неизменному confidentу, А. А. Закревскому: «Давно я имел под надзором некоего Раевского, майора 32 егерского полка, который известен мне вольнодумцем совершенно необузданным; нынче по согласию с Сабаневым производится явное и тайное исследование всех его поступков, и, кажется, суда и ссылки ему не миновать».²⁰

Наконец, когда уже после ареста Раевский выражает желание, чтобы следствие по его делу производилось не в 6-м корпусе (неприятель Сабанеева к «первому декабристу» была общеизвестна), а в 7-м, и на это согласились и Рудзевич, и командующий армией Витгенштейн,²¹ Киселев умело и осторожно игнорирует решение своего командующего. В результате Раевский остается в штаб-квартире 6-го корпуса, в Тирасполе. И все потому, что Сабанеев действовал совершенно в духе получаемых им от Киселева инструкций, тогда как Рудзевич в силу своего неприязненного отношения к начальнику штаба вел бы следствие более самостоятельно.

После ареста «первого декабриста» и перемещения его в Тираспольскую крепость перед Киселевым встала нелегкая задача сузить следствие, по возможности исключив из него деятельность непосредственного начальника Раевского, Михаила Орлова.

Вместе с тем и речи не может идти о том, что командование 2-й армии каким-то образом пыталось скрыть расследование от вышестоящего начальства. Достаточно сказать, что к допросам было привлечено 50 офицеров и более 600 солдат;²² отменены знаменитые «приказы» Орлова по дивизии, а солдаты Охотского полка, выступившие на защиту своего достоинства и поддержанные в этом Орловым, подвергнуты публичной военной казни. Зачинщики забиты досмерти. Как следует из архивных документов, руководил казнь Киселев.²³

При этом Киселев и подчиненные ему следователи оставили без внимания существование в 16-й дивизии отделения Союза Благоденствия, несмотря на то что буквально накануне ареста Раевского майор И. М. Юмин обратился к Сабанееву с признанием в своей принадлежности к Союзу,²⁴ а спустя еще месяц в руки следствия попал список членов Союза Благоденствия, найденный во время обыска на квартире Раевского. Однако в число официальных документов эта бумага не попала, более того — посланный Сабанеевым в штаб 2-й армии Киселеву, список намеренно или случайно был передан последним И. Г. Бурцеву, адъютанту генерала, чье имя в списке фигурировало. История эта всплыла

---

¹⁹ Раевский, I, 148—160.

²⁰ Цит. по: Заблоцкий-Десятовский А. П. П. Д. Киселев и его время. Т. 1. С. 158.

²¹ См.: Раевский, I, 179, 183, 185.

²² Там же. С. 36.

²³ См.: РГИА, ф. 1018 (П. Е. Щеголева). Документы, относящиеся к служебной деятельности П. Д. Киселева во 2-й армии.

²⁴ Раевский, I, 30.

во время следствия по делу декабристов и доставила Киселеву много неприятностей.²⁵

Это и дало основание позднейшим исследователям утверждать, что «он (Сабанеев, — И. Н.) упорно вел следствие по одному и очень узкому пути, концентрируя все внимание и обвинения вокруг самого Раевского, тщательно индивидуализируя его дело, ограничивается его пределами исключительно дисциплинарных поступков, не переводя в плоскость политическую».²⁶ Однако обстоятельность расследования указывают на то, что именно Сабанеев не был склонен «сужать» дело Раевского и недооценивать значение существования отделения Союза Благоденствия в дивизии Орлова. Так, получив подписку Юмина о членстве, командир 6-го корпуса писал в штаб 2-й армии Киселеву: «Непенин сейчас отдал мне подписку на Союз. Как хотите, а Союз этот есть новость, в которую замешано много народу. Словом, Союз воняет заговором государственным».²⁷ Это письмо было написано 2 марта 1822 г., когда следствие только начиналось; спустя несколько недель вопросы о принадлежности к Союзу были заданы Непенину²⁸ и Юмину. Однако в дальнейшем следствие перестало этим интересоваться. Естественно встает вопрос: почему?

Впоследствии Раевский вспоминал, что «когда... еще производилось надо мною следствие, ко мне приезжал начальник штаба 2-й армии генерал Киселев. Он объявил мне, что государь император приказал возвратить мне шпагу, если я открою, какое тайное общество существует в России под названием „Союза Благоденствия“. Натурально, я отвечал ему, что „ничего не знаю. Но, если бы и знал, то самое предложение вашего превосходительства так оскорбительно, что я не решился бы открыть. Вы предлагаете мне шпагу за предательство?“ Киселев несколько смешался. — „Так вы ничего не знаете?“ — „Ничего...“».²⁹ Видимо, об этом же эпизоде и, скорее всего, со слов самого Раевского (встреча «первого декабриста» с Киселевым проходила без свидетелей, даже конвой был выслан генералом) вспоминает один из свидетелей подполковник Ф. П. Радченко: «По прошествии нескольких недель генерал Киселев прибыл в город Тирасполь и, почти не выходя из коляски, отправился в крепость к майору Раевскому, вошедши в камеру его, он выслал внутренний караул. Киселев начал разговор свой обвинением Орлова. Казалось, сама добродетель боролась с деспотизмом. Ответы Раевского были коротки, но ясны: „Я не знаю, сказал он, виноват ли г-н Орлов или нет, но, кажется,

---

²⁵ См.: Восстание декабристов. М., 1954. Т. 10. С. 64; Т. 11. С. 125; М., 1969. Т. 12. С. 196; а также см.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, Т. 1. С. 367—368 (здесь приведены показания самого И. Г. Бурдева). Объяснения Киселева см.: Заблоцкий-Десятовский А. П. П. Д. Киселев и его время. Т. 4. С. 38.

²⁶ А задовский М. К. Воспоминания В. Ф. Раевского (предисловие) // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. С. 58.

²⁷ Раевский, I, 187.

²⁸ Там же. С. 267—269.

²⁹ Раевский, II, 377—378.

до сих пор Вы казались быть ему другом. Я ничего прибавить к этому не имею, кроме того, что ежели бы действительно был виноват г-н Орлов, и тогда бы я не перестал уважать его". Разговор об Орлове прекратился, Киселев сделал запрос об союзе. Ответ Раевского был для него столь неясен, что генерал Киселев решил потребовать письменного объяснения по сему предмету (...). Через два дня получен следующий ответ: „Я ничего не могу сказать о вопросе, который Вы мне сделали, ибо ничего не знаю о союзе"». ³⁰

Конфиденциальные посещения Киселевым Раевского в тираспольской крепости имели место дважды, 16 и 23 февраля 1822 г., т. е. сразу после ареста «первого декабриста», когда и были опрошены те, чьи имена «всплыли» в связи с Союзом: Юмин и Непенин. Поскольку последний сознался, что был принят в общество Ф. А. Бистремом, запрос был сделан и тому. Однако это были люди, за исключением умершего к этому моменту Бистрема, действительно находившиеся на периферии Союза Благоденствия, они ничего не могли о нем рассказать. Таким образом, расследование зашло в тупик, а Раевский, единственный, кто мог бы прояснить ситуацию, отказался давать какие-либо пояснения. Конфиденциальные посещения Киселева свидетельствуют, казалось бы, о том, что в этот момент декабрист стал испытывать определенное давление следствия. Реально все обстояло как раз наоборот: никакой ответ не устраивал генерала больше, чем фактическое обещание Раевского хранить молчание относительно деятельности Союза вообще и Михаила Орлова в частности. Об этом, помимо всего прочего, свидетельствует и то, что после последнего посещения Киселевым Раевского режим заключения «первого декабриста» был значительно смягчен. Все это, казалось бы, полностью повторяет сложившуюся в мемуаристике и отчасти в исследовательской литературе точку зрения о том, что Киселев, пусть ценой трагической судьбы Раевского, спас от разгрома Южное общество (фактически речь шла уже не о Союзе Благоденствия, распавшемся к началу 1821 г., а о новой тайной организации).

Анализ реальной ситуации 1821—1823 гг., сделанный видным историком общественного движения С. Н. Черновым, показал, что в этот период правительство приняло весьма активные меры с тем, чтобы не допустить распространения в армии новых идей: были удалены в отставку или же лишены командных постов офицеры, известные своим свободомыслием и желанием завоевать солдатские симпатии. ³¹

Именно таким образом действовал Киселев: практически все офицеры, замешанные в «деле» Раевского, были удалены им со службы.

---

³⁰ Радченко Ф. П. Дело Раевского // Раевский, II, 99.

³¹ Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 416.

Особую проблему составляет отношение Киселева к генералу Орлову. Несомненно, что самым назначением на пост командира 16-й дивизии последний был во многом обязан начальнику штаба 2-й армии, другу, однополчанину (они вместе начинали службу в Кавалергардском полку) и до известной степени единомышленнику. Однако за те полтора года, в течение которых Орлов находился во главе дивизии, между друзьями выявились существенные разногласия, особенно обострившиеся после восстания Семеновского полка.³²

Наибольшую тревогу начальника штаба 2-й армии вызывала просветительская деятельность командира 16-й дивизии среди нижних чинов. Именно апелляция Орлова к широкой солдатской массе, по мнению Киселева, и стала косвенной причиной беспорядков, имевших место в конце 1821 г. в Камчатском и Охотском полках 16-й дивизии. С этого времени, а именно с декабря 1821 г., Киселев стал осторожно, но настойчиво внушать командующему 2-й армии генералу Витгенштейну, что Орлов командовать дивизией не должен. При этом, будучи практически инициатором отставки Орлова, Киселев сумел остаться в тени и даже сохранил с Орловым внешне приятельские отношения, используя действительно имевшие место разногласия между Орловым и генералом Сабанеевым.³³ Правда и то, что на определенном этапе следствия Киселев с успехом защитил своего приятеля, сумев убедить правительство в том, что «цель, которую преследовал себе Орлов, несомненно есть цель похвальная: уничтожить варварство в управлении людьми — было всегда желание благомыслящих начальников, но с желанием сим надлежит сохранить дисциплину, и потому жестокость могла быть искореняемой постепенно, через посредство начальников, без участия в том нижних чинов, т. е. вынуждением скромности первых, а не дерзости последних. Способ им (Орловым. — *И. Н.*) принятый был совершенно противный, пагубные последствия показали оное».³⁴

Несомненно, в действиях Киселева можно усмотреть определенную сословную стыдливость (не случайно Раевский отметил «смущение», с которым генерал предложил ему предательство). Начальник штаба 2-й армии вовсе не жаждал крови и в свободных разговорах со своими подчиненными мог сам высказать весьма смелые мысли (отсюда его репутация, вполне заслуженная, просвещенного человека). В то же время он безжалостно отставлял тех, кто, по его мнению, нарушал корпоративные принципы. «Удалите от военной службы тех, кто не действует по смыслу правительства, — писал Киселев А. А. Закревскому, они в английском клубе безопасны, а в полках чрезмерно вредны».³⁵

---

³² См.: Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России // Пушкин и его время. Л., 1962. С. 140—150.

³³ Раевский, I, 395.

³⁴ РГВИА, ВУА, № 28.

³⁵ Заблоцкий-Десятовский А. П. П. Д. Киселев и его время. Т. I. С. 159.

Оценивая устойчивую репутацию генерала Киселева среди членов Южного общества как «прогрессиста», несмотря на ряд служебных репрессий, обрушенных им на свободомыслящих офицеров, хотелось бы отметить, что большая часть последних достаточно случайно примкнула к Союзу Благоденствия и никто из них (за исключением, может быть, М. Орлова) не был причастен к деятельности последующих тайных обществ. Это не означает, что их деятельность имела менее радикальный характер, чем деятельность тех, кто принадлежал к тайным обществам впоследствии. Более того, как например в случае с Раевским, они выступали гораздо более решительно и открыто, чем декабристы. Не случайно в истории движения этот период получил название «просветительского», что подразумевало отличия не только в тактике, но и в идеологии: просветители не были склонны заводить «секретнейшие союзы» и планировать военные перевороты, а обращались к солдатской массе непосредственно.³⁶ Идеалом для них был не дворцовый переворот, как например 11 марта 1801 г., а революция в Испании, когда корпус, предводимый молодым офицером Риэгой, прошел по стране среди бела дня, без единого выстрела, радостно встречаемый населением. Так, когда Пушкин поздравил участника цареубийства генерала Д. П. Бологовского с годовщиной 11 марта, это было воспринято как величайшая бестактность (и Пушкин был вынужден объясняться).³⁷ Между тем Раевский в дивизионной школе рассказывал о горячей встрече, устроенной Квиروه жителями Мадрида.³⁸

В общем же политические процессы начала 20-х гг. и более всего «дело Раевского» значительно способствовали тому, что дворянское освободительное движение в целом ушло в подполье. Правительство хорошо понимало опасность такого латентного развития дворянской оппозиционности и запрещало масонские ложи, заставляло чиновников и офицеров давать расписку в непринадлежности к тайным обществам и т. д.; одновременно спешно создавались различные тайные полиции в армии, в гвардии, в военных поселениях. Характерной фигурой русского общества стал тайный агент.

В подобном же духе действовал Киселев, но он был осторожным и умным исполнителем высочайшей воли, постоянно учитывающим общественное мнение. Безусловно, он дорожил своей репутацией, и большой политический процесс во 2-й армии был ему не нужен, поэтому он и вывел из-под удара М. Орлова и других офицеров 16-й дивизии. Тем большая тяжесть политических обвинений легла на одного Раевского: итоговые документы следствия рисуют его дерзким одиночкой, подстрекавшим солдат к мятежу.³⁹

---

³⁶ См.: Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1965. Вып. 167.

³⁷ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 315.

³⁸ Раевский, I, 357.

³⁹ Там же. С. 343—345.

Первоначальный приговор Раевскому был весьма суров: расстрел. Однако после конфирмации он был, казалось, немотивированно смягчен: вменить в наказание годы, проведенные в крепости, и сослать в Соловецкий монастырь, не лишая чинов и дворянства.⁴⁰ Несомненно, что своим непреклонным поведением Раевский сам определил оба приговора. Так, утверждая, что он действовал совершенно самостоятельно, и отказываясь давать показания против Орлова и других членов Союза Благоденствия, Раевский на себя принимал всю тяжесть возводимых на него обвинений. С другой стороны, его скромность несомненно устраивала Киселева и способствовала смягчению итоговых документов следствия.

Двойственное поведение Киселева в «деле Раевского» не укрылось от современников. С. И. Тургенев записывает в своем дневнике от 28 мая 1822 (со слов И. П. Липранди): «Раевский, о котором говорил с ним (И. П. Липранди. — *И. Н.*), тот самый Владимир Федосеевич, которого я и знал в пансионе. (...) Об обществе он ничего не слышал; но подозревает многих в том, что они агенты Орлова в Армии. Что за агенство! и чё!!! (...) Киселев, по словам Липранди, как начальник штаба мог успокоить бурю, но он приязнь свою с Орловым употребил во зло».⁴¹ С тревогой и недоверием следили за происходящим в Тирасполе тульчинские заговорщики, члены Южного общества. С. Г. Волконский подделал печать, чтобы иметь возможность распечатывать письма, посылаемые Сабанеевым Киселеву.⁴² Особенно же резко оценивал роль осведомленный лучше других и уже упомянутый нами аудитор Ф. П. Радченко: «Генерал Киселев, начальник штаба 2-й армии, здесь (в «деле Раевского». — *И. Н.*) показал недалекость свою, ибо возбуждать неосновательные подозрения государя — значило не быть ему преданным и открывать средства к несправедливости, но так он обязан своим возвышением более стройной наружностью тела, приятностью лица и природными способностями ума, нежели опытом и познаниями, но опрометчивость и ошибка его извинительны. Но генерал Сабанеев уже 35 лет в службе, сделать этот проступок было весьма непростительно. Оба они весьма скоро опомнились и рассмотрели дело, узнали, что г-н Орлов совершенно прав и вместо поправления своей ошибки они решились оболгать и погубить Раевского, дабы оправдать себя в глазах государя. Какая адская политика! *Политика, достойная веков Тиберия и Калигулы.*»⁴³

Цитированная выше статья Ф. П. Радченко датируется концом 1823 г. В основе ее лежит знаменитый «Протест» В. Раевского, написанный в сентябре 1823 г., после того как следствие по его делу было закончено и он наконец получил в руки обвинительные

⁴⁰ Там же. С. 251 и след.

⁴¹ Тургенев С. И. Дневник // РО ИРЛИ, ф. 309, № 23, л. 46—46 об.

⁴² Восстание декабристов. Т. 10. С. 156.

⁴³ Раевский, II, 102.

документы. Исследователь творчества Раевского А. Г. Колесников высказал предположение о том, что «Протест» был адресован не только судебным властям и командованию 2-й армии, но и представлял собой своеобразный публицистический очерк самой широкой направленности, имевший целью познакомить публику с незаконными, с точки зрения Раевского, действиями его судий и следователей.⁴⁴ Возможно, что и написание статьи Радченко было инспирировано «первым декабристом». Именно в таких случаях он давал прочитать, а иногда списывать свой «Протест».⁴⁵

Стремление Раевского привлечь общественное внимание к собственной судьбе значительно облегчает решение вопроса, что именно Пушкин мог знать о «деле» первого декабриста.

В 1822—1823 гг. поэт общался со многими, прямо или косвенно причастными к процессу Раевского: П. С. Пущиным, А. Г. Непениным, И. П. Гамалеей, И. М. Юминым (предположительно) и, конечно же, с И. В. Сабаневым и П. Д. Киселевым. Список этот далеко не полон, поскольку, как нам уже приходилось упоминать, к процессу было привлечено примерно 50 офицеров дивизии Орлова, расквартированной в Кишиневе. Вспомним также, что именно Пушкин был свидетелем разговора между Инзовым и Сабаневым накануне ареста. Наконец, имя поэта встречается в переписке последнего с Киселевым: «В Кишиневской шайке, кроме известных Вам лиц, никого нет, но какую цель имеет сия шайка, еще не знаю. Пушкин, щенок, всем известный, во всем городе прославляет меня карбонарием и выставляет виною всех неустройств. Конечно, не без намерения, и я полагаю органом той же шайки».⁴⁶

Трудно понять, что именно имел в виду здесь Сабанев. Возможно, Пушкин распространял слух, инспирированный Раевским, о том, что император Александр не доверяет генералу, поскольку тот «доживши до седых волос... не видит, что у него в 16-й дивизии делается».⁴⁷ Дело в том, что «первый декабрист» строил свою защиту на тонком понимании того, что многие действия Сабанева могут выглядеть незаконными не только с точки зрения арестанта, но в глазах правительства; что, между прочим, и произошло, когда в 1827 г. специальная комиссия пересматривала «дело Раевского». Любопытно, что и тогда все обвинения в незаконных действиях были возложены только на одного Сабанева, имя Киселева не было даже упомянуто.⁴⁸

Наиболее информированным собеседником Пушкина был несомненно И. П. Липранди, выступивший посредником между поэтом и «первым декабристом» оба раза, когда последний адресовал

---

⁴⁴ Колесников А. Г. В. Ф. Раевский о положении в царской армии накануне восстания декабристов // Филологические этюды. Русская литература. Р/Дон, 1971. С. 5—27.

⁴⁵ См. об этом: Бейсов П. С. Дело Мозевского // Пушкинский юбилейный сборник. Ульяновск, 1949. С. 58—74.

⁴⁶ Раевский, I, 164.

⁴⁷ Раевский, II, 96.

⁴⁸ Там же. С. 251—287.

Пушкину стихи. Получению же стихотворения «Певец в темнице» предшествовало свидание Липранди с Раевским на гласисе Тираспольской крепости без свидетелей.⁴⁹

Основная тема стихотворения Раевского «Друзьям в Кишинев» — тема клеветы, предательства и лжесвидетельства: «Вам чужды темные угрозы, Как мрамор хладного суда, И не коснулась клевета До ваших дел и жизни тайной (...) И торжествующее мщенье, Склонясь бессовестным челом, Еще убийственным пером Не пишет вам определенья (...) Наемной лжи перед судом Я слышал глас косноязычный, И презрел вид ея двуличный».⁵⁰

Исследователи стихотворения полагают, что в этом стихотворении Раевский описывает свое свидание с Киселевым в феврале 1822 г.: «С клятвопреступным торжеством, В пороках рабских закоснелый, Предатель черным языком Дерзнул вопрос мне сделать смелый. Но я замолк перед судом».⁵¹

Однако к подобной точке зрения следует относиться с осторожностью, поскольку предательским в деле Раевского было поведение не только Киселева. Ряд доносов предшествовал аресту «первого декабриста», неосторожность, возможно намеренная, лейтенанта Гамалеи привела к тому, что письмо «первого декабриста», адресованное полковнику Непенину, попало в руки Сабанеева. Шпионство и доносительство стали характернейшей чертой кишиневского быта. М. Орлов жаловался на это в письме к П. А. Вяземскому: «Сижу в безмолвии и не смею поверить непросвещенным цензорам те мысли, кои без страха и без всякого взыскания мог бы объявить самому начальству. Тут-то и вся беда. Донесения частных и подлых шпионов всегда более или менее позлащены клеветою. Их выгода явственна. От них требуются известия, и они места свои потеряли бы, ежели бы не доставляли каких-нибудь донесений».⁵²

---

⁴⁹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 342. Очень может быть, что при написании «Записок» память несколько изменила И. П. Липранди. Он упоминает о двух посланиях Раевского, адресованных Пушкину. Первое, «Певец в темнице», Пушкин получил в середине 1822 г., второе было передано ему значительно позже, по словам Липранди, уже в Одессе, следовательно, не ранее лета 1823 г. Между тем в июне 1822 г. Раевский закончил и послал в Кишинев свое стихотворение «Друзьям в Кишинев». Послание «Певец в темнице», действительно адресованное преимущественно Пушкину, было закончено им позднее. Следовательно, в середине 1822 г. Липранди передал поэту не «Певца в темнице», а стихотворение «Друзьям в Кишинев». В ином случае остается предположить, что в Одессе Липранди передал Пушкину какое-то *третье* стихотворение Раевского, нам неизвестное, на что нет никаких указаний ни в воспоминаниях Раевского, ни в его хорошо сохранившемся поэтическом наследии. Правда, рассказывая о реакции поэта на послание Раевского, Липранди цитирует (вернее, заставляет это делать Пушкина) строки именно из «Певца в темнице». Остается предположить, что при написании «Записок» мемуарист перепутал очередность стихотворений.

⁵⁰ Раевский, I, 192.

⁵¹ Там же.

⁵² Орлов М. Ф. Письмо П. А. Вяземскому от 25 ноября 1821 г. из Кишинева // Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 235.

Естественно, что поднадзорный Пушкин должен был быть особенно осторожным в своей переписке с друзьями. Поэтому для передачи важных сведений он пользуется оказией. Так, например, чтобы сообщить о кишиневских делах Вяземскому в Москву в январе 1822 г., он посылает ему письмо через Липранди. Характерно, что оно содержит в себе характеристику последнего, указывающую на то, что ему можно доверять: «Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его» (XIII, 34). К Вяземскому же и тоже с оказией посылает Пушкин письмо и в конце 1822 г. На этот раз его везет в Москву К. А. Охотников, давно известный Вяземскому и также пользующийся безусловным доверием Пушкина («Охотников приехал? привез ли тебе письма и прочее?» — XIII, 61).

Только постоянным ощущением опасности, которое испытывал Пушкин в эти годы, можно объяснить обстоятельство, беспрецедентное в жизни поэта: в 1824 г., находясь в Тирасполе, Пушкин отказывается от свидания с Раевским. И притом, что с генералом Сабанеевым (от него и исходило это предложение) поэт совершенно помирился. Как показал ход дальнейших событий, осторожность поэта оказалась нелишней: в 1826 г. было проведено специальное расследование того, с кем именно встречался Раевский в период своего заточения,⁵³ и Пушкин легко бы мог оказаться среди тех, кто был привлечен к следствию.

С Киселевым же Пушкин встретился уже в Одессе в конце 1823 г. К этому времени относится отзыв о поэте Н. В. Басаргина, адъютанта генерала: «В Одессе я встретил также нашего знаменитого поэта Пушкина. Он служил тогда в Бессарабии при генер[але] Инзове. Я еще прежде этого имел случай видеть его в Тульчине у Киселева. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал. Как человек, он мне не понравился. Какое-то бретерство, *suffisance* (высокомерие — *франц.*), и желание осмеять, уколоть других. Тогда же многие из знавших его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли. В Кишиневе он имел несколько поединков».⁵⁴

Н. Я. Эйдельман высказал предположение, что негативное отношение к Пушкину со стороны некоторых декабристов, знавших Пушкина на юге, было вызвано клеветой, которую распространял, возможно, А. Н. Раевский.⁵⁵ Точка зрения уважаемого ученого безусловно имеет право на существование. Но отзыв Басаргина вряд ли определен чем-либо еще, кроме личного впечатления декабриста. Басаргин признается, что видел Пушкина у Киселева. Следовательно, именно в обществе «надменного временщика» поведение Пушкина отдавало бретерством и повышенным самолюбием — обратной стороной социальной незащищенности.

⁵³ Раевский, II, 115—159.

⁵⁴ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 68.

⁵⁵ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 158.

Заметим, что П. Д. Киселев был близким другом М. С. Воронцова, «полумилорда»; последний откровенно, вполне надеясь на сочувствие, делился планами удаления Пушкина из Одессы.⁵⁶

Нам представляется, что Киселев и Воронцов в восприятии Пушкина принадлежали к одному типу государственного деятеля александровского царствования, отличительной чертой которого была лицемерная двойственность, выраженная, в частности, в форме «оскорбительной вежливости».

Интересно, что в таком же ключе Пушкин одно время был склонен воспринимать и самого императора Александра:

Таков и был сей властелин:
К противуречиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

(III, 206)

Одним из ключевых моментов творческой биографии поэта считается «психологический кризис 1822—1823 гг.». Так пушкинисты называют тяжелое настроение поэта, озаглавленное созданием нескольких стихотворных отрывков крайне пессимистического звучания — послания В. Ф. Раевскому «Бывало в сладком ослепленье...», «Демон», «Свободы сеятель пустынный...».⁵⁷

К числу факторов, определивших это настроение, исследователи обычно относят наступление политической реакции в России и в Европе. Называют, конечно, и процесс Раевского. Вполне принимая подобную точку зрения, нам хотелось бы отметить, что кризис 1823 г., осложненный конфессиональным нигилизмом, имел не только социальный характер. Конечно, одной из его составляющих стало убеждение Пушкина в том, что «Народы тишины хотят И долго их ярем не треснет», но не менее того Пушкин разуверился в разумной и доброй основе человеческой природы. «человек везде тиран иль льстец Иль предрассудков раб послушный» — эти строчки отчетливо прочитываются в черновике послания, которое М. А. Цявловский атрибутировал как стихотворное обращение к В. Ф. Раевскому в ответ на его стихи, адресованные Пушкину.⁵⁸

⁵⁶ Сиверс А. А. Письмо гр. М. С. Воронцова П. Д. Киселеву (с отзывом о Пушкине) от 6 марта 1824 // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 140 (оригинал по-французски — с. 137).

⁵⁷ См.: Медведева И. Н. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 51—71; Вацуро В. Э. К генезису пушкинского «Демона» // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 253.

⁵⁸ Существует давняя полемика по поводу этих строк между Б. В. Томашевским и Ю. Г. Оксманом. Ю. Г. Оксман отрицает наличие в рукописи слова «человек», считая его конъектурой Б. В. Томашевского. Недавно точку зрения Ю. Г. Оксмана поддержал В. В. Пугачев. Он также утверждает, что слова «человек» в послании нет (Пугачев В. В. О полемике вокруг пушкинского послания В. Ф. Раевскому. К спорам о пушкинском понимании нравственной сущности человека // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1988. С. 166). Эта полемика представляется нам основанной на недоразумении: слово

Именно с поэтического обращения к Раевскому эта строка начинает своеобразное путешествие по пушкинскому творчеству, постепенно усиливаясь в своем творческом звучании. В стихотворении «Мое беспечное незнание Лукавый демон возмутил...» ее пессимизм приобрел характер почти универсальный: «И взор я бросил на людей, Увидел их надменных, низких, Жестоких ветреных судей, Глупцов, всегда злодейству близких» (II, 293).

Несомненно, что знакомство с П. Д. Киселевым, с человеком, для которого «не было ничего священного», по выражению Пушкина, во многом определило этот вывод.

«человек» есть в черновике пушкинского послания (см. заметку И. В. Немировского, А. И. Роговой «Послание В. Ф. Раевскому „Ты прав мой друг, напрасно я пре-зрел...“ (1822)» и фотокопию в настоящем сборнике).

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1989 года

- Абдуллаева З. Живая натура: Картины Романа Балаяна. М.: Всесоюз. творч.-произв. об-ние «Киноцентр». 1989. 215, [8] с. ил.
- С. 120—147: «Несколько персонажей в поисках автора» [«Храни меня, мой талисман»].
- Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году: (Предыстория последней дуэли). 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1989. 311, [1] с: (Сер. «Науч.-попул. лит.: Литературоведение и языковедение» / АН СССР).
- Агранович С. З. Образ юродивого в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Содержательность форм в художественной литературе: Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1989. С. 27—44.
- Адильгазинов Е. З. Означении художественной детали в переводе: (на материале «Капитанской дочки» А. С. Пушкина) // Художественный образ и взаимодействие литератур: Сб. науч. тр. / Казах. гос. ун-т. Алма-Ата, 1989. С. 47—51.
- Алексеев Л. Музей А. С. Пушкина в сельской школе // Воспитание школьников. 1989. № 4. С. 60—61.
- В д. Шабагиш Кумертауского района.
- Алексеев М. П. Достоевский и Пушкин // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л.: Наука, 1989. С. 377—382.
- Речь на Международной конференции «Достоевский в сознании современного человека» в Венеции 10 апр. 1972 г. Полностью печатается впервые.
- Алиева З. И. Восприятие романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в Азербайджане в XIX—XX веках: (Ист.-функц. анализ) / Азерб. пед. ин-т рус. яз. и лит. им. М. Ф. Ахундова. Баку, 1989. 27 с. Библиогр.: с. 24—27. Деп. в ИНИОН АН СССР № 39822 19.10.89.
- Алиева З. И. Интерпретация прозы А. С. Пушкина в свете русско-азербайджанских литературных связей // Проблемы интерпретации художественных произведений в свете интернациональных связей: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Ташкент, 1989. С. 18—19.
- Алиева З. И. Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка» на азербайджанском языке: соврем. прочтение // Читатель и современный литературный процесс: Тез. докл. регион. науч. конф. Грозный, 1989. С. 44—45.
- Андреева Г. А. С. Пушкин и Джордж Дуу: Новые страницы // Искусство. 1989. № 6. С. 58—61: ил.
- Аникин А. В. Муза и мамона: Соц.-экон. мотивы у Пушкина. М.: Мысль, 1989. 253, [2] с.
- Антипов В. Произведения Мусоргского по автографам и другим первоисточникам: Аннот. указ. // Наследие М. П. Мусоргского: Сб. материалов к выпуску Полного акад. собр. соч. М. П. Мусоргского в 32 т. / Сост. и общ. ред. Е. Левашева. М.: Музыка, 1989. С. 63—144.
- С. 70—85: Оперы. 1. Борис Годунов.

- Архангельский А. В тоске по контексту // *Вопр. лит.* 1989. № 7. С. 68—102.
«Пир Петра Первого» Пушкина: предыстория и канонизация.
- Асадуллин А. М. Пушкин в советской и литературно-художественной критике 20-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1989. 16 с. Библиогр.: 3 назв.
- Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки / Сост., послесл. и примеч. Э. Г. Герштейн. 3-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1989. 366, [1] с. (Пушкин. б-ка. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина).
- Ахматова А. Слово о Пушкине // Ахматова А. Стихотворения. Поэмы. О поэтах / Предисл., сост. и подгот. текстов Л. Озерова. М.: Книга, 1989. С. 325—327.
- Ахматова А. Слово о Пушкине; Пушкин и дети // Ахматова А. Страницы прозы. М.: Правда, 1989. С. 6—7; 7—8. (Б-ка «Огонек»; № 49).
- Ахматова А. А. Слово о Пушкине // *Веч. сред. шк.* 1989. № 3. С. 46. Впервые полностью: *Звезда*. 1962. № 2. С. 171—172.
- Ахматова А. Стихотворения; Поэмы; Проза. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 428, [1] с.
С. 362—369: «Пушкин и Невское взморье». С. 370—384: «„Каменный гость” Пушкина». С. 384—389: (К статье «„Каменный гость” Пушкина». Дополнения 1958—1959 гг.). С. 390—391: «Слово о Пушкине».
- Ахматова А. «Узнают голос мой...»: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. М.: Педагогика, 1989. 606, [2] с.
(Из статей и заметок о Пушкине). С. 367—368: «Слово о Пушкине». С. 368—382: «„Каменный гость” Пушкина». С. 383—390: (Дополнения к статье «„Каменный гость” Пушкина». (1958—1959 гг.)). С. 390—407: «Гибель Пушкина». С. 407—411: (Заметки к статье «Гибель Пушкина»). С. 411—422: «Александрина». С. 422—423: (Наброски к окончанию статьи «Александрина»). С. 423—430: «Пушкин и Невское взморье». С. 430—431: «Пушкин и дети».
- Баева А. Оперный триптих «Пророк» В. Кобекина // *Музыка России: Альм.* М.: Сов. композитор, 1989. Вып. 8. С. 111—135.
- Баевский В. С. Пушкин и Пастернак: К постановке проблемы // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1989. Т. 48, № 3. С. 231—243. Библиогр.: 54 назв.
- Баевский В. С. Стих «Горя от ума» в сравнении со стихом «Евгения Онегина» // А. С. Грибоедов: Материалы к биогр.: Сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. С. 237—245.
- Баевский Д. «Третейский суд» над «Тайными записками» // *Вопр. лит.* 1989. № 10. С. 256—261.
По поводу статьи А. Лациса «Человек безупречной чистоты, или Простак за границей» (*Вопр. лит.* 1989. № 2).
- Бажов П. П. Через всю жизнь // Бажов П. П. Дальнее — близкое: Повести, очерки, статьи, выступления. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1989. С. 349—355. (Урал. б-ка).
- Впервые: *Уральский рабочий*. 1949. 7 июня. № 132; *Огонек*. 1949. № 23.
- Базиянц А. Письмо из Лондона // *Лит. Армения*. 1989. № 7. С. 111—112.
Уточнение к статье О. И. Михайловой «Портреты А. Д. Абамелек» («Временник Пушкинской комиссии». Л., 1986. Вып. 20. С. 65—89).
- Баскаков Н. П., Баскаков Ник. А. Академик Ф. Е. Корш в письмах современников: К истории рус. филол. науки. М.: Наука, 1989. 277 с.
Гл. 1. С. 50—63; 6. Письма Ю. Н. Бартенева, П. Л. Лаврова, П. Д. Драгонова, Б. Н. Чичерина, А. И. Смирнова, А. В. Станкевича, Б. Л. Модзалевского, С. А. Венгерова, В. И. Чернышева, Н. О. Лернера по вопросам изучения творчества А. С. Пушкина. Письма 46—61 от 1897—1908 гг. публикуются впервые.

- Безыменский А. Речь о Пушкине на торжественном заседании в Большом театре 10 февраля 1937 г. // Безыменский А. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 47—52.
- Белицкий Я. М., Полиновская Я. Д. Пушечная улица, 9. М.: Моск. рабочий, 1989. 90, [2] с.; [8] л. ил. (Биограф. моск. дома).
С. 25—29: «Опальная виньетка» [к «Цыганам» в типографии А. Семена].
- Белова Н. М. Русский реализм первой половины XIX в. Для студентов заоч. отделения филол. фак. Саратов; Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 147, [2] с.
С. 80—110: «Творчество Пушкина конца 20—30-х гг.». Метод. разработка.
- Белые ночи: Очерки, зарисовки, воспоминания, документы / Сост. Л. Б. Добринская. Л.: Лениздат, 1989. 510 с.: ил.
Из пушкинианы. С. 339—359: Л. П. Февчук. Альбомы-реликвии [Собрание иллюстраций П. П. Соколова к «Евгению Онегину» и семейный альбом Орловых и Раевских во Всесоюзном музее Пушкина]. С. 360—385: Р. Г. Жуйкова. Рукою Пушкина: Портретная галерея на полях рукописи [идентификация портретов С. Жихарева и М. Н. Волконской].
- Белькин Д. В. С. Художественная проза А. С. Пушкина: (Повести и романы): Лекции для студентов-заочников / Таллинн. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллинн, 1989. 52 с.
- Берестов В. Д. Ранняя любовь Пушкина. М.: Правда, 1989. 62, [2] с. (Б-ка «Огонек»; № 32).
Содерж.: Невольная исповедь Пушкина [впервые: Огонек. 1988. № 23. С. 32. 3 с. обл.]; «Я считал когда-то восемь лет...»; Нестерпимое состояние; Фатам, или Разум человеческий.
- Блок А. Дневник / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. М.: Сов. Россия, 1989. 512 с. (Русские дневники).
О Пушкине см. указатель имен и названий.
- Блок А. О назначении поэта: Речь, произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину музея Пушкина // Блок А. О литературе. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1989. С. 381—388.
Впервые: Вестн. лит. 1921. № 3 (27). С. 15—17.
- Богатырева С. «Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...» // Пионер. 1989. № 8. С. 25—33: ил.
- Болдино. Осень 1830: Фото-лит. композиция [сценарий, макет, оформ., фотоилл. Е. Кассина; Ил. к рассказам Э. Насибулина] — М.: Планета, 1989. — 591, [1] с.: ил.
- Большаков К. А. Победа сердца // Сов. женщина. 1989. № 10. С. 26—27.
Отрывок из книги «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова». (Харьков, 1930).
- Встреча Лермонтова с Н. Н. Пушкиной.
- Борисова М. В. «Каменный гость» Даргомыжского в постановке Мейерхольда // Искусство театра: Вопросы истории и практики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. Вып. 2. С. 49—57.
- Брагинская Н. С Пушкиным не расставаясь // Иск. Ленинграда. 1989. № 4. С. 73—74.
Литературно-музыкальная композиция «Под голубыми небесами» (по кн. А. Пянова «А. С. Пушкин в Тверском крае») и композиция «Я вас любил» (исп. Г. Карелина) в Академическом театре драмы им. А. С. Пушкина.
- Будаков В. В. «По всей Руси великой» // Будаков В. В. Родине поклонитесь. М.: Сов. Россия, 1989. С. 24—39.
Посещение с. Болдино и Пушкинских Гор.
- Букалов А. Неисчерпаемый Пушкин // Новое время. 1989. № 24. С. 41—32: ил.
«Три карты»; Бродзянский замок; «Колеблемый треножник».

- Булгаков М. А. Александр Пушкин: Пьеса в 4 д. // Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 3. С. 463—511.
- Булгаков М., Вересаев В. Переписка по поводу пьесы «Пушкин» («Последние дни»). 1935 / Публ., предисл. и коммент. Е. С. Булгаковой // Булгаков М. Письма: Жизнеописание в документах / Вступ. ст. В. В. Петелина; коммент. В. И. Лосева и В. В. Петелина. М.: Современник, 1989. С. 332—361.
Впервые: Вopr. лит. 1965. № 3.
- Булгаков С. Модарт и Сальери // Театр. жизнь. 1989. № 2. С. 22—23.
- Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л.: Сов. писатель, 1989. 565, [2] с.: 1 л. портр. (Б-ка произведений, удостоен. Гос. премии СССР).
- Вавилова М. А. О чем стихотворение А. С. Пушкина «Осень» // Лирическое произведение на уроках литературы (Метод. рекомендации в помощь мол. учителю). Вологда, 1989. С. 20—26.
- Вагнер Л. Поэт сделался «предметом моих дум...»: Пушкин в творчестве Айвазовского // Лит. Армения. 1989. № 10. С. 108—112: ил.
- Вакуров В. О некоторых образных словах и выражениях «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина // Дошк. воспитание. 1989. № 10. С. 70—72.
- Васильев Н. Л. Научная лексика в языке А. С. Пушкина: Учеб. пособие / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 1989. 91, [1] с.
- Васильева Л. Н. Жизнь, смерть и Пушкин // Васильева Л. Н. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 394—414.
- Вацуро В. Э. Лирика Пушкина // Пушкин А. С. Избранная лирика / Предисл. и сост. В. Вацуро. М.: Дет. лит., 1989. С. 5—24.
- Вацуро В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989. 413, [2] с.
С. Д. Пономарева и кружок «Сословие друзей просвещения».
- Веденьева Ж. А., Скобиола Э. Т. Пушкин в Молдавии: Вспомогат. материал для проведения вечера в сред. классах // Рус. яз. в молд. шк. 1989. № 3. С. 20—23.
- Величко Л. И. Лингвистический анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» в вузе // Проблема художественности и анализ литературного произведения (в вузе и школе): Тез докл. зон. науч.-практ. конф. 24—26 окт. 1989 г. / АН СССР, Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, Перм. гос. пед. ин-т. Пермь: ПГПИ, 1989. С. 59—61.
- Венок поэту: Жизнь и творчество К. Н. Батюшкова / Под ред. В. В. Гуры. Вологод. обл. отд-ние Сов. фонда культуры; Вологод. гос. ист.-архит. и худож. музей-заповедник. Вологда, 1989. 138, [2] с.
С. 68—86: А. С. Смирнов. Пути формирования романтизма в лирике К. Н. Батюшкова и А. С. Пушкина. С. 87—92; Н. В. Россина. Элегия К. Н. Батюшкова и А. С. Пушкина: Эволюция романтической элегии. С. 93—102; В. Н. Турбин. Преломление мотивов и художественных принципов К. Н. Батюшкова в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».
- Винарская Е. Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Высш. шк., 1989. 134, [2] с. (Б-ка филолога).
С. 94—125: Поэзия А. С. Пушкина и методика анализа интонационных жестов (образов) [Раздел III. К проблеме комплексного анализа поэтического текста].
- Виротайнен М. Н. Пушкин и театральный авангард: (Опыт интерьерного театра) // Современность классики: Сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. С. 204—223.
«Сцена из Фауста» в постановке Н. В. Беляка, 1977 г. Вновь дружат Пушкин и Давыдов / Беседу вел Л. Хайкин // Сов. профсоюзы. 1989. № 3. С. 31.
Г. Г. Пушкин и Л. Д. Давыдов, правнуки Пушкина и Давыдова.

- Волков Г. Н. Мир Пушкина: Личность, мировоззрение, окружение / Ил. Ю. Иванова. М.: Мол. гвардия, 1989. 269, [1] с.: ил. Библиогр.: с. 270 (56 назв.).
- Вольперт Л. И. Атмосфера иронии в поэмах «Намуна» А. де Мюссе и «Домик в Коломне» А. С. Пушкина: (интерпретация мотива «Дон-Жуанизма») // Проблемы фона и атмосферы в зарубежной литературе. Тарту, 1989. С. 29—37. (Учен. зап. Тарт. ун-та; Вып. 871).
- Вольперт Л. И. Пушкин и психологическая традиция во французской литературе конца XVIII—первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Тарту, 1989. 31, [1] с. Библиогр.: с. 30—32 (29 назв.).
- Вопросы творчества и биографии А. С. Пушкина: Тез. докл. и сообщ. обл. науч. конф. 16—18 мая 1989 г. / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Филол. фак. Каф. рус. лит. Одесса, 1989. 125 с.

Содерж.: I. Л. А. Розанова. А. Пушкин — человек и художник в системе «высоких героев»: (по страницам произведений Н. А. Некрасова); С. А. Кибальник. Из комментариев к пушкинской лирике одесского периода; Ю. А. Карпенко. Новаторство А. С. Пушкина в области литературной ономастики; А. А. Слюсарь. Пушкин-прозаик. — II. А. В. Александров. Эволюция героя романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; О. Б. Лебедева. Театр и театральность в структуре «Евгения Онегина»: (к проблеме жанрового своеобразия романа); А. Ф. Немировская. Собственное имя как фактор времени в X главе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; С. К. Росовецкий. Десятая глава «Евгения Онегина» и жанр «тайного сказания»; Т. Ю. Морева. В. Ф. Одоевский и А. С. Пушкин; П. В. Секирин. Макроструктура поэмы А. С. Пушкина «Цыганы»; Н. П. Малютина. Характер Вальсингама в «Пире во время чумы» А. С. Пушкина; С. Ю. Неволина. «Сцены из рыцарских времен» А. С. Пушкина и «Роза и крест» А. А. Блока; И. В. Мурадян. Антропонимия прозаических набросков А. С. Пушкина; О. Е. Чебанова. К вопросу о сюжете «Повестей Белкина»; В. Г. Зинченко. Мотив безумия в «Пиковой даме» А. С. Пушкина и в чешской фантастике второй половины XIX в.; С. П. Ильев. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Огненный ангел» В. Я. Брюсова; Л. А. Пономаренко. Силлабо-тоническая организация и стилистические особенности стихотворения А. С. Пушкина «Узник» и его английского перевода; М. Р. Натадзе. О типе метафоры в пушкинском стихе; А. В. Кулагин. Стихотворение Пушкина «Перед испанкой благородной...»: Опыт реконструкции замысла; В. Б. Мусий. Поэтика цикла А. С. Пушкина «Песни западных славян»; С. В. Калачева. К истории «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина; А. А. Смирнов. Взаимосвязь рефлексивных и медитативных типов лирического высказывания в поэзии Пушкина 20—30-х годов; Г. И. Дербенев. Строфика Пушкина в соотношении с батюшковской; Т. Л. Власенко. Структура лирики Пушкина и пути эволюции реалистической поэзии; Т. В. Немировская. Полисемия лирического «я» в поэзии А. С. Пушкина; Н. И. Ятманова. Краткие имена прилагательные в произведениях А. С. Пушкина; В. И. Чулков. Творчество Пушкина как переходная художественная система; Н. М. Шляхова. Шевченко и Пушкин; Л. А. Щербина. Некоторые дополнения к летописи жизни и окружения А. С. Пушкина одесского периода южной ссылки (по новым материалам); И. В. Александрова. Произведения А. С. Пушкина в инсценировке А. А. Шаховского; Ю. П. Андрианов, О. И. Лабунько. Критическая проза А. С. Пушкина 20-х годов; А. К. Смольская. Статья А. С. Пушкина «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (лингв. коммент.); Т. И. Агаева. «Повести Белкина» А. С. Пушкина в литературно-критической и читательской интерпретации 30—начала 40-х годов XIX века; С. И. Храмова. Н. П. Огарев о фольклорных традициях в поэзии

А. С. Пушкина; Л. С. Амбокадзе. Проблема народности литературы в критических заметках А. С. Пушкина и М. Е. Салтыкова-Щедрина; Н. М. Раковская. А. С. Пушкин в оценке Д. И. Писарева; С. Д. Абрамович. Рецепция Пушкина в творчестве Чехова; Фалах Х. Джассим. Чехов и Пушкин; Хуссаин С. Даоуд. Горький о Пушкине; Н. В. Сподарец. В. Брюсов — пушкинист; И. Ю. Андрианов. Пейзажная лирика И. А. Бунина и пушкинская традиция; Л. Л. Сауленко. «Поэма без героя» Анны Ахматовой и роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; В. П. Дроздовский. Пушкинские мотивы в творчестве Коцюбинского; О. Л. Довгий. «Каменный гость» А. С. Пушкина и «Хуан» Барри Корнуола: опыт параллельного прочтения; И. Л. Попелюхер. Пушкин в Соединенных Штатах Америки; В. И. Мацапура. А. С. Пушкин в восприятии украинского крестьянства в конце XIX в.; А. М. Варинская. К вопросу о лингвостилистическом толковании автобиографического произведения (на примере очерка М. Цветаевой «Мой Пушкин»); А. П. Овчинникова. Звучащий Пушкин; В. И. Сподарец. «Осень» А. С. Пушкина в детском чтении; В. Ф. Бельченко. «Воспитатель юных и возмужалых»: (Взгляды А. С. Пушкина на детскую литературу и детей); А. Е. Ильяш. Особенности изучения творчества А. С. Пушкина в условиях включенного обучения; С. Ф. Бузник. Пушкинские традиции в лирике К. Симонова; М. Р. Грицкевич. Пушкинские традиции в литературно-критической и редакторской деятельности А. Т. Твардовского; М. А. Карпенко. «Словарь языка Пушкина» как лексикографическое и лексикологическое исследование; Т. П. Емельянова, И. В. Карташова, Л. Е. Семенов. Понятие «чернь» в эстетическом сознании Пушкина и романтиков; Е. М. Черноиваненко. Пушкинские суждения о нравственной пользе поэзии и проблема смены типов культуры в России 1-й трети XIX в.; В. И. Силантьева. Одесский год Пушкина: Эволюция романтической поэмы.

Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. Вып. 23 / Редкол. Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Пушкин. комис. Л.: Наука, 1989. 204, [1] с.: ил.

Содерж.: Предисловие. — I. Материалы и сообщения. С. К. Романюк. К биографии родных Пушкина; Р. В. Иезуитова. «Альбом Онегина»: (Материалы к творческой истории); Н. В. Беляк, М. Н. Виротайнен. «Там есть один мотив...»: («Тарар» Бомарше в «Моцарте и Сальери» Пушкина). — II. Обзоры. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1985 года; Р. Г. Жуйкова. Портретные рисунки А. С. Пушкина: Каталог атрибуций (А—Б). — III. Заметки. Из комментария к лирике Пушкина: Л. С. Сидяков. «Тень Фонвизина»; С. М. Громбах. «Все в жертву памяти твоей...»; С. М. Громбах. «Цветы последние милей»; В. М. Файбисович. «Мальчишка Фебу гимн поднес...»; Т. И. Левичева. К заметкам Пушкина о греческой революции; А. В. Аникин. Из реально-исторического комментария к «Скупому рыцарю»; Н. И. Михайлова. Из комментария к «Евгению Онегину»; А. С. Светенко. О некоторых источниках «Истории Пугачева»; М. В. Строганов. Еще раз о ремарке «Народ безмолвствует»; М. Г. Соколянский. К проблеме «Пушкин и Мильтон»; Н. К. Телетова. Герб Ганнибалов; С. А. Фомичев. Катерина Тимашева — поэтесса Пушкинской плеяды; В. Г. Бортневский, Е. В. Анисимов. Новые материалы о П. С. Пущине; А. Б. Шешин. Друг Пушкина Ф. Ф. Матюшкин-декабрист; Э. А. Обухова, Л. Г. Фризман. Книга о Пушкине — неосуществленный замысел Анны Ахматовой; Т. Г. Александрова. Загадочный портрет. — IV. Хроника. По страницам газет 1985 года; Список ил.; Указ. имен; Указ. произведений А. С. Пушкина.

- В садах Лицея: Фотоальбом / Авт.-сост.: М. П. Руденская, С. Д. Руденская (Балашова); Фотосъемка В. П. Мельникова; Макет и оформ. В. Веселкова. Л.: Лен-издат, 1989. 192 с.: ил.
- Встреча с А. С. Пушкиным: (К 190-летию со дня рождения поэта): Выставка материалов из личной коллекции жителя г. Владивостока А. В. Бутырина / При-мор. гос. объедин. музей им. В. К. Арсеньева; Клуб «Коллекционер». Влади-восток, 1989. [6] с.: ил.
Содерж.: А. В. Бутырин. К 190-летию со дня рождения А. С. Пушки-на; Н. Б. Керчелаева. К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина.
- В царстве гор: Грузия в жизни и творчестве декабристов-литераторов / Сост. В. С. Шадури. Тбилиси: Мерани, 1989 [на обл.: 1988]. 180, [1] с.: ил.
С. 144—147: «Григол Орбелиани — автор „Путешествия“, переводчик Пушкина и Рылеева».
- Высочина Е. И. Образ, бережно хранимый: Жизнь Пушкина в памяти поколений: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 235, [3] с.: ил. — Библиогр.: с. 237.
- Выставка произведений засл. художника РСФСР Д. Д. Арсенина и чл. Союза худо-жников СССР Л. Н. Воскресенской: Каталог выставки к 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Предисл. Ю. Адрианова; Упр. культуры Горьк. обласполкома, Горьк. орг. Союза художников РСФСР. — Горький, 1989. [28] с.: в осн. ил.
- Вышемирский В. Так чьи же это котлеты? // Обществ. питание. 1989. № 2. С. 48.
Автор пожарских котлет — М. А. Кареме, личный повар Талейрана и Александра I. Названы в честь Дмитрия Пожарского.
- Вышеславцев Б. П. Многообразие свободы в поэзии Пушкина. II. «Вольность» Пушкина: (Индивидуальная свобода) / Предисл. А. Казакова, с. 64—65 // Родник. 1989. № 7. С. 66—71.
- Гаврилов А. К. «Видение» Ф. И. Тютчева: История жанрового переосмысления // Жанр и композиция литературного произведения: Ист.-лит. и теорет. ис-след.: Межвуз. сб. / Петрозавод. гос. ун-т им. О. В. Куусинена. Петроза-водск, 1989. С. 41—56.
«Видение» и «Олегов щит» Тютчева и «Олегов щит» Пушкина.
- Гаджиев А. Вокруг Пушкина. Баку: Язычы, 1989. 173, [1] с.
Содерж.: Вместо введения. I гл. В преддверии большой прозы. 1. Год в жизни поэта. 2. К вопросу о литературных источниках «Путешествия в Арзрум». 3. «Путешествие в Арзрум» как художественное произведение. 4. Мас-терство Пушкина-очеркиста. 5. О литературных откликах на «Путешествие в Арзрум». II гл. Азербайджанские современники Пушкина. III гл. Ориента-лизм пушкинской эпохи и русский литературный процесс. IV гл. Вокруг Пушкина. 1. Скрытое цитирование как форма литературного взаимодей-ствия. 2. О судьбах литературных реминисценций. 3. Знакомый А. С. Пушкина поэт и издатель Д. И. Новиков. 4. Кишиневский приятель Пушкина А. Ф. Вельтман и Азербайджан. 5. Об источниках двух переводов Аббаса Сиххата, связанных с творчеством Пушкина.
- Гайтукаев К. Б. Вламени слова: Критич. ст. и исслед. Грозный: Книга, 1989. 224 с.
С. 147—170: «Проблема инационального характера в поэме А. С. Пуш-кина „Тазит“». С. 187—202: «Традиции А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в лирике А. С. Сулейманова».
- Галеев А. В ней открывается мир Пушкина // Рус. яз. в башк. шк. 1989. № 4. С. 22—25: фот.
О работе учительницы Е. А. Штанько.
- Галкин Ю. Ф. Слова и годы: Размышления о жизни и лит. М.: Современник, 1989. 363, [2] с. (Новинки «Современника»).
С. 276—278: [Предисловие]. С. 301—305: Гл. первая. 4. [в разделе «Сло-ва и годы»].

- Гдалин А., Робинсон Д. Медальерная пушкиниана: Каталог // Сов. коллекционер: Сб. ст. М.: Радио и связь, 1989. Вып. 26. С. 123—131; ил.; Вып. 27. С. 119—132; ил., под загл.: Пушкин в произведениях медальерного искусства. Начало: Вып.: 23—25.
- Гей Н. К. Проза Пушкина: Поэтика повествования / Отв. ред. С. Г. Бочаров; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1989. 270 с.
- Гейченко С. Няня великого поэта // Веч. сред. шк. 1989. № 3. 3-я с. обл.: ил. Н. Ильина.
- Гейченко С. С. По пушкинскому камертону / Интервью Е. Петрушанской // Муз. жизнь. 1989. № 3. С. 6—7; ил.
- Гейченко С. Птицы Михайловского: Рассказы // На древней земле: Сб. / Сост.: А. Л. Островский. Л.: Лениздат, 1989. С. 294—313.
- Герчук Ю. Я. От Бовы к царю Салтану [Лубок и сказки Пушкина] // Герчук Ю. Я. Художественные миры книги. М.: Книга, 1989. С. 76—81; ил. Написано в 1974 г.
- Гинзбург Л. «Застенчивость чувства»: По поводу писем людей пушкинского круга // Красная книга культуры = Red Book of Culture / Сост., подгот. текста, подбор ил. и предисл. В. Рабиновича. М.: Искусство, 1989. С. 183—188.
- Гликман И. Д. Мейерхольд и музыкальный театр / Ленингр. гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. Л.: Сов. композитор, 1989. 349, [2] с.: ил. С. 99—118; Гл. 2. «Борис Годунов». С. 198—241; Гл. 5. «Каменный гость». С. 275—308; Гл. 7. «Пиковая дама».
- Глухих В. М. Лингвостилистические средства выражения художественности в лирическом стихотворении А. С. Пушкина «К ***» / Магнитогор. гос. пед. ин-т. Магнитогорск, 1990. 20 с. Библиогр.: с. 20. Деп. в ИНИОН АН СССР № 40635 28.12.89.
- Глушченко Е. В. «Евгений Онегин» в оценке Н. А. Полевого // Республиканская научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов (13—14 апр. 1989 г.). Секц.: литературоведение и языкознание: Материалы конф. Душанбе: Дониш, 1989. С. 110—113.
- Голобоков В. Эхо русского народа // Коммунист. 1989. № 13. С. 124—125. Рец. на кн.: Волков Г. Мир Пушкина: личность, мировоззрение, окружение. М.: Мол. гвардия, 1989.
- Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л.: Лениздат, 1989. 446 с.: ил.
- Гордин Р. Р. Под пушкинской звездой: Роман. Кишинев: Лит. артистикэ, 1989. 637, [1] с.: ил.
- Гордин Я. Ночное погребение императора: Рассказ [Пушкин 14 декабря 1835 г.] // Весть: Проза. Поэзия. Драматургия. М.: Кн. палата, 1989. С. 337—344.
- Гордин Я. А. Право на поединок: Роман в документах и рассуждениях. Л.: Сов. писатель, 1989. 477, [1] с.
- Горобцова Л. Г. Русско-финские литературные связи первой трети XIX века и образ финна в поэме А. С. Пушкина и опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила» // Русско-финские театральные связи: Сб. науч. тр. / Ленингр. ин-т театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова; Хельсинкский ун-т. Отд-ние слав. яз. Л., 1989. С. 92—103.
- Грановская Н. И. «Если ехать вам случится...»: Очерк-путеводитель, предлагающий путешествие с авт. по пушкинским местам Гатчинского р-на Ленингр. обл. Л.: Лениздат, 1989. 190, [2] с.
- Грашин Н. Зачем твой дивный карандаш черты Олениной рисует? // Сов. женщина. 1989. № 7. С. 26—27.
- Гречко В. А. Словарь языка А. С. Пушкина как источник изучения синонимии у А. С. Пушкина // Практическая лексикография: 100 лет словарной картотеке / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: 1989. С. 81—87.
- Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени / Послесл. Б. Д. Петрова. М.: Медицина, 1989. 271 с.: ил.

- Рец.: Орлова Д. Неожиданный Пушкин // Здоровье. 1990. № 2. С. 2—3: ил.
- Грушников О. Иллюстрации к сказкам А. С. Пушкина // О литературе для детей. Л.: Дет. лит., 1989. Вып. 32. С. 139—151: ил.
- Гуменная Г. Л. Шутливые поэмы Пушкина 1820-х—1830-х годов: Проблемы поэтики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1989. 22 с. Библиогр.: с. 22 (4 назв.).
- Гурвич И. А. Диалог в лирике Пушкина // Проблемы художественного мышления и историко-литературный процесс / Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент: Фан, 1989. С. 37—41.
- Гусев А. И. Литературное чтение в 8-м классе: Метод. руководство для учителя. Рига: Звайгзне, 1989. 68, [2] с. С. 29—41: «А. С. Пушкин. „Дубровский“». С. 42: [«Михайловские рощи» К. Паустовского].
- Гэ Баодюань. Пушкин в Китае / Беседа с китайским писателем вела Л. Букина // Мост над рекой времени: Сб. произведений рус. и кит. авт. М.: Современник, 1989. С. 272—278. (Б-ка «Дерево дружбы»).
- Давлетбаева К. «И я судьбу благословил...»: (Урок-концерт в 9 кл., посвящ. 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина) // Рус. яз. и лит. в узб. шк. 1989. № 3. С. 11—19.
- Дейч Г. М. Все ли мы знаем о Пушкине? М.: Сов. Россия, 1989. 268, [2] с. Содерж.: Предисловие; Архив и архивная эвристика; Документы пушкинианы в канцелярии министерства внутренних дел; Дело Убри; Документы о Пушкине в сенатских и других фондах ЦГИА СССР; О стихотворении «Андрей Шенье»; Малоизвестный источник пушкинианы: (Библиогр. эвристика); Пять строк [из письма к жене от 18 мая 1836 г.]; Известное и неизвестное в письмах А. С. Пушкина; «Ох, семья, семья!»: (Штрихи к портрету родителей Пушкина); «Позволь душе моей открыться...»: (Переписка Пушкина с сестрой; Два архивных дела о Л. С. Пушкине; О неразысканных письмах Натальи Николаевны Пушкиной; «Лицейской жизни милый друг...»; [В. К. Кюхельбекер]; «Тургенев, верный покровитель...»; Загадки документов о погребении А. С. Пушкина; Нерасторжима связь времен.
- Детская литература: Учеб. пособие для пед. училищ... / Под ред. Е. Е. Зубаревой. 3-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1989. 398, [1] с. С. 99—111; «А. С. Пушкин».
- Джанумов С. А. Союз «волшебных звуков, чувств и дум...»: Лирика А. С. Пушкина; «Самое задушевное произведение...»: Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Русская литература. Советская литература: Справ. материалы: Кн. для учащихся ст. классов. М.: Просвещение, 1989. С. 25—42; 42—63.
- Дмитриева Л. Хранитель пушкинского наследия [С. С. Гейченко] // Известия культуры России: Информ. сб. 1989. № 2. С. 53—54.
- Долинин А. С. Достоевский и другие: Ст. и иссл. о рус. классич. лит. / Сост. А. Долинин; Вступ. ст. В. Туниманова. Л.: Худож. лит., 1989. 478, [1] с. С. 32—54: «Цыганы» Пушкина [впервые: Пушкинист. СПб., 1914. Вып. 1]. С. 55—72: Пушкин и Гоголь: (К вопросу об их личных отношениях) [Гл. 1—2. Впервые: Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922. Пушкинист 4]. С. 101—288: Достоевский и Герцен: (К изучению общественно-политического воззрения Достоевского). II—IV: [Пушкинская речь Достоевского]. С. 106—127.
- Досмаханова Р. А. Проблема воссоздания на казахском языке стихотворной формы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Художественный образ и взаимодействие литератур: Сб. науч. тр. / Казах. гос. ун-т. Алма-Ата, 1989. С. 61—65.

- Досмаханова Р. А. «Татьяна, видно, останется Татьяной!»: (О некоторых проблемах пер. на казах. яз. романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на примере образа Татьяны Лариной) / Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1989. 21 с. Библиогр.: с. 21. Деп. в ИНИОН АН СССР 2.08.89, № 39126.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избр. страницы / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасов. М.: Современник, 1989. 555, [2] с.: портр. (Классич. б-ка «Современника»).
- С. 499—506: «Пушкин, Лермонтов и Некрасов» [1877. Декабрь]. С. 514—522: «Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине» [1880]. С. 523—537: Пушкин: (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности [1880].
- «Дубровский» — третья попытка // Сов. фильм. 1989. № 9. С. 26—27, 32: фот.
- Интервью режиссера-постановщика В. Никифорова (Беларусь-фильм). Беседу вела М. Замятина.
- Дурдыев М. У Пушкина есть, что открывать... // Ашхабад. 1989. № 6. С. 88—92. Пушкин в Туркмении.
- Егоров Ю. Рассказывает Николай Раевский // Лазурь: Лит.-худож. и критич.-публицист. альм. М.: Прометей, 1989. Вып. 1. С. 169—188.
- Егорова Б. Новые балеты на сюжеты Пушкина: («Дубровский» В. Кикты, «Метель» на музыку Г. Свиридова) // Музыка России: Альм. М.: Сов. композитор, 1989. Вып. 8. С. 135—150.
- Еремеев А. Э. Русская философская проза (1820—1830-е годы) / Омский пед. ин-т; Под ред. А. С. Янушкевича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 188, [1] с.
- Гл. 1. С. 41—75: Особенности эстетики и поэтики философской прозы Любомудров, Е. А. Баратынского, А. С. Пушкина. Гл. 2. С. 119—133: Роль пушкинского опыта в становлении философской прозы раннего Герцена.
- Ермаков Н. Пушкин во французском исполнении // Эхо планеты. 1989. № 44. С. 41—43.
- Интервью Патрика Бессона, автора романа «Статуя командора».
- Есин Б. И. История русской журналистики XIX в.: Учебник... М.: Высш. шк., 1989. 227, [3] с.
- С. 43—47: «Журналистская деятельность А. С. Пушкина». С. 47—50: «Современник».
- Жарова А. В Бродзяны. К Пушкину // Сов. женщина. 1989. № 3. С. 24—26: ил.: эскибрисы из коллекции музея.
- Жигодский Н. Пушкин и Белоруссия // Полит. собеседник. 1989. № 5. С. 42.
- Жизнь и творчество А. С. Пушкина: Материалы для выставки в школьной и дет. б-ке / Сост. и авт. вступ. ст. Е. Муза и С. Овчинникова. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1989. 55 с.: фотоил. (Выставка в школе).
- Жучков В. Посвященный Пушкину // Сов. музыка. 1989. № 4. С. 130: ил.
- Горьковский театр оперы и балета им. А. С. Пушкина к Всероссийскому фестивалю «Болдинская осень».
- Зажурило В. К., Кузьмина Л. И., Назарова Г. И. «Люблю тебя, Петра творенье...»: Пушкинские места Ленинграда. Л.: Лениздат, 1989. 272 с.: ил.
- Переработанное и дополненное издание книги «Пушкинские места Ленинграда» (Л., 1974).
- Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенева. М.: Моск. рабочий, 1989. 170, [2] с. (История Москвы: портреты и судьбы).
- Гл. III. С. 77—98: «Старейший из русских пушкинovedов».
- Зайцев Б. К. Три кометы: Слово на Пушкинском вечере 6 мая 1962 г. / Публ. Л. Н. Назаровой // Рус. лит. 1989. № 1. С. 193—194. Впервые: Рус. мысль. 1962. 17 мая.

- Зепалова Т. С., Мещерякова Н. Я. Методическое руководство к учебнику-хрестоматии «Родная литература» для 6 кл.: Пособие для учителя. 4-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989. 237, [1] с.
С. 65—91: «А. С. Пушкин».
- Золотов А. Мир Свиридова // Золотов А. ... Листопад, или В минуты музыки: Импровизации. Отверки. Образы. М.: Современник, 1989. С. 21—50.
С. 34—46: «Звук привычный, звук живой...»: Вдохновенные гимны Пушкину.
Написано в 1979 г.
- Золотцев С. Самое заветное имя // Пушкин А. С. Звезда пленительного счастья: Стихотворения. Поэмы. Роман в стихах. М.: Воениздат, 1989. С. 5—16.
- Золян С. Т. О семантике поэтической цитаты // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1989. С. 152—165.
С. 154—155: 3. Так что же сказал Саади? С. 161—162: 5. Так что же сказал Пушкин? С. 163—165: 6. Историко-литературный комментарий [«Иных уж нет, а те далече, Как Сади некогда сказал»].
- Зоценко М. Пушкин // Зоценко М. Избранное / Сост. и вступ. ст. Ю. В. Томашевского. М.: Сов. Россия, 1989. С. 161—162.
Написано в 1927 г.
- Зуев Н. Кто виновен в гибели поэта? // Наш современник. 1989. № 6. С. 138—139.
Проблемы современного пушкиноведения.
- Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 156, [3] с. Библиогр.: с. 156—157.
- Зусман В. Г., Сапожников С. В. Драматическая сказка Л. Тика «Фортунат» в оценке Пушкина // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. Т. 48, № 3. С. 276—282. Библиогр.: 16 назв.
Жанр литературной сказки в понимании Пушкина; его отношение к переводу А. А. Шишкова сказки Тика.
- Иванов Г. Жертва Пушкина / Публ. В. Захарова // Писатель и время. М.: Сов. писатель, 1989. Сб. 5. С. 492—494.
Впервые: Рус. воля. 1917. 23 янв.
- Иезуитова Р. В. «Говорящие» рисунки // Наука и религия. 1989. № 5. С. 37: ил. Идентификация портретов Е. Н. Вульф и А. И. Осиповой (Беклешовой) в Третьей масонской тетради (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 836).
- Иезуитова Р. В. Жуковский и его время / Отв. ред. Д. С. Лихачев; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. 287, [2] с.: 1 л. портр.
С. 193—278: Гл. 3. Жуковский и Пушкин. 1. К проблеме литературного наставничества. 2. Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов. 3. Пушкин в дневниках Жуковского 1830-х годов. 4. Жанр устного рассказа в творчестве Жуковского и Пушкина 1830-х годов. 5. Жуковский о дуэли и смерти Пушкина.
- Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л. Пушкин в работе над «Евгением Онегиным» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Факс. воспроизведение 1-го прижизн. изд.: СПб.; М., 1825—1832. Горький, 1989. С. 1—67 послед. паг.
- Ильин-Томич А. А. «Пиковая дама означает...»: А. С. Пушкин. «Пиковая дама» // «Столетья не сотрут...»: Русские классики и их читатели. М.: Книга, 1989. С. 85—160. (Судьбы книг).
- Ильчук Ю. «Святая Родина моя...» (Лит. театр): пьеса о Пушкине // Молодежная эстрада. 1989. № 2. С. 22—40: ил.
- Инфантьев Б., Лосев А. Пушкин и Прибалтика // Горизонт. Рига, 1989. № 6. С. 8—12: ил.
- Ионко М. «Чувство узнавания — удивительное чувство...» // Рус. яз. в молд. шк. 1989. № 4. С. 58—62.

- Ответы на вопросы викторины «Знаете ли вы творчество А. С. Пушкина?», напечатанной в № 2.
- «... И пальцы просятся к перу, перо — к бумаге»: Творческие работы учащихся 9—10 кл. с метод. рекомендациями / Ленингр. гор. ин-т усовершенствования учителей. Каб лит. Л., 1989. 124. [3] с.
- С. 6—9: М. Зубилевич (10 кл. № 205). «Как я люблю Татьяну милую мою...»: (По роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).
- Ирошников Ю. «Пародия наша — от Пушкина...» // Клуб. 1989. № 4. С. 36—37.
- Искандер Ф. Молния-мужчина, или Чегемский пушкинист: Рассказ // Юность. 1989. № 3. С. 2—17: ил.
- Искрин М. Г. «Его зовут Германном» // Рус. яз. в шк. 1989. № 3. С. 79—80.
- Имя героя «Пиковой дамы».
- Историко-литературный процесс. Методол. аспекты. Науч.-информ. сообщ. Вып. 2: Рус. лит. XI—нач. XX в. / Латв. ун-т им. П. Стучки. Филол. фак. Каф. рус. лит. Рига, 1989. 86 с. С. 16—18: Г. Л. Гуменная. Ирои-комические поэмы Пушкина — «Монах» и «Гавриилиада». С. 18—20: В. А. Кошелев. Пушкин и Батюшков: Проблемы исследования биогр. мифа. С. 20—22: О. Б. Лебедева. Автореминисценции в лирике А. С. Пушкина первой половины 1820-х годов. С. 22—25: Л. М. Вольперт. Наполеоновский миф у Пушкина и Стендаля. С. 25—26: С. Н. Лахно, Л. Г. Фризман. К спорам о трагедии Пушкина «Борис Годунов». С. 26—28: А. В. Кулагин. Болдинская лирика Пушкина в системном изучении: (К постановке проблемы). С. 28—30: А. А. Алешкевич. «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» А. С. Пушкина как замысел дикла полемических заметок. С. 30—32: А. С. Янушкевич. Три книги 1831 года как историко-литературное явление [«Баллады и повести» В. А. Жуковского, «Вечера на хуторе близ Диканьки» (Ч. 1) Н. В. Гоголя, «Повести Белкина» А. С. Пушкина].
- История русской литературы XIX века, 1800—1830-е годы: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов... / Под ред. В. Н. Аношкиной и С. М. Петрова. М.: Просвещение, 1989. 445. [2] с.
- С. 170—238: Гл. VII. Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837). С. 289—317: Гл. IX. Поэзия «Пушкинской плеяды».
- Ишутин В. В. Иван Петрович Липранди (1790—1880) // Сов. славяноведение. 1989. № 2. С. 85—94.
- Ищенко Е. Суд над мертвым // Урал. следопыт. 1989. № 11. С. 71. Военно-судное дело о дуэли Пушкина с Дантесом.
- Касымбаев Ж. «Назвать их пушкинскими...» // Простор. 1989. № 9. С. 133—136.
- О материалах, касающихся празднования 100-летия со дня рождения Пушкина в Казахстане в 1899 г.
- Каталог выставки книг, посвященной 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1799—1989 гг.) / Респ. музей книги Гос. комитета по делам изд-в, полиграфии и кн. торговли. Алма-Ата, 1989. 25 с.
- Сост.: А. Бондаренко. Обл. и тит. л. на рус. и казах. яз.
- Катышева Д. Н. Театр поэта. М.: Сов. Россия, 1989. 126. [2] с. (Б-чка в помощь худож. самодеятельности; № 9. Искусство звучащего слова; Вып. 38).
- Гл. 2. Поэтический спектакль. С. 53—66: 2. Опыт драматических изучений Шекспира и Пушкина. С. 66—72: 3. Образ автора и действующие лица. Гл. 4. Музыка и сцена. С. 103—118: 2. Музыка и поэтический текст [«Маленькие трагедии» Пушкина и «Песня судьбы» и «Роза и Крест» Блока].
- Кац Б. «Скрытые музыки» в «Поэме без героя». 4. Призрак «Пиковой дамы» // Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка: Исслед. очерки. Л.: Сов. композитор, 1989. С. 209—232.
- Кац Б. «Скрытые музыки» в ахматовской «Поэме без героя». IV. Призрак «Пиковой дамы» // Сов. музыка. 1989. № 6. С. 97—106.

- Кашкова В. «Пой, ящик...» // Тверь: Худож.-публицист. альм.: Проза. Поэзия. Публицистика. История. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 240—247.
Русская народная песня в творчестве Пушкина.
- Кедров К. Пушкин и Лобачевский // Кедров А. Поэтический космос. С полем. заметками Г. Куницына. М.: Сов. писатель, 1989. С. 204—213.
- Кезина Т. Н. Болдино: Путеводитель [по Гос. лит.-мемор. музею-заповеднику А. С. Пушкина]. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. 108, [1] с.: ил.
- Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М.: Правда, 1989. 479 с.: [8] л. ил. (Лит. воспоминания). Перевод загл.: А. П. Керн (Маркова-Виноградская).
- Кибальник С. А. Загадка пушкинского наброска // Кодры. 1989. № 2. С. 147—149.
«Чугун кагульский, ты священ...»
- Кибальник С. А. Пушкин и современная культура: (В помощь лектору). Л., 1989. 31, [1] с. (О-во «Знание» РСФСР, Ленингр. орг.).
- Киреев В. Л. Преподавание литературы в старших классах мордовской школы: (Из опыта работы). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 206, [1] с.
I раздел. Уроки-лекции. С. 39—42: «Жизнь и творчество А. С. Пушкина в период южной ссылки». С. 42—47: «Жизнь и творчество А. С. Пушкина после освобождения из ссылки. Болдинская осень». С. 47: «А. С. Пушкин. „Маленькие трагедии“». С. 47—48: «Жизнь и творчество А. С. Пушкина в конце 20-х и в начале 30-х годов». II раздел. Уроки-семинары. С. 125—127: «А. С. Пушкин. „Евгений Онегин“».
- Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннот. каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. 460, [3] с.
С. 179—180: «Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837)».
- Книги старого Урала / Сост. и науч. ред. Р. Г. Пихоя; Предисл. Н. Н. Покровского. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. 239, [4] с.: ил.
С. 116—122: «Из вотчин Пушкиных».
- Князев А. В. Проблемы развития образа героя-индивидуалиста в творчестве А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горьк. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1989. 18 с. Библиогр.: с. 17—18 (2 назв.).
- Кожевников В. Имела ли место «рассеянность»? // Новый мир. 1989. № 6. С. 268—269.
Отзыв на ст.: А. Лацис. «Дикие утки» и не только! (Вопр. лит. 1988. № 12). В частности, посвященную ст. В. Кожевникова «Шифрованные строки „Евгения Онегина“» (Новый мир. 1988. № 6).
- Кожевников В. Когда «окривела тетушка Настасья Герасимовна...»: Над страницами «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // Москва. 1989. № 4. С. 198—200.
- Кожевников В. А. Нормальный гений // Лит. в shk. 1989. № 4. С. 142—145.
Рец. на кн.: Скатов Н. Н. Русский гений. М.: Современник, 1987.
- Кожевикова Н. А. Звуковая организация текста в произведениях А. С. Пушкина // Проблемы структурной лингвистики, 1985—1987. М.: Наука, 1989. С. 287—324.
Способы звуковой организации текста. — Звуковая организация «петербургской повести» «Медный всадник». — «Евгений Онегин». «Черновик и беловик».
- Кожин А. Н. Литературный язык допушкинской России: [Пособие для иностр. студентов]. М.: Рус. яз., 1989. 280, [1] с.
Гл. VI. С. 187—201: А. С. Пушкин — основоположник современного русского литературного языка.
- Колганова А. А. Дочь Русалки, внук Онегина и прочие литературные потомки // Колганова А. А. Вослед чужому гению. М.: Прометей МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. С. 42—86.

- Коляда И. М.¹ Пушкинский маршрут // Белоус А. Г., Коляда И. М. Одесса—Odessa: Путеводитель-справочник. Одесса: Маяк, 1989. С. 31—82.
- Кони А. Ф. Страничка из жизни Пушкина // Кони А. Ф. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. М.: Сов. Россия, 1989. С. 115—125.
- Впервые: Журнал для всех. 1904. № 12.
- Коновалова Л. И., Ахметзянова Г. Г. Причастие в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина // Русский глагол: (функционирование и развитие): Межвуз. сб. науч. тр. / Казан. пед. ин-т. Казань, 1989. С. 52—65.
- Кончин Е. «Едва ли не единственная в России...» // Экспонаты музея рассказывают: Науч.-попул. очерки. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1989. С. 7—16: портр. между с. 32—33.
- Впервые: Знание — сила. 1987. № 6. С. 18—22: ил.
- Коллекция пушкинских материалов С. А. Мусина-Пушкина в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике.
- Корнилова А. В., Корнилова В. В. «Домик в Коломне», «Моцарт и Сальери» в иллюстрациях русских и советских художников. Л.: Худож. РСФСР, 1989. 16 с.: ил.
- Авт. указ. в конце текста.
- Прил. к факс. изд. кн.: Пушкин А. С. Домик в Коломне (М., 1929) и Пушкин А. С. Моцарт и Сальери (Пг., 1917).
- Корованенко Т. А. Воскрешение Белкина // Рус. речь. 1989. № 4. С. 21—29.
- Стилизация пушкинской прозы в повести М. Зощенко «Талисман».
- Королев А. В. Пушкин и Фаворский: (Иллюстрация как опыт исследования худож. текста) // Контекст: 1989. Лит.-теорет. исслед. М.: Наука, 1989. С. 69—102.
- Корхмазян Н. С. К вопросу о пушкинских традициях в поэзии Анны Ахматовой // Вопросы русского языка и литературы: Межвуз. сб. науч. тр. / Ерев. гос. ун-т. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1989. Вып. 2. С. 150—165.
- Корхмазян Н. С. Мотив «мертвого жениха» в «Поэме без героя» Анны Ахматовой: (к вопросу о пушкинских традициях) // Проблемы творчества и биографии А. А. Ахматовой: Тез. докл. обл. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта 12—14 июня 1989 г. Одесса, 1989. С. 41—45.
- Котин В. Незабвенной памяти А. С. Пушкина // Годы и люди. [Сб.]. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1989. Вып. 4. С. 57—73.
- Э. И. Губер.
- Кошелев В. А. Исторические функции биографического анекдота: (Пушкин и Батюшков) // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста: Анекдот / Таллинн. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллинн, 1989. С. 30—46.
- Краваль Л. Тифлисский визит // Лит. Грузия. 1989. № 10. С. 205—211.
- Пушкин и А. А. Оленина. Определение портретов на обороте листа с пометой «27 мая. Душет».
- Краснобородько Т. И. «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания: (По материалам архива редакции академического издания Собрания сочинений А. С. Пушкина) // Рус. лит. 1989. № 1: С. 145—152.
- Крикун Н. Прогулки по Ташкенту. Пушкинская [улица] // Мол. смена. 1989. № 10. С. 9.
- Кроссворд «Эрудит» по произведениям А. С. Пушкина / Сост. О. Евсиков // Библиотекарь. 1989. № 1. С. 64, 3-я с. обл.
- Кротов М. Примечания к драме [музей Пушкина в Захарове и Вяземах] // Вопр. лит. 1989. № 7. С. 278—279; 279.
- Объяснение названия «Луёвы горы» в «Борисе Годунове».
- Крымская научная конференция «Пушкин и Крым»: Программа докл. 24—29 сент. 1989 г. / Симфероп. ун-т им. М. В. Фрунзе; Ялт. ист. музей; Крым. обл. комитет АКСМ Украины. Симферополь: Крым. облполиграфиздат, 1989. 12 с.

Крымская научная конференция «Пушкин и Крым»: Тез. докл. 24—29 сент. 1989 г. / Симфероп. унт-т им. М. В. Фрунзе; Ялт. ист. музей; Крым. обл. комитет ЛКСМ Украины. Симферополь, 1989. 112 с.

Конференция посвящена 190-летию со дня рождения поэта и открытию музея А. С. Пушкина в Гурзуфе.

Содерж.: Секция: Жизнь и творчество А. С. Пушкина. О. В. Белый. «Маленькие трагедии»: у истоков новоевропейской эсхатологии; Н. М. Гурьянова. Штрихи к строфам «Путешествия Онегина» А. С. Пушкина; Г. С. Домницкая. Особенности жанра трагедии в поэтике А. С. Пушкина; Н. И. Зайцев. Вопросы теории критики и культурного наследия в работах А. С. Пушкина; Н. А. Казакова, В. М. Файбисович. Античность и современность в стихотворении А. С. Пушкина «К Лицинию»; С. А. Кибальник. Мотив «волшебного края» в «крымских» произведениях Пушкина; Э. В. Кирилук. Поэма «Бахчисарайский фонтан» в художественной системе Пушкина: (Эволюция средств раскрытия внутреннего мира человека); М. А. Новикова. «Грозный храм»: (Крым и эволюция пушкинского творческого метода); М. В. Строганов. Мария в «Бахчисарайском фонтане»; Н. Н. Халфина. Пейзаж Тавриды в лирике Пушкина в культурно-историческом освещении; Л. А. Щербина. Виды Крыма пушкинской поры в литографиях Карло Бассоли; Н. В. Хоменко. Художественное своеобразие образа моря в лирике Пушкина южного периода; А. П. Цветков. Пушкинский «Пророк» как образ художественного творчества и как символ духовности; В. П. Оленева, Э. В. Яковенко. Кто же он — «какой-то француз, присланный из Петербурга для разысканий?»: (Из письма А. С. Пушкина Л. С. Пушкину 24 сент. 1820 г.) [П. Дюбрюкс]. — Секция: А. С. Пушкин и мировая литература. А. Н. Архангельский. Пушкин и античная буколическая традиция; А. А. Бойко. Античность в творчестве А. С. Пушкина и О. Э. Мандельштама: (К вопросу о традициях); Т. Н. Васьильчикова. А. С. Пушкин и немецкая культура: (К проблеме взаимовлияний); Е. И. Волкова. Биографические и литературоведческие аспекты изучения творчества А. С. Пушкина в США: (по материалам «Славянского и Восточноевропейского журнала», 1957—1987 гг.); С. П. Ильев. Вакхические мотивы в лирике Пушкина; Н. Х. Керасиди. Пушкин и Овидий; Э. И. Кирнозе. Пушкин и Мериме; Л. В. Ковальчук. Рассуждения о драме А. С. Пушкина и теории драмы Аристотеля; В. М. Кожакару. О Назоне и поэме «Цыганы» Пушкина; Л. Н. Королева-Болтовская. Об антологической поэзии А. С. Пушкина; Т. Г. Мальчукова. Античная нравственная философия в поэзии А. С. Пушкина; Л. В. Мысловская. Античные мотивы в поэзии А. С. Пушкина; Л. М. Лукьянова. Пушкинский вариант оды Горация «К Помпею Вару»; А. Е. Махов. Музыкальный мир античных мифов и лирика Пушкина; М. И. Митрохина, М. В. Строганов. Эволюция античной образности в творчестве Пушкина; Р. Н. Поддубная. «Анфологические эпиграммы» Пушкина 1830 года (Античные традиции и художественный историзм); А. Д. Пудова. Перевод А. С. Пушкина из Ксенофана Колофонского; Н. В. Россина. Античная традиция умолчания в поэзии А. С. Пушкина; М. В. Скржинская. Отражение одного образа у Пушкина, Овидия и Еврипида; А. А. Смирнов. Проблема «романтического эллинизма» в лирике А. С. Пушкина 20-х гг.; Е. Н. Строганова. «Везувий зев открыл...»; В. Н. Тихомиров. Пушкин и Байрон: (Итоги и проблемы сравнит. изучения творчества); В. М. Файбисович. Стихотворение Пушкина «Кто из богов мне возвратил...»: (К пушкинской концепции Горация); В. И. Хазан. Образная оппозиция земли и моря в поэзии А. С. Пушкина: (Антично-мифолог. аспект); О. Е. Чебанова. Принципы «классического рода» в «Повести Белкина» А. С. Пушкина; В. М. Щепалова. Об одном из стилистических приемов в поэзии Пушкина; В. Н. Илюшеч-

кин. Античный мотив пенатов у Пушкина; В. А. Лавренов. Античные и крымские мотивы А. С. Пушкина в поэзии южных славян: (Переработка и созвучие); О. Л. Довгий. Творчество А. С. Пушкина 1820—1824 гг. и драматическая сцена «Похищение Прозерпины» Барри Корнуолла; Г. П. Гаврищева. Пушкин и Андре Шенье. — Секция: Традиции А. С. Пушкина в русской и советской литературе. И. В. Александрова. Трансформация эпизодов поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» в пьесе А. А. Шаховского «Финн» (1824); А. Г. Головачева. «Замечательный выстрел»: («Дядя Ваня» А. П. Чехова и «Выстрел» А. С. Пушкина); Г. А. Зябрева. Пушкинская речь Ф. М. Достоевского; В. П. Казарин. Итоги и перспективы изучения темы «Пушкин и Крым»; Н. А. Кобзев. А. С. Грин и А. С. Пушкин; В. А. Кошелев «Таврида» Пушкина и Батюшкова; Т. П. Маевская. «Кавказский пленник» А. С. Пушкина и «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого; Н. М. Нагорная. Традиции пушкинского повествования в прозе А. П. Чехова; Н. В. Новикова. Образ Клеопатры в творчестве А. С. Пушкина и поэтов начала XX века; Л. А. Орехова. А. С. Пушкин и Д. М. Княжевич: (К вопросу о взаимоотношениях); К. М. Пахарева. Пушкин и Блок: (опыт анализа двух стихотворений); Н. П. Рогачев. А. С. Пушкин и А. П. Чехов о крымской природе; В. А. Солодков. «Ветка пушкинского дерева»: Всеволод Гаршин об А. С. Пушкине; Ф. В. Путинн. С. Н. Сергеев-Ценский о лирике А. С. Пушкина; Г. М. Темненко. Пушкинские образы в поэзии А. Ахматовой; Я. А. Шулова. Андрей Белый — интерпретатор и исследователь творчества Пушкина. — Секция: А. С. Пушкин и литература народов СССР. Е. М. Баран. А. С. Пушкин в жизни Ивана Франко; М. Я. Вишняк. А. С. Пушкин в творческой жизни В. Н. Сосюры; Н. Е. Крутикова. Поэзия Пушкина и украинский литературный процесс XIX—начала XX веков; С. О. Курьянов. А. С. Пушкин в неопубликованных записках Н. А. Маркевича; Е. К. Нахлик. А. С. Пушкин и П. Кулиш: (проблема лит. влияний и типологии); Н. Н. Павлюк. Первый украинский перевод поэмы «Полтава»; А. О. Шелемова. А. С. Пушкин и М. Богданович: (к вопросу о преемственности традиций); А. С. Семенов. Индивидуальные задания и проблема личного восприятия лирики А. С. Пушкина в условиях национальной школы. — Секция: Проблема изучения языка и стиля поэзии А. С. Пушкина. Г. Ю. Бубякина. Семантика в изучении поэтического слова А. С. Пушкина; Ж. П. Букетова. Внутренняя структура стихотворения А. С. Пушкина «На перевод Илиады»; С. С. Дикарева. Нарративное и диалогическое в письмах А. С. Пушкина с юга; М. А. Карпенко. «Словарь языка Пушкина» и проблемы современной поэтической лексикографии; И. М. Колтухова. Некоторые речевые средства создания гротескных образов в поэтической речи: (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»); Е. А. Маймескул. Нетранслитерированные иноязычные элементы в художественных текстах А. С. Пушкина; В. Н. Михайлов. Обономастической поэтике А. С. Пушкина; Н. Н. Ничик. Речевой образ Тавриды в контексте поэтической ретроспекции: (на материале стихотворений А. С. Пушкина); Л. С. Пастухова. Знаки препинания в стихотворениях А. С. Пушкина как выразительно-изобразительное средство; В. И. Фуреенко. Прагматические контексты эмотивной семантики лирических произведений А. С. Пушкина, навеянных посещением Крыма. — Секция: Проблемы пушкинского музееведения. Р. М. Бондаренко. Пушкин и Гатчинский край; А. М. Гордин. Литературно-мемориальные музеи: достижения и проблемы; А. В. Доминяк. Пушкинский музей Подмосковья: проблемы музеефикации; О. А. Желтухина. О проблемах создания пушкинской экспозиции в Бахчисарайском дворце-музее; А. П. Люсый. Дом под сенью Аю-Дага: (из истории дачи Ришелье в Гур-

- зуфе); С. Г. Мамаев. Некоторые теоретические аспекты построения пушкинской экспозиции и реальные возможности периферийных музеев; Т. А. Пахомова. Роль школьного пушкинского музея в развитии познавательных интересов учащихся: (на материале темы «Пушкин в Крыму»); Г. Ф. Симакина. Принципы создания экспозиции в литературно-мемориальном музее (Дом-музей Осиповых-Вульф в Тригорском); О. А. Яценко. Пушкинский лицей: образ поэта в его музее; Царскосельский лицей: античные мотивы в архитектуре и педагогике; А. А. Галиченко. Историко-культурный феномен усадьбы Воронцовых в Алушке в контексте творчества А. С. Пушкина; С. А. Сауниин. Кого нарисовал Пушкин? [Атрибуция рисунка Пушкина, находящегося на л. № 603 (ПД 184/1). Утверждается, что изображен М. С. Воронцов, а не С. Г. Волконский, как предполагает Л. Керцелли]; Н. М. Ботвинник. «Зачем крутится ветер в овраге...»: (Библийский источник пушкинского текста); В. П. Цыганник. Пушкинская тема в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского.
- Кувшинская Л. А. Александр Бакулевский — иллюстратор А. С. Пушкина // Проблемы творчества художников Марийской АССР на современном этапе: Сб. ст. / Марийский науч.-исслед. ин-т яз., лит. и ист. им. В. М. Васильева. Йошкар-Ола, 1989. С. 78—97: ил. (Вопр. марийского фольклора и искусства; Вып. 8).
- Кузнецова О. В. Жанровые разновидности художественной полифонии: («Евгений Онегин» и «Полтава» А. С. Пушкина) // Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX—начала XX века: Сб. науч. тр. / Свердл. гос. пед. ин-т. Свердловск, 1989. С. 58—66.
- Кузнецова О. В. Объективизация лирического сознания в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Лингвистические чтения, посвященные памяти д-ра филол. наук, проф. Э. В. Кузнецовой. 7 февр. 1989 г.: Тез. докл. и сообщ. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Свердловск, 1989. С. 35.
- Кузьменко М. А. Русская периодическая печать о первых постановках оперы Мусоргского «Борис Годунов» // Земля псковская, древняя и социалистическая: Тез. докл. к науч.-практ. конф. / Псков. гос. объединенный ист.-арх. и худож. музей-заповедник. Псков, 1989. С. 40—43.
- Куранты: Ист.-краевед. альм. Вып. 3. М.: Моск. рабочий, 1989. 398, [1] с.: ил.
С. 116—122: А. Свободин. Пушкин поселяется на Арбате. С. 122—125: А. Бархатов. «...Одна моя отрада» [П. В. Нащокин]. С. 126—132: Н. Молева. Листы московской пушкинианы [Пушкин и московские актеры: Н. И. Куликов, А. П. Есаулов, Н. В. Лавров]. С. 169—176: С. Энгель. Где же хранятся письма Н. Н. Пушкиной?
- Лажечников И. И. Знакомство мое с Пушкиным: (Из моих памятных записок) // Лажечников И. И. Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. Г. Ильинской. М.: Сов. Россия, 1989. С. 402—419.
- Ларионов А. Поиск гармонии // Культ.-просвет. работа. 1989. № 1. С. 12—15: ил.: «Захоженность святилища — губительная вещь»; № 2. С. 9—12: ил.: Духовные тайны; № 3. С. 12—15: фот.: Ревнителю и радетелю; № 4. С. 12—15; фот.: «Мне ближе диетанты»; № 5. С. 10—13: фот.: К свету и добру...; № 6. С. 6—8: фот.: По милости сердца.
Начало: 1988. № 11—12.
С. С. Гейченко.
- Ладис А. Нахалитэ анпостижиль // Вопр. лит. 1989. № 10. С. 261—263.
Отклик на статью Д. Баевского «Третейский суд» над «Тайными записками» (см. наст. библиографию).
- Ладис А. Человек безупречной чистоты, или Простаки за границей // Там же. № 2. С. 245—251.

М. Армалинский — публикатор книги «А. С. Пушкин. Тайные записки 1836—1837 годов».

Левкович Я. Л. Тринадцать писем Пушкина // Наука и религия. 1989. № 6. С. 43: ил.

О покупке писем Пушкина к невесте и коллекции С. Лифаря.

Левченко Вл. Гроза двенадцатого года: (К 175-летию Бородинского сражения) // Со-
беседник: Лит.-критич. ежегодник. М.: Современник, 1989. Вып. 9. С. 170—178.

Впервые: Лит. учеба. 1987. № 5.

Левченко В. «...Мы братской тризной поминая...»: Из записных книжек // Сло-
во: Лит., худож. и публицист. сб. М.: Современник, 1989. Вып. 1. С. 212—217.
Герои Отечественной войны 1812 г. и Пушкин.

Левченко М. А. Этот одесский год... // Радуга. 1989. № 6. С. 134—139.

Об одесском периоде жизни и творчества Пушкина.

Леонова Н. Г. Евсей Моисеенко. Л.: Лениздат, 1989. 269, [2] с.: 16 л. ил.

С. 203—207: «Гигант Пушкин». С. 263—270: [О картине «Памяти поэта»
(1985 г.)]. Воспроизведение между с. 208—209.

Ливанов А. Притча о встречном: Рассказы, воспоминания, эссе. М.: Сов. писа-
тель, 1989. 446 с. [2] с.

С. 157—163: «Великая самоисповедь» [Болдинская осень]. С. 221—228:
«И здесь поэзия первая». С. 391—396: «Единственные аналоги». [«Евгений
Онегин»]. С. 401—404: «Богатырская статья».

Литературная викторина по творчеству А. С. Пушкина // Рус. яз. в башк. шк. 1989.
№ 6. С. 49.

Литературно-критическая деятельность писателей XIX века: Учеб. пособие. Ка-
зань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 173, [1] с.

С. 14—62: Гл. 1. 20—30-е годы. А. Пушкин, Н. Гоголь / В. Н. Конова-
лов, с. 14—44; И. В. Карташова, с. 44—62.

Лихачев Д. С. Природа России и Пушкин // Лихачев Д. С. Письма о добром и
прекрасном / Сост. и общ. ред. Г. А. Дубровский. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1989.
С. 183—189.

Лихачев Д. С. Природа России и Пушкин // Лихачев Д. С. Письма о добром и
прекрасном. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 99—104.

Лихачев Д. С. Пушкин // Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных
книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 148—161.

Лобарева В. С. К проблеме художественного своеобразия «Сказки о золотом пе-
тушке» А. С. Пушкина // Тез. докл. науч.-практ. конф. 22 апр. 1989 / Лесо-
сиб. пед. ин-т. Лесосибирск, 1989. С. 20—21.

Лотман Ю. В мире пушкинской поэзии // Версии: Телевиз. сценарии. М.: Искус-
ство, 1989. С. 6—33: ил.

Авт. и ведущий Ю. Лотман. Участвуют: артисты А. Кутепов, Н. Власова.
1984 г.

Лотман Ю. М. Пушкин // История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР,
Ин-т мировой лит. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 321—338.

Гл. 1. Русская литература. 6. Пушкин.

Львовская З. Д. Пушкин в Испании: (Об одном переводе «Евгения Онегина») //
Тетради переводчика: Науч.-теорет. сб. М.: Высш. шк., 1989. Вып. 23.
С. 158—167.

О переводе Хосе М. Браво (верлибр).

Любомудров А. «Да ведают потомки...»: Пушкин и русская история // Слово:
Лит., худож. и публицист. сб. М.: Современник, 1989. Вып. 1. С. 117—130.

«Мазепа» П. И. Чайковского: Оперное либретто / Предисл. Л. Неведомской. М.:
Музыка, 1989. 61 с.

Мазуренко Н. Рядовой Петров и Александр Пушкин // Пограничник. 1989.
№ 6. С. 64—66.

Поэтический мир Пушкина глазами пограничников конца 80-х гг.

- Маймин Е. А. Борис Викторович Томашевский // Маймин Е. А. Я их помню: Повесть, рассказы, очерки. Л.: Лениздат, 1989. С. 223—237.
- Максимов Е. Старшая дочь поэта [М. А. Гартунг] // Сов. женщина. 1989. № 12. С. 22—23: портр.
- Манжора Б. Г. Голос сердца: Страницы жизни О. П. Калининой. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1989. 133, [2] с.
С. 80—87: «Золотой петушок» [опера Римского-Корсакова в Саратовском театре оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского].
- Марков А. У памятника Пушкину // Марков А. «Хранили себя эту книжку...»: Заметки библиофила. М.: Книга, 1989. С. 280—285: фот.
Фотография «С. А. Есенин и В. И. Эрлих со студентами у памятника Пушкину» в Царском Селе.
- Маркова Т. Н. Трансформация элегии в поэзии пушкинской поры / Челяб. гос. пед. ин-т. Челябинск, 1989. 24 с. Библиогр.: с. 23—24. Деп. в ИНИОН АН СССР 31.05.89, № 38145.
- Мартыанова С. А. Риторическая и разговорная речь героев трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» // Жанрово-стилевое единство художественного произведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. пед. ин-т. Новосибирск, 1989. С. 118—128.
- Мацапура В. И. Восприятие творчества А. С. Пушкина на Украине в дореволюционный период: (Проблема читателя): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН УССР, Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко. Киев, 1989. 17 с. Библиогр.: с. 17 (6 назв.).
- Меншутина О. И. Тихая Татьяна: (Из опыта доминантного лексического анализа) // Рус. яз. в нац. шк. 1989. № 6. С. 34—37.
- Мерлин В. В. Пушкин и Сталин // Простор. 1989. № 4. С. 147—148.
- Методика преподавания русской литературы в 9—11 классах: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1989. 382, [1] с. (Б-ка учителя рус. яз. и лит. нац. шк. РСФСР).
С. 107—116: «Изучение произведений А. С. Пушкина» [гл. 4, § 2]. С. 357—369: «А. С. Пушкин» [гл. 17, § 1].
- Микешин М. И. Союз Моцарта и Сальери // Филос. науки. 1989. № 6. С. 14—15.
- Микишаев М. Н. Образ Петербурга в петербургской повести А. С. Пушкина «Медный всадник» // Андиферовские чтения: Материалы и тез. конф. (20—22 дек. 1989 г.) / Ленингр. отделение Советского фонда культуры. Л., 1989. С. 111—114.
- Миндерене А. Подготовка к сочинению на литературную тему // Словесник: Рус. яз. в шк. 1989. № 4. С. 9—12.
О жизни и творчестве Пушкина в 10 кл. литовской (польской) школы.
- Минкин А. Пиковая дама // Огонек. 1989. № 9. С. 20—23.
Неосуществленная постановка оперы П. И. Чайковского в Гранд-Опера в 1978 г.
- «Минувшее меня объемлет живо...» / Сост. Ю. Осипов. М.: Современник, 1989. 415, [1] с.
Раздел I. «Тебя ж, как первую любовь...». С. 7—12: Д. Лихачев. Пушкин и мы [написано в 1984 г.]. С. 13—23; И. Ободовская, М. Дементьев. Пушкин и Чернышевы [написано в 1982 г.]. С. 24—27; Н. Колосова. Пушкин и Гнедич [написано в 1985 г.]. С. 28—49; И. С. Зильберштейн. Из разысканий о Пушкине: I. Воспетая Пушкиным. II. Зловещая красавица. III. Дневник Аннет Олениной [написано в 1984 г.]. С. 50—60; И. Фейнберг. В мастерской поэта: (По черновикам Пушкина) [написано в 1975 г.]. С. 61—83; О. Шмелев. Почему не окончен «Тазит»? [написано в 1970 г.]. С. 84—102: «Черты его карандаша...»: (Портретные отождествления нескольких пушкинских рисунков): 1. Удивительный автопортрет. 2. Николай

Николаевич Раевский. Сергей Григорьевич Волконский [написано в 1979—1981 гг.]. С. 103—112: В. Сабинин, Н. Самгина. «Почитай сына моего совершенно счастливым...» [написано в 1983 г.]. С. 113—126: Ю. Осипов. Вечность Михайловского [написано в 1984 г.].

Митина Л. С. Трагедия Пушкина: Жанровый аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1989. 16 с. Библиогр.: с. 16 (4 назв.).

Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин // Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. И. Михайловой. М.: Сов. Россия, 1989. С. 5—24.

Михайлова О. Поэт и... вся история России // В мире кн. 1989. № 4. С. 12—14: схема.

О составленной А. А. Черкашиным карте «Прямые предки и потомки А. С. Пушкина».

Михайловская Н. «Там русский дух, там Русью пахнет!» // Рус. яз. за рубежом. 1989. № 6. С. 100—106: ил.

Пушкин и лубок.

Мой Пушкин: Викторина // Сов. женщина. 1989. № 2. С. 27.

«Мой Пушкин» — итоги конкурса // Там же. 1989. № 11. С. 9.

Молок Ю. О художнике этой книги [В. М. Конашевич] // Пушкин А. С. Сказки. М.: Дет. лит., 1989. С. 133—134.

Мошинская Р. П. Пушкин и исторический анекдот Шамфора // Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста: Анекдот / Таллинн. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллинн, 1989. С. 47—52.

Музей-квартира А. С. Пушкина / Авт. текста и сост. Н. И. Попова. Л.: Лениздат, 1989. 24 с., [20] л. ил.: ил.

Музей-квартира А. С. Пушкина на Мойке = Pushkin memorial museum on the Moika embankment: [Альбом / Сост. и авт. текста Н. И. Попова; Макет и оформ. А. А. Зубченко; Фотосъемка В. А. Стукалова; Пер. на англ. яз. Н. Л. Некрасова]. М.: Сов. Россия, 1989. 126, [1] с.: ил.

Мурьянов М. Ф. Об одной пушкинской эпиграмме // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. Т. 48, № 3. С. 215—230. Библиогр.: 74 назв.

Эпиграмма (Из Антологии) («Лук звенит, стрела трепещет...»).

М. П. Мусоргский: [Альбом / Сост., авт. вступ. ст. и текста Р. К. Ширинян]. 2-е изд. М.: Музыка, 1989. 191, [2] с.: ил. (Человек. События. Время).

С. 44—73: «Прошедшее в настоящем — вот моя задача». [Создание «Бориса Годунова» и «Хованщины»].

Мухина С. Л. Беседа о славной старине: Встреча с прошлым // Беседа о славной старине: Сб. Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1989. С. 4—140.

С. 109—113: «Уж Волга, рек, озер краса...» [Поволжье в творчестве Пушкина].

Набоков В. Пушкин, или Правда и правдоподобие / Пер. с франц. Т. Земцовой // Набоков В. Приглашение на казнь: Романы. Рассказы. Критич. эссе. Воспоминания. Кишинев: Лит. артистикэ, 1989. С. 525—536.

Написано в 1937 г.

Нагибин Ю. Москвич Пушкин // Нагибин Ю. Вдали музыка и огни: Повести и рассказы. М.: Современник, 1989. С. 460—466.

Надеждин С. Пушкин — в меру пушкиньянца? // Рус. яз. и лит. в узб. шк. 1989. № 3. С. 64—67.

Наумов А. В. Следствие и суд по делу о дуэли А. С. Пушкина: Учеб. пособие. Хабаровск: Хабар. высш. шк. МВД СССР, 1989. 96 с.

Наумов А. Учусь «...свободною душою закон боготворить» // Сов. юстиция. 1989. № 4. С. 16—18.

О юридическом образовании Пушкина в Лицее.

- Небольсин С. О двух «памятниках» из наследия А. А. Ахматовой // *Поэзия*: Альм. М.: Мол. гвардия, 1989. Вып. 53. С. 38—44.
- Древнеегипетские стихи и традиция «памятника» в стихах Горация, Пушкина и в «египетском» стихотворении Ахматовой «Если б все, кто помощи душевной...».
- Небольсин С. Пушкинская школа // *Мол. гвардия*. 1989. № 6. С. 259—274.
- Воспитательное значение поэзии Пушкина.
- Небольсин С. Пушкинская школа // *За строкой учебника*: Сб. ст. / Сост. П. Горелов. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 8—24.
- Непомнящий В. С. Дар: Заметки о духовной биографии Пушкина // *Новый мир*. 1989. № 6. С. 241—260.
- Никитин А. Г. «Враги его, друзья его...»: К истории несостоявшейся дуэли Пушкина // *Родина*. 1989. № 6. С. 20—21.
- Пушкин и Соломирские. Публикуется отрывок из письма П. А. Вяземского к Д. Давыдову от февраля 1837 г. о кончине Пушкина (копия письма в Гос. архиве Свердловской области, фонд Соломирских) и отрывки из писем Е. А. Соломирской к А. Я. Булгакову от 29 января, 30 января и 6 февраля 1837 г. о дуэли и смерти Пушкина. Отрывки из писем от 30 января и 6 февраля впервые опубликованы: *Лит наследство*. М., 1952. Т. 58. С. 144.
- Впервые: Никитин А. Г. Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. Пермь, 1984.
- Никишов Ю. М. Контраст и ритм в стиле «Евгения Онегина» // *Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX—начала XX века*: Сб. науч. тр. / Свердл. гос. пед. ин-т. Свердловск, 1989. С. 42—58.
- Николаев А. А. О музыкальном воплощении пушкинских сюжетов: (Заметки композитора) // *Рус. лит.* 1989. № 2. С. 53—69.
- Николаев И. Последняя книга ученого // *Звезда*. 1989. № 3. С. 205—206.
- Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Лермонтов и Пушкин. Л.: Сов. писатель, 1987.
- Никольский В. А. Салтыков-Щедрин и Пушкин: Пособие по спецкурсу / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. 64 с.
- Новиков Н. Встреча с «Борисом Годуновым» // *Новиков Н. У истоков великой музыки: Поиски и находки на родине М. П. Мусоргского*. Л.: Лениздат, 1989. С. 29—39.
- Работа Е. Нестеренко над образом Бориса Годунова. Посещение с. Наумова.
- Нольман М. В защиту поэзии // *Лит. обозрение*. 1989. № 2. С. 93—95.
- Против ошибок при цитировании произведений Пушкина.
- Нольман М. Неоправданная замена: Саади или Цицерон // *Памир*. 1989. № 1. С. 160—167.
- По поводу статьи В. Е. Ветловской «Иных уж нет, а те далече...» (Пушкин. Исслед. и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 104—123).
- Обернивина Г. А. Материалы литературного музея в учебном процессе // *Рус. яз. в нац. шк.* 1989. № 11. С. 35—40.
- С. 35—38: Заочная экскурсия в Болдино и музей-квартиру А. С. Пушкина на Арбате.
- Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы. В 2 т. / Сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой; Вступ. ст. Ю. Манна. Т. 1. Статьи по теории литературы; Гоголь, Пушкин, Тургенев, Чехов. М.: Худож. лит., 1989. 541, [1] с.
- С. 229—252: Гл. 1. «Пушкинское» и «гоголевское». Художественный метод Гоголя (Из книги «Н. В. Гоголь». 1902). С. 377—434: Из книги «А. С. Пушкин» [Впервые // Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1909. Т. 4. В наст. изд. пять первых глав].

- Овчинникова С. Произведения А. С. Пушкина в иллюстрациях Милашевского // Дошк. воспитание. 1989. № 3. С. 63—66.
- Овчинникова С. Рисунки А. С. Пушкина // Там же. № 6. С. 71—76.
- Овчинникова С. Т., Рысина Ф., Светлова Г. Музей «Квартира Пушкина на Арбате». М.: Моск. рабочий, 1989. 80, [1] с. [8] л. ил. (По музеям и выст.). Рис. Пушкина.
- Озеров Л. А. Перечитывая Пушкина // Озеров Л. А. Начала и концы. М.: Сов. Россия, 1989. С. 4—33.
Впервые: Озеров Л. А. Необходимость прекрасного. М.: Сов. писатель, 1983. С. 5—29.
- Окуджава Б. Частная жизнь Александра Пушкина, или Именительный падеж в творчестве Лермонтова: Рассказ // Окуджава Б. Избранные произведения: В 2 т. М.: Современник, 1989. Т. 2. С. 389—399.
Написано в 1976 г.
- Осетров Е. Как не зайти к Смирдину: Записки старого книжника // Книги не молчат: Из публицистики восьмидесятых. М.: Дет. лит., 1989. С. 259—262.
- Осоргин М. А. «Пригожая повариха» // Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда / Сост., вступ. ст. и примеч. О. Ласунского. М.: Книга, 1989. С. 138—147.
«Пригожая повариха» [«Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» М. Чулкова (СПб., 1770) — комментарий к «Дубровскому»] — «Письмовник Курганова» [комментарий к «Истории села Горюхина»]. — «Что за календари?» [К «Истории села Горюхина»].
- Осповат А. Л. Послание Тютчева автору «Вольности» и дело Лувеля // «Великая французская революция и пути русского освободительного движения»: Тез. докл. науч. конф. 15—17 дек. 1989 / Тарт. ун-т. Каф. рус. лит. Тарту, 1989. С. 50—55.
- Осповат А. Л., Сажин В. Н. Тютчев о романе «Евгений Онегин» (запись Н. П. Жандра): Сообщ. // Федор Иванович Тютчев. В 2 кн. / Отв. ред. С. А. Макашин и др. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 482—483. (Лит. наследство / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Т. 97).
- Островский А. Н. Застольное слово... о Пушкине... // Островский А. Н. Вся жизнь — театру / Вступ. ст. С. Е. Шаталова; Сост., примеч., имен. указ. Н. С. Гродской. М.: Сов. Россия, 1989. С. 813—186. (Рус. дневники).
Впервые: Застольное слово А. Н. Островского, произнесенное на обеде Общества любителей российской словесности в Москве [7 июня 1880 г.]: Вестник Европы. 1880. № 7.
- Острой О. С. «Город муз» в жизни Э. Ф. Голлербаха // Анциферовские чтения: Материалы и тез. конф. (20—22 дек. 1989 г.) / Ленингр. отд-ние Советского фонда культуры. Л., 1989. С. 43—48.
- Павлова Е. В. А. С. Пушкин в портретах = Pushkin's gallery of portraits. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. художник, 1989. 167 с. + Прил. (383 с.: ил.); Имен. указ.: с. 147—167. Библиогр.: с. 141—145. 2 кн. в футляре.
1. Закл. II. Пушкин Александр Сергеевич, о нем. РПМ БАН СССР 1989.
- Паустовский К. Михайловские рожи // Паустовский К. Рассказы. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1989. С. 8—16.
Написано в 1936 г.
- Паустовский К. Сказки Пушкина // Пушкин А. С. Сказки. М.: Дет. лит., 1989. С. 131—132.
- Певзнер Л. Рисунки поэта // Наше наследие. 1989. № 6. С. 134—135: ил.
Идентификация портретов А. Н. Пещурова и Н. А. Гончарова.
- Переверзев В. Ф. У истоков русского реализма / Сост.: В. Ф. Переверзев и В. В. Переверзев; Вступ. ст. П. А. Николаева. М.: Современник, 1989. 750, [2] с.
С. 57—88: «Пушкин в борьбе с русским „плутовским романом“» [впер-

- вые: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.: Л., 1936. Вып. 1. С. 164—188]. С. 153—278: «Позмотворческий путь Пушкина». [Гл. 8 впервые: Переверзев В. Ф. Гоголь. Достоевский. М.: Сов. писатель, 1982. С. 406—416. Написано в 1944—1945 гг.].
- Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII—первой трети XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1989. 176 с.
С. 99—102: «А. С. Пушкин».
- Петелин В. Восхождение: Докум. повествование о молодом Шалапине. М.: Сов. писатель, 1989. 557, [1] с.
С. 276—285: Гл. 5. «Борис Годунов».
- Петрушанская Е. По пушкинскому камертону // Муз. жизнь. 1989. № 3. С. 6—7: ил.
Интервью С. С. Гейченко.
- Пожар С. «...Неисчерпаемый родник для русской музыки» // Горизонт. 1989. № 6. С. 23—26.
- Попадейкин В. И., Струков В. В., Тарунов А. М. Тропами Подмоскovie: Путеводитель. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Моск. рабочий, 1989. 410, [1] с.
С. 259—263: «По пушкинским местам».
- Попов Ю. Пистолеты Пушкина // Сов. музей. 1989. № 1. С. 10.
- Порудолинский В. Сто разных лиц и одно лицо // Порудолинский В. Счастливые встречи / Оформ. худож. А. Асеева. М.: Малыш, 1989. С. 27—31: ил. (Детям об искусстве).
- Иконография Пушкина.
- После экспедиции // Огонек. 1989. № 29. С. 18—19.
По поводу статьи А. Ю. Чернова «Поминование». Отклики С. Мироненко, Б. Раушенбаха, С. А. Фомичева, А. Тархова, Д. С. Лихачева.
- Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / Сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. М.: Правда, 1989. 700, [3] с.: 8 л. ил.
- Поэзия А. С. Пушкина и ее традиции в русской литературе XIX—начала XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1989. 145 с.
Содерж.: В. Н. Касаткина. Становление символа свободы в романтической лирике А. С. Пушкина; С. А. Джанумов. Образы-лейтмотивы в поэме А. С. Пушкина «Кавказский пленник»; Н. Я. Соловей. А. С. Пушкин о поэте и поэзии: (Программный триптих: «Поэт», «Поэт и толпа», «Поэту»); Л. Г. Лёнюшкина. Поэтический отклик А. С. Пушкина на поэму В. С. Филимонова «Дурацкий колпак»; Т. К. Батурова. К вопросу о декабристских связях А. С. Пушкина: (Об одной сноске в «Литературной газете» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина); Л. Н. Лузянина. Жанровое своеобразие поэмы А. С. Пушкина «Анджело»; М. А. Роза деева. А. С. Пушкин и «Денница» М. А. Максимовича; Г. Г. Рамазанова. К возможному источнику элегии Н. М. Языкова «Ты восхитительна! Ты пышно расцветашь...»: (А. С. Пушкин или А. Шенье?); Т. Н. Чернявская. Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и романическая хроника Н. С. Лескова «Соборяне»; С. Ю. Николаева, И. Б. Троицкая. Пушкин на страницах Чехова; Л. А. Смирнова. Пушкин в поэтическом мире Бунина; И. В. Алёхина. Роль пушкинских реминисценций в ранней прозе И. А. Бунина; И. Ю. Симачёва. Урбанистическая традиция А. С. Пушкина в сборнике А. Белого «Пепел»; И. Г. Чеснокова. Функции пушкинской элегии в рассказах А. Куприна начала 900-х годов; Т. Ю. Максимова. «Мой Пушкин» М. И. Цветаевой: осознывая феномен Художника.
- Пришвин М. О Пушкине // Пришвин М. Творить будущий мир. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 137—139. (Писатель — молодежь — жизнь).
Впервые: 30 дней, 1937, № 2.

ское, Святогорский монастырь) // Рус. яз. в эст. шк. 1989. № 3. С. 56—60.

По книге С. Гейченко «Приют, сияньем муз одетый». (М., 1979).

Проблема художественности и анализ литературного произведения (в вузе и школе): Тез. докл. зон. науч.-практ. конф. 24—26 окт. 1989 г. / АН СССР (Урал. отд-ние), Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1989. 84, [1] с.

С. 32—34: В. И. Ширинкин. Пушкин в общественно-литературном движении 1830-х годов. С. 34—36: А. А. А соян. Целостность и динамизм системы реминисценций как фактор художественности литературного произведения: (мотивы «Божественной комедии» в «Евгении Онегине»). С. 36—37: Т. В. Назарова. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в интерпретации А. М. Скабичевского. С. 78—79: В. В. Мерлин. Поэтический текст в перспективе деконструктивного чтения: («Кавказ» Пушкина).

Проблема художественности и анализ литературного произведения (в вузе и школе): Тез. докл. зон. науч.-практ. конф. 24—26 окт. 1989 г. / АН СССР (Урал. отд-ние), Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1989. 105, [1] с.

С. 56—57: Л. Л. Бельская. Цикл А. Тарковского «Пушкинские эпиграфы»: диалог с Пушкиным. С. 60—61: О. В. Филина. Пушкинские мотивы в лирике Б. Окуджавы.

Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли: Повесть памяти Ю. Г. Оксмана: Межвуз. науч. сб. Вып. 5, ч. 2 / Саратов. ун-т. Саратов, 1989. 215 с.

С. 3—33: Ю. Г. Оксман. Пушкинская ода «Вольность»: (К вопросу о датировке). С. 34—60: В. В. Пугачев, В. А. Динес. «А все-таки она вертится!» [Ю. Г. Оксман-пушкинист]. С. 83—91: Дюбо Б. А., Иванчук И. А. К. Маркс и Ф. Энгельс и язык русской художественной литературы: (Постижение великими мыслителями законов функционирования пушкинского образного словаря). С. 207—208: В. В. Пугачев. Образ Онегина и история русского общественного движения.

Проблемы современного пушкиноведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Псков. гос. пед. ин-т. Вологда, 1989. 168 с.

Содерж.: И. Л. А льми. О числе два и роли бинарных структур в художественной системе «Пиковой дамы»; Т. В. Седакова. Личность Пушкина в лирике; Э. В. Слинкина. Мотивы «света» и «тьмы» в художественной системе Пушкина-лирика; К. И. Соколова. Герой «петербургской повести» А. С. Пушкина («Медный всадник»); Н. Л. Вершинина. О пушкинской концепции личности и поэзии Ломоносова; Н. Л. Вершинина. Пушкин и Грибоедов: (К проблеме реализма в комедии «Горе от ума»); Л. Н. Летягин. Пушкин и «архивные юноши»; Н. В. Цветкова. Страх о Пушкине; Н. В. Цветкова. Пушкин в критике 50-х годов; В. В. Мусатов. Пушкин в творческом сознании Александра Блока (1890—1900-е гг.); А. Г. Разумовская. Пушкинская тема в творчестве Д. Самойлова; А. И. Голышева. Английская пушкиниана 70-х и начала 80-х годов; И. В. Полковникова. Образ автора в читательском восприятии школьников при изучении лирики Пушкина; В. Н. Голицына. К проблеме пушкинской традиции в изучении советской поэзии в 10-м классе (статья первая); Д. Д. Квасов. Кто был автором анонимного пасквиля, полученного Пушкиным 4 ноября 1836 г.

Про жогин Н. П. В изобразительную Пушкиниану // Наука и жизнь. 1989. № 6. С. 101: портр.

Публикуется портрет Ю. П. Строгановой работы Ж. Герена, находящийся в Португалии.

Про жогин Н. П. Из собрания Национального музея в Варшаве // Творчество. 1989. № 7. С. 31—32: портр.

Портрет Е. К. Воронцовой работы К. Блааса, с которого А. Принцгофер сделал литографию.

Прокопьева Н. И. Пушкинские традиции в творчестве Л. Н. Мартынова тридцатых годов // Художественная индивидуальность писателя и литературный процесс. (Творчество Л. Мартынова): Межвуз. сб. науч. тр. / Омский гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. Омск, 1989. С. 15—25.

Прохоров М. Ф. Ответы А. П. Ганнибала на анкету Вольного экономического общества // Сов. архивы. 1989. № 4. С. 80—81.

ОР ГБЛ. Ф. 219. Орловы. Давыдовы. Д. 109. Ч. 1. Л. 195—200.

Пухов М. Тайна «Пиковой дамы» // В мире фантастики: Сб. лит.-критич. ст. и очерков. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 74—79.

Пушкин. Письма: Т. 1—3 / Под ред. и с примеч. Б. Л. и Л. Б. Модзалевских. М.: Книга, 1989. (Пушкинская б-ка).

Репринт. воспроизведение изд.: Тр. Пушкинского Дома. М.; Л., 1926—1935.

Пушкин: [Альбом / А. И. Минина]. Л.: Художник РСФСР, 1989. 12 с., [10] л. ил.: ил. (Семья художника).

Пушкин: Исслед. и материалы: Сб. науч. тр. Т. 13 / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. 356, [2] с.

Содерж.: Предисловие. — I. Статьи. С. А. Фомичев. «Песни о Стеньке Разине» Пушкина: (история создания, композиция и проблематика цикла); О. С. Муравьева. Об особенностях поэтики пушкинской лирики; В. С. Баевский. Тематическая композиция «Евгения Онегина»: (природа и функции тематических повторов); Н. И. Михайлова. Роман «Евгений Онегин» и ораторская культура первой трети XIX века; В. М. Маркович. «Повести Белкина» и литературный контекст; Л. А. Шарапова. Стих «Сказки о попе и работнике его Балде»; В. С. Листов. «Сын казенного стрельца» — неосуществленный замысел Пушкина; Т. И. Краснобордьяко. Тема «литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника»; Г. А. Лесский. «Каменный гость»: (трагедия гедонизма). — К 150-летию со дня гибели Пушкина; Я. Л. Левкович. В. А. Жуковский и последняя дуэль Пушкина; Р. В. Иезуитова. Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину о смерти поэта (к истории текста); С. Л. Абрамович. Письма П. А. Вяземского о гибели Пушкина. — II. Материалы и сообщения. И. С. Чистова. Пушкин в салоне Авдотьи Голицыной; Т. К. Галушко. Пушкин и братья Раевские: (к истории отношений); И. В. Немировский. Кишиневский кружок декабристов (1820—1821 гг.); В. Э. Вадуро. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева; Л. А. Степанов. И. В. Киреевский среди литераторов «пушкинского круга» («Царицынская ночь»); Ю. И. Левина. «Прадед мой Пушкин»: (Из автобиографических записок); С. В. Березкина. Пушкинская фольклорная запись и «Сказка о царе Берендее» В. А. Жуковского. — III. Трибуна. Л. М. Ариштейн. Незавершенные стихотворения Пушкина (текстологические проблемы). — IV. Публикации. Из материалов Пушкинского Лицея. (Публ. Н. Н. Петруниной); Указ. имен; Указ. произведений Пушкина.

А. С. Пушкин: (К 190-летию со дня рождения) // Календарь знаменательных и памятных дат. М.: Сов. Россия, 1989. № 4, июнь. С. 15—20.

Пушкин: Проблемы творчества, текстологии, восприятия: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т; Отв. ред. М. Никишов. Калинин, 1989. 158, [1] с.

Содерж.: Предисловие. А. А. Смирнов. Романтическая характерность в лирике Пушкина; Ю. М. Никишов. «Герой — обстоятельства» как проблема реализма в романе Пушкина «Евгений Онегин»; В. С. Баевский. Имя собственное в рифмах «Евгения Онегина»; Д. И. Белкин. Поэтика авторских примечаний в цикле «Подражания Корану»; Л. А. Степанов. Опера Моцарта «Дон Жуан» и трагедия Пушкина «Каменный гость»;

М. Л. Нольман. Стоит ли спорить из-за одной буквы [и или е в слове «девочки» в монологе Марины]; Н. М. Сергеева. В век жестокий или жестокой?; М. В. Строганов. Смерть Пушкина в стихах его современников; Е. Н. Строганов. Об «онегинском» варианте повести Л. Н. Толстого «Казаки»; С. Ю. Николаева. Пушкин в восприятии чеховских персонажей; Н. Д. Просекова. Пушкинские начала в «Записках охотника» И. С. Тургенева; В. В. Ильин. Пушкин в творческом сознании А. Твардовского; Н. В. Мартынова. «Медный всадник»: специфика жанра.

Пушкин и его окружение: (Вопросы участникам конкурса «Что, где, когда») // В мире кн. 1989. № 1. С. 80.

Пушкинист: Сб. Пушкинской комиссии Ин-та мировой лит. им. А. М. Горького: (Вып. 1) / Сост. Г. Г. Красухин. М.: Современник, 1989. 416 с.: фот.

Содерж.: От составителя. — Наш Пушкин. Его жизнь и творчество; И. Абашидзе. Простота, за которой — тайна; С. Абрамович. Пушкин. Труды и дни: Из хроники 1836 года; С. Аверинцев. Живое наследие; Ю. Бондарев. Прекрасный континент надежды; Р. Гальцева, И. Роднянская. В подлунном мире; О. Гончар. Он дорог всем; Г. Горбовский. Духовная опора; Д. Гранин. «Доколь в подлунном мире...»; В. Гусев. Свет памяти; Н. Доризо. Та заветная дверь; С. Зальгин. На дороге будущего; Ф. Искандер. Моцарт и Сальери; Г. Красухин. Наше все; В. Кулешов. О судьбах личности, народа, человечества...; А. Кушнер. Стихотворная мысль; Д. Лихачев. Знамя нашей культуры; А. Лосев. Поэзия, мировоззрение, миф; Ю. Лошиц. Из предыстории «Песен западных славян»; А. Лупан. Корни нашего братства; Ю. Марцинкявичюс. Наивысшая точка; А. Межиров. Зачем крутится ветр в овраге...; В. Непомнящий. Пророк: Худож. мир Пушкина и современность; П. В. Палиевский. О границе между прозой и поэзией у Пушкина; А. Передрев. Божественный глагол; Н. Скатов. Прекрасен наш союз...; В. Соколов. И труд, и вдохновење; В. Сорокин. Дом и мир; Б. Тарасов. «...Эхо русского народа»; А. Тарковский. Высота духа; А. Турков. «Так вот что стоит за плечами...»; О. Чайковская. Гринев; Б. Шинкуба. Вечный спутник; Г. Эмин. Горный поэт. — Архив пушкиниста. В. Разбор Поэмы «Руслан и Людмила», соч. Александра Пушкина; П. К-в. Замечания на разбор поэмы «Руслан и Людмила», напечатанный в 34, 35, 36 и 37 книжках «Сына Отечества»: (письмо к издателю); М. К-в. Скромный ответ на нескромное замечание г. К-ва; Н. Черняев. «Буря». — «Цветок». — Под впечатлением пушкинских дней 1899 года; В. Ходасевич. Колеблемый треножник; А. Ванновский. Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина: (Загадка места за душу) / Предисл. П. В. Палиевского [на рус. яз. впервые]; М. Лифшиц. (О Пушкине) [письмо к Г. М. Фрилендеру от 8 апр. 1938 г. Печатается впервые].

Первый раздел сборника содержит материалы, опубликованные в периодике в связи со 150-летием со дня гибели Пушкина.

Пушкинские места Ленинграда. 1799—1837: Турист. схема. М.: Гл. упр. геодезии и картографии СССР, 1989. 1 л.

Пушин И. И. Записки о Пушкине. Письма / Сост., вступ. ст., с. 5—28, и коммент. М. П. Мироненко, С. В. Мироненко. М.: Правда, 1989. 574, [1] с.: [8] л. ил. (Лит. воспоминания).

Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин: Повести / Послесл. О. Михайлова «Подвижник пушкинской темы». Алма-Ата: Жазушы, 1989. 526, [1] с. С. 516—523.

Раевский Н. А. Портреты заговорили: [Лит. исслед. о А. С. Пушкине]. Алма-Ата: Жазушы, 1989. 478, [2] с.: ил. Библиогр. в примеч.: с. 445—479. С. 5—34: От автора.

Рамазанова Г. Г. Поэт пушкинской плеяды // Рус. яз. в башк. шк. 1989. № 4. С. 48—49.

Н. М. Языков.

Рассадин Ст. С согласия автора: Об экранизациях отеч. классици. М.: Всесоюз. творч.-произв. об-ние «Киноцентр», 1989. 125, [2] с.

С. 26—37: «Танец за плугом» [«Борис Годунов» в постановке С. Бондарчука]. С. 38—52: «Заместители» [телефильм «Маленькие трагедии» Швейцера, «Храни меня, мой талисман» Р. Балаяна и Р. Ибрагимбекова].

Рассовская Я. П. Образ Григория Отрепьева в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» и самозванчество как историко-культурное явление // Содержательность форм в художественной литературе: Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1989. С. 44—61.

Ремизов А. М. Огонь вещей: Сны и предсонье // Ремизов А. М. Огонь вещей / Сост., вступ. ст., коммент. В. А. Чалмаева. М.: Сов. Россия, 1989. С. 35—230.

С. 139—142: «Морозная тьма живой воды» [О языке Пушкина]. С. 142—144: «Дар Пушкина». С. 144—150: «Морозная тьма» [Сны в произведениях Пушкина]. Впервые отд. изд.: Париж, 1954.

Репин И. Е. О спектакле «Борис Годунов» // М. П. Мусоргский в воспоминаниях современников. М.: Музыка, 1989. С. 164—165.

Рецептер В. Прошедший сезон, или Предлагаемые обстоятельства. Л.: Искусство, 1989. 223, [2] с.

С. 61—71: Театр одного актера или театр одного автора? С. 71—79: «Я шел к тебе...» («Моцарт и Сальери»). С. 80—92: Предположение о «Русалке». С. 92—106: Дон Гуан и Дона Анна. С. 106—119: «Ты ль это, Вальсингам?».

Рецепты из поваренных книг семейства Пушкиных-Ганнибалов / Авт.: С. Гейченко, Ж. Журибеда; Худож.: П. Скайсткалис. Псков: Псков. отд-ние Советского фонда культуры, 1989. 14 с.

Рогачевский А. Б. К вопросу о сценичности «Бориса Годунова» А. С. Пушкина: (проблема жанра) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1989. № 1. С. 14—19.

Рогачевский А. Б. К понятию «честь»: Фонвизин и Пушкин // Философия и духовная жизнь общества: Тез. докл. и сообщ.: Науч. конф. молодых ученых. Ленинград 27—28 июня 1989 г. / АН СССР, Ленингр. каф. филос.; Филос. о-во СССР. Сев.-зап. отд-ние; ЛГУ. Филос. фак. Л.: Наука, 1989. С. 50—51.

Рогова А. И. Списки вольнолюбивой лирики А. С. Пушкина в аспекте литературоведческого и социологического анализа // Там же. С. 52—54.

Розанов В. В. Возврат к Пушкину: (К 75-летию со дня его кончины) / Предисл., с. 66—67. Ст. Лесневского // Лит. в шк. 1989. № 4. С. 67—69.

Написано в 1912 г.

Розанов В. В. Мысли о литературе / Вступ. ст., сост., коммент. А. Николюкина. М.: Современник, 1989. 607 с.: 1 портр. (Б-ка «Любителям российской словесности. Из лит. наследия»).

С. 158—166: «Пушкин и Гоголь» [написано в 1891 г.]. С. 232—239: «О Пушкинской Академии» [написано в 1899 г.]. С. 240—246: «Заметка о Пушкине» [написано в 1899 г.]. С. 247—262: «Еще о смерти Пушкина» [написано в 1900 г.]. С. 305—307: «Домик в Москве» [написано в 1911 г.]. С. 326—330: «Возврат к Пушкину»: (К 75-летию со дня его кончины). 27 янв. 1837 — 27 янв. 1912 года.

Розанов В. А. С. Пушкин / Послесл., с. 490—491, В. Сукача // Писатель и время. М.: Сов. писатель, 1989. Сб. 5. С. 479—490.

Впервые: Новое время. 1899. 26 мая.

То же в сокр. // Сов. женщина. 1989. № 5. С. 19, 38.

Розенблюм Е. Квартира Пушкина на Арбате // Красная книга культуры — Red Book of Culture. М.: Искусство, 1989. С. 339—351: фот.

России первая любовь: Писатели о Пушкине; Поэты — Пушкину / Сост.: В. Макаров, С. Смирнов. М.: Сов. писатель, 1989. 637, [1] с.

- Рыбаков Ю. Эпохи и люди русской сцены 1823—1917 гг. М.: Сов. Россия, 1989. 157, [2] с. (Б-чка «В помощь худож. самодеятельности»; № 5).
С. 6—19: «Театральные взгляды А. С. Пушкина».
- Савыгин А. М. Пушкинские Горы. 3-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1989. 174, [2] с., [8] л. ил.
- Сарнов Б. М. По следам знакомых героев. М.: Искусство, 1989. 250, [3] с.: ил.
Сценарии радиопередачи «В стране литературных героев». С. 12—25: Путешествие первое, в котором Хлестакова принимают за Байрона [Образ Байрона у Пушкина]; 63—83: Путешествие четвертое, в котором Германн дает показания [реализм и фантастика «Пиковой дамы»]; 84—97: Путешествие пятое, в котором появляется предшественница Анны Карениной [«Гости съезжались на дачу». Зинаида Вольская]; 98—110: Путешествие шестое, в котором Татьяна Лариной снится сон Обломова; 111—123: Путешествие седьмое, в котором Загорецкий и Молчалин судачат о Татьяне Лариной; 153—164: Путешествие десятое, в котором Онегин хочет уклониться от дуэли; 165—175: Путешествие одиннадцатое, в котором Онегин соглашается выстрелить в воздух; 176—191: Путешествие двенадцатое, в котором выясняется, почему Онегин поссорился с Ленским; С. 218—234: Путешествие пятнадцатое, в котором выясняется, почему Онегин носил боливар, а также какие анекдоты он рассказывал.
- Сауленко Л. Л. Пушкинские мотивы в поэзии Анны Ахматовой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1989. 16 с. Библиогр.: с. 15—16 (5 назв.).
- Святелик В. Легенда, пришедшая к Пушкину // Знамя. 1989. № 8. С. 211—220.
К истории создания «Бахчисарайского фонтана».
- Семенова С. Г. Перед лицом природы и судьбы: Тютчев, Пушкин, Баратынский, Лермонтов // Семенова С. Г. Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в литературе. М.: Сов. писатель, 1989. С. 5—98.
- Сергеев М. Д. Жизнь и злоключения Абрама Петрова — арапа Петра Великого; Зачем я ею очарован... Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 254, [1] с.: ил.
- Серебряна И. Б. Цыгане и цыганы // Рус. речь. 1989. № 1. С. 65—68.
Употребление в литературном языке.
- Серов А. Н. По поводу возобновления «Руслана и Людмилы» // Серов А. Н. Статьи о музыке. В 7-ми вып. / Сост., ред. и коммент. В. Протопопов. М.: Музыка, 1989. Вып. 5. 1860—1862. С. 193—196. (Рус. классич. муз. критика).
Впервые: Муз. свет: 1874. Февр. С. 9—11.
- Синявский А. Д. (псевд.: А. Терц). Прогулки с Пушкиным: Фрагмент // Октябрь. 1989. № 4. С. 192—199.
Рец.: Гуль Р. Прогулки хама с Пушкиным // Кубань. 1989. № 6. С. 67—71. В сокр.
- Жук В. [Письмо к А. А. Ананьеву, ред. «Октября»] // Октябрь. 1989. № 12. С. 199—204.
- Сиркес П. Сергей Бондарчук: Автор сценария — Пушкин // Сиркес П. Режиссеры-собеседники. М.: Всесоюз. творч.-произв. об-ние «Киноцентр», 1989. С. 48—63.
- Скатов Н. Кольцов. 2-е изд., доп. М.: Мол. гвардия, 1989. 298, [3] с. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; Вып. 1 (642)).
С. 130—144: «Пушкин».
- Скатов Н. Н. Наш Пушкин // Ленингр. панорама. 1989. № 6. С. 2—5: ил.
- Скробов В. С. «Коллективный метод» перевода пушкинской лирики // Лингвистические единицы, конструкции и текст: Сб. науч. ст. / АН СССР, Сиб. отделение. Ин-т ист., филол. и филос. Новосибирск: Наука, 1989. С. 67—76.
Проблемы перевода лирики Пушкина на немецкий язык.
- Слюсарь А. А. Анна Ахматова о Пушкине // Проблемы творчества и биографии

А. А. Ахматовой: Тез. докл. обл. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта. 12—14 июня 1989 г. Одесса, 1989. С. 51—54.

Смирнова А. О. Из записок А. О. Смирновой / Подгот. текста и публ. Л. Горелова; Предисл. В. Кожина, с. 152—155 // Дон. 1989. № 6. С. 156—173.

Печатается по тексту журн. «Северный вестник».

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 789 с.: ил. (Лит. памятники).

О Пушкине см. указ. имен.

С. 18—26: «Воспоминания о Жуковском и Пушкине». С. 579—631;

С. В. Житомирская. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие.

Смирнова Э. Русская музыкальная литература: Для VI—VII кл. дет. муз. школы: [Учебник]. 11-е изд. М.: Музыка, 1989. 126. [2] с.

С. 37—45: «Русалка» [Даргомыжского]. С. 56—66: «Борис Годунов» [Мусоргского]. С. 112—125: «Евгений Онегин» [Чайковского].

Смольников И. В неведомой тиши // Сов. женщина. 1989. № 6. С. 26. Пушкин в Симбирске.

Смусина М. Л. Школа для Пушкина [Проблемы школьного обучения] // Мол. коммунист. 1989. № 2. С. 60—66.

Солнце нашей поэзии: (Из соврем. Пушкинианы) / Сост. Ю. И. Осипова. М.: Правда, 1989. XXIV, 461. [3] с.: ил.

Содерж.: От составителя; Д. С. Лихачев. В памяти народной / Беседа вел Д. Чуковский; Н. Скатов. Детство Пушкина; А. Сопровский. Заметки о рождении и смерти А. С. Пушкина; Н. Колосова. «Друг мой женка»; Б. Тарасов. А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев: (Эпизоды творческой дружбы); Н. Колосова. Пушкин и Смирнова; И. Сидоров. «Это нам читал Пушкин, поэт, у Фикельмон...»: (Из переписки Бакуниных 1836—1837 гг.); А. Никитин. Мадригал князю Шаликову; А. Буторов. Встреча с пушкинской эпохой; Л. Звягинцев. Перстни-талисманы; А. Басманов. Полтава; И. Фейнберг. «Заступники кнута и плети...»; В. Берестов. Лестница чувств; А. Чернов. «На тайные исты...»: (Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина»); Л. Озеров. Перечитывая Пушкина; Ю. Карякин. Вдохновение; И. Фейнберг. Пропавший дневник [1962]; И. Зильберштейн. «Пушкиниана» Сергея Лифаря / Беседа вел Вл. Вельяшев; С. Энгель. Загадка писем Н. Н. Пушкиной [1976]; Г. Хайт. По следам предвестника гибели; Л. Керцелли. Портретные рисунки поэта: (новые атрибуции); И. Зильберштейн. О чем повествуют акварельные портреты пушкинской поры...; С. Горбачева, С. Ямщиков. Лица пушкинских современников: Новые открытия реставраторов; Вл. Вельяшев. «Мне видится мое селенье...» [с. Захарово]; Т. Князева. Пушкинское кольцо Верхневолжья; С. Овчинникова. Дом на старом Арбате; С. Гейченко. В Пушкинском заповеднике; В. Енишерлов. Чехословацкие встречи; Ю. Осипов. Первый юбилей. [Открытие памятника Пушкину в 1880 г. Председатель юбилейной комиссии Л. И. Поливанов].

Соловьев В. Статьи и письма / Сост. Р. Гальцевой // Новый мир. 1989. № 1. С. 194—234.

С. 223—224: Из «воскресных писем». О русском языке / Публ. А. Нова.

Написано в 1897 г.

Соловьев Вл. Судьба Пушкина / Подгот. публ. и примеч. Г. Зверева // Юность. 1989. № 6. С. 56—60.

Сокр. вариант.

Написано в 1897 г.

Соловьева В. С. Сравнения в романе «Евгений Онегин» // Рус. яз. в шк. 1989. № 3. С. 73—78.

- Солоухин В. Любезен народу // Призыв. 1989. № 6. С. 10—12.
- Спектор У. Миниатюрные издания «Евгения Онегина»: Ист.-книговед. очерк // Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах / Худож. О. Коровин. Пермь: Кн. изд-во, 1989. С. 269—300.
- Спектор У. Последнее прижизненное... // Полиграфия 1989. № 5. С. 42: ил.
«Евгений Онегин». 3-е изд. СПб., 1837.
- Сперанская Н. М. ХХХ! Пушкинская конференция // Рус. лит. 1989. № 4. С. 226—231.
Хроника конференции, состоявшейся 6—7 июня 1989 г. в Институте русской литературы. Тема: «Театр Пушкина».
- «Среди святых воспоминаний...»: Мемориал. музей Лицей; Музей-дача А. С. Пушкина / Авт. текста и сост. О. А. Яценко. Л.: Лениздат, 1989. 63 с.: ил.
- Старшинов Н. К. На милом берегу тьмы // Старшинов Н. К. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 400—403.
- Степанов Л. А. Поэзия любви: О «Каменном госте» А. С. Пушкина [Ст. 1] // Кузбаны: Альм. 1989. № 7. С. 87—96.
- Стрежнев И. «К студеным северным волнам»: А. С. Пушкин и Беломорский Север: Лит.-краевед. очерки. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1989. 238 с.
- Строганова Е. Н. Пушкинские начала в «Войне и мире» Л. Н. Толстого: Учеб. пособие / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1989. 85, [2] с.
- «Судьба поэта»: Сб. репертуарных и метод. материалов в помощь коллективам худож. самодеятельности и лит. любительским объединениям / Всесоюз. науч.-метод. центр нар. творчества и культ.-просвет. работы. М., 1989. 235 с.
С. 76—77: А. П. Арапова. Н. Н. Пушкина-Ланская. С. 80: Н. И. Мазкевич. Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника [Александр По Пушкине. Запись 1871 г.].
- Сурков Е. А. Русская сентиментальная, романтическая и реалистическая повесть (генезис, соотношение и взаимодействие в литературном процессе первой трети XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1989. 18 с. Библиогр.: с. 18 (5 назв.).
С. 11—18: гл. 3. Формирование русской реалистической повести («Станционный смотритель» А. С. Пушкина и «Шинель» Н. В. Гоголя).
- Сурков Е. Д. Евгений Арбенин и... Александр Пушкин: Недоуменные пометки на полях одной гипотезы // Театр. 1989. № 11. С. 169—175.
По поводу статьи А. Марченко «Перечитывая „Маскарад“» (Новый мир. 1984. № 10). То же: Марченко А. «С подорожной по казенной надобности». М., 1984.
- Талалай М. Проститься с Пушкиным // Аврора. 1989. № 6. С. 160. Судьба церкви Спаса Нерукотворного Образа, где отпевали Пушкина.
- Тамарченко Е. Д. Факт бытия в реализме Пушкина // Этические принципы русской литературы и их художественное воплощение: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1989. С. 41—56. Библиогр.: с. 56.
- Тамарченко Н. Д. У истоков русского классического романа: (Роман в стихах — поэма — повесть в творчестве Пушкина) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. Т. 48, № 3. С. 201—214. Библиогр.: 37 назв.
Типология жанровых структур: «Евгений Онегин» — «Цыгань» — «Пиковая дама».
- Тархов А. Календарь «Евгения Онегина»: Сомнения и гипотезы // Знание — сила. 1989. № 12. С. 55—57: ил.
Впервые: Знание — сила. 1974. № 9. С. 30—33.
- Тверской венок Пушкину: [Сб. / Сост., вступ. ст. А. Е. Смирнова]. Калинин: Моск. рабочий, 1989. 141, [1] с.
- Темненко Г. М. Пушкинские традиции в «Поэме без героя» А. Ахматовой // Вопр. рус. лит. Львов, 1989. Вып. 2 (54). С. 12—19.

- Тимофеева О. В. Рифма А. С. Пушкина: Лингвопоэт. аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1989. 16, [1] с.
- Трубецкой Б. Пушкин в Молдавии // Пушкин А. С. «В стране, где я забыла тревоги прежних лет...»: (Избр. произведения, написанные в Молдавии). Кишинев: Лит. артистикэ, 1989. С. 6—10.
- Турбин В. Н. Восприятие и интерпретация Лермонтовым жанровой структуры романа Пушкина «Евгений Онегин» // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 1989. № 5. С. 17—27.
- «Евгений Онегин» и «Герой нашего времени».
- Турбин В. Несколько слов о повести Пушкина «Капитанская дочка», о лжеотцовстве и о пережитом нашей страной // Новое время. 1989. № 35. С. 540—43: ил.
- Тыщенко В. П. «Памятник» Пушкина и жанровая традиция // Жанрово-стилевое единство художественного произведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. пед. ин-т. Новосибирск, 1989. С. 3—9.
- Уварова И. В. Эстетическая концепция и лирическая поэзия А. С. Пушкина романтического периода / Кубан. ун-т. Краснодар, 1989. 68 с. Деп. в ИНИОН АН СССР № 37871 15.05.89.
- Уральский библиофил / Ред.-сост. Ю. А. Горбунов. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. 285, [3] с.
- С. 84—98: А. Никитин. О ком спорил Онегин: История библиофильского поиска [«об генерале Жомини». Книги из библиотеки Жомини на Урале]. С. 218—223; Р. Овчинников. Книга из Оренбургского музея [книга Ф. Фенелона «Приключения Телемака», пожертвованная И. А. Кастанье музею]. С. 252—258; М. Осоргин. Поправка к повести И. П. Белкина / Послесл. О. Ласунского «Шутка писателя» (с. 258—259). [Впервые: Последние новости. Париж. 1936. 22 июня].
- Устинов В. Свечи сиянье: Рассказ; Опальный корнет: Повесть // Устинов В. Опальный корнет: Повесть и рассказы. Калининград: Кн. изд-во, 1989. С. 12—24; 25—214.
- Лермонтов и Пушкин.
- Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры: Ист.-лит. очерки / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1989. 173, [2] с.: ил. (Сер. «Науч.-попул. литература: Литературоведение и языкознание» АН СССР).
- Федоров В. Д. С Пушкиным на балу: Новелла // Федоров В. Д. Собр. соч.: В 5 т. М.: Современник, 1989. Т. 5. С. 289—297.
- Фенина Г. В. О некоторых аспектах комментирования В. В. Набоковым романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1989. № 2. С. 9—18.
- Фомичев С. А. «Несколько раз принимался я за ежедневные записки...» // Пушкин А. С. Дневники. Автобиографическая проза. М.: Сов. Россия, 1989. С. 7—22.
- Фомичев С. А. О стихотворении Пушкина «Во глубине сибирских руд...» // Рус. лит. 1989. № 2. С. 183—186.
- Уточнение датировки в связи со стихотворением А. И. Одоевского «Струн вещей пламенные звуки...».
- Франк С. Религиозность Пушкина // Театр. жизнь. 1989. № 8. С. 18—20: ил.
- В сокр.
- Впервые напечатано в 1933 г.
- Фридлендер Г. М. Вольность и закон: (Пушкин и Великая французская революция) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яв. 1989. Т. 48, № 6. С. 536—542. Библиогр.: 15 назв.
- Фридлендер Г. М. Пушкин в нашей жизни // Современность классики: Сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. С. 50—75.

- Хазин М. Г. Пушкин в Долне — Pushkin in Dolna [Путеводитель]. — Кишинев: Тимпул, 1989. 115 с.: ил.
- Загл. также: молд. Текст парал.: молд., рус. Рев.: англ.
- Хазин М. «Пушкин — это наше все»: Диалог с писателем / Записал и прокомментировал Е. Белых // Горизонт. 1989. № 6. С. 17—22.
- Хазин М. Пушкинская Долна // Там же. № 11. С. 30—31.
- Халивев В. Е., Шешунова С. В. Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина»: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1989. 79, [1] с.
- Харлап М. Г. О замысле «Арапа Петра Великого» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. Т. 48, № 3. С. 270—275. Библиогр.: 12 назв.
- Хентова С. Многострадальная оркестровка Шостаковича: Из истории оперы «Борис Годунов» // Муз. жизнь. 1989. № 19. С. 8—9.
- Ходасевич В. Колеблемый треножник / Вступ., публ. и подгот. текста С. Богатыревой // Знамя. 1989. № 3. С. 195—200. То же // Собеседник: Лит.-критич. ежегодник. М.: Современник, 1989. Вып. 9. С. 178—185. Предисл. В. Енишерлова.
- Ходасевич В. Ф. «Щастливый Вяземский» // Рус. лит. 1989. № 1. С. 104—107. Впервые: Возрождение. Париж. 1928. № 1269.
- Ходоров А. Завершение и продолжение // Нева. 1989. № 12. С. 191—193. Рец. на кн.: Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987.
- Хорхордина Т. И. Вечер памяти Пушкина на Кубе в 1937 г. // Сов. архивы. 1989. № 6. С. 78—79.
- Художина Э. И. Пародия и мышление стилями // Жанрово-стилевое единство художественного произведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. пед. ин-т. Новосибирск, 1989. С. 17—23. Пушкинское мышление стилями.
- Цветаева М. Мой Пушкин // Цветаева М. Избранное / Сост., коммент. Л. А. Беловой. М.: Просвещение, 1989. С. 267—299. Написано в 1937 г.
- Цоффка В. Советский фонд культуры в пушкинском Подмосковье // Стр-во и архитектура Москвы. 1989. № 4. С. 20: ил. О проблемах сохранения музея-заповедника А. С. Пушкина «Захарово — Большие Вяземы».
- Чарыева М. Д. А. С. Пушкин «В Сибирь» // Рус. яз. и лит. в туркм. шк. 1989. № 2. С. 17—21.
- Черкашин А. Родословная Пушкина // Агитатор. 1989. № 24. С. 23—26. Род Ратши. — Ветвь Пушки. — Род Ржевских. — // Родство с Чичериными.
- Черкашин А. Сколько предков у Александра Пушкина: С Андреем Черкашиным, составителем родового древа Пушкина, беседует критик В. Шикин // Наш современник. 1989. № 6. С. 135—138.
- Чернов А. Могила казненных декабристов на острове Гоноропуло: (атрибуционная справка) / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом), Отдел пушкиноведения. Л., 1989. 28 л.: фот. Машинопись.
- Чернов А. Ю. Поминование // Огонек. 1989. № 4. С. 22—25: ил. Место захоронения декабристов в рисунках и записях Пушкина.
- Чернов А. Хранилище [рукописей Пушкина] // Там же. № 23. 4-я с. обл.: ил.
- Чернышевский Н. Г. Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения; Из статьи «Сочинения Пушкина» // Чернышевский Н. Г. О классиках русской литературы / Предисл. и примеч. У. А. Гуральника. М.: Дет. лит., 1989. С. 14—47, 48—56. (Шк. 6-ка).
- Чистова И. С. «Кто там в малиновом берете...» // Рус. речь. 1989. № 5. С. 12—16.

Использование Лермонтовым пушкинского выражения в повести «Княгиня Лиговская».

Чумаков Ю. Н. «Первое свидание» А. Белого в русле онегинской традиции // Жанрово-стилевое единство художественного произведения: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. пед. ин-т. Новосибирск, 1989. С. 109—118.

Шагинян М. Три речи о Пушкине; О языке Пушкина // Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 8. Моногр. Этюды о классиках худож. лит. С. 645—656; 656—666.

Впервые: Кр. новь. 1937. № 1, Лит. газ. 1937. 10 февр., под загл. «Пушкин в колхозе»; Кр. новь. 1937. № 2.

Шанский Н. М. Eхegi monumentum // Рус. яз. в шк. 1989. № 1. С. 66—74.

Языковые особенности стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Шапорин Ю. А. Солнце русской музыки // Юрий Александрович Шапорин. Статьи. Материалы. Воспоминания / Ред.-сост. Е. А. Грошева. М.: Сов. композитор, 1989. С. 125—129.

Шарафадина К. И. Графические автокомментарии в лирике А. С. Пушкина: к проблеме поэтики целостности художественного текста // Роль искусства в поэтике литературного произведения: Сб. науч. тр. / Сев.-Осет. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Орджоникидзе, 1989. С. 40—48.

Шароев И. Г. Музыка, которую мы видим. М.: Сов. композитор, 1989. 254, [2] с.: ил.

Гл. I. Музыка и режиссура. С. 37—39: «О „Пиковой даме“». С. 39: «О „Евгении Онегине“». С. 58—66: «Еще раз о „Пиковой даме“». С. 67—71: «„Пиковая дама“ на сцене мюнхенской оперы».

Шарымов А. И тогда грянул бой...: К 280-летию Полтавской битвы // Аврора. 1989. № 6. С. 91—99.

Изображение битвы в «Полтаве» и «Истории Петра».

Швейцер М. Тот самый Дон Гуан // Владимир Высоцкий в кино: [Сб.]. М.: Всесоюз. творч.-произв. об-ние «Киноцентр», 1989. С. 173—174: ил. (Кинематогр. воспоминания).

Шелухо В. Д. Школьные литературные музеи: Спр.-путеводитель. Минск: Польша, 1989. 71, [1] с.

С. 8—9: Музей А. С. Пушкина. Брестская обл., Малоритский р-н, Орехово, ср. шк. С. 13—14: Музей А. С. Пушкина. Витебская обл. Г. Новополоцк, ср. шк. № 9. С. 55—56: Музей «А. С. Пушкин и Белоруссия». Минская обл., г. п. Узда, ср. шк. № 1 им. А. С. Пушкина.

Шергин Б. Пинежский Пушкин; Пушкин архангелогородский // Шергин Б. Древние памяти: Поморские были и сказания. М.: Худож. лит., 1989. С. 329—334; 335—341.

Шестакова Е. Н. О страхе смерти и свободе: (По трагедии А. С. Пушкина «Пир во время чумы») / Сиб. технол. ин-т. Красноярск, 1989. 15 с. Библиогр.: с. 15. Деп. в ИНИОН АН СССР № 37542 11.04.89.

Ширинкин В. И. Пушкин о нравственности в критике // Этические принципы русской литературы и их художественное воплощение: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. пед. ин-т. Пермь, 1989. С. 33—41. Библиогр.: с. 40—41.

Шихмурдова Л. Живая связь: (Сопоставительный анализ романов А. Кекилова «Любовь» и А. С. Пушкина «Евгений Онегин») // Рус. яз. и лит. в туркм. шк. 1989. № 5. С. 3—9.

Шмаринов Д.: Снова работа... Пушкин, Хемингуэй // Шмаринов Д.: Годы жизни и работы. М.: Сов. художник, 1989. С. 317—383: ил.

Шмидт Б. А. Пушкину внимаем...: Стихотворения и поэмы / Худож. Н. И. Брюханов. Петрозаводск: Карелия, 1989. 93, [1] с.

- Шмид В. Проза и поэзия в «Повестях Белкина / Вступ. ст. А. П. Чудакова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1989. Т. 48, № 4. С. 316—327.
- Дополнительный вариант доклада, прочитанного на Международном симпозиуме по творчеству А. С. Пушкина 26—28 февраля 1987 г. в Оттаве.
- Штайн К. Э. Язык. Поэзия. Гармония. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. 204, [2] с. С. 61—102: Гл. II. «В гармонии соперник мой Был шум лесов, иль вихорь буйный...»: «Испытание сердце гармонией», «Пророк».
- Штейнер Е. С. Варвара Бубнова как интерпретатор японского Пушкина // 100 лет русской культуры в Японии / АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1989. С. 239—257.
- Шубин Б. М. Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина // Шубин Б. М. Дополнение к портретам: Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина; Доктор А. П. Чехов. М.: Знание, 1989. С. 7—122.
- Шульгин А. В. Какой сон видела Марья Гавриловна?: О значении некоторых прилагательных, употребленных А. С. Пушкиным // Рус. речь. 1989. № 1. С. 150—152.
- Шустов А. Н. Мурын, арап, африканец // Там же. № 1. С. 139—142.
Употребление слов, в частности, в «Арапе Петра Великого».
- Щеглов Ю. М. Святые Горы: Повести. М.: Известия, 1989. 554, [1] с.: ил. (Б-ка «Дружбы народов»).
- С. 335—390: «Небесная душа» [Жуковский и Пушкин в преддверные дни. Впервые: Дружба народов. 1981. № 12. С. 98—391]. С. 391—554: «Святые Горы: Накануне дуэли» [впервые: Дружба народов. 1983. № 12. С. 93—169].
- Эйдельман Н. Я. Мгновенье славы настает...: Год 1789-й. Л.: Лениздат, 1989. 304 с.: ил. (Ист. б-ка «Хроника трех столетий. Петербург. — Петроград. — Ленинград»).
- С. 237—240: «Ingrata patria» [Пушкин и Наполеон. Стихотворение «Наполеон»]. С. 240—244: «1820-е» [элегия «Андре Шенье»].
- Эльяш Н. И. Театрально-эстетические взгляды и драматургия А. С. Пушкина // История русского дореволюционного драматического театра: Учебник...: В 2 ч. М.: Просвещение, 1989.
- Ч. 1. От истоков до 1870-х годов. С. 129—144.
- Юрьева И. Ю. Топонимика пушкинских мест // Рус. речь. 1989. № 6. С. 71—79.
- Яковлев В. Наш Пушкин // Нар. образование. 1989. № 6. С. 164—165: ил.
- Яндиев Ш. Д. Проблема истины в статье Н. С. Лескова «Иезуит Гагарин в деле Пушкина» // Вопросы сравнительного изучения национальных языков и литературы. М., 1989. Ч. 2. С. 375—381. Деп. в ИНИОН АН СССР № 40183 21.11.89.
- Яновский Н. Трагедия А. С. Пушкина «Каменный гость» // Сиб. огни. 1989. № 6. С. 163—166.
Написано в 1938 г.
- Библиотекарь. 1989. № 6.
190 лет со дня рождения А. С. Пушкина.
- С. 47—49: В. Кулешов. Поэт и книжный мир. С. 49—50: Я. Л. Левкович Судьбы писем [Пушкина к невесте]. С. 51: Г. Колосова. Пушкинина «Художественной литературе». [Программа к 200-летию со дня рождения поэта].
- Волга. 1989. № 6.
К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

С. 3—15: ил.: «Непреложное свидетельство единой России»: Пушкин. Юбилей 1937 г. в рус. эмиграции. Д. С. Мережковский. Пушкин и Россия [впервые: Иллюстрированная Россия. Париж. 1937. № 7. 6 февр.]; Б. К. Зайцев. Явление Пушкина [впервые: Иллюстрированная Россия. 1937. № 7. 6 февр.]; Памятник Пушкину [впервые: Возрождение. Париж. 1937. № 4064, 6 февр. Прил. к номеру «Пушкин. 1837—1937». С. 5]; И. А. Бунин. «Пушкинские торжества» [впервые: Иллюстрированная Россия. 1937. № 7. 6 февр.]; И. С. Шмелев. Вещий [впервые: Иллюстрированная Россия. 1937. № 7. 6 февр.]; Тайна Пушкина [впервые: Возрождение. 1937. № 4064, 6 февр. Прил. «Пушкин. 1837—1937». С. 2]; А. М. Ремизов. Дар Пушкина [впервые: Последние новости. Париж. 1937. № 5801. 10 февр. С. 1]; Лоло (наст. имя: Л. Г. Мунштейн). Золотая россыпь («Голова давно уж в серебре...») [впервые: Иллюстрированная Россия. 1937. № 7. 6 февр.]; Дон-Аминадо (наст. имя: А. П. Шполянский) («Дождь был. Слякоть. Гололедида...») / Вступ. заметка, публ. и примеч. С. А. Кибальника. С. 16—25: ил.: В. Лукин. У меня есть Пушкин [Пушкиниана художника В. В. Березина]. С. 26—31: ил.: Л. Краваль. «...Через Саратов и Пензу» [Новые атрибуты рисунков Пушкина, связанных с уральской поездкой 1833 г.].

Вопросы литературы. 1989. № 4.

Раздел: Время. Культура. Пушкин. С. 184—193: В. Непомнящий. Сетования и надежды [о современном состоянии пушкиноведения]. С. 193—205: В. Есипов. Исторический подтекст в повести Пушкина «Пиковая дама». С. 206—217: М. Мурьянов. Два этюда о словоупотреблении Пушкина (1. Эпитет *нерукотворный*. 2. Приношение в «Евгении Онегине»). С. 266—269: Е. Горхова. Болдинские чтения. [Отчет о конференции 1988 г.].

Вопросы литературы. 1989. № 12.

Раздел: Время. Культура. Пушкин. С. 210—224: О. Поволоцкая. «Гробовщик»: Коллизия и смысл. С. 225—232: А. М. Горчаков. Пушкин глазами князя А. М. Горчакова: неизвестные воспоминания / Публ., вступ. заметки и коммент. Е. А. Уколовой и В. С. Уколова [воспоминания племянника Горчакова Н. А. Хвоцинского в записи В. Н. Обуховой, его дочери]. С. 233—244: П. Струве. Дух и Слово Пушкина / Публ., вступ. заметки и коммент. М. Филина. С. 262—267: А. Архангельский, М. Пустынин. Новое о Евг. Онегине: Забытая пародия / Вступ. заметка и публ. О. Кушлиной [«Евгений Онегин в Москве». Гл. 6, 12].

Городское хозяйство Москвы. 1989. № 6.

К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

С. 35—36: ил.: А. Тишечкина. Прошло всего — 200 лет [коллекция предметов изобразительного искусства, подаренная А. И. Кальма в Государственный музей А. С. Пушкина (Москва)]. С. 36: ил.: А. Стариков. Ветеран войны — правнук великого поэта [Г. Г. Пушкин]. С. 37—39: А. Смирнов. «Француз» или Стихотворения Александра Пушкина, сочиненные им по-французски.

Журналист. 1989. № 6.

К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

С. 88—89: Заботы и дела Пушкина-журналиста: (По письмам и документам) / Подгот. В. Стандаров. С. 90—93: К. Ляско. Его потомки: («Никто не смеет бросить камень...»; Правнук по прямой линии [Г. Г. Пушкин].

Кодры. 1989. № 6.

С. 32—58: ил.: И. Н. Халиппа. Город Кишинев времен жизни в нем Александра Сергеевича Пушкина / Предисл. С. Фомина, с. 32—35 [впервые: отд. изд. Кишинев, 1899]. С. 59—67: ил.: Л. Краваль. Рисунок Пушкина и портрет его времени [определение портретов Е. Бакуниной, Н. Кочубей, Е. М. Хитрово, Потоцких]. С. 143—147, 147—148: Б. Трубецкой.

Воспоминаний длинный свиток; Забытая реликвия [дом П. Маврогени в Кишиневе, где бывал Пушкин]. С. 149—152: С. Фомин. А король-то голый... [пушкиноведение в Молдавии].

Костер. 1989. № 6.

С. 2—3: Н. Скатов. Пушкин-историк. С. 4: Оля Васильева. Я читаю Пушкина. С. 5—7: А. Ефремов. «Душа, двойным огнем согрета...» [Д. Давыдов]. С. 8—9: «Уж небо осенью дышало...»: Из блокнота художника О. Филипенко. С. 10—11: М. Чулаки. Где же бывал Пушкин? С. 12—15: Б. Хотимский. Пушкинская речка [пушкинские места на Фонтанке]. С. 17: Н. Давыдова. Один летний день [поездка в Берново]. С. 36—37: Творчество твоих ровесников [детские рисунки к произведениям Пушкина]. С. 37—38: А. Павловский. Пушкин и Ахматова. С. 39: В. Стрижак. Дуэль, которой не было [беседа с Ю. М. Марусиным (Ленским) и С. Лейферкусом (Онегиным)]. С. 40—41: Н. Иванова. «Под сенью лип...» [Пушкин на Каменном острове]. С. 42—43: В. Парфенов. Рассказы о библиотеке Пушкина. С. 44—45: В. Суслов. «Только версты полосаты...». С. 45: И. Смольников. Вслед за Пушкиным [Пушкин в Татищеве].

Литература в школе. 1989. № 1.

К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 20—33: Ст. Куняев. «Духовной жаждою томим...». С. 34—44: В. Ф. Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина: Главы из книги / Предисл., подгот. текста и коммент. М. Филина.

Литература в школе. 1989. № 3.

К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 31—35: Русское зарубежье: фрагменты отверженной Пушкинианы. А. Ремизов. Дар Пушкина [впервые: Последние новости. Париж. 1937. 10 февр.]; К. В. Мочульский. Заметки о «Евгении Онегине» / Предисл., подгот. текста и коммент. М. Филина [впервые: Последние новости. 1926. 8 июня].

Литературная учеба. 1989. № 3.

С. 91—95: ил.: Л. Огинская. Пушкин глазами художника XX века [иллюстрации Ю. Т. Звирбулиса]

К 190-летию А. С. Пушкина. С. 96—97: Вл. Гусев. Пушкин в роли пророка цивилизации [человек и силы Природы в «Медном всаднике»]. С. 97—102: Н. Ерофеева. Парадокс образа Пушкина в юбилейной поэзии. С. 102—112: С. Д. Кржижановский. Искусство эпитафия: (Пушкин) [написано в 1936 г. Публ. и предисл. В. Перельмутера]. С. 115—118: Ю. Н. Говоруха-Отрок [взгляд на русскую литературу от Пушкина до Гаршина. Написано 31 авг. 1894 г.].

Литературное обозрение. 1989. № 6.

С. 15—23: Тревоги, надежды, работа: Пушкиноведы отвечают на анкету «ЛО» (А. Н. Архангельский, В. Э. Вацуро, В. И. Кулешов, Ю. М. Лотман, Е. А. Маймин, В. С. Непомнящий, О. А. Проскурин, Л. С. Сидяков, Е. А. Тоддес, С. А. Фомичев). 2—3 с. обл.: В усадьбе Остафьево.

Москва. 1989. № 6.

К 190-летию со дня рождения Пушкина. С. 172—177: Л. Михайлова. Неожиданность известного [выставка работ В. А. Милашевского в Государственном музее А. С. Пушкина]. С. 178—187: Т. Глушкова. Повышенных способностей человек толпы [«Моцарт и Сальери» Пушкина]. С. 188—195: О. Поволоцкая. «Метель»: коллизия и смысла / Предисл. В. С. Непомнящего [фрагмент работы о «Повестях Белкина»].

Народное творчество. 1989. № 6.

2 с. обл., 7: ил.: «Я живу жизнью тех, кого рисую...» [Рисунки Н. Рушевой] / Подгот. В. Лимонов. С. 7: Д. Лихачев. День рождения Пушкина — день русской культуры. С. 8—10: В. Григорьев, Н. Щербина. «Здесь

каждый шаг в душе рождает воспоминанья прошлых лет...»: (Из дневников экспедиций по пушкинским местам, где прошли детство, юность, зрелые годы поэта).

Наше наследие. 1989. № 3.

190 лет со дня рождения А. С. Пушкина. С. 2—4: Н. Скагов. «...Всякая сущий в ней язык». С. 4: И. Юрьева. Десять дней на берегу Днепра. — В Маркучае. С. 5—7: факс.: В. Енишерлов. Неизвестное письмо [Пушкина к А. Ваттемару от 20 июля 1834 г. Автограф публикуется впервые]. С. 7: В. Гнеденко. Где родился поэт?; В. Юшкевич. Белоруссия. С. 8—14: А. Крейн. Благодарение [пожертвования в Гос. музей А. С. Пушкина (Москва)]. С. 14: Пушкиниана русского зарубежья. С. 15—21: С. Булгаков. Жребий Пушкина / Публ. М. Филина [1937]. С. 22—34: С. Лифарь. Моя зарубежная Пушкиниана / Вступ. ст. и публ. В. Вельяшева [отрывок из кн.]. С. 35—53: «Евгений Онегин» Владимира Набокова / Предисл. Ю. Кагана. Из «Предисловия переводчика»; Из комментария к главе Второй / Пер. и примеч. М. Новикова.

Отчизна. 1989. № 6.

Наш Пушкин. С. 4—5: А. Урбан. Незакатное солнце поэзии. С. 7—10: Т. Муромская. Обитель поэтов [Остафьево]. С. 12—14: Е. Максимов. Тайна Дугино [Смоленской губернии, имения Е. Н. Карамзиной-Мещерской]. С. 16—17: фот.: В. Фридкин. Пистолеты де Баранта [Г. М. Воронцов-Вельяминов]. С. 18—19: ил.: К. Кистанов. Портрет из Чикаго [портрет Пушкина работы Григория Орлова].

Простор. 1989. № 6.

С. 166—170: А. Гурьев. «И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем...» / Записала Л. Шашкова [художник о своей работе над иллюстрациями к произведениям Пушкина]. С. 171—173: Д. Ельдесов. Свобода духа и совесть художника [критическая оценка книги Н. А. Раевского «Портреты заговорили»]. С. 174—175: В. Мерлин. О гениальности Пушкина и «злодействе» пушкинистов [по поводу статьи Е. Ельдесова «Свобода духа и совесть художника»]. С. 177—179: И. Лукаш. Дурной арапчонок / Предисл. Н. Гринкевич [рассказ о рождении Пушкина].

Русская речь. 1989. № 3.

К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 11—15: А. Н. Архангельский. Пир милосердия [язык и стиль стихотворения «Пир Петра Первого»]. С. 16—23: Ю. А. Немировская. «Заезжий фигляр» у Пушкина. С. 24—27: В. Э. Вацуро. Из записок филолога. «Стансы винограду» [коммент. к стихотворению «Послание к Галичу»]. М. Г. Искрин. «...Гадатель, толкователь снов» [Мартын Задека]. С. 144—145: Т. В. Горячева. «Автомедоны наши бойки...» [слово «Автомедон» в «Евгении Онегине»]. С. 153—154: Т. Ф. Иванова. Лениниана, Пушкиниана [значение и употребление слов].

Русский язык в башкирской школе. 1989. № 3.

С. 13—15: Р. Г. Аминов. Литературный музей А. С. Пушкина [Пушкинский музей в школе д. Шабагиш Кумертауского р-на]. С. 41—43: Р. Г. Назиров. Свет великой души. С. 51—52: В. Никонов. Три тысячи Пушкиных [впервые: Рус. яз. за рубежом. 1987. № 3].

Русский язык в молдавской школе. 1989. № 2.

К 190-летию со дня рождения. С. 23—27: М. Хазин. Пушкин сегодня. С. 28—33: А. Д. Розенштрах. Духовная драма «маленького человека» в произведениях А. С. Пушкина и К. Стамати «Станционный смотритель» и «Гафица, проклятая родителями». С. 33—37: Литературная викторина «Знаете ли вы творчество А. С. Пушкина?» / Сост. М. Ионко. С. 38—42; Л. В. Лобзова. «Души моей царицы...» [Кишиневские красавицы].

Русский язык в эстонской школе. 1989. № 4.

С. 30—34: А. Шевелкина. О системе письменных работ в курсе литературного чтения: На примере лирики А. С. Пушкина. С. 43—47: С. Исаков, Ю. Пярли. Русско-эстонские литературные связи при изучении темы «А. С. Пушкин» в X классе.

Русский язык за рубежом. 1989. № 1.

С. 100—111: фот.: С. Соколова. Хранитель Пушкиногорья. С. 112—115: ил.: С. Гейченко. Рассказы о Пушкиногорье: Отрывки из книг. С. 127: Т. А. Загребальная. А. С. Пушкин на земле Южного Вьетнама [пушкинский праздник поэзии в Хошимине].

Русский язык и литература в казахской школе. 1989. № 6.

С. 13—14: Г. Окусханова. Пушкин и няня: Урок в VII кл. С. 21—23: У. Джусупов. Школьный праздник «Пушкинская весна» [г. Кентау]. С. 28—32: Л. Бельская. «Я вас любил...». С. 32—36: В. Мельник. Пушкинские традиции в романе «Обломов». С. 37—43: З. Табакова. Безглазные предложения в типовых ситуациях: На материале поэтик. текстов А. С. Пушкина. С. 51—58: С. Тлегенова, Л. Подкатилова. Друзья Пушкина: Факультативное занятие.

Русский язык и литература в киргизской школе. 1989. № 3.

С. 1—3: Э. Н. Турсунов. Наш Пушкин — и в оригинале, и в переводе... С. 4—9: В. К. Карайбрагимова. «Пушкин с нами, Пушкин в нас!»: (Уроки в классе углубленного профиля). С. 10—13: Ш. Д. Тилембаева. Еще одно стихотворение А. С. Пушкина о зиме...: (Урок лит. чтения в VI кл.) [«Зима! Крестьянин, торжествуя...»]. С. 13—18: С. А. Волжская. Над страницами первой главы «Евгения Онегина»: (К урокам в VIII кл.). С. 18—22: Д. Л. Брудный. К изучению стихотворений А. С. Пушкина в VIII классе: (Несколько метод. рекомендаций). «Арион» (1827); «Я памятник себе воздвиг...» (1836). С. 31—37: Л. А. Шейман. «Среднеазиатские аспекты» творчества Пушкина. 1. Разыскания и гипотезы М. К. Нурмухамедова. 2. Почему «киргизец» остался в черновой строфе «Памятника»? 3. «Царевна лебедь»... и Айчурек? [героиня киргизского эпоса]. Вокруг проблем психологизма пушкинской прозы. С. 37—45: Е. М. Мостовая. «Правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах»: (О психологизме «Повестей Белкина»). С. 45—47: Г. Г. Залесская. Еще раз о психологизме повестей Пушкина. С. 47—51: Ю. А. Шрейдер. Загадка пушкинской прозы: (Ответ оппонентам). С. 51—53: «Прелесть нагой простоты»: (Отв. ред.) [дискуссия о проблемах прозы Пушкина]. С. 57—63: В. И. Мельник. А. С. Пушкин и И. А. Гончаров: (Пушкинские традиции в романах Гончарова).

Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. 1989. № 5.

С. 47—51: С. Б. Зархи. «Я вас любил...»: Сценарий вечера, посвящ. А. С. Пушкину. С. 69—74: И. С. Бокий. Корни и ветви: (из родословной великого поэта). С. 75—76: Все о Пушкине: Лит. викторина.

Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. 1989. № 11.

С. 11—14: В. А. Коряушкина. К Пушкину ли ведет современное искусство? [Отклик на ст.: С. Б. Табенцкая. К Пушкину через современное искусство...]. С. 14: В. С. Коротеева. Праздник для детей [программа предполагаемого детского праздника пушкинской поэзии]. С. 29—36: Г. В. Маклакова. Иное разрешение старых проблем: Опыт соврем. прочтения произведений А. С. Пушкина, С. А. Есенина, К. М. Симонова.

Сибирские огни. 1989. № 6.

К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 149—162: Г. Красухин. Что человек может: Повесть А. С. Пушкина «Анджело». С. 163—166: Н. Ямпольский. Трагедия А. С. Пушкина «Каменный гость» [написано в 1938 г.].

Слово. В мире книг. 1989. № 6.

Номер, посвященный 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Вечные спутники. Александр Пушкин. С. 2: А. Черкашин. Предки и потомки: Генеалогия поэта. С. 4, 6—7, 10—11, 14—15, 18—19: Прямые предки и потомки А. С. Пушкина: Схема. С. 3: Мнение ученых: С. А. Фомичев, В. П. Вомперский, Н. Н. Скатов. С. 5, 8—9, 12: Л. Шестов. Наш исцелитель [ред. загл. ст. «А. С. Пушкин». Написана в 1899 г. Впервые: Воздушные пути. Нью-Йорк, 1960]. С. 17, 20—24: А. О. Смирнова-Россет. Прекрасные сны / Публ. подгот. А. Кандалов. [Отрывки из «Записок»]. С. 25—29: Д. Мережковский. Последняя тишина сердца. [Отрывок из кн. «Вечные спутники. Пушкин». СПб., 1906]. С. 30—32, 41—44: Э. Горчакова. Час вечности. [Пушкинская тема в творчестве ленинградских художников]. С. 45: В. Грехов. Таинство Пиковой дамы [А. Никитин — рижский иллюстратор]. С. 45: В. Шамшурин. И болдинский пейзаж [Д. Д. Арсенин]. С. 46—62: А. Ларионов. Заповеди блаженства. Встречи в Михайловском [с С. С. Гейченко].

Советская женщина. 1989. № 6.

К 190-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 26: И. Смольников. В неведомой тиши [Пушкин в Симбирске, 1833]. С. 27: фот.: П. Соловей. Снова в Михайловском [скульптура Пушкина-мальчика в Михайловском — дипломная работа Г. В. Додоновой].

Театр. 1989. № 2.

С. 37—67: Сквозь тернии... «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Постановка Юрия Любимова (Театр на Таганке. 1982—1988). С. 37—39: В. Гулыченко. Метаморфозы Смутного времени. С. 40—51: Юрий Любимов репетирует «Бориса Годунова»: Из записей П. Леонова 1982 и 1988 годов. С. 52—62: фото: А. Велехов. Десять дней. С. 63—67: фото: И. Силина. Из пепла.

Художник. 1989. № 6.

С. 1—5: ил.: Е. Устинов. Воплощение гармонии — Пушкин [беседа с художником Е. А. Устиновым]. С. 16—17: ил.: В. Сергеенко. По памятным местам [пушкинские места в работах художника Б. А. Семенова]. С. 29: Из письма Николая I брату — Великому князю Михаилу Павловичу [перепечатано из: Лит. Россия. 1989. № 5. 3 февр. С. 15]; За спиной Геккерн — Нессельроде? [Кр. излож. ст.: Кожин В. В. Из чьей руки?.. // Правда. 1989. 6 февр.]. С. 30—32: Пушкинские празднества в 1899 году [по страницам газет 1899 г.]. С. 33—37: ил.: Л. И. Певзнер. «Себя как в зеркале я вижу...» [портрет Пушкина работы О. А. Кипренского]. С. 48—64, ил.: Е. В. Павлова. Семья Пушкина в портретах.

Эхо планеты. 1989. № 23.

К Пушкину — всемирная тропа.

С. 38—39: Н. Ермаков. На берегах Сены: Беседа с Л. Дени, переводчицей. С. 39: К. Евдокимов. «Происхождения африканского» [Пушкин в Эфиопии]. С. 39—40: фот.: В. Чудов. Под небом Гете и Шиллера [памятник Пушкину в Веймаре]. С. 40: А. Дягутис. Весенний праздник [конкурс «В мире пушкинского творчества» в Варшаве]. С. 40: На разных языках [тиражи].

Юный художник. 1989. № 6.

С. 2—3: ил.: Д. С. Лихачев. «И долго буду тем любезен я...» [фонд культуры о программе «Пушкин в памяти поколений»: создание пушкинского центра в с. Захарово и Б. Вяземы]. С. 4—6: ил.: А. Доминяк. Поэтическая родина Пушкина [Большие Вяземы]. С. 7—10: ил.: Л. Вагнер. Айвазовский и русское искусство.

А. В. ДУБРОВСКИЙ

ПРИЖИЗНЕННАЯ ПСЕВДОПУШКИНИАНА

«Ни один поэт России не имел такой завидной участи, как Пушкин. Ничья слава не распространялась так быстро. Все к стати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какие-нибудь ярко сверкающие отрывки его поэм. Его имя уже имело в себе что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь из досужих марателей выставить его на своем творении, уже оно расходилось повсюду. (...)»

Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильной известностью. Это вначале смешит, но после бывает досадно, когда наконец выходишь из молодости и видишь эти глупости непрекращающимися. Таким образом начали наконец Пушкину приписывать: „Лекарство от холеры“, „Первую ночь“ и тому подобные», — так писал Н. В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине».¹ Не случайно герой повести «Записки сумасшедшего» титулярный советник Поприщин, переписав любовные стихи поэта XVIII в. Н. П. Николаева: «Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Лъзя ли жить мне, я сказал», — тотчас заключает: «Должно быть, Пушкина сочинение».²

Действительно ни одному русскому писателю никогда не приписывалось такого громадного количества чужих произведений, как Пушкину. Уже более столетия не стихают научные споры о принадлежности поэту той или иной эпиграммы, стихотворения, статьи, письма. На фоне этой несмолкающей полемики время от времени свершаются новые «открытия», пополняющие и без того внушительный фонд псевдопушкинианы, основанный еще при жизни поэта.

Любопытно, что всплески сенсационных находок, как правило, приходятся на предъюбилейные и юбилейные годы. В действительности же «новые пушкинские тексты» оказываются либо забытыми произведениями современников Пушкина, либо настолько невыразительными в смысловом и художественном плане, что их апокрифичность очевидна без всяких экспертиз. Как отмечал

---

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 51.

² Там же. М.; Л., 1938. Т. 3. С. 197.

Б. В. Томашевский, происходит «несколько наивное, но психологически неизбежное — требование полноты изданий Пушкина», возникают поиски новых неизданных произведений Пушкина, жажда по «неизданному Пушкину». В результате появляется «методологическая нестрогость в приписывании Пушкину различных произведений. Если таким заманчивым является найти новую строку Пушкина, то как устоять против соблазна переоценивать аргументы в пользу принадлежности Пушкину того или иного произведения, как устоять против гипноза хотя бы и слабой аргументации, если в центре аргументации — имя Пушкина. Кроме того, при наличии спроса является и недобросовестное предложение. Жажда по произведениям Пушкина порождает мистификацию — сознательный обман».³

Вместе с тем непрерывный процесс поиска «неизданного Пушкина» выявил весьма серьезную проблему перед издателями сочинений поэта. Каждый из них со всей ответственностью вынужден был решать вопрос о группе произведений, с той или иной степенью достоверности приписываемых Пушкину. И едва ли не единственным критерием здесь долгое время оставался эстетический вкус издателя. Прекрасно ориентировавшийся в творчестве Пушкина В. А. Жуковский, по-видимому, случайно напечатал в девятом томе посмертного собрания сочинений поэта «Застольную песню» («Други! Пусть года несутся...») А. А. Дельвига.⁴ Спустя два десятилетия П. В. Анненков, проделавший огромную текстологическую работу, писал: «Многое приписывается у нас и в рукописных сборниках и даже печатно Пушкину, что ему не принадлежит. Так, между прочим, эпиграмма на сочинение одного лицеиста, описывавшего восхождение солнца с запада («И изумленные народы»), — приписанная у нас печатно Александру Сергеевичу, должна быть уступлена г. Илличевскому. Другая эпиграмма — „Салон-гостиная” — также относимая на счет нашего поэта, вышла из-под пера другого, остроумного литератора нашего. Экспромты о „Нациях”, отрывок из которых явился под именем Пушкина в одном московском журнале столь же мало принадлежит ему, как и стихи известной сатирической пьесы „Цапли”, находимые во всех сборниках с пометкой А. П., а между тем написанные Баратынским. Все это выпущено нами».⁵ И хотя Анненков взял на себя «смелость исключить» еще несколько подобных произведений, около десятка стихотворений, не имеющих отношения к Пушкину (в том числе и перекочевавшая из посмертного издания «Застольная песня» Дельвига), заняли место в издании под его редакцией.⁶ В последующих изданиях их количество нарастало, подобно снежному кому, что позволило Томашевскому

---

³ Томашевский Б. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 51.

⁴ Сочинения Александра Пушкина. СПб., 1841. Т. 9. С. 291—292.

⁵ Сочинения Пушкина / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7. С. 10.

⁶ Там же. СПб., 1855. Т. 2. С. 219.

назвать проблему отбора текстов «большим местом пушкинских изданий».⁷ Эта проблема сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Из произведений, принадлежность которых Пушкину была признана сомнительной, в 1903 г. известный библиограф и издатель сочинений Пушкина П. А. Ефремов составил обзор, который так и назывался «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях».⁸ Поскольку обзор был написан в жанре газетной статьи, основным его недостатком является неполнота. Хронологически обзор начинается с посмертного собрания сочинений поэта. За редким исключением, составитель не использовал прижизненные публикации в журналах и альманахах, а также значительное количество эпиграмм и экспромтов, которых, по словам Ефремова, «было приписано Пушкину такое множество, что их невозможно перечислить в газетном фельетоне».⁹ Ефремов не учитывал также произведения, которые с именем Пушкина распространялись в списках.

Существенный вклад в разработку темы «Мнимый Пушкин» внесли такие известные пушкинисты, как Н. О. Лернер,¹⁰ Ю. Н. Тынянов,¹¹ Б. В. Томашевский,¹² В. В. Виноградов¹³ и особенно М. А. Цявловский, который занимался этой темой в продолжение всей своей жизни. Еще в 1914 г. в предисловии к библиографическому указателю «Пушкин в печати. 1814—1837», составившему первый выпуск «Русской пушкинианы», Цявловский сообщил, что во второй выпуск войдет «статья о псевдопушкиниане, в которой будут напечатаны по возможности все произведения, когда-либо приписывавшиеся Пушкину».¹⁴ В следующем году с докладом по этой теме он выступил в Обществе истории литературы.¹⁵ Однако замысел второго выпуска «Русской пушкинианы» остался неосуществленным. В 1930 г. редколлегия издания собрания сочинений Пушкина предложила Цявловскому написать для «Путеводителя по Пушкину» две статьи: «Пушкиниана» объемом 6000—8000 знаков и «Псевдопушкиниана» объемом 9000 знаков.¹⁶

⁷ Томашевский Б. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. С. 50.

⁸ См.: Новое время. СПб., 1903. № 9845 и 9851. 2 и 8 августа; Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903.

⁹ Там же. С. 30—31.

¹⁰ См., например, Лернер Н. О. Новые приобретения Пушкинского текста // Полн. собр. соч. Пушкина / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.-Пг., 1915. Т. 6. С. 172—243, а также статьи в выпусках «Пушкин и его современники».

¹¹ Тынянов Ю. Н. Мнимый Пушкин // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 78—92.

¹² Томашевский Б. 1) Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения; 2) Писатель и книга. Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959.

¹³ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

¹⁴ Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни / Сост. Н. Синавский и М. Цявловский. М., 1914; 2-е изд. М., 1938. С. 7.

¹⁵ Сообщение о докладе см.: Пушкин: Сборник первый / Ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924. С. 31.

¹⁶ См. письмо П. Е. Щеголева М. А. Цявловскому от 2 августа 1930 года // ИРЛИ, ф. 387, № 352, л. 26, 32.

Цявловскому не удалось осуществить эту работу, хотя отдельные ее фрагменты, по-видимому, использовались в его статьях. Собранные им материалы по библиографии псевдопушкинских текстов остались неопубликованными. После смерти Т. Г. Цявловской в 1978 г. К. П. Богаевская передала их в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

Цявловскому удалось выявить около трехсот стихотворений, в разное время приписанных Пушкину. В настоящее время можно указать гораздо большее их количество. Весь этот корпус текстов предстоит тщательно изучить. В каждом случае необходимо установить первую публикацию, источник (печатный или рукописный), где они были впервые приписаны Пушкину, последующие публикации, варианты, а также всю литературу по каждому стихотворению. Авторы ряда произведений, напечатанных с именем Пушкина, уже известны. Как правило — это поэты, современники Пушкина: В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский, Д. П. Ознобишин, В. И. Туманский и др. Необходимо продолжить работу по атрибуции подобных текстов, а также попытаться установить авторство тех, которые публиковались анонимно и под псевдонимами.¹⁷ В первую очередь следует обратить внимание на прижизненные публикации и прижизненные списки. Кроме того, несомненный интерес представляет изучение псевдопушкинианы, или «мнимого Пушкина», как культурно-исторического явления, обусловленного повышенным интересом к личности и творчеству Пушкина со стороны почитателей его таланта и исследователей.

«История псевдопушкинианы — есть часть истории пушкинианы», — справедливо заметили в статье Ю. М. и М. Ю. Лотманы.¹⁸ Она начинается в пушкинскую эпоху, когда с его именем стали печатать произведения других, менее известных поэтов. Многие стихотворения, преимущественно политического или фривольного содержания, расходились в рукописных списках и сохранялись в устной традиции как пушкинские. В самом конце библиографического указателя «Пушкин в печати» Цявловский перечислил стихотворения, приписанные Пушкину при жизни, с указанием источников и названия там, где это возможно, подлинных авторов:

«В. Туманского. „За днями дни бегут толпой“ — Весенние цветы. М., 1835.

„Занает сердечко“ — Жасмин и роза. М., 1830; Лира граций. М., 1832.

В. Пушкина „К лире“ («Давно на лире милой») — Новейшее собрание романсов и песен. Ч. I. М., 1830.

В. Пушкина. „К Хлое“ («Как все с тобою дух пленяет») — Там же.

В. Туманского. „Нужна любовь как воздух ясный“ — Жасмин и роза. М., 1830.

Д. Ознобишина. „Романс“ («Я жду тебя и не дождуся») — Букет благовоющих

---

¹⁷ «По подсчетам Цявловского, таких произведений, напечатанных без подписи, или под звездочками, или под буквами, не вызывающими мысли об авторе, свыше 70» (Томашевский Б. В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. С. 52—53).

¹⁸ Лотман Ю. М., Лотман Мих. Ю. Вокруг десятой главы «Евгения Онегина» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 150.

цветов. К. Немова. М., 1829; Новейшее собрание романсов и песен. Ч. II., М., 1830; Новейшее собрание романсов и песен. Изд. 2-е. Ч. I. 1835.

С. Шевырева. „Свадьба” («Не невеста с женихом») — Эвтерпа. М., 1831; Песни, романсы и куплеты. М., 1833.

„Слушая сию новинку” (куплет в «Каноне в честь М. И. Глинки»).

П. Вяземского. „Элегия” («О ты, которая из детства») — Северная звезда М. А. Бестужева-Рюмина. СПб., 1829.

„Я пал пред алтарем прекрасной” — Эвтерпа. М., 1831; Песни, романсы и куплеты. М., 1833».¹⁹

Рассматривая вопрос о происхождении «мнимого Пушкина», Томашевский выделил три основные причины этого явления:

«Иногда в основе такого приписывания лежит простое невежество и тяга к крупному имени. (...) Подобное приписывание Пушкину чужих стихов началось еще при жизни (особенно в разных «Песенниках») и создало обширную литературу „мнимого Пушкина”. Здесь, понятно, простейшим образом опровергнуть принадлежность Пушкину является нахождение настоящего автора.

Такого же рода — приписывание по ошибке. Так, Анненков, найдя в бумагах Пушкина копию (рукой Пушкина) стихов Жуковского, приписал их Пушкину и напечатал в редактированном им собрании сочинений Пушкина (1841). Так на основании ошибочных помет в лицейских тетрадах некоторые стихотворения Дельвига приписывались Пушкину. Бывали случаи, что в каком-нибудь журнале вслед за анонимным стихотворением печаталось другое за подписью Пушкина. Подпись ошибочно относилась к обоим стихотворениям, и создавалось новое мнимое произведение Пушкина. И здесь нахождение настоящего автора решает вопрос».

И наконец, к третьей причине Томашевский отнес «злостное приписывание и фальсификации».²⁰ Сразу уточним, что фальсификацией, или подделкой (лат. falsificare — «подделывать»), в текстологии называется «такое произведение, которое сознательно отнесено автором, издателем и пр. не к тому лицу, которое создало, (или-и) не к тому времени, когда оно написано».²¹ В этом случае для правильной атрибуции недостаточно применения только традиционных филологических приемов, которые, по мнению Томашевского, «обыкновенно сводятся к текстовому сопоставлению цитат из обследуемого и подлинного произведения автора». Ученый справедливо указывал на необходимость привлечения разнообразной научной методики: всестороннего историко-биографического исследования, статистических методов и т. д.²²

Оценивая тот или иной псевдопушкинский текст, подчас не легко провести грань между сознательным и случайным приписыванием. Не исключая случайных ошибок, заметим, что значительно чаще мы имеем дело с фальсификациями, которые получили

¹⁹ Пушкин в печати. 1814—1837. С. 163.

²⁰ Томашевский Б. В. Писатель и книга. С. 190—191.

²¹ Рейсер С. А. Основы текстологии. Л., 1978. С. 106.

²² Томашевский Б. В. Писатель и книга. С. 197.

распространение в связи с проникновением в литературу в первой трети XIX в. коммерческих отношений. Этот процесс очень точно охарактеризовал Н. В. Гоголь: «Литература должна была обратиться в торговлю, потому что читатели и потребность чтения увеличилась. Единственное дело, что при этом случае всегда больше выигрывают люди предприимчивые без большого таланта, ибо во всякой торговле, где покупщики еще простоваты, выигрывают больше купцы оборотливые и пронырливые».²³

В 1820—1830-х гг. необычайным успехом в России пользовались издания альманашного типа. Популярная альманашная форма нередко служила издателям приманкой для читателей. Многие альманахи со звучными названиями («Жасмин и роза», «Букет благоуханных цветов», «Эрато», «Эвтерпа») в сущности ничем не отличались от песенников. Тексты там печатались без согласия авторов. И знаменитое имя Пушкина использовалось при этом в коммерческих целях.²⁴

Так, вследствие омонимии имен А. С. Пушкину было приписано два стихотворения его «парнасского отца» В. Л. Пушкина: «К Хлою» и «К лире». Стихотворение «К Хлою» существует в двух редакциях. С первой строкой: «Как все с тобою восхищает...» и подписью «Пушкин» оно впервые появилось в сборнике «Приятное и полезное препровождение времени» 1795 г.,²⁵ много раз входило в сборники произведений В. Л. Пушкина и никогда не приписывалось его знаменитому племяннику.²⁶ В варианте, отмеченном М. А. Цявловским (первая строка: «Как все с тобою дух пленяет...»), стихотворение «К Хлою» впервые было опубликовано в «Собрании русских стихотворений...» 1810 г., подготовленном к печати В. А. Жуковским,²⁷ и отсюда перепечатано в «Новейшем собрании романсов и песен...» 1830 г.²⁸ и Песеннике И. Гурьянова 1835 г.²⁹ В каждом из этих сборников стихотворение подписано

²³ Гоголь Н. В. О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году // Полн. собр. соч. М.; Л. Т. 8. 1952. С. 168—169.

²⁴ Подробнее об этом см.: Левкович Я. Л. К истории статьи Пушкина «Альманашик» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I. С. 268—269.

²⁵ Приятное и полезное препровождение времени. М., 1795. Ч. 7. С. 22—23.

²⁶ См., например: Стихотворения Василия Пушкина. СПб., 1822. С. 175. Полное собрание сочинений русских авторов: Сочинения Василия Львовича Пушкина и Д. В. Веневитинова. СПб., 1855. С. 144—145; Сочинения В. Л. Пушкина, изданные под редакцией В. И. Саитова. СПб., 1893. С. 48; Пушкин Василий. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 124—125.

²⁷ Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих журналов, изданное Василием Жуковским. М., 1810. Ч. 2. С. 265.

²⁸ Новейшее собрание романсов и песен, избранных из лучших авторов, как-то: Державина, Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Капниста, Батюшкова, Жуковского, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынского, Козлова, барона Дельвига, кн. Вяземского, Ф. Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова, Слепушкина и многих других литераторов. Посвящено прекрасному полу. М., 1830. Ч. 1. С. 153—154.

²⁹ Полный новейший песенник, в тринадцати частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известнейших наших авторов, как-то: Державина, Карамзи-

одинаково: «Пушкин» (без инициалов). Но в заглавиях двух последних сборников среди перечисленных там поэтов встречается только А. Пушкин. Естественно, что читательское сознание должно было связать стихотворение «К Хлое» с его именем.

Аналогичный случай произошел с другим стихотворением В. Л. Пушкина «К лире» («Давно на лире милой...»). Впервые опубликованное в сборнике «Приятное и полезное препровождение времени» (1794 г. с подзаголовком «Анакреонтическая ода» и криптонимом «Всл.Пшкн»),³⁰ оно без подзаголовка и с подписью «Пушкин» было включено В. А. Жуковским в «Собрание русских стихотворений» 1810 г.³¹ Для В. А. Жуковского в ту пору отсутствие инициалов в подписи не имело принципиального значения. Но спустя 20 лет издатель «Новейшего собрания романсов и песен...» без всяких оснований приписал это стихотворение А. Пушкину.³² Правда, в дальнейшем с именем А. С. Пушкина стихотворение «К лире» не связывалось. В настоящее время оно прочно входит в число произведений В. Л. Пушкина.³³ Известно, что А. С. Пушкину приписывали и другие произведения его дяди, в частности, поэму «Опасный сосед», но только в устной традиции.³⁴ Любопытно, что точно таким же образом, вследствие омонимии имен, А. С. Пушкину были приписаны стихотворения другого родственника, поэта-переводчика Алексея Михайловича Пушкина: «Страшный суд» («Нас праведных творец хранит как милых чад...»)³⁵ и «На смерть князя М. И. Кутузова-Смоленского» («Отечество в слезах познало весть ужасну...»)³⁶ Подпись «А. Пушкин» в первом случае ввела в заблуждение известного библиографа С. Д. Полторацкого,³⁷ во втором — В. Г. Белинского.³⁸ Поскольку оба эти стихотворения были приписаны А. С. Пушкину после смерти, они, естественно, не вошли в список М. А. Цявловского.

Стихотворение В. И. Туманского «Элегия» («Нужна любовь как воздух ясный...») предназначалось автором для альманаха А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Звездочка», издание которого, как известно, не состоялось. Отпечатанная часть тиража была

на, Дмитриева, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Капниста, Батюшкова, Жуковского, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынского, Козлова, Дельвига, Вяземского, Ф. Глинки, Б. Федорова, Веневитинова, Слепушкина и многих других литераторов. Собранный И-м Гурьяновым. М., 1835. Ч. II. С. 90—91.

³⁰ Приятное и полезное препровождение времени. М., 1794. Ч. 3. С. 207—208.

³¹ Собрание русских стихотворений. М., 1810. Ч. 2. С. 177—178.

³² Новейшее собрание романсов и песен, избранных... М., 1830. Ч. 1. С. 86—90.

³³ См., например: Поэты 1790—1810 годов / Сост. Ю. М. Лотман. Л., 1971. С. 656—657.

³⁴ См.: Михайлова Н. И. Парнасский мой отец. М., 1983. С. 28.

³⁵ Впервые опубликовано в журнале: Санкт-Петербургский вестник. 1812. № 7. С. 44—49.

³⁶ Впервые опубликовано в журнале: Вестник Европы. 1813. Ч. 69. № 11—12. С. 188.

³⁷ См.: Северная пчела. 1856. № 153. 10 июля и № 158. 16 июля.

³⁸ См.: Отечественные записки. 1843. Т. 31. № 12. Отд. 5. С. 30.

конфискована и в 1861 г. сожжена.³⁹ В 1827 г. с другим названием «Мольба» и с указанием времени и места создания: «март 1825. Одесса». В. И. Туманский опубликовал это стихотворение в московском альманахе «Северная лира».⁴⁰ «Первенец московских альманахов», сознательно ориентированный издателями С. Е. Раичем и Д. П. Ознобишиным на «Полярную звезду», высоко оценивался А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским. Казалось бы, никаких сомнений в авторстве В. И. Туманского быть не может. Однако в ряде песенников стихотворение «Нужна любовь как воздух ясный...» появилось сначала как анонимное,⁴¹ затем в сборнике романсов и песен «Жасмин и роза» 1830 г. с подписью «А. Пушкин».⁴² Собранный, по сообщению Б. Путятина, неким К. Поповым⁴³ из стихотворений, напечатанных в других изданиях, «полупесенник-полуальманах» «Жасмин и роза» пользовался недоброй репутацией.⁴⁴ В дальнейшем стихотворение «Нужна любовь как воздух ясный...» Пушкину никогда не приписывалось. Как стихотворение В. И. Туманского «Мольба», оно неоднократно включалось в различные сборники и хрестоматии второй половины XIX в.⁴⁵ Под этим названием оно вошло и в сборники произведений В. И. Туманского.⁴⁶

Другое стихотворение В. И. Туманского «Моя любовь» («За днями дни бегут толпой...»), впервые опубликованное в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы на 1825 год» с датой 1824 г. и криптонимом «Т-»,⁴⁷ так же, как и предыдущее, сначала перепечатывалось без подписи и без заглавия в полупесенниках-полу-

³⁹ Подробнее о судьбе альманаха «Звездочка» см.: Левкович Я. История альманаха. Авторы. Цензурная рукопись. М., 1981. С. 8—66.

⁴⁰ Северная лира на 1827 год. Посвящается любительницам и любителям отечественной словесности Раичем и Ознобишиным. М., 1827. С. 114.

⁴¹ Эвтерпа. Подарок любительницам и любителям пения на 1828 год. Собрание новейших романсов и песен. М., 1828. С. 97; 2-е изд. М., 1836. С. 81; Эрато, приношение прекрасному полу, или Собрание новейших, отборных и употребительнейших романсов и песен. М., 1829. С. 112; Полный новейший песенник... собранный И-м Гурьяновым. М., 1835. Ч. 10. С. 68—69.

⁴² Жасмин и роза, подарок для туалета на 1830 год любительницам и любителям, или Новейшее собрание романсов и песен. М., 1830. С. 26.

⁴³ См.: Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 586.

⁴⁴ Вот как, к примеру, отзывалась о нем «Литературная газета» Дельвига: «Желательно бы знать, однако ж, в силу какого правила гг. издатели подобных сборников осмеливаются перепечатывать произведения лучших современных наших поэтов, не спросив на то позволения у них самих (ибо большая часть тех, коих стихотворения таким образом перепечатываются, еще живы), или у их семейств? Но упомянутые смельчаки-издатели сим еще не ограничиваются: они поправляют по-своему и увечат стихи, даже целые стихотворения поэтов, подписывают под ними чужие имена и т. п. Не говоря уже о неисправности печатания, об уродливом правописании сих компиляторов: стоит взглянуть на первые страницы сих полеклых Жасминов и Роз, чтобы убедиться в справедливости сего» (Литературная газета. СПб., 1830. Т. 3. № 9).

⁴⁵ Эротические стихотворения русских поэтов. Собрал Григорий Книжник (Г. Н. Геннади). СПб., 1860. С. 96; Купидон, Собрание лучших стихотворений современных русских поэтов с 10-ю картинками. М., 1865. С. 98.

⁴⁶ Туманский В. И. 1) Стихотворения. СПб., 1881. С. 122; 2) Стихотворения и письма. СПб., 1912. С. 143.

⁴⁷ Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом. СПб., 1825. С. 319—320.

альманахах «Эрато»⁴⁸ и «Эвтерпа»,⁴⁹ а затем с подписью «А. Пушкин» появилось в подобном издании «Весенние цветы» 1835 г.⁵⁰ Эта фальсификация имела свое продолжение. Спустя 20 лет некий Е. Н. Эндельсон в журнале «Современник» представил текст, перепечатанный из «Весенних цветов», как «драгоценную находку» стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшего в издание его сочинений.⁵¹ На ошибку Эндельсона оперативно отреагировала газета «Санкт-Петербургские ведомости».⁵² В последующем с именем А. С. Пушкина это стихотворение больше не связывалось. Как произведение В. И. Туманского оно вошло в сборники его стихотворений,⁵³ в известную хрестоматию Н. В. Гербеля,⁵⁴ в сборник «Поэты 1820—1830-х годов».⁵⁵ Автограф этого стихотворения под заглавием «Элегия» (1824) хранится в Российской государственной библиотеке.⁵⁶

Стихотворение «Я жду тебя и не дождуся...», отмеченное в указателе М. А. Цявловского как принадлежащее Д. П. Ознобишину, впервые было опубликовано в альманахе «Северные цветы на 1826 год» под заглавием «Персидский романс (из повести «Орсан и Леила»)» и подписью «Пл. Ободовский».⁵⁷ В качестве анонимного произведения распространялось в песенниках того времени.⁵⁸ Как «Романс» А. Пушкина оно было представлено в «полуальманахе» К. Немова «Букет благовоющих цветов» 1829 г.,⁵⁹ откуда без заглавия перепечатывалось в двух изданиях «Новейшего собрания романсов и песен».⁶⁰ В дальнейшем с именем А. С. Пушкина не публиковалось.

Трудно представить, какими соображениями руководствовался М. А. Цявловский в своей атрибуции. Но дважды — в подготовительных материалах к «Псевдопушкиниане» и в указателе — он

⁴⁸ Эрато... М., 1829. С. 90—91.

⁴⁹ Эвтерпа... / 2-е изд. М., 1836. С. 78—79.

⁵⁰ Весенние цветы, или Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского и проч. М., 1835.

⁵¹ Современник. СПб., 1856. Отд. 1. С. 5—6.

⁵² Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 58.

⁵³ Туманский В. И. 1) Стихотворения. СПб., 1881. С. 104—106; 2) Стихотворения и письма. СПб., 1912. С. 136—137.

⁵⁴ Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873. С. 332—333.

⁵⁵ Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 277—278.

⁵⁶ См.: там же. С. 730.

⁵⁷ Северные цветы на 1826 год, собранные бароном Дельвигом. СПб., 1826. С. 41—42.

⁵⁸ Собрание романсов и песен для прекрасного пола. М., 1827. Ч. 1. С. 40—41; Новейшее собрание отборнейших песней и романсов, или Подарок милым и прекрасным на Новый год. М., 1829. С. 58—59; Полный новейший песенник..., собранный И-м Гурьяновым. М., 1835. С. 178—179.

⁵⁹ Букет благовоющих цветов, или Новейшее собрание романсов и песен. Собрано К. Немовым. М., 1829. С. 48—49.

⁶⁰ Новейшее собрание романсов и песен, собранных из лучших авторов: Карамзина, Жуковского, Пушкина, Рыльева, Веневитинова, Бестужева, Ф. Глинки, Иличевского и проч. М., 1830. Ч. II. С. 19—20; 2-с изд. М., 1835. Ч. II. С. 19—20.

без каких-либо обоснований назвал автором стихотворения «Я жду тебя и не дождуся...» Д. П. Ознобишина. По-видимому, исследователь не был знаком с первой публикацией этого произведения в «Северных цветах», где оно отмечено как романс П. Г. Ободовского. Популярный драматург, поэт, переводчик, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, П. Г. Ободовский принимал активное участие в первых шести выпусках «Северных цветов» (1825—1830), и лишь отъезд за границу в феврале 1830 г. прервал его сотрудничество с бароном А. А. Дельбюгом.

Стихотворение «Свадьба» («Не невеста с женихом...»), впервые опубликованное в 1827 г. в журнале «Московский вестник» как принадлежащее С. Шевыреву под названием «Супруги. Военная песня»,⁶¹ спустя два года появилось как анонимное в одном из песенников.⁶² С подписью «А. Пушкин» оно было напечатано в полуальманахе «Эвтерпа» 1831 г.⁶³ и в песенниках 1830-х гг.⁶⁴ Впоследствии с именем А. С. Пушкина оно больше не связывалось. Тем не менее издавший в 1939 г. стихотворения С. П. Шевырева в Большой серии «Библиотеки поэта» М. Аронсон и составители двухтомника «Поэты 1820—1830-х годов» Л. Я. Гинзбург и В. Э. Вацуро оставили это стихотворение без внимания. Между тем о принадлежности его Шевыреву в первую очередь свидетельствует сам факт публикации в «Московском вестнике» с подписью Шевырева. Поэт, критик и журналист Шевырев занимал ведущее место в журнале, а с октября 1827 г. и до отъезда в Италию в начале 1829 г. был его соредактором.⁶⁵ Редкий номер «Московского вестника» выходил без его стихотворений. Любопытно, что появление его стихотворения с именем Пушкина в «Эвтерпе» произошло во время пребывания Шевырева за границей.

Стихотворение «Я пал пред алтарем прекрасной...» существует и с вариантом первой строки: «Я очарован был прекрасной...». По свидетельству П. А. Ефремова, оно было впервые опубликовано в Москве в 1828 г. и называлось «Романс — Я очарован был прекрасной — слова А. Пушкина. Музыку посвящает Богдану Андреевичу Макарову А. Гурилев. Ценз. И. Снегирев».⁶⁶ Ефремов попытался восстановить историю этого произведения: «В Москве я лично знал Макарова, но „романс“ попался мне уже в Петербурге в начале 1860-х годов, и на запрос мой о нем, я, к сожалению, получил в ответ, что Макаров незадолго умер на кавказских водах. Сверх появления в виде нот этот же романс был напечатан с именем же Пушкина и с изменением первого стиха в московском альманахе „Эвтерпа, или собрание новейших роман-

⁶¹ Московский вестник. 1827. № 19. С. 242—243.

⁶² Новейшее собрание отборнейших песней и романсов... М., 1829. С. 98—99.

⁶³ Эвтерпа... М., 1831. С. 183—185.

⁶⁴ Песни, романсы и куплеты из водевилей... М., 1833. С. 11—14. Полный новейший песенник... собранный И-м Гурияновым. М., 1835. Ч. 1. С. 105—107.

⁶⁵ Аронсон М. Пoesия С. П. Шевырева // Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939. С. VIII.

⁶⁶ См.: Русская старина. 1879. Т. 26. С. 732.

сов, баллад и песен известнейших и любимейших русских поэтов” (с. 163)». ⁶⁷

Первоначально Ефремов с доверием отнесся как к публикации этого стихотворения в качестве пушкинского в «Эвтерпе», так и к личности издателя альманаха: «Несмотря на пошлое заглавие альманаха, он, по-видимому, был составлен не промышленником-спекулянтом, а лицом, близким к тогдашним литературным кружкам. Доказательством этому служит, что почти все вошедшие в альманах стихотворения в большинстве принадлежат Пушкину, Баратынскому, Дельвигу, кн. Вяземскому, Туманскому, Плетневу, Веневитинову, К. Аксакову, Языкову и пр. и приведекы по несколько, в хорошем выборе, тогда как имен менее известных поэтов очень мало и всегда при одном только стихотворении. Затем встречаются имена А. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера и Полежаева, которые тогдашними обычными собирателями стихотворных альманахов совершенно исключались. При этом стихотворение Полежаева „Кто видел образ мёртвеца” напечатано вполне, тогда как во всех изданиях его сочинений, и прежде, и после исключался один стих». ⁶⁸ Ефремов также обратил внимание, что «стихотворение Жуковского „Роза весенний цвет”, напечатанное впервые в „Вестнике Европы” 1808 года без имени Жуковского, нигде не перепечатывалось, кроме „Эвтерпы”, и что таким образом о принадлежности его Жуковскому составитель альманаха мог узнать или от него самого, или от людей близких поэту». ⁶⁹

Однако довольно скоро у Ефремова возникли серьезные сомнения в авторстве Пушкина. Когда же он выяснил, что стихотворение «Я пал пред алтарем прекрасной...» «прежде было напечатано под заглавием „Деве любви” в числе других стихотворений за подписью „В. К-ий” («Лампада», «Песнь девы», «На берегу Тверды» и пр.) в „Дамском журнале” 1829 г. (Ч. XXV. № 7. Февраль. Ц. р. 6.02.29 г. С. 103—104)», ⁷⁰ все соображения в пользу авторства Пушкина отпали сами собой.

В дополнение к сведениям Ефремова отметим, что стихотворение «Я пал пред алтарем прекрасной...» помимо «Эвтерпы» печаталось в 1833 г. в сборнике «Песни, романсы и куплеты...». ⁷¹

Н. В. Гербель в Берлинском издании 1861 г. включил это стихотворение в число шестнадцати «быть может, и принадлежащих Пушкину, как утверждают некоторые библиографы, но сильно пострадавших от небрежности переписчиков, так что их трудно признать за пушкинские, без ясных на то доказательств». ⁷²

⁶⁷ Там же. С. 732—733.

⁶⁸ Русская старина. 1879. Т. 26. Декабрь. С. 733.

⁶⁹ Там же. С. 73.

⁷⁰ Ефремов П. А. Мнимый Пушкин... С. 7—8.

⁷¹ Песни, романсы и куплеты из водевилей... М., 1833. С. 49.

⁷² Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. X—XI.

С именем Пушкина в дальнейшем это стихотворение не связывалось. Подлинный автор его, скрывающийся под криптонимом «В. К-ий», неизвестен.

Стихотворение «Заноеет сердечко...», впервые опубликованное в альманахе «Календарь муз на 1827-й год» под заголовком «Колечко» и подписью «В-й Др...ъ»,⁷³ анонимно и без названия перепечатывалось в полуальманахах-полупесенниках «Эвтерпа»⁷⁴ и «Эрато».⁷⁵ С подписью А. Пушкина это стихотворение напечатали подобные им издания «Жасмин и роза»⁷⁶ и «Лира граций»,⁷⁷ уже в то время имевшие неблагоприятную репутацию. Ранее в связи со стихотворением «Нужна любовь как воздух ясный...» мы приводили негативный отзыв «Литературной газеты» о «Жасмине и розе». Теперь процитируем мнение рецензента газеты «Молва» о «Лире граций»: «Всегда с негодованием смотрим мы на сборники, подобные „Лире граций“! Без позволения сочинителей, не зная не только грамматики — грамоты... У нас всякий уродует, перепечатывая произведения лучших наших писателей, и даже приписывает им то, чего они никогда не писывали».⁷⁸ В дальнейшем это стихотворение с именем Пушкина не печаталось. Автор его неизвестен.

Подведем итог: из десяти стихотворений, приписанных Пушкину в прижизненной печати (см. указатель Цявловского), по два принадлежат В. А. Пушкину и В. И. Туманскому, по одному — С. П. Шевыреву и П. Г. Ободовскому, авторы двух стихотворений, напечатанных с криптонимами «В. К-ий» и «В. Др...ъ», не установлены; стихотворение «Слушая сию новинку...», как известно, написано несколькими авторами. А изучение коллективного творчества не входит в планы настоящей работы; и наконец, стихотворение «Элегия» («О ты, которая из детства...»), опубликованное в 1829 г. с криптонимом «Ап» («Анониме»)⁷⁹ и перепечатанное с криптонимом «А...П...в» и без названия в песеннике «Букет благовоных цветов, или Новейшее собрание романсов и песен»,⁸⁰ с подписью Пушкина не печаталось и поэтому не рассматривается в нашем обзоре.

Все эти стихотворения печатались с именем Пушкина в полупесенниках-полуальманахах и в обычных песенниках конца 1820-х—начала 1830-х гг., по-видимому, из коммерческих соображений, и в дальнейшем, за исключением «драгоценной находки» Эдельсона, с Пушкиным никак не связывались.

---

⁷³ Календарь муз на 1827-й год. СПб., 1827. С. 79—80. Издатели альманаха не указали свои имена. По-видимому, это были литераторы, выпустившие в свет Календарь муз на 1826-й год, т. е. А. Е. Измайлов и П. А. Яковлев.

⁷⁴ Эвтерпа... М., 1828. С. 95—96; 2-е изд. М., 1836. С. 78—79.

⁷⁵ Эрато... М., 1829. С. 90—91.

⁷⁶ Жасмин и роза... М., 1830. С. 24—25.

⁷⁷ Лира граций, подарок на новый год любительницам и любителям пения, или Новейшее собрание романсов и песен. М., 1832. С. 33—34.

⁷⁸ Молва. М., 1832. № 32. 19 апреля. С. 127—128.

⁷⁹ Северная звезда / Изд. М. А. Бестужев-Рюмин. СПб., 1829. С. 65.

⁸⁰ Букет благовоных цветов, или Новейшее собрание романсов и песен / Собрано К. Немовым. М., 1829. С. 41.

Список Цявловского необходимо дополнить четверостишием «Всегда так будет, как бывало...», впервые с именем Пушкина опубликованным в 1829 г. в альманахе «Листки граций, или Собрание стихотворений для альбомов».⁸¹ «Книжка сделана грамотнее, чем другие, подобные же, но и эта „грамотность“ весьма относительна», — так охарактеризовал этот сборник, издателем которого считали книгопродавца Степана Васильева, Смирнов-Сокольский.⁸² В альманахе были напечатаны стихотворения А. С. Пушкина («Если жизнь тебя обманет...», «Что наша роза...», «Когда погаснут дни мечтаний...»), Козлова, Жуковского, Рылеева (!) и др. Вместе с тем известное стихотворение Е. А. Баратынского «Перелетай к веселью от веселья» приписано здесь перу Ал. Галахова. Четверостишие, приписанное издателем альманаха Пушкину, начиная с издания под ред. Анненкова вошло во все последующие собрания сочинений поэта. В большом академическом собрании оно напечатано в разделе «Dubia» (II, 493). В вышедшем в 1959 г. Справочном томе редакторы С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская-Зенгер внесли уточнение: «Это стихотворение должно быть исключено из текстов Пушкина. Оно приписывается ему ошибочно. Автором его, как документально установила Т. Г. Цявловская-Зенгер, является Б. М. Федоров» (XVII, 23). Однако и после этого важного уточнения стихотворение «Всегда так будет, как бывало» входит в собрание сочинений Пушкина.⁸³

Четверостишие «Всегда так будет, как бывало...» представляет собой отрывок из «Послания к А. С. Норову» Б. М. Федорова, опубликованного в 1816 г. в «Духе журналов».⁸⁴ С несколько измененной первой строкой оно входит в следующий контекст:

Лишь обществ шумных убеаю,
Педантских споров, модных ссор,
Где в людях гордость я встречаю,
В словах один лишь слышу вздор;
И где, как и везде бывало
С тех пор, как видим белый свет,
Ученых много, умных — мало,
Знакомых тьма... а друга нет!

Под посланием стоит подпись: «Б. Федоров. С. Петербург. Декабря, 1816».⁸⁵

⁸¹ Листки граций, или Собрание стихотворений для альбомов. М., 1829. С. 56.

⁸² Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 572.

⁸³ См., например: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т., 4-е изд. Л., 1977. Т. 1. С. 403.

⁸⁴ Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч. СПб., 1817. Ч. XVII. Кн. 2. Января 10. Выражаю признательность В. Э. Вацуру за сообщение сведений об источнике этого четверостишия.

⁸⁵ Там же. С. 86—87.

Л. С. КИШКИН

О ВОСПРИЯТИИ ПУШКИНСКОГО НАСЛЕДИЯ В ЧЕХИИ

Самые ранние упоминания о Пушкине мы встречаем в переписке деятелей чешского национального возрождения (В. Ганки и Ф. Л. Челаковского), относящейся к середине 1820-х гг. Первым печатным известием о Пушкине в Чехии было упоминание о нем в «Истории славянских литератур» П. Й. Шафарика (1826), где сообщалось о том одобрении, с которым были восприняты романтические поэмы русского поэта. В 1837 г. в «Журнале Чешского музея», уже тогда сознавая международное значение Пушкина, писали о нем: «Великие поэты принадлежат всему человечеству».¹ Несколько позже выдающийся поэт Ян Коллар в знаменитой поэме «Дочь Славы» назвал Пушкина «творцом новой эпохи».

При жизни Пушкин был переведен на 12 языков, один из них (по хронологии восьмой) — чешский. Первыми были переведены и опубликованы в 1831 г. Я. С. Томичеком «Цыганы» (ж. «Цветы» — «Цветы»). Тот же Томичек в 1835 г. в ж. «Цветы» напечатал сокращенный прозаический перевод «Бориса Годунова». Кроме того, в 1833—1837 гг. Ф. Л. Челаковский перевел на чешский «Делибаш», «Два ворона», «Зимний вечер», «Утопленник», «Гусар» и ряд пушкинских эпиграмм, которые появились в «Журнале Чешского музея». В том же издании в год кончины поэта А. Гансгиргом были помещены переводы стихов: «Воспоминания», «Дар напрасный, дар случайный...», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), отрывки из «19 октября», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», ряд строф из «Евгения Онегина». Весьма примечательно, что некоторые произведения Пушкина еще при его жизни проникали в Чехию не в печатном, а в рукописном виде. Уже в 1830 г., например, задолго до публикации там была известна ода «Вольность».² В октябре 1828 г. приятель поэта Я. И. Сабуров, будучи в Праге, вписал в альбом В. Ганки текст стихотворения «Ангел» («У врат Эдема ангел нежный...»), в ряде мест отлича-

---

¹ Časopis Českého musea. 1837. S. 460.

² См.: А или ч Г. А. Из истории чешско-русских литературных связей // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1974. № 14. Вып. III. С. 152—155.

ющийся от известного нам текста.³ Так было положено начало знакомства с Пушкиным в Чехии, для которой он, по словам известного чешского литературоведа Ю. Доланского, стал «предобразом и пророком свободы».⁴

Говоря о начале знакомства с творчеством Пушкина в Чехии, заметим, что и сам поэт располагал определенными сведениями о ней. В его библиотеке имелся ряд переводов с чешского и оригинальных чешских книг, в том числе пражское трехязычное издание «Слова о полку Игореве» (1821), которым, по свидетельству А. И. Тургенева, он активно пользовался. Поэту посылали свои книги В. Ганка и П. Й. Шафарик. Некоторые пушкинские произведения («Яныш королевич», «Русалка», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях») в какой-то мере считаются связанными с чешской словесностью.⁵ Безусловно знал о Чехии Пушкин и от многих своих близких знакомых, бывавших там (А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев, Ф. Н. Глинка, И. И. Лажечников, К. Н. Батюшков и другие). Существенно, что слово «Богемия» («Чехия») встречается у Пушкина.

В последовавшие после гибели Пушкина годы число переводов его произведений и работ о нем стремительно растет. В переводах пушкинской поэзии и прозы в XIX в. принимают участие помимо Челаковского такие видные чешские писатели и литераторы, как К. Сабина, Я. П. Коубек, К. Гавличек-Боровский, Э. Красногорская, В. Мрштик. В XX в. множество новых переводов осуществляют известные поэты Й. Гора, П. Кржичка, Ф. Таборский. Особую роль в ознакомлении чешской общественности с Пушкиным сыграл в одном из местечек Южной Чехии священник и поэт В. Ч. Бендл, который еще в 50-е гг. прошлого века перевел на чешский почти все основные крупные поэтические произведения русского поэта, а также множество его небольших стихотворений. Переводы из Пушкина стали главным в поэтической деятельности Бендла, который видел в нем «великана» и «бунтаря», отмечал, что его ранние стихи наполнены «якобизмом», проникнуты «суровой ненавистью к действительности», т. е. к русским монархическим порядкам. По его мнению, «имя Пушкина стало девизом всех недовольных».⁶

Надо заметить, что переводы Бендла явились своеобразным рубежом, после которого пушкинское наследие постепенно становится достоянием и творческим стимулом не только для чешской литературы, но и для всей национальной художественной культуры. В этом смысле русский поэт был одним из союзников передо-

---

³ См.: Кишкин Л. С. Ошибка или вариант // Литературная Россия. 1989. I. VI.

⁴ Dolanský Julius. Domovně A.S. Puškina // Puškinunás. Praha, 1949. S. 421.

⁵ См.: Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М., 1983. С. 137—139.

⁶ См.: Bendl V. Č. Puškin. Životopisny nástin // Časopis Českého musea. 1854. S. 215—219.

вых деятелей чешской литературы и культуры в их борьбе за ее становление и развитие.

Достаточно сказать, что знакомство с Пушкиным обогатило многих крупнейших чешских поэтов — Ф. Л. Челаковского, К. Г. Маху, К. Гавличка-Боровского, Я. Неруду, В. Галека, Св. Чеха и других, нашло многообразное преломление в их творчестве. Чешские художники Ф. Шир, А. Гарайс, В. Х. Брунер, К. Сволинский, В. Фиала и другие в разное время создают ряд оригинальных портретов Пушкина и множество иллюстраций к его произведениям. Если говорить о музыке, то среди чешских композиторов и музыкантов можно назвать немало таких, кто сочинял музыку на сюжеты произведений Пушкина (например, Л. Е. Мехура, Э. Направник), кто исполнял музыку русских композиторов на пушкинские темы в качестве оперных дирижеров (Б. Сметана, А. Чех, К. Каваржович, Й. Барток и др.) или вокалистов (Б. Лаутерерова, Б. Бенони, В. Флорянский, Б. Красова, Я. Пруха, В. Зитек, Б. Германова и др.). Большим событием музыкальной и культурной жизни чешского народа была первая постановка оперы «Евгений Онегин» в 1888 г. с участием самого П. И. Чайковского. «Кульť Пушкина не был бы у нас, однако, полным, если бы он не проявился прежде всего в музыке, при том огромном значении, которое имеет музыка для чешской культуры...»,⁷ — писал Зденек Неэдлы в связи с первой постановкой «Евгения Онегина» в Праге, отмечая при этом огромную популярность произведений Пушкина в Чехии.

О восприятии Пушкина в Чехии существует довольно большая литература как на чешском, так и на русском языках. Поэтому, касаясь этой темы далее, мы несколько подробнее расскажем лишь о том, что у нас неизвестно или еще мало известно, — а именно о чешских откликах на смерть поэта в 1837 г. и об одной необычной чешской книге, посвященной его памяти сто лет спустя, в году 1937, а также о жизни пушкинского слова в Чехии во время и после войны.

Первое чешское известие о смерти поэта появилось в газете «Пражске новины» («Пражская газета») 1837 г. В нем говорилось: «Из Петрограда (так обозначали в Чехии Петербург), 11 февраля: Русская литература потерпела страшную потерю; вчера, после краткой болезни, умер на 38-м году жизни своей прославленный, известный и в чужих краях поэт, Александр Пушкин».⁸

Аналогичное сообщение появилось тогда и в журнале «Кветы» (№ 11). Двенадцатый номер того же журнала содержал дополнительные сведения о гибели Пушкина: «Г-н Пушкин, о кончине которого мы сообщали уже в предыдущем номере, был смертельно ранен на дуэли, после которой спустя 48 часов умер жестокою смертью. Ввиду немаловажности писательских заслуг, царь положил выдавать вдовой супруге его значительную пенсию».⁹

⁷ Неэдлы Зденек. Статьи об искусстве. М., 1960. С. 470.

⁸ Pražké noviny. 1837. 26 II.

⁹ Květy (Příloha). 1837. S. 11.

Большая статья о жизни и творчестве Пушкина в связи с его смертью была помещена в приложении к журналу «Цветы» за 9 марта 1837 г. Ее автор — поэт В. С. Шульц. Статья называлась «Александр Сергеевич Пушкин». Вот ее содержание.

Во многих газетах здешних и заграничных раздаются отклики на печальное известие петроградское о кончине прославленного благородными плодами духа своего Александра Сергеевича Пушкина. Он завершил 11-го февраля свой земной путь и был призван навеки в царство своих идеалов. — Выдающийся, большой этот поэт, хотя и не создатель и творец, однако, без сомнения, один из первейших певцов новой романтической школы русской, которая, вдохновившись духом английского лорда Байрона, сбросила постыдные узы подражания так называемым французским классикам и стремится приблизиться более к природе; хотя ей, по мнению знатоков, отнюдь не посчастливилось избежать той несчастной односторонности, каковую дозволил себе, как говорят, славный ее английский корифей. Из всех сторонников благородного лорда выше всех выделались на Руси более старый Жуковский и молодой, ныне отнятый смертью у своего народа, Александр Сергеевич Пушкин. По свидетельству Фаддея Булгарина, они суть отнюдь не слепые подражатели своего великого образца, но самостоятельно прокладывали путь к лучшим временам, каковые наступят уже вскоре для российской словесности, да и наступают уже столь многообещающе, будя отрадную надежду в пленительное будущее.

Достоизвестные по всей Европе творения Пушкина, которого бесспорно приличествует причислить к первейшим поэтам нашего времени, и слава, принесенная им имени славянскому, достаточная причина для того, чтобы я преподнес соотечественникам своим коротенькое это и столь полное, насколько сие позволяли источники, из которых оно почерпнуто, извещение о литературной его жизни.

Родился Пушкин в славной великой столице Российской империи, в Петрограде, 29-го мая 1799 года. Достигнув отроческого возраста, он образовывался богато одаренный дух свой в Царскосельском Лицее и, вышедши из него в 1817 году в жизнь общественную, посвятил себя государственной службе в департаменте иностранных дел. Покинув в 1820 году это министерство, он перешел в канцелярию генерал-лейтенанта Инзова, наместника Бессарабии. Здесь, в благословенном этом южном крае обширной державы, возбуждаемые красотами природными, кои в благотворном климате зачерноморских стран приятно трогают сердце, чем дальше, тем больше развились способности поэтической души его. Прекрасную память о впечатлениях, которыми отметили южные эти края чувствительную душу его, оставил он нам в многочисленных стихотворениях, да и два из них замечательнейшие, «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», содержанием своим явственно указывают на юг. Но раньше еще, нежели покинул он Петроград, издана им кроме прочих мелких лирических плодов пера романтическая поэма под названием «Руслан и Людмила», в Петрограде, в 1820 г., в коей, употребив слова Греча, «видны необычайный дух поэтический, образность и вкус, которые, если обстоятельства будут им благоприятны, обещают принести драгоценные плоды». — О дальнейшем ходе общественной его жизни и государственной службе по недостатку данных не могу рассказать ничего более определенного; говорят, коль скоро следует верить слухам, что в последние годы певец этот был произведен в чин царского историографа. — Более полное и достоверное описание, чем о жизни, дал нам о литературной деятельности и характере духовном его — Александр Бестужев следующим образом: «Будучи еще отроком, удивил он нас уже зрелым слогом; перед подрастающим юношей открылись сокровища родного языка, ему поддались чары поэзии. Каждое произведение его носит в себе отпечаток выдающейся личности; каждое творение его оставляет в памяти и чувствах читателя впечатление длительное, неизгладимое. Мысли Пушкина, изобилуя изобретательностью, смелы и пылки, речь его ясна и правильна, благозвучность его стихов — настоящая музыка; они текут — да будет мне позволено употребить именно русское выражение — „как жемчуг по

бархату". Две поэмы молодого этого пророка: „Руслан и Людмила” и „Кавказский пленник” изобилуют особенно чудными девственными прелестями. Последняя, сочиненная перед лицом сверкающего серебром седым Кавказом, на могиле Овидия, блистает роскошным великолепием фантазии и блеском всевозможных красот, которыми природа украсила те края. Какая-то неровность в плане и в изображении некоторых характеров является ее недостатком, который обыкновенно совершают все пламенные поэты, позволяющие воображению завести себя далее, нежели следует». Такими словами справедливо оценил знающий судья поэтические заслуги Пушкина. Восхваляемый соотечественниками, уважаемый и почитаемый иностранцами, он украшал и обогащал, разумеется не так обильно, как того требовали его почитатели, чудный сад славянской литературы до последних дней жизни своей; все значительнейшие русские журналы искали творений, вышедших из-под пера Пушкина.

Горестный и плачевный удар, нанесенный его смертью не только русским, но и всему Славянству, пробуждает в сердце славянском скорбную мысль, что «мы, Славяне, — как сказал один чувствительный сын земли моравской, говоря о смерти нашего Махи в письме своем, — еще недостойны таких гениев». Вышедшие в свет произведения сего славного певца русского народа, насколько мне известно, следующие:

1. Стихотворения в III частях, в которых находятся собранные мелкие стихи, Москва 1829—1831 гг.

2. Руслан и Людмила; повесть. Петроград 1820 г. В ней поэт воспевает и изображает древние времена богатырские в «золотом» городе Киеве.

3. Бахчисарайский фонтан, поэма описательная, при покупке которой один книгопродавец московский заплатил поэту за каждый стих по пять рублей гонорара.

4. Борис Годунов, драматическая картина Смутного времени и смуты народной, в которую повергли в 16-ом веке Лжедмитрии обманным присвоением царского престола России (Переведен частично на чешский язык; см. «Цветы» 1835 г., приложения 5, 6, 7).

5. Некоторые другие, большею частью по содержанию своему взятые из русской истории романтические поэмы, как-то «Битва у Полтавы» и др., известные мне лишь по слухам о них сообщенным.

Из сочинений этих перевел, как нам достоверно известно, отличный знаток восточных наречий славянских г-н Праволав Коубек (ныне пребывающий в Галиции) «Кавказского пленника» на дорогой наш отечественный язык, и мы поистине жаждем приветствовать его в новом этом чешско-славянском одеянии. В Антологии русской, коей, несколько тому лет, в журнале Музейальном порадовал нас г-н Челаковский, находится также одно из прекрасных стихотворений нашего вещуна.

Поляки также могут похвалиться переводом некоторых мелких стихотворений его. Да и немцы, которые ныне уже видят себя принужденными с уважением смотреть на литературу славянскую, начиная прилежно переводить превосходные творения писателей славянских, могут похвастаться переводом упомянутого «Кавказского пленника».

В. Св. Шт.¹⁰

Статья Шульца явилась первой оригинальной чешской статьей о русском поэте. Ее автор опирался на русские источники, и хотя он не избежал неточностей, написав, что Пушкин родился не в Москве, а в Петрограде, тем не менее статья интересна. Из нее мы узнаем, как понимали и воспринимали чехи Пушкина в 30-е гг., что знали о нем, и знали, как следует из статьи, немало.

¹⁰ Květy (Příloha). 1837. S. 17—18.

Любопытно, что чужие оценки и свои в статье порой не согласуются и как бы спорят друг с другом: с одной стороны, Пушкин «не создатель и не творец», а с другой — его «приличествует причислить к первейшим поэтам». Как можно понять, Шульцу, хотя он и был довольно консервативным католическим священником, более близки были суждения Александра Бестужева.

30 апреля 1837 г. «Пражские новины» также поместили более подробное сообщение о кончине русского поэта:

Наиславнейший поэт новейшей русской литературы, Александр Пушкин, умер на 37-м году жизни своей, вследствие неудачного поединка. Супруга Пушкина почиталась за первейшую в Петрограде красавицу, которую он любил и был равно любим ею. В продолжение некоторого времени Пушкин получал письма, имевшие целью возбудить в нем подозрения касательно его супруги и некоего на русской службе находящегося иностранца, г-на Г. Так как письма исходили от людей клеветнических и злонамеренных, Пушкин не мог, разумеется, убедиться в доподлинной правдивости их, итак они не возымели никаких последствий, а подозрение исчезло совершенно, когда г-н Г. взял в жены сестру супруги Пушкина. Теперь, однако, начали приходить новые письма, и Пушкин по пылкости своей потребовал от шурина своего объяснения получаемых о нем сообщений, так что жестокий спор случился между ревнивым Пушкиным и утверждавшим свою невинность офицером Г. Последствием сего было, что Пушкин вызвал письмом, с горечью написанным, г-на Г. на дуэль. Г-н Г. выстрелил как вызванный первый и смертельно ранил своего шурина; выстрелил и Пушкин, пуля соскользнула, однако, по пуговице в плечо, которое и раздробила сильно. В отчаянном и разъяренном этом состоянии Пушкин бросил еще пистолет в своего соперника. Скончался он в ужасных мучениях 48 часов спустя. Пушкин был известен как человек свободомыслящий. Как только разнеслось известие о горестном этом событии, царь Николай послал ему записку, в которой, изъявляя желание, чтоб он примирился с предписаниями греческой церкви, заверил его, что супруга его не будет оставлена заботами. По смерти его Николай приказал, чтобы вдове Пушкина выплачивалось 5000, а четырем детям его 6000 рублей пенсии в год, а кроме того, повелел уплатить долг в 300.000 рублей, которым обременены были имения Пушкина. Царь Николай приказал также, чтобы все, что было в рукописях Пушкина направлено против правительства, или против кого-либо лично, было брошено в огонь. Еще здравствующий отец Пушкина — помещик губернии Псковской, куда был отвезен и прах Пушкина. По всей Руси и за границей этот поэт завоевал всеобщую хвалу лишь одним литературным призванием своим; а какое участие его смерть возбудила в петроградской публике, видно было в тот день, когда останки его выставлены были в церкви. Собралось бесчисленное количество людей всех состояний, из которых большинство знали о покойном лишь по слухам. Между присутствующими замечены были также особы самые знаменитые, так же как и многие иностранные дипломаты. Иностранные газеты писали, что классические произведения, которыми ему обязана русская литература, относятся к самой ранней эпохе его жизни и что за последнее десятилетие из-под пера его не вышло ни одного замечательного поэтического произведения; однако за последние десять лет Пушкин написал и издал драматическую поэму «Борис Годунов», которую следует причислить к лучшим его произведениям. За последние годы Пушкин занимался проектом истории Петра Великого, которая, однако, осталась благодаря внезапной смерти его незаконченным фрагментом и несомненно не выйдет уже в свет.¹¹

Мы не знаем автора и источников этой корреспонденции. Несмотря на некоторые неточности, очевидно, порожденные слухами

¹¹ Pražské noviny. 1837. 30 IV.

(брошенный в соперника пистолет и др.), она достаточно объективна. В этом отношении показательны описание похорон и общая оценка литературных заслуг Пушкина, несогласие автора с тем, что все лучшие произведения были написаны в начале творческого пути.

Откликнулся на смерть поэта и «Журнал Чешского музея». В 1-м томе за 1837 г. в нем был напечатан перевод статьи-некролога Н. Полевого «Пушкин». Более интересным для нас является отрывок письма Н. П. Погодина к П. Й. Шафартику от 21 февраля 1837 г., который был помещен во втором томе журнала. В этом отрывке, хотя и коротко, выражено отношение русского историка к гибели поэта.

«Позаботьтесь о том, чтобы тот отрывок из Бориса Годунова Пушкина, который переведен на чешский язык Томичеком, переведен был на все славянские наречия. Переводы эти пошлите сюда с тем, чтобы мы их напечатали, для сравнения наречий сих и доказательства их родственности. Необходимо однако перевести всю эту сцену сполна, так, как она напечатана в моем Московском вестнике в 1827 г. № 1, а отнюдь не сокращенно, как это сделал Томичек. — Вышел Словарь знаменитых русских, Бантыша-Каменского, в пяти частях. Митрополита Киевского Евгения Словарь светских русских писателей находится как раз в печати. Но и печальное известие должен я сообщить вам: Пушкин, наш славный Пушкин — погиб! Потеря сия невозвратима для литературы русской. Он первый наш народный поэт. Мы все еще вне себя от этого несчастья. Он был застрелен, защищая честь жены своей, на дуэли с голландцем Дантесом и т. д.

Прим. Все остальное о кончине Пушкина и повелении императора касательно семейства и сочинений его известно уже нашим читателям из газет. П. И. Ш.».¹²

Появились в год смерти Пушкина в газете «Пражске новины» и два сообщения о судьбе Дантеса, который в них почему-то назван подполковником. Первое (27 апреля 1837 г.):

«Из Петрограда, 5-го апреля. Русские официальные газеты сообщают следующее: „Подполковник Ее Императорского Величества императрицы гвардейского полка, барон Геккерен, за дуэль с камер-юнкером Двора его величества, известным поэтом Александром Пушкиным, скончавшимся от раны, полученной вследствие сей дуэли, по решению военного суда лишен своего чина и пожалованного ему русского дворянства и разжалован в рядовые”».¹³

Второе (21 мая 1837 г.):

«О приговоре военного суда, касающемся подполковника барона Геккерена, петроградские газеты печатают следующую статью: „По рассмотрении военным судом дела касательно Ее Величества Императрицы гвардейского полка подполковника барона Геккере-

¹² Časopis Českého musea. 1837. S. 235.

¹³ Pražské noviny. 1837. 27 IV.

на, военный трибунал предъявляет ему сие обвинение: Противозаконно вызвал он на дуэль камер-юнкера, Александра Пушкина, и смертельно ранил его, оной же дуэли причина та, что Пушкин, раздраженный поведением Геккерена, направленным к нарушению семейного его благополучия и недозволенным сношением с супругой его, послал оскорбительное письмо отцу Геккерена, посланнику голландского двора. Вследствие сего, по статье 139 военного законодательства и статье 351 пятнадцатой книги Устава, генеральный трибунал постановил лишить Геккерена за вызов на дуэль камер-юнкера Пушкина и убийство его всех чинов и пожалованного ему русского дворянства и зачислить его в рядовые. Сие решение генеральный трибунал представил Его Императорскому Величеству к подтверждению, при чем Его Имп. Вел. Числа 18 (30) марта приписал следующее: „Быть по сему; рядового же Геккерена как не русского подданного, препроводить полиции за границу”». ¹⁴

Был в Чехии и еще один отклик на смерть Пушкина, стихотворный, едва ли не первый за пределами России — «Плач над Пушкиным» словацкого поэта Людовита Штура. Это довольно большое стихотворение написано по-чешски и напечатано в упоминавшемся уже приложении к журналу «Кветы». О его характере позволяют судить несколько переводных строк, трогающих своею искренностью:

Мало на Ваг долетело к нам с севера Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души.
Умер поэт, но жив его дух, и жить будет вечно
Сладостный звон его лютни на вольных просторах славянства.
С горных вершин будет парить, как орел, он над нами,
И далеко его песни пройдут по славянским долинам.¹⁵

Штур оказался провидцем, когда писал, что песни Пушкина «пройдут по славянским долинам». Так оно и случилось. Это подтверждает и обилие чешских переводов из Пушкина и то, что вслед за первым в Чехии стихотворением о Пушкине там появилось множество других. Писать их стало в чешской поэзии своеобразной традицией. Стихи о Пушкине писали Ян Коллар, Ф. Л. Челаковский, Я. П. Коубек, Ян Неруда, Св. Чех, А. Е. Мужик, Й. Гора, П. Бойар, Ян Пиларж и многие другие. Каждый из них по-своему выражал отношение и чувство к русскому поэту, но всегда это была дань любви и уважения. У некоторых чешских поэтов есть не одно, а несколько стихотворений, посвященных Пушкину. К их числу, например, относится классик чешской поэзии Ярослав Врхлицкий, автор стихотворения «Пушкин у моря», а также посвященного Пушкину четверостишия, которое завершается словами: «Воскликнешь — Пушкин! — слышишь — вся Россия!».

¹⁴ Ibid. 21 V.

¹⁵ Květy (Příloha). 1837. S. 41.

Широко было отмечено в Чехии 100-летие со дня рождения поэта в 1899 г. В одной из юбилейных статей известный чешский профессор-литературовед Ян Махал сделал первый аналитический обзор чешских переводов Пушкина, статей о нем и отметил благотворное воздействие русского поэта на чешскую литературу. Пражская газета «Политика» тогда писала: «Пушкин это солнце, лучи которого согревают весь мир. Эти лучи зажгли и в чешских сердцах свет и счастье, ласковым теплом пробудили к жизни дремлющие ростки на чешской поэтической ниве».¹⁶ В 1899 г. появилось более двух десятков статей о Пушкине. Юбилейные торжества имели широкий размах: из сорока поздравительных зарубежных телеграмм, полученных тогда русской Академией наук, двадцать были из Чехии.

Возникший в XIX в. культ Пушкина прочно вошел в национальную культуру Чехии и получил свое дальнейшее развитие в XX в. Особенно показательно в этом отношении 100-летие со дня смерти поэта, отмечавшееся в Чехии необычайно широко. В 1937 г. было опубликовано 29 новых изданий пушкинских переводов, в том числе ряд книжных (новые переводы Й. Горы, П. Кржички и др.), а публикаций о Пушкине — 109. Особый интерес среди последних представляет изданная на чешском языке книга «Вечный Пушкин». О ней и истории ее появления следует сказать подробнее.

Во время занятий в Праге среди архивных бумаг Зденека Нееды мое внимание привлекло адресованное ему письмо полпреда СССР в Чехословакии от 8.1.1937 г. В нем говорилось о намерении полпреда «отметить годовщину великого Пушкина изданием небольшой книжечки, в которой некоторые выдающиеся чехословацкие поэты, писатели и деятели искусств ответили бы на одной-двух страничках, каждый по-своему, на один вопрос: чем является для них Пушкин». Письмо приглашало Нееды «к авторскому участию в этой книге».

Как выяснилось, эта заинтересовавшая меня инициатива советского посла С. С. Александровского при содействии известных чешских литераторов (Петра Кржички, Франтишека Галаса и Франтишека Кубки) была реализована, в результате чего и появилась книга «Вечный Пушкин» (Прага, 1937. 74 с.).¹⁷ Теперь она стала библиографической редкостью, однако увидеть ее все же удалось. В издании приняли участие свыше 20 видных чехословацких писателей и деятелей культуры, среди них — И. Горак, Й. Чапек, К. Чапек, Фр. Галас, Й. Гора, Я. Есенский, Й. Копта, Я. Кратохвил, П. Кржичка, Фр. Кубка, Фр. Лангер, М. Майерова, Л. Новомеский, И. Ольбрахт, Фр. Таборский, В. Тилле, А. М. Тильшова, К. Томан и др. Как свидетельствуют имена, все это — прежде всего представители прогрессивной чехословацкой интеллигенции, некоторые из них впоследствии погибли в наци-

¹⁶ Politika. 1899. 3 VII.

¹⁷ Věčný Puškin. Praha, 1937. S. 74.

стских концлагерях (Й. Чапек, Я. Кратохвил), а многие, пережив войну и оккупацию, приняли активное участие в культурной жизни послевоенной Чехословакии (З. Неядлы, Л. Новомеский, И. Ольбрахт, М. Майерова, Ф. Галас и др.).

Сборник открывает статья известного чешского филолога, впоследствии академика Иржи Горака «Наш столетний бой за Пушкина». В ней прослеживается столетняя, восходящая к 1830 г., история переводов Пушкина на чешский и словацкий языки. При этом Горак пишет: «На земле чехословацкой творчеству Пушкина выпало важное послание в процессе драматического развития нашей поэзии. Творец „Онегина“, основатель новой русской прозы был гением простоты. Он поднял на высокий поэтический уровень разговорный язык русский, облагородил его, однако сохранил в нем чары простоты и свежести. В этом он был для чехословацких поэтов долго недостижимым образцом». Последующие страницы книги занимают разные по своему объему и характеру прозаические суждения о Пушкине. Не имея возможности ознакомиться со всеми высказываниями чешских авторов, принявших участие в книге «Вечный Пушкин», приведем лишь некоторые отрывки из них.

Карел Чапек: «Чем является для меня Пушкин? Прежде всего, естественно, просто поэтом, но это мое личное, как любовь, как очарование природой или радость от жизни... В более широких литературных рамках Пушкин является для меня великим коррективом Русского реализма... Там, где нас всех русский реализм учил видеть и наблюдать жизнь, познавать человека и, страшно сказать, проникать в его душу, всегда за этим беспокойным образом жизни не перестает звучать сладкий и проникновенный, мелодичный и пьянящий голос поэзии: это Пушкин. Без Пушкина великой русской литературе не хватало бы еще одного бесконечного пространства... Вся Русь — в ее реализме, вся русская душа — в Пушкине; и то, и другое в своей совокупности делают русскую литературу космической».

Франтишек Галас, известный поэт, автор антифашистских стихов: «Пушкин всегда был для меня типом поэта, которому подвластно все... Пыл, с которым он требует свободы для себя и для других, — вот крылья его бессмертия. Оно было и есть с нами».

Йозеф Гора, известный поэт, переводчик «Евгения Онегина», впоследствии первый народный художник Чехословакии: «Пушкин был прав, когда во второй главе „Онегина“ выразил надежду, что его поэзия „Быть может, в Лете не потонет...“ Работая над „Евгением Онегиным“, строфы которого мною переводились на чешский язык, я живо почувствовал обоснованность надежды поэта... Поэма, взятая из общественной жизни, окружавшей Пушкина, продолжает жить... В этом проявился тот особый дар истинного искусства, которое обращено к будущему. Есть в этом и революционные черты духа Пушкина, создававшего поэзию иной действительности, при отсутствии свободы он мечтал о свободе... В

своих мыслях он освободил крепостных людей задолго до отмены крепостничества...».

Мы привели лишь малую часть суждений выдающихся деятелей чешской литературы о Пушкине. Они были высказаны более пятидесяти лет назад, но не утратили своего значения. При всем разнообразии есть в них и нечто общее: все они свидетельствуют о большой любви к Пушкину в предвоенной Чехословакии и серьезном, обстоятельном знании его творчества. А еще они позволяют почувствовать, сколь велика была тогда роль русского поэта в духовной жизни Чехии.

Живым элементом чешской культуры оставался Пушкин и в трудные для нее годы второй мировой войны. Расскажем только о двух случаях, когда в годы войны слово Пушкина стало духовной опорой и средством интернационального общения. Разные по характеру и значению, они каждый по-своему представляются знаменательными. Сведения о них я получил от бывшего директора Славянской библиотеки в Праге, писателя, заслуженного деятеля культуры Чехословакии Йозефа Стрнадела и жены крупного чешского поэта Петра Кржички, бывшей актрисы Анны Кржичковой.

В 1939 г. нацисты закрыли высшие школы, девять студентов, участников Сопротивления, казнили и 1200 отправили в концлагеря Заксенхаузен и Оренбург. Одним из заключенных Заксенхаузена и стал тогда студент-филолог Йозеф Стрнадел. Режим лагеря был очень суровым, иметь бумагу, карандаш или перо не разрешалось. И все же заключенные студенты находили средства не впадать в душевную апатию, сохранять веру в лучшее будущее. Возвращаясь после изнурительного труда в свой лагерный барак, они по ночам обучали друг друга языкам, беседовали о философии и искусстве, читали друг другу стихи. Вот как вспоминал об этом сам Йозеф Стрнадел: «Всплывшие в памяти стихи потихоньку декламировали, делились ими... Естественно, это были прежде всего чешские поэты, которые вспоминались студентам, но были и другие... И появилось тогда кто знает как всплывшее стихотворение Пушкина „Exegi monumentum“ в переводе Петра Кржички, стихотворение, раскрывающее триумфальную радость творческой самореализации.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...

Могло бы показаться, что стихотворение вызовет печаль и тоску у студентов, у которых было отнято все и сама возможность проявить свои способности. Их скорее, чем памятник славы, ожидала печь лагерного крематория, однако оно подействовало на них совсем иначе. Возвышенные ритмы стихотворения русского классика мощно звучали среди узников одного из концентрационных нацистских лагерей, предназначенных для ликвидации ненемецких европейских народов, мечтающих о национальной и социальной свободе и мирной жизни...

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Из стихотворения поэта, боровшегося за свободу уже в том его „жестоком веке“, выросло сознание нашей принадлежности к великой семье свободных народов, и это придавало силу тем, кто был лишен свободы, силу и стойкость пережить злое время, а также веру в победу справедливой борьбы.

Знаю, это пройдет — говорил вместе с поэтом чешский заключенный студент и добавлял: однако чешский народ не погибнет и дождется свободы. Так гордые, полные достоинства слова русского поэта в непредставимо нечеловеческих условиях пали на почву, которая сделала их песней политического протеста».

Второй случай обращения к слову Пушкина связан с жизнью уже упоминавшегося поэта Петра Кржички. Но прежде несколько слов о нем самом. Его поэтическое наследие невелико по объему, отличается простотой формы и определенной связью с народно-поэтической традицией. Он переводил многих русских поэтов, но больше всего Пушкина, который был ему особенно близок. По собственным словам Кржички, русский поэт был для него не просто поэтом, но и «советчиком, учителем, утешителем». В 30-е и 40-е гг. Кржичка объехал около 50 городов Чехии, Моравии и Словакии с лекциями о Пушкине; сопровождавшая его жена после лекций читала его переводы из Пушкина. В сознание чешских читателей Кржичка вошел не только своими оригинальными сочинениями, но и многочисленными переводами из лирики Пушкина (многие из них были положены на музыку чешскими композиторами). В годы оккупации Кржичка писал антифашистские стихи, переводил русские былины и продолжал работу над переводами из Пушкина.

В 1941 г. по лондонскому радио Кржичка услышал о трагедии в сербском городе Крагуеваце, где эсэсовским майором Циммерманом было расстреляно несколько сот юных, взрослых и пожилых сербских патриотов. Сообщение взволновало поэта, и он решил написать слогом старинных сербских песен элегическое сочинение, посвященное этой трагедии. Для осуществления своего замысла он специально изучил сербский язык. В результате появилось его большое, состоящее из 12 песен поэтическое произведение «Светлое облако». Рукопись его в годы оккупации пришлось хранить в тайниках. В 1945 г. Кржичка взял его текст с собою, чтобы передать жителям Крагуеваца, когда он в качестве переводчика в августе был прикомандирован к миссии чехословацкого генерального консула, направлявшейся в Югославию. И вот что произошло в пути. В Австрии в горах у населенного пункта Семмеринг, где кончалась советская зона, миссию остановили на контрольно-пропускном пункте. Советские офицеры сказали, что среди предъявленных бумаг недостает разрешения на проезд от военного коменданта Вены. Создалось затруднительное положение.

Тогда вице-консул указал на Петра Кржичку и сказал: «Это — чешский поэт, переводчик вашего Пушкина, Лермонтова, Гоголя...». В переговорах наступила пауза. И тут Кржичка снял берет, встал в позу декламатора и, стоя на дороге у горного обрыва, начал по-русски читать пушкинские стихи:

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...

и т. д.

Все кругом затихло. О том, что было далее, сопровождавшая мужа в этой поездке Анна Кржичкова пишет: «Мне никогда не забыть этих минут. Наверное, никогда не декламировал поэт с таким подъемом и так вдохновенно, как тогда, ранним августовским вечером там, высоко в горах, когда его голос несся в чистую лазурь неба, а тихое эхо музыки стихов терялось в кронах высоких деревьев. Было это воздание чести поэтом поэту. Все это время советские офицеры стояли и внимательно слушали, а когда кончилось чтение, наступила глубокая тишина, потом были аплодисменты и рукопожатия. Не прошло и пяти минут, как шагбаум поднялся и мы поехали дальше. То, чего не удавалось разрешить дипломатически, то смогло сделать слово любимого поэта».

Вот такие два непридуманых случая, очень простых, но говорящих о многом.

Итак, как можно было убедиться, с годами любовь к Пушкину и его наследию в Чехии ширилась и росла, став без преувеличения народной. Ярким проявлением ее после войны явился 1949 г. Он был отмечен в Чехии новыми изданиями русского поэта и работ о нем. Определенным итогом более чем столетнего освоения пушкинского наследия чешской культурой явилась книга «Пушкин у нас» (Прага, 1949). В нее вошли суждения о Пушкине многих выдающихся чешских общественных деятелей, писателей, ученых, артистов, художников, музыкантов. Книга содержит внушительную чешскую библиографическую Пушкиниану. По состоянию на 1949 г. в ней учтено около 300 публикаций чешских переводов и примерно такое же количество опубликованных в Чехии исследований и статей о Пушкине. Если учесть, что как в первом, так и во втором случае, немало книжных изданий, то можно себе представить ту огромную работу, которая была проделана в Чехии по освоению пушкинского наследия, приближения его к чешскому народу. Теперь пушкинских переводов и пушкиноведческих работ в Чехии стало еще больше. Так, в ознаменование 150-летия кончины поэта в 1987 г. в Праге вышел однотомник новых главным образом переводов из Пушкина, озаглавленный «Болдинские осенни», с большой вводной статьей литературоведа В. Сватоня «Пушкинский путь в глубину России». Появились на чешском языке в связи с годовщиной и другие пушкинские публикации. По количеству переводов Пушкина, работ о нем и разным преломлениям его творчества в культурной жизни сравнить Чехию с кем-либо трудно.

Думается, глубоко и исчерпывающе определил значение Пушкина и его наследия для всей чешской культуры Зденек Неедлы, когда еще в 1937 г. писал: «Пушкин был принят и оценен у нас уже в 50-е годы прошлого столетия. 1848 год пробудил молодое поколение к новой жизни. Ему было дано постичь поэтический гений Пушкина, с того времени он стал неотъемлемым слагаемым чешской культуры».¹⁸ Надо заметить, что восприятие Пушкина чешским обществом отличалось своеобразием, его узнавали и осмысливали как бы по частям. Вначале чешских читателей прежде всего привлекала в Пушкине его романтическая поэзия, присущие ей патриотическое звучание и национальная самобытность. Революция 1848 г. позволила чехам открыть для себя и Пушкина-реалиста и Пушкина-прозаика, увидеть не только народность его творчества, но и гуманизм и свободолюбие русского гения. Все это не было случайностью и находилось в соответствии с ходом общественно-исторического и культурного развития Чехии.

В заключение приведем еще одну цитату о Пушкине из книги уже упоминавшегося Юлиуса Доланского «Мастера русского реализма у нас» («Прага, 1960). Она как бы венчает собою суждения многих культурных деятелей Чехии о нашем поэте. Чешский ученый писал: «Пушкин был для нас больше, чем только просто поэт. Уже более ста двадцати пяти лет его имя принадлежит к самым дорогим у нас. Сто пятьдесят лет прошло со дня рождения Александра Сергеевича. Но, несмотря на это, пример его жизни и бездонный родник его творчества остаются лучезарны. В них столько жизнотворной силы и плодотворных импульсов, что каждое поколение обращается к нему как к своему современнику».¹⁹

---

¹⁸ Nejedlý Zdeněk. O literatuře. Praha, 1953. S. 771.

¹⁹ Dolanský Julius. Mistř, ruskeho realismu u nás. Praha, 1960. S. 55—56.

III. ЗАМЕТКИ

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ЛИРИКЕ ПУШКИНА

ПОСЛАНИЕ В. Ф. РАЕВСКОМУ «ТЫ ПРАВ, МОЙ ДРУГ,
НАПРАСНО Я ПРЕЗРЕЛ...» (1822)

В. В. Пугачев в статье «О полемике вокруг пушкинского послания В. Ф. Раевскому»¹ обращается к многолетнему спору исследователей о прочтении одной строфы стихотворения А. С. Пушкина «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» (1822). В шестнадцатитомном академическом Полном собрании сочинений Пушкина в основном тексте эта строфа воспроизводится таким образом:

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
Тиран   льстец
Иль предрассудков раб послушный.

(II, 266)

Следуя за Ю. Г. Оксманом,² В. В. Пугачев настаивает именно на таком ее прочтении и не соглашается с «предположительным прочтением пропущенных слов»,³ которое приводит Б. В. Томашевский в десятитомном академическом издании Пушкина (1956, 2-е изд.):

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
А человек везде тиран иль льстец,
Иль предрассудков раб послушный.⁴

Категоричное отрицание В. В. Пугачева не представляется нам справедливым. Исследователь считает, что слово «человек» — это конъектура Томашевского, а в пушкинском черновике его нет и

¹ Пугачев В. В. О полемике вокруг пушкинского послания В. Ф. Раевскому: К спорам о пушкинском понимании нравственной сущности человека // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1988. Вып. 5. С. 161—174.

² В. В. Пугачев ссылается на доклад Ю. Г. Оксмана на XI Всесоюзной пушкинской конференции «О некоторых текстологических и композиционных особенностях академических изданий Пушкина». Краткое изложение доклада см.: С а н д о м и р с к а я В. XI Всесоюзная пушкинская конференция // Русская литература. 1959. № 4. С. 251.

³ Пугачев В. В. О полемике вокруг пушкинского послания В. Ф. Раевскому. С. 161.

⁴ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1956. Т. II. С. 120.

~~А человек (езде) тиран~~
 Везде ярем, секира иль венец
 Везде злодей иль малодушный
 Предрассуждений
 (Что) (А человек)
 тиран — льстец
 Иль предрассудков раб послушный⁶, —

Автограф послания В. Ф. Раевскому «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...».

быть не может, так как отношение поэта к проблеме человека не позволило бы ему сделать заключение, что «человек везде тиран иль льстец».⁵

Не затрагивая здесь большой и сложной проблемы об отношении Пушкина к «человеку», возьмем на себя смелость утверждать, что черновики не дают оснований опровергать мнение Б. В. Томашевского, тем более что оспариваемое прочтение публиковалось задолго до издания под его редакцией.

Еще в 1912 г. П. О. Морозов впервые включил интересующую нас строфу в Собрание сочинений Пушкина:

Везде ярем, секира иль венец
 Везде злодей иль малодушный
 Предрассуждений
 (Что) (А человек)
 тиран — льстец
 Иль предрассудков раб послушный⁶, —

и привел в ее составе слово «человек».

Следующая публикация была осуществлена И. Н. Медведевой в 1938 г.; здесь первые две строки совпали с предыдущим изданием, а дальнейший текст выглядел так:

А человек (езде) тиран (иль льстец)
 Иль предрассудков раб послушный.⁷

⁵ Пугачев В. В. О полемике вокруг пушкинского послания В. Ф. Раевскому. С. 166.

⁶ Пушкин А. С. Собр. соч.: В [6 т.]. СПб., 1912. Т. III. С. 105 (Примечание).

⁷ Медведева И. Два стихотворения Пушкина // Литературная газета. 1938. 10 февраля. № 8/715. С. 3.

Нетрудно заметить, что именно этот текст и был напечатан Б. В. Томашевским, опустившим, однако, угловые скобки. А у И. Н. Медведевой, обозначившей плохо читаемые слова, слово «человек» сомнений не вызывает.

И наконец, в шестнадцатитомном Полном собрании сочинений Пушкина (1947. Т. II) кроме публикации основного текста в отделе «Другие редакции и варианты» к слову «тиран» дана сноска: «*Стих начат: Что. Начата доработка стиха: [А человек]*» (II, 782). Слово «человек» заключено здесь в квадратные скобки, которые, в соответствии с принятыми для этого издания условными знаками, обозначают зачеркнутое Пушкиным (I, XI), т. е. существующее в черновике.

Таким образом, Б. В. Томашевский опирался на работы по расшифровке текста своих предшественников, единодушно читавших слово «человек» в рукописи. Воспроизводимое нами факсимиле пушкинского черновика спорной строфы стихотворения не дает никаких поводов в этом усомниться.

И. В. Немировский, А. И. Рогова

«ШУМИТ КУСТАРНИК...»

В 1830 г. (предположительная датировка по расположению в рукописи: 12 марта—23 апреля) Пушкин набросал строки незавершенного стихотворного произведения:

Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает,
[Пугливо] он подножный лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые (луга),
Глядит на синий свод небесный
И на днепровские брега,
Венчанны чащею древесной.
Недвижим, строен [он] стоит
И чутким ухом шевелит.....

Но дрогнул он — незапный звук
Его коснулся — [боязливо]
[Он шею] [вытянул] и [вдруг]
[С вершины прынул]

(III, 216)

Эти стихи, впервые опубликованные (неверно и не полностью) В. Е. Якушкиным в 1884 г.,¹ почти не привлекали внимания исследователей. Лишь в 1930 г. Д. П. Якубович, опубликовав при-

---

¹ См.: Русская старина. 1884. Май. С. 351.

нятую донныне сводку текста, попытался истолковать набросок как «близкую вариацию одного места из поэмы Вальтер-Скотта „Дева озера”».² Вывод, полученный исследователем в результате сравнительного анализа двух текстов, довольно убедителен. Но все же ему не удалось до конца объяснить творческую историю наброска. Заметив, что «шотландский» олень у Пушкина «переносится на берега великой национальной реки русского поэта», Д. П. Якубович полагает: «Быть может, эта именно деталь и остановила творческий замысел Пушкина своими противоречиями с ранее набросанной картиной (олени мало вяжутся с Днепром, Днепр — с утесами (...)). Замысел дикого ландшафта в высоком стиле оборвался, разрешившись полухулиганской фигурой неуклюжего ручного медведя на привязи». Действительно, в автографе (ПД № 833, л. 49 об) такой рисунок есть. «Вольная картинка, навеянная строками шотландской поэмы, — продолжает Д. П. Якубович, — словно сменилась каким-то другим близким воспоминанием...».³ И далее приводятся строки о медведе из поэмы «Цыганы».

Что касается оленя, ученый ссылался на труд Брема. Однако новейшее справочное издание сообщает, что олень распространен в лесостепной зоне Украины (среднее течение Днепра лежит в области лесостепи и степи).⁴ По поводу же утеса, вершины сам Д. П. Якубович заметил, что позже, в «Русалке», у Пушкина встречается слово «скалы» применительно к днепровскому берегу. Такое словоупотребление основано на реальных впечатлениях. В 1820 г. Пушкин ехал с Раевскими на юг и наблюдал днепровские пейзажи. В письме Н. Н. Раевского-старшего к дочери (июнь—июль 1820 г.) встречается описание этих «необыкновенно живописных видов» (южнее Екатеринослава): «Тут Днепр только что перешел свои пороги, посреди его — *каменные острова с лесом, весьма возвышенные, берега также местами лесные...*».⁵

Никак нельзя назвать Днепр вслед за пушкинистом «национальной рекой русского поэта». Днепр — *украинская* национальная река.

Не объяснена у Д. П. Якубовича и смена поэтического пейзажа неким «другим близким воспоминанием». Изображение в автографе медведя на привязи остается загадочным.

Попытаемся приблизиться к объяснению наброска.

Чем могла привлечь Пушкина поэма В. Скотта?

«Дева озера» в поэтическом переосмыслении воссоздает исторический сюжет усмирения английским королем Яковом II Стюартом рода Дугласов. По сюжету поэмы, в дочь Дугласа — Элен — влюблен Родрик. Родрик хочет выступить против короля и склоняет к этому Дугласа. Дуглас противится и одновременно не дает

---

² Якубович Д. Из заметок о Пушкине и Вальтер-Скотте: 1. К пушкинскому наброску «Шумит кустарник» // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. XXXVIII—XXXIX. С. 124.

³ Там же. С. 130.

⁴ Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 26. С. 537.

⁵ Архив Раевских. СПб., 1908. Т. I. С. 518. Курсив наш.

согласия на брак дочери с Родриком, ибо она влюблена в юного Грэма Малькольма. Между тем независимый Дуглас в немилости у короля. Его расправа с королевским ловчим, ударившим во время охоты олениху Лафру, любимицу семьи Дугласов, приводит его в тюрьму. Дочь пытается спасти отца.

Этот сюжет неизбежно должен был напомнить Пушкину о «Полтаве», написанной за полтора года до наброска об олене. В двух поэмах — до известной степени сходная расстановка персонажей: Дуглас — Кочубей, Элен — Мария, Родрик — Мазепа, король — Петр, Грэм — молодой казак.

Конечно, разница в разрешении этой ситуации у двух поэтов очень значительна. У В. Скотта все кончается благополучно: король прощает Дугласа, Элен с королевского благословения выходит замуж за Грэма. (Кстати, «Дева озера» могла привлечь Пушкина также темой милости и темой дворянской оппозиционности, столь волнующих его уже с середины 20-х гг.). Но важно сходство самих ситуаций, само «напоминание» о «Полтаве», содержащееся в поэме шотландского автора.

В библиотеке Пушкина сохранилось английское издание «Девы озера» 1810 г.⁶ Если Пушкин познакомился с поэмой до начала работы над «Полтавой», то ее можно рассматривать как один из источников пушкинского произведения. Но за отсутствием данных достовернее другой вариант: Пушкин знакомится с поэмой и, привлеченный ею, здесь же набрасывает строки перевода. Так было у него не раз.

Итак, первый этап поиска привел нас к «Полтаве».

В тексте этой поэмы есть ряд мест, по своей образности предвосхищающих строки позднейшего пушкинского наброска. Они связаны с образом Марии: ее движения напоминают «лани быстрые стремленья»; «...Но от венца, как от оков, Бежит пугливая Мария»; «Не серна под утес уходит, Ора послыша тяжкой лёт; Одна в сених невеста бродит, Трепещет и решенья ждет» (V, 19, 20). В финале поэмы, в эпизоде последней встречи Мазепы с Марией, Пушкин пишет:

И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

(V. 62)

Становится ясно, что украинский колорит в стихах о пугливом олене не случаен: поэтическим прецедентом такого сочетания является поэма 1828 г. (хотя образ оленя эпизодически появляется у Пушкина и в других произведениях).

О том, что набросок является своеобразным возвращением к «полтавской» теме, косвенно свидетельствует еще одно обстоятельство. В той же «третьей кишиневской» тетради, где он записан

⁶ См.: Пушкин и его современники. СПб., 1910. Т. IX—X. С. 332 (№ 1362).

(ПД № 833, л. 49 об.—50), встречаем нарисованную Пушкиным карту *приднепровской* части территории Украины (л. 35 об.). Карта датируется предположительно 1828 г., т. е. годом создания «Полтавы». ⁷ Но само недалекое, через несколько листов, соседство с наброском об олене показательно. Перелистывая тетрадь, поэт мог задержаться на этой карте и вновь обратиться мыслями к Украине.

(Отметим попутно, что набросок 1830 г. написан тем же размером, что и «Полтава» — четырехстопным ямбом.)

Дело, конечно, не только в этих возможных «подсказках». Содержащееся в наброске творческое «воспоминание» о «Полтаве» надо рассматривать с точки зрения общего интереса Пушкина к украинской теме в ту пору.

В библиотеке Пушкина сохранилась третья часть «Истории Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (М., 1830) — № 15. Как известно, первым изданием этой книги (М., 1822) поэт пользовался при работе над «Полтавой». Третий том переиздания получил цензурное разрешение 30 ноября 1829 г. и, надо полагать, как раз в начале 1830 г. попал в пушкинскую библиотеку. В книге разрезаны страницы, содержащие описание событий 1687—1727 гг. Разрезаны и страницы с примечаниями, включающие письма Мазепы к Матрене Кочубей.⁸

Другой источник, в эту же пору оказавшийся в руках поэта, — рукописная «История Русов, или Малой России», приписывавшаяся Георгию Конискому. М. А. Максимович свидетельствовал: «Незабвенно мне, как Мерзляков журил меня за мою статью (о «Полтаве». — А. К.) и как благодарил потом Пушкин, возвратясь из своего закавказского странствия, где набирался он впечатлений войны под руководством своего друга Н. Раевского. Тогда же (в октябре 1829 г.⁹ — А. К.), узнав от Пушкина, что он написал „Полтаву“, не читавши еще Кониского, я познакомил его с нашим малороссийским историком и подарил ему случившийся у меня список Истории Руссов (так. — А. К.), об которой он написал потом прекрасные страницы».¹⁰

Тогда же, после поездки на Кавказ, Пушкин с интересом читал изданный Максимовичем сборник «Малороссийские песни» (1827), цитировал и даже признавался составителю, что «обкрадывает» их. Максимович в эту встречу дал поэту список украинской песни о Мазепе, заинтересовавшей Пушкина.¹¹

Наконец, к 1829 г. относится собственно пушкинский замысел написания истории Украины. Замысел этот не был осуществлен

⁷ См.: Рукою Пушкина. М.: Л., 1935. С. 401.

⁸ См.: Пушкин и его современники. Т. IX—X. С. 5.

⁹ См.: Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. СПб., 1910. С. 197—198.

¹⁰ Максимович М. А. Собр. соч. Киев, 1880. Т. III. С. 491.

¹¹ Максимович М. А. О смешных прозвищах // Лит. вестник, 1902. Т. III. Кн. 1. С. 113. В пересказе М. Драгоманова (Вестник Европы. 1874. Т. 2. Кн. 3. С. 447) этот эпизод относится ко времени создания «Полтавы». Очевидно, в этом случае мы должны доверять самому Максимовичу.

по той причине, считал Ю. Г. Оксман, что появилось второе издание труда Бантыша-Каменского, где использовались и материалы «Истории Русов», которые поэт хотел ввести в научный оборот. Но и затем (1831) Пушкин возвращался к этому замыслу, в итоге, однако, так и не реализованному.¹²

Итак, рубеж 1829—1830 гг. отмечен у Пушкина новым подъемом интереса к украинской теме, прежде легшей в основу уже изданной к этому времени поэмы. Дело в том, что, во-первых, двадцатые—тридцатые годы стали эпохой высокого интереса русской литературы к Украине. «...Пушкин, будучи русским писателем 29—30-х гг. и притом писателем, живо откликнувшимся на все явления политической, общественной и литературной жизни, был захвачен волной всеобщего влечения к Украине...».¹³ Во-вторых, именно на 1829—1830 гг. приходится публикация ряда произведений на украинскую тему, исходящих из круга близких поэту литераторов: повестей О. Сомова, глав «Монастырки» А. Погорьского и др. Все это должно было вновь обратить его внимание к Украине.

Очевидно, набросок начат был действительно как перевод стихов В. Скотта, но замена стиха «Глядит на бездны, на брега» на стих «И на днепровские брега» зафиксировала поворот творческой мысли Пушкина к украинской теме.

24 марта 1830 г. Пушкин писал А. Х. Бенкендорфу:

«Я предполагал проехать из Москвы в свою псковскую деревню, однако, если Николай Раевский приедет в Полтаву, убедительно прошу Ваше превосходительство разрешить мне съездить туда с ним повидаться» (XIV, 73, 403; ориг. по-франц.). Поэт получил отказ, ибо у царя, как сообщил 3 апреля в ответном письме Бенкендорф, имелось «основание быть недовольным поведением г-на Раевского за последнее время» (XIV, 75, 404; ориг. по-франц.).

В декабре 1829 г. Н. Н. Раевский «был отрешен от службы за „излишнюю близость“ с подчиненными ему ссыльными декабристами...».¹⁴ В Полтаве же в это время жил его брат А. Н. Раевский, высланный туда без права проживания в столицах. Николай намеревался посетить Александра, и Пушкин хотел увидеться со старым товарищем.

В начале 1830 г. Пушкин часто вспоминает о Раевских. В первом номере «Литературной газеты» (1 января 1830 г.) он поместил краткую рецензию на анонимную брошюру (автором был М. Ф. Орлов) «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского». Кстати, рецензент заметил «непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!..» (XI,

¹² Оксман Ю. Г. Из разысканий о Пушкине: I. Неосуществленный замысел истории Украины // Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 211—221.

¹³ Белецкий А. И. Пушкин и Украина // Наукові зап. Київського держ. ун-ту. 1954. Т. XIII. Вип. II. № 6. С. 70.

¹⁴ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 362.

84). Упоминание об опальных сыновьях чрезвычайно важно для Пушкина.

Вскоре, 18 января, поэт обращается к Бенкендорфу с ходатайством о назначении пенсии вдове генерала Раевского. «Половина семейства находится в изгнании...» (XIV, 58, 399, ориг. по-франц.), — пишет Пушкин, имея в виду, конечно, не только Марию и ее мужа, но и обоих братьев.

Стихи воскрешают образность «Полтавы» — в Полтаву собирается сам поэт. Поэма же была связана для Пушкина с именем сестры Раевских — Марии: к ней, как принято считать, обращено «Посвящение» «Полтавы».

Напомним, что встреча Пушкина с семейством Раевских произошла на *Днепре*, в Екатеринославе.

Мы полагаем, что появление в автографе рисунка, изображающего медведя на цепи, тоже связано с воспоминаниями о Раевских. Первые впечатления от цыганского табора у Пушкина относятся, по-видимому, к кавказскому путешествию с Раевскими. И. П. Липранди отметил это обстоятельство в своих воспоминаниях.¹⁵ К тому же совсем недавно, в 1829 г., Пушкин совершил новую поездку на Кавказ и снова встретил Н. Раевского-младшего.¹⁶

Рисунок, как заметил Д. П. Якубович, напоминает о поэме «Цыганы». Герой ее водил медведя (что, кстати, вызвало известное недовольство Рылеева и Вяземского. Осенью 1830 г. Пушкин вспомнит об этом в своих полемических заметках). Очевидно, что имя «Алеко» намекает не только на *Александра* Пушкина, но и на *Александра* Раевского, в коем немало общего с пушкинским персонажем. Так что встающие за пушкинским рисунком ассоциации ведут все к той же семье Раевских, «близкое воспоминание» (Д. П. Якубович) о которых в соединении с общим интересом поэта к Украине, с «воспоминанием» о «Полтаве» и увело его от стихов В. Скотта, помешало продолжить работу над переводом.

А. В. Кулагин

---

¹⁵ См.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 327—328.

¹⁶ Есть предположение, что поэт навестил А. Раевского в Полтаве во время своей поездки на Кавказ в 1829 г. (см.: Галушко Т. К. Пушкин и братья Раевские: (К истории отношений) // Пушкин: Исслед. и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 204—206).

«НАДПИСЬ К ВОРОТАМ ЕКАТЕРИНГОФА»

3 мая 1834 г. Пушкин записывает в дневнике:

«Гуляние 1-го мая не удалось от дурной погоды, — было экипажей десять. Гр.(афиня) Хреб.(тович) однако поплелась туда

же — мало ей рассеяния. Случилось несчастье: какая-то деревянная башня, памятник затей Милорадовича в Екатерингофе, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись. Кстати, вот надпись к воротам Екатерингофа:

Хв. (остовым) некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость».

(XII. 328)

Сведения об этой «надписи» в пушкиноведении крайне скудны. Комментирование ее обычно ограничивается указанием на литературный источник — стихотворение Д. И. Хвостова «Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года», выпущенное в том же 1824 г. отдельным изданием и затем вошедшее во второй том «Полного собрания стихотворений графа Хвостова» (СПб., 1829). Однако эпиграмма обнаруживает возможность более широкого комментария, реального и историко-литературного.

Но прежде чем приступить к нему, отметим, что сама принадлежность эпиграммы Пушкину остается гипотетичной. В «большом» академическом издании она помещена в разделе «Dubia». В «малом» академическом десятитомнике (ред. Б. В. Томашевский) его вовсе нет среди стихотворений поэта: оно напечатано лишь в составе дневника. Существенных аргументов в пользу авторства Пушкина исследователи не приводят. Вот наиболее развернутое обоснование: «Характер и качество эпиграммы, а также и то, что Пушкин чужих стихов в дневник не записывал, о себе же не раз писал безлично («некто», «сказано»), заставляют отказаться от сомнений в принадлежности эпиграммы Пушкину».¹ Думается, что этих общих соображений все же недостаточно, тем более что Пушкин записывал в дневнике и чужие стихи: в июне 1834 г. он записал эпиграмму «Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей...», предварив ее фразой «О Кочубее сказано» (XII, 331) и оговорив, что сам не имеет к ней отношения. Поэтому, пока априорно принимая авторство Пушкина, мы в то же время ставим сверхзадачей нашего комментария подтверждение авторства поэта через биографические реалии и контекст пушкинского творчества.

1. «Хвостовым некогда воспетая дыра!»

Ворота, о которых говорится в эпиграмме, фактически не были воротами Екатерингофа. Они представляли собой однопролетную деревянную арку в стиле ампир, воздвигнутую на Петергофской дороге по проекту Д. Кваренги в 1814 г. для встречи победоносной русской гвардии. Именно ее воспел Хвостов в стихах 1824 г.:

---

¹ Цявловская Т. Примечания // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 630.

Врата за труд, стяжанный кровью,
Телохраниателям царя
Сооруженные любовью...

К этим строкам автор сделал примечание: «За Триумфальными воротами есть новые, которые построены иждивением дворянства и купечества в 1814 году, в честь Лейб-Гвардии полков, отличившихся при Кульмском сражении и покорении Парижа».²

Со временем арка обветшала, и было принято решение заменить ее новой — аналогичной, но увеличенной в размерах и уже гранитной, с металлическим покрытием (архитектор В. П. Стасов). Ее строили тоже на Петергофской дороге, но южнее арки Кваренги и поворота на Екатерингоф, у реки Таракановки.³ Торжественное открытие новых ворот состоялось 17 августа 1834 г. Старая арка была разобрана, судя по сообщению А. Н. Греча,⁴ уже после освящения стасовской, т. е. не раньше осени 1834 г., и, стало быть, после того, как пушкинская эпиграмма была написана.

Из эпитафии ясно, что поэт без почтения относится к ампиру — стилю архитектуры официального Петербурга. В юности он уже имел случай выразить свое отношение к подобному рода сооружениям. В 1814 г. в Павловске к празднику в честь возвращения из Парижа Александра I были сооружены триумфальные ворота со стихотворной надписью А. Буниной:

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не сместят!

Лицеисты присутствовали на празднике, и Пушкин по этому поводу набросал карикатуру с изображением ворот, не могущих «вместить» императора.⁵ Здесь внимание поэта занимают не только сами ворота, но главным образом комическая ситуация; важно,

---

² Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1829. Т. 2. С. 127, 133. Под «Триумфальными воротами» имеются в виду гранитные Лифляндские ворота (архитектор А. Ринальди, 1774—1785), находившиеся перед выездом из города через загородный (Обводный) канал на Петергофское шоссе. На недатированном плане города, где отмечены и Московские триумфальные ворота (1834—1838), и первая железная дорога (1837), эти ворота еще указаны (см.: Plan de St. Petersburg. Paris, s. a.). На некоторых планах Петербурга пушкинского времени именно арка Ринальди названа «Екатерингофскими воротами» (см.: План города С.-Петербург. СПб., 1821; Подробный план столичного города С.-Петербурга ... СПб., 1828. Л. XXI). Очевидно, такое название закрепилось в сознании современников, хотя эта арка по сути дела воротами Екатерингофа тоже не была. Просто по дороге в предместье ее обязательно нужно было проехать, в то время как дальнейший путь мог лежать либо через арку Кваренги с последующим поворотом направо, либо по набережной Загородного канала (см.: Великанова С. И. Гравюра К. Гампельна «Екатерингофское гулянье 1-го мая» как источник для изучения архитектуры и быта Петербурга 1820-х годов // Старый Петербург. Л., 1982. С. 193).

³ См. фотовоспроизведение плана местности, сделанного В. П. Стасовым в 1827 г., в кн.: П и л а в с к и й В. И. Стасов — архитектор. Л., 1963. С. 179. Ср.: План столичного города Санкт-Петербурга. [СПб., 1832].

⁴ См.: Греч А. Весь Петербург в кармане. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1851. С. 111, 522.

⁵ См.: Гаевский В. П. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. Т. 97. № 8. С. 367—368. Рисунок не сохранился.

что она порождена чужими стихами. Позже именно так произойдет со стихами Хвостова.

В пору, когда Пушкин написал эпиграмму, шла подготовка к открытию еще одного ампиричного монумента — Александровской колонны на Дворцовой площади, открытой 30 августа 1834 г. Хотя Пушкин нигде не высказывал своего отношения к ее архитектуре, вызываемые ею ассоциации (дворец, камер-юнкерство и т. п.) были явно негативными. 28 ноября того же года, упоминаая в дневнике об открытии колонны (сам поэт на нем не присутствовал), Пушкин здесь же рассказывает о своем пребывании в Тарутине, где он видел «столп», возведенный, как и триумфальные ворота, в честь победы над Наполеоном: «Гр.(афа) Румянцева вообще не хвалят за его памятник — и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет» (XII, 332). Можно допустить, что критическое отношение к архитектурному стилю во многом обуславливалось у поэта связанными с этим стилем социальными, политическими ассоциациями.

Заметим попутно, что в библиотеке Пушкина есть небольшая книга, посвященная триумфальным воротам, правда, московским: «Описание обоих вновь построенных триумфальных ворот...» (М., 1775).⁶ Это в какой-то мере говорит об интересе поэта к подобным сооружениям, хотя описанные в книге ворота отмечены печатью юре барочной традиции.

Слово «дыра» появилось в эпиграмме не случайно. Во-первых, оно дает комический эффект в сочетании с высоким определением «некогда воспетая». Этот эффект тем более объясним, что гуляние 1834 г. оказалось неудачным и контрастировало с высокопарными стихами графа. Во-вторых, оно ведет к фривольным ассоциациям, прежде не раз появлявшимся у Пушкина именно в связи с Хвостовым — в «Тени Баркова»: «...Он слово звучное, кряхтя, Ломает в стих упрямо...»;⁷ в стихотворении «Ты и я» (1817—1820): «...Я же грешную дыру Не баляю детской модой И Хвостова жесткой одой, Хоть и морщуся, да тру» (II, 130); в стихотворном послании к Вяземскому 1825 г.: «Но твой затейливый навоз Приятно мне щекотит нос: Хвостова он напоминает...» (II, 429). В этом смысле «надпись» включается в контекст пушкинских поэтических высказываний о поэте-графомане.⁸

Ну почему Пушкин вспомнил о стихах Хвостова спустя десять лет после их публикации?

Можно предположить, что ежегодное Екатерингофское гулянье прочно связывалось в сознании читающих современников со сти-

---

⁶ См.: Модзалевский Б. А. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание: В 2 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 71 (№ 266).

⁷ Пушкин А. С. Тень Баркова // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 26.

⁸ В таком же духе писали о Хвостове некоторые другие эпиграммысты (см.: Эпиграмма и сатира. М.; Л., 1931. Т. I. С. 165—166).

хами «прославившего» их пиита. Во всяком случае об этих стихах насмешливо вспомнил в 1833 г. ссыльный Кюхельбекер.⁹ Но, думается, дело не только в этом.

22 апреля в столице состоялся праздник совершеннолетия наследника престола. Церемония праздника кратко описана Пушкиным в дневнике (запись от 25 апреля — «среда на святой неделе»). «Я не был свидетелем» (XII, 327), — сообщает поэт, хотя из дальнейшего текста становится ясно, что в это время он находился во дворце, в другом его помещении.

Хвостов, имевший обыкновение воспевать торжественные события, и на этот раз сочинил стихотворение, тоже опубликованное отдельным изданием.¹⁰ Оно было подписано в печать 29 апреля. Учтывая, что подобный полуофициальный отклик должен был появиться незамедлительно и что печатание трехстраничной книжки не требовало в пушкинскую эпоху много времени, можно предположить, что к 3 мая (дата пушкинской записи) стихотворение уже попало к читателям, в том числе и к Пушкину: в его библиотеке эта книжка была.¹¹

Хвостов «напомнил» Пушкину о себе, и это «напоминание» совпало с известием о гулянье в Екатерингофе. Кроме того, реакция петербургского общества на праздник совершеннолетия раздражала поэта: «Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве, — записывает он в дневнике 25 апреля. — Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же» (XII, 327). Этим во многом объясняется раздраженный тон самой эпиграммы.

Добавим, что в июне того же года Пушкин записал в дневнике: «Здесь прусской кронпринц с его женою. Ее возили по Петергофской дороге, и у ней глаза разболелись» (XII, 331). Запись, возможно, косвенно связана с эпиграммой: вскоре после стихов о триумфальной арке в дневнике появляется намек на показательный характер правительственного шоссе.

2. «Провозглашаешь ты природы русской скупость...»

Второй стих можно, конечно, понимать буквально: природа в окрестностях Петербурга действительно не отличалась пышностью. Пушкин, вероятно, полемизирует здесь с Хвостовым, не пожалевшим красок для своих «екатерингофских» пейзажей: «Весна!.. пир целая природы...» и т. д. Однако стих мог таить намек и на саму личность титулованного поэта.

В первом номере «Невского зрителя» за 1820 г. была опубликована эпиграмма на Хвостова, подписанная «Е. Б...ий» (Баратынский):

⁹ См.: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 284.

¹⁰ Хвостов Д. И. 22-го апреля в С.-Петербурге 1834 года. СПб., 1834.

¹¹ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Кн. 2. С. 35 (№ 111).

Хоть глуповат подчас Дамон,
Люблю я милого собрата;
Не виноват пред светом он —
Пред ним природа виновата!¹²

Здесь говорится о скупости природы, пожалевшей ума для Хвостова. В переработанном варианте эпиграммы в сборнике «Стихотворения Евгения Баратынского» (М., 1827) сохранялась заключительная острота, но намек на Хвостова стал более прозрачен: «Поэт Графов в стихах тяжеловат...».

Пушкин должен был помнить эпиграмму: номер «Невского зрителя» был хорошо ему знаком, он содержал стихотворение самого Пушкина «Дориде», а также стихи Баратынского, Кюхельбекера. На сборник же Баратынского 1827 г. он пытался написать рецензию. Вполне вероятно, что эпиграмма Баратынского вспомнилась ему, когда он сочинял «надпись», одним из адресатов которой был все тот же Хвостов.

Наконец, еще одна возможная ассоциация. Новые, стасовские, ворота воздвигались на средства частного лица — гвардейского генерала Ф. П. Уварова, оставившего 400 тысяч рублей на возведение памятника в честь гвардии, и на пожертвования дворянства и купечества.¹³ Власти же до этого воротами не занимались. Старая, деревянная, арка разрушалась на глазах горожан. Это давало поэту повод позлословить о властях, об их скупости.

3. «Самодержавие Петра...»

Екатерингоф, как известно, был основан Петром. Но Пушкин говорит здесь не просто о Петре, а о его «самодержавии».

Комментирование этого стиха требует обратиться к контексту пушкинского творчества времени создания эпиграммы.

Незадолго до ее появления, осенью 1833 г., написан «Медный всадник». Сопоставляя эту поэму и навеянный полотном К. Брюллова «Последний день Помпеи» стихотворный набросок 1834 г. «Везувий зев открыл...», Ю. М. Лотман отмечает в них «трехчленную формулу Пушкина»: «восстание стихии — статуи приходят в движение — народ (люди) — жертва».¹⁴ Нетрудно заметить, что эта парадигма, носящая в упомянутых произведениях трагический характер, имеет отношение и к «надписи», но уже будучи окрашена в пародийные тона. Понять это помогает контекст дневниковой записи о гулянье 1 мая. Во-первых, оно не удалось от «дурной погоды» («восстание стихии»). Во-вторых, произошло «падение кумира» — деревянной башни. В-третьих, «несколько людей, бывших на ней, ушиблись».

Важна и другая параллель: «ворота Екатерингофа» — это монумент, в какой-то мере воплощающий в себе, пусть в смысле

¹² Невский зритель. 1820. Ч. I. Генварь. С. 103.

¹³ См.: Греч А. Весь Петербург в кармане. С. 521.

¹⁴ Лотман Ю. М. В школе поэтического мастерства. М., 1988. С. 126.

военной славы, государственную идею. В этом отношении он как бы приравнивается к Медному Всаднику Фальконе.

Пушкин подчеркнул в дневнике, что упавшая деревянная башня — памятник затей Милорадовича. Имя Милорадовича связывалось с событиями 14 декабря: именно он отговаривал бунтовать солдат на площади у памятника Петру. Милорадович — один из тех двух генералов, которые в пушкинской поэме «пустились (...). Спасать и страхом обуялый И дома тонущий народ» (V, 141).

Упоминался в «Медном всаднике» и другой «герой» эпитаграммы — Хвостов, и тоже в качестве официального поэта, певшего «бессмертными стихами Несчастье невских берегов» (V, 145). Но и в стихах о Екатерингофе Хвостов не жалел похвал для его основателя:

...Приятно вспомнить о Петре!
И суша и моря, лир звуки
Вещают громко о добре;
Воздвигли нам Алкида руки
Петрополь, ремесла, науки,
Гражданский чин, военный строй;
Наш П е т р — строитель, Царь, герой!¹⁵

В таком же духе был выдержан пассаж о Петре в болгаринской «Прогулке в Екатерингоф».¹⁶ Поэтому пушкинская формула «самодержавие Петра» воспринимается как полемическая по отношению к верноподданическим панегирикам современников, совершавших литературные «прогулки» в столичное предместье. Заметим кстати, что ежегодное екатерингофское гулянье приурочивалось к очередной годовщине взятия русскими войсками шведской крепости Ниеншанц (1703). Поэтому гуляние становилось еще и своеобразной данью памяти Петру.

В конце 1833-го—начале 1834-го г. (декабрь—март) Пушкин работает над статьей «О ничтожестве литературы русской». В разных редакциях ее несколько раз говорится о «мощном самодержавии Петра» (см.: XI, 497, 500), и эта формула как бы предвосхищает аналогичное выражение в эпитагме и выдает общее русло пушкинских размышлений в эту пору.

Около 29 мая 1834 г., когда не прошло еще и месяца после появления в дневнике стихотворной «надписи», Пушкин пишет жене из Петербурга в Полотняный Завод: «Ты спрашиваешь меня о Петре? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок» (XV, 154). Но причем тут «перетаскивание»? Я. Л. Левкович считает, что Пушкин, возможно, намекает на поиски места для памятников Петру I (1744), Суворову (1801) и «Румянцева победам» (1799).¹⁷ Действительно,

¹⁵ Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. С. 134.

¹⁶ См.: Литературные листки. 1824. № 8. С. 305—307.

¹⁷ См.: Левкович Я. Л. Комментарии // Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 165.

два последних монумента перемещали в 1818 г., когда поэт жил в Петербурге.¹⁸ Но Пушкин мог иметь в виду и события современные, откликаться на злобу дня. Не содержит ли в таком случае процитированный фрагмент намек на постройку на новом месте триумфальных ворот, как бы переезжающих «с площади на площадь»? Показателен и «петровский» контекст в письме: Пушкин сообщает жене о работе над «Историей Петра I».

Все это показывает, что записанная в пушкинском дневнике эпиграмма — не случайный экспромт. Она связана с важнейшими пушкинскими замыслами этой поры, так или иначе касавшимися петровской темы.

4. «И Милорадовича глупость»

Комментируя этот стих, М. И. Гиллельсон¹⁹ приводит отрывок из «Записок» Вигеля, описавшего «увеселительные занятия» петербургского военного генерал-губернатора в Екатерингофе. По распоряжению Милорадовича в парке были наняты дачи «для молодых актрис и воспитанниц», плясавших для него на балах.²⁰ К. А. Кумпан связывает этот стих с затратой Милорадовичем крупной суммы казенных денег на украшение Екатерингофа, ссылаясь при этом тоже на Вигеля.²¹ Но все это трудно увязать с «глупостью» Милорадовича.

Возможно, Пушкин в раздражении воспринимает Екатерингоф как продолжение «свинского Петербурга» и потому называет глупцом его преобразователя. Но можно предложить более конкретную гипотезу.

М. И. Пыляев сообщает, что Милорадович в знак благодарности за оду Хвостова в честь Екатерингофа «приказал, на вечные времена, повесить портрет поэта в зале вокзала, и долгое время посетители Екатерингофской ротонды любовались чертами певца Кубры с оригинальной подписью „Э Катерингофа Бард“».²²

Известно, что в 1828 г. Пушкин посетил ресторан «Вокзал» в Екатерингофе.²³ Возможно, это посещение не было единственным. Портрет Хвостова он наверняка видел, а если даже и нет, то, конечно, слышал о нем как об одном из петербургских курьезов и несообразностей, которые нередко подмечал острый взгляд автора дневника, «русского Данжо». Поэт, как известно, был обязан Милорадовичу тем, что не попал в молодости на Соловки. Едва ли он считал его глупцом (хотя факты самодурства генерал-губернатора известны), но распоряжение повесить портрет Хвостова ни-

¹⁸ См.: Медерский Л. Архитектурный облик пушкинского Петербурга // Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 317—318.

¹⁹ Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975. С. 766.

²⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 128.

²¹ Русская эпиграмма: (XVIII—начало XX в.). Л., 1988. С. 605.

²² Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1903. С. 86.

²³ См.: Эттингер П. Станислав Моравский о Пушкине: (Из записок польского современника поэта) // Московский пушкинист. М., 1930. Т. II. С. 256—257.

как не могло показаться умным. История с портретом примечательна для нас тем, что в ней соединяются Екатерингоф и имена Милорадовича и Хвостова. Она вполне отвечает содержанию и духу пушкинской эпиграммы. Кроме того, общая полемичность «надписи» по отношению к хвостовской оде позволяет и здесь видеть «ответ» стихотворцу, несколько «перебравшему» в своих похвалах генерал-губернатору: «Трофеем новым, мирным, ясным Он в Петрограде славен стал...» и т. д.²⁴

«Надпись к воротам Екатерингофа», как видим, тесно связана с пушкинским творчеством, полностью вписывается в него. Для четырех стихов здесь слишком много чисто пушкинских параллелей и ассоциаций, исключающих принадлежность эпиграммы другому лицу.

А. В. Кулагин

---

²⁴ Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. Т. 2. С. 139.

«ОТВЕТ КАТЕНИНУ»

Стихотворение это написано 10 ноября 1828 г. в Малинниках и напечатано в «Северных цветах» на 1829 г. История его создания хорошо известна. С точки зрения скрытого в нем яда политической и личной полемики двух поэтов стихотворение подробно проанализировано Ю. Н. Тыняновым.¹

В. В. Виноградов вскрыл контрастно-ироническое течение смыслов, скрытое в намеках цитаты из стихотворения Державина «Философы пьяный и трезвый»:

Не пью, любезный мой сосед!²

В последующие годы стихотворение это принято воспринимать как нечто уже изученное и объясненное: обычно читателя просто отсылают к упомянутым трудам Ю. Н. Тынянова и В. В. Виноградова как к полному и достаточному комментарию. И это естественно. Но, на наш взгляд, стихотворение это стоит того, чтобы к нему вернуться, поскольку таит в себе важные оттенки смысла, не отмеченные вниманием исследователя.

Нам бы хотелось предложить взглянуть на это стихотворение под иным углом зрения; включить его в более широкий контекст

---

¹ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 73—85.

² Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 153—155.

пушкинского творчества, соотнесенного с литературой европейской. Ю. Н. Тынянов говорил о теме зависти, которая найдет продолжение в «Моцарте и Сальери», как об *argière pensèe* этого стихотворения.³ Эта мысль очень глубокая и верная: ведь замысел «Моцарта и Сальери» относится к 1826 г., т. е. в пору создания «Ответа Катенину» уже живет в творческом сознании Пушкина (А Катенину эта «Маленькая трагедия» не даст покоя до конца его дней).⁴ Но нам видится в этом стихотворении скрытая полемика по другому поводу — и ключ к ней дан в последней строке стихотворения Катенина:

И тихую беседу нашу
Бейронским пеньем огласишь.⁵

В этом «бейронском пенье» принято видеть намек на вольнолюбие, дающий простор для глубоких полемических толкований этого произведения.⁶ Но, на наш взгляд, в этом стихотворении очень чувствуется влияние «британской музыки небылиц»; здесь предмет полемики — еще и сам Байрон, и в его лице «новая» английская поэзия, которая как раз в это время становится особенно близка и необходима Пушкину.⁷ Отношение к Байрону, как спустя несколько десятилетий отношение к самому Пушкину, было пробным камнем, дающим понятие о принадлежности литератора к определенному лагерю. Для иллюстрации отношения Катенина к английскому поэту приведем несколько его высказываний из писем к Н. И. Бахтину. 25 апреля 1825 г.: «Пушкина же отрывки из будущей поэмы „Цыгане“ не по моему вкусу. Еще некто Языков затеял поэму „Разбойники“, еще Рылеев поэму „Наливайко“, и во всех трех все какие-то сорванцы, головорезы, забияки — словом, преразвратный народ. Прибавьте, что к ним стараются привлечь сильное участие, любовь и почтение. От этого ложного понятия выходит только, что все они холодны до смерти, слабы, не страшны и ничтожны, а всему виноват Бейрон, суди его бог».⁸ 20 мая 1828 г.: «Он (*Delavigne*. — *О. Д.*) теперь слишком прилепился к вещи без сомнения весьма хорошей, *La Liberté*, но все одно и то же надоеет. Я не хочу, чтобы поэзия была каким-то политическим орудием, она по свойству своему выше всего этого и не должна себя подчинять другим расчетам. Он же вдруг что-то пристрастился к Бейрону и как бы подражает, правда, опять что лучшему Бейронову творению „*Child-Harold*“, но, мне кажется, и то лишнее; кто имеет свое дарование, как *C. Delavigne*, не имеет

³ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 84.

⁴ См. об этом: Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине / Вступ. ст. и примеч. Ю. Оксмана // Там же. С. 619—656.

⁵ Катенин П. А. Избр. произведения. М.; Л., 1965. С. 185.

⁶ См.: например: там же. С. 686.

⁷ Не следует забывать, что именно с 1828 г., по мнению М. А. Цявловского, Пушкин свободно владеет английским языком. См.: Цявловский М. А. Пушкин и английский язык // Пушкин и его современники: Пг., 1948. Т. V. С. 48—73.

⁸ Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 260.

нужды плестись с благоговением по следам современника, сверх того, мне кажется еще, что Байрон un méchant modèle». ⁹ 27 мая 1829 г.: «Прочел я В. Скотта жизнь Наполеона: какая дурная книга! Прочел Вронченки перевод „Гамлета” Шекспира; вряд ли он кого приманит; прочел и Пушкина „Полтаву”: вещь не без достоинств, но лучшие места не свои: тут и Данте, и Гете, и Байрон, и Петров, и Ваш покорный слуга mis à contribution». ¹⁰ В том же ряду и неприкрытая грубость выпада Катенина в послании к Пушкину:

И смело пить тому лишь можно,
Кто сыном Фебовым рожден.
Невинным опытом сначала
Узнай — правдив ли этот слух.
Младых романтиков хоть двух
Проси отвещать из бокала;
И если, капли не пролив,
Напьются милые свободно,
Тогда и слух, конечно, лжив,
И можно пить кому угодно. ¹¹

(Читай: все «младые романтики» не являются «сынами Феба»). На свой выпад он и получает столь же грубый ответ: совет одному, брошенному всеми, пожинать с похмелья лавр нищего Корнеля или сумасшедшего Тасса. Катенин оказался прав. Желая уязвить Пушкина упреком в подражательстве, он невольно лишний раз подтверждает мысль о том, что Пушкину как раз в эти годы особенно близки английские поэты. Катенин говорит в основном о Байроне. И действительно, тень Байрона постоянно присутствует в творчестве Пушкина этого периода. Но осторожный ревностью к ушедшему из жизни Байрону, который заслоняет для него всех, Катенин не видит или не хочет видеть новой серьезной опасности, тоже, впрочем, исходящей от современной английской поэзии. В 1828 г. Пушкин пишет заметку «О поэтическом слоге»: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному. (...) ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собою мнения многих... Произведения английских поэтов (...) исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина». Далее Пушкин говорит о том, что опыты Катенина и Жуковского были неудачны «не сами по себе, но по действию, ими произведенному», и определяет выражение из баллады Катенина «Убийца» «Гляди, гляди, плешивый» как «стих, исполненный истинно трагической силы» (а сама баллада может стоять наряду с балладами Бюргера и Саувея) (XI, 73). Не есть ли это свидетельство в пользу мысли о наличии «английской темы» в «Ответе Катени-

⁹ Там же. С. 283.

¹⁰ Там же. С. 291.

¹¹ Катенин П. А. Избр. произведения. С. 185.

ну?» Ведь упоминание имени Катенина в заметке об английских поэтах едва ли случайно. Кроме того, «Ответ Катенину» (10 ноября) написан на том же листе, что и «Анчар» (9 ноября) и выписка из Кольриджа.¹² Исследователями уже отмечалась связь между этими произведениями.¹³ Таким образом, когда Пушкин пишет «Ответ Катенину», он постоянно возвращается в кругу тем и образов, характерных для английской романтической поэзии. И, может быть, строка «Пора мне нынче на покой» — это выражение тайного намерения последовать примеру поэтов-лейкистов удалиться от цивилизации, а не остаться «в строениях Парнаса» вместе с Катениным. Образы «Ответа Катенину» очень часто встречаются у поэтов «озерной школы». Прежде всего это образ кубка. В смысловую структуру этого образа подспудно входит символика смерти. Достаточно вспомнить Шекспира, Байрона, Кольриджа, Вильсона, Барри Корнуолла.

Ср. в «Ответе Катенину»:

Твой кубок полон не вином,
А упоительной отравой.

(III, 135)

Тема отравления, столь релевантная для английской поэзии, может рассматриваться в этом стихотворении на разных уровнях: 1) в кубке настоящее вино, но оно отравлено; результат — смерть; 2) кубок — символический; отравы — поэзия; отравы смертельна, но упоительна; 3) отравы — поэзия Катенина.

Во всех случаях жертва знает о том, какой результат будет, если выпить предложенное питье. Цепочка выстраивается такая: кубок — вино — поэзия — отравы — блаженство — смерть. Подобную цепочку можно встретить неоднократно у английских романтиков. И у Пушкина в период, о котором идет речь, одной из любимых тем станет тема питья упоительной отравы: из чаши, во взоре любимой, в поцелуе, в стихах. Кульминации она достигнет в «Маленьких трагедиях», которые, как известно, пронизаны реминисценциями из английской поэзии. (Подчеркнем еще раз, что тема Моцарта и Сальери в период создания «Ответа Катенину» живет в творческом сознании Пушкина). Моцарт выпьет яд из «чаши дружбы», а в «Ответе Катенину» питье «упоительной отравы» пока осознается ментально, представляется в воображении: что случилось бы, если бы поэт выпил предложенный ему собратом-поэтом напиток. Поэт прекрасно представляет себе и упоение, и гибельность и отказывается, предлагая этот напиток в одиночестве пить тому, кто предлагает его Пушкину. В «Моцарте и Сальери»: «Постой! постой!.. Ты выпил!.. без меня?» (VII, 132), — а в «Ответе Катенину»: «Ты выпей без меня».

¹² См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 43.

¹³ О связи стихотворения «Анчар» с «Ответом Катенину» см.: Виноградов В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. Т. 16—18. С. 143—148. О влиянии поэзии Кольриджа на стихотворение «Анчар» см., например: Якубович Д. П. Заметка об «Анчаре» // Там же. С. 872.

В связи с английской поэзией релевантной представляется и тема тоста за здоровье.¹⁴ Достаточно вспомнить, что Моцарт произносит тост:

За твое
Здоровье, друг...
(VII, 132)

— и пьет за здоровье отравителя.

А в «Ответе Катенину» отравитель просит жертву выпить за его здоровье и слышит очень трезвый ответ.

В «Ответе Катенину» Пушкину удастся представить гибельную ситуацию во всех подробностях — и отодвинуть эту ситуацию от себя, даже суметь повернуть ее против отравителя. В последующие же годы герои Пушкина будут, прекрасно зная обо всем, что должно случиться, пить губительную отраву. Заметим в скобках, что и Катенин и Сальери ведут себя одинаково:

Сальери:
...Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне душу...
(VII, 133).

Катенин:
Налив, тебе подам я чашу,
Ты выпьешь, духом закипишь
И тихую беседу нашу
Бейронским пенъем огласишь.

Оба отравителя стремятся насладиться напоследок искусством отравленной жертвы.

В задачи данной статьи не входило давать подробный сопоставительный анализ и развернутое раскрытие положений, представленных здесь лишь тезисно. Нам хотелось лишь поставить проблему: взглянуть на это стихотворение, которое принято считать в основном политическим, с точки зрения конфликта творческого, поводом для которого послужила поэзия Байрона и английского романтизма.

О. Л. Довгий

---

¹⁴ Нам уже приходилось говорить, в каких случаях в стихах Пушкина звучат тосты за здоровье — и тоже в связи с английской поэзией. См., например: Довгий О. Л., Кулагин А. В. Стихотворение «Из Barry Cornwall» и его английский источник // Болдинские чтения. Горький, 1985. С. 144—155; Кулагина О. Л. Пушкин и Барри Корнуолл. Автореф. канд. дисс. М., 1990.

Перевод «Фрагмента идиллии» А. Шенье «Oeta, mont ennoblirag cette nuit ardente...», впервые напечатанный Пушкиным (без подписи) под названием «Из А. Шенье» в первом номере «Современника» за 1836 год, неоднократно привлекал внимание исследователей.¹ Изучение этого текста велось в русле тем «Пушкин и Шенье» и «Пушкин и античность», т. е., во-первых, устанавливался характер изменений, внесенных Пушкиным в стихотворение Шенье, оценивалась точность Пушкина-переводчика, а во-вторых, определялись литературные источники для пушкинских строк, не имеющих соответствия во французском оригинале. Поскольку сюжетом стихотворения Шенье послужил миф о гибели Геракла, неоднократно становившийся предметом литературной обработки уже в античности, это направление поиска представляется весьма плодотворным для выяснения особенностей пушкинской поэтики, проявившихся в интерпретации традиционного сюжета. В настоящей заметке нам бы хотелось подвести некоторые итоги и предложить собственные решения поставленных проблем.

Прежде всего приведем сюжет мифа, послуживший основой стихотворения Шенье, как он изложен В. А. Мильчиной в комментарии к последнему изданию французского и русского текстов: «Геракл (другое имя — Алкид) убил посягнувшего на его жену Деяниру кентавра Несса; тот перед смертью посоветовал Деянире собрать его кровь, чтобы превратить в приворотное зелье. В припадке ревности Деянира послала Гераклу хитон, пропитанный кровью Несса, которая, однако, превратилась в яд. Не в силах терпеть боль, Геракл поднялся на гору Эта и взошел на костер, но спустившаяся с неба туча унесла его на Олимп, где он был принят в сонм бессмертных богов».² Вопреки мнению В. Б. Сандомирской, «миф этот сохранился в художественной переработке» не «двух античных поэтов»,³ а как минимум четырех: даже если не считать «Мифологическую библиотеку» Аполлодора произведением высокой поэзии, к называемым исследователем Софоклу («Трахинянки») и Овидию («Героиды», IX; «Метаморфозы», IX) следует добавить Вакхилида (Ода XVI) и Сенеку («Геркулес на Эте»). Впрочем, полнота списка античных интерпретаций сюжета может играть какую-то роль лишь при решении вопроса об источнике стихотворения Андре Шенье или при создании истории этого сюжета в европейской поэзии. Для пушкинского же стихотворения

---

¹ Кроме комментариев в Собраниях сочинений и кратких упоминаний в работах общего характера специально этому стихотворению посвящены статьи: Гельд Г. Г. По поводу стихотворения Пушкина «Из А. Шенье» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1923. Т. 9. Вып. 36. С. 44—47; Сандомирская В. Б. Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 90—106.

² Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989. С. 629 (комментарии).

³ Сандомирская В. Б. Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье. С. 91.

единственным дополнительным источником сведений о мифе, особенно актуальным в период начала работы над переводом (1825), остается Овидий, на которого указывают Г. Г. Гельд и В. Б. Сандомирская.

Но, будучи носителем сюжета, Овидий абсолютно чужд в данном случае пушкинской поэтике и не может рассматриваться как вдохновитель изменений, внесенных Пушкиным в изображение Алкида. Действительно изменения эти, как справедливо отмечает большинство исследователей,⁴ касаются концепции характера героя: у Шенье Алкид — герой в полном смысле этого слова, «ждущий воздаяния и часа, когда он станет богом» («Attend sa récompense et l'heure d'être un dieu...»)⁵ У Пушкина Алкид изображен неистовствующим в физическом страдании. Причем дело даже не в отсутствии движения как такового в стихотворении Шенье, а в том, что у Шенье это движение пусть мучительного, но прямого восхождения «великого Алкида» к вершине славы, последнему и величайшему подвигу. В целом же картина Шенье гораздо более динамична, нежели описание гибели Геракла у Овидия:

Был же ты взором таков, как будто возлег и пируешь
Между наполненных чаш, венками цветов изукрашен!
(«Метаморфозы». IX. 237—238)⁶

Издатель и исследователь творчества Шенье Бек де Фукьер, составляя комментарий к рассматриваемому стихотворению поэта, отметил в связи с приведенными стихами, что «вкус Шенье» не позволял ему следовать за всеми «слабыми и невыразительными сравнениями Овидия».⁷ Таким образом, если все исследователи сходятся на большей динамичности пушкинского изображения, то Овидий никак не мог послужить для Пушкина опорой при его отталивании от текста Шенье.

Герой пушкинского стихотворения движется физически иначе, что, по нашему мнению, является отражением иного сравнительно с Алкидом Шенье пути развития характера. Алкид изначально «божествен»: «В божественной крови яд быстрый побежал (III, 382). Затем следует описание неистовств Алкида, причем двум стихам нет даже приблизительного соответствия во французском оригинале:

Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воет,
Стопами тяжкими вершину Эты роет.
(III, 382)

⁴ Последнее из опубликованных замечаний указанного характера принадлежит В. Э. Вацуру. См.: Французская элегия XVIII—XIX веков. С. 629—630.

⁵ *Oeuvres complètes d'André de Chénier*. Paris, 1819. P. 69.

⁶ Овидий. Метаморфозы / Пер. С. В. Шервинского. М., 1977. С. 227.

⁷ *Poésies de André Chénier / Par L. Becq de Fouquières*. Paris, 1872. P. 124.

Вторая из приведенных пушкинских строк поражает психологической недостоверностью: в припадке ярости, мучаясь от физической боли, человеку — «рыть стопами» землю... А ведь окончательная отделка стихотворения относится к 1835 г., когда давно миновала пора ученичества в изображении «физических движений страстей» (VII, 118). Нам представляется возможным следующее предположение.

Если Пушкин действительно хорошо помнил миф, он не мог забыть того, что основу яда, «побежавшего» в «божественной крови» Алкида, составляла кровь убитого Алкидом некогда кентавра. «Дивному полубогу» (определение Алкида из черновой рукописи стихотворения (III, 964)) заменили кровь, он стал кентавром по естеству, так же как стал до этого им по поступкам, предавшись безудержной похоти (ревность Деяниры не беспочвенна), за которую некогда кентавра убил. И если мы примем такую концепцию нравственного движения героя пушкинского стихотворения: от «дивного полубога» падение до уровня бывшего антагониста-кентавра и далее через страдание — к «бессмертному духу героя» последнего стиха, изображение «физического движения страсти» (VII, 118), раньше казавшееся неестественным, станет вполне объяснимым: для кентавра, существа с лошадиными копытами, «рыть» «стопами тяжкими вершину Эты» в припадке неистовства от физической боли вполне естественно.

То, что с пушкинским Алкидом на Эте происходят именно такие метаморфозы, подтверждает не только «внутренняя реконструкция», но и «внешний» текст, который еще не привлекался в исследовательской литературе как возможный источник пушкинской образности.

«L'ongle frappant la terre...»⁸ — именно так говорит Шенье о беснующемся кентавре тридцатью страницами ранее стихотворения «Oeta, mont ennobl...», в поэме «L'Aveugle» («Слепец»), начало которой Пушкин перевел за два года до того, как приступить к работе над стихотворением «Из А. Шенье».

И. С. Кузнецов

---

⁸ Копыто, поражающее землю... — *Oeuvres complètes d'André de Chénier*. P. 32.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

1. «И Вертер, мученик мятежный...» (VI, 55)

Первые переводы романа Гете «Страдания молодого Вертера» (1774) на русский язык появились в 1781 г. (перевод Ф. Галченкова, переиздания 1794 и 1796 гг.) и в 1798 г. (перевод И. Виногра-

дова, переиздание 1816 г.) под названием «Страсти молодого Вертера». Роман Гете пользовался большой популярностью. Известен интерес к нему Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева. «Страдания молодого Вертера» вызвали многочисленные прозаические подражания и поэтические отклики. Среди их авторов — А. И. Клушин, Д. П. Горчаков, П. И. Шаликов, В. И. Туманский.

Проникновение Гете становилось моделью жизненного поведения, проникало в быт русского дворянства. Об этом могут свидетельствовать как трагические, так и комические факты. Особого внимания заслуживает автобиографическая повесть М. В. Сушкова «Российский Вертер». Она была написана в 1792 г. и опубликована после самоубийства шестнадцатилетнего автора; причем самоубийство было им предварительно описано. В. М. Жирмунский справедливо полагал, что эта повесть «представляет большой интерес как культурно-бытовой документ, как своеобразный памятник русского бытового вертеризма».¹

Иного, комического свойства — анекдот о поэте Е. И. Кострове, приведенный в «Записной книжке» П. А. Вяземского: «Одно из любимых чтений Кострова было роман „Вертер“. Пьяный он заставлял себе читать его и заливался слезами. Однажды в подобном положении после чтения любимого продиктовал он Дмитриеву любовное письмо во вкусе Вертеровом к любовнице, которую он знал».²

Сказанное выше дает основание расценивать имя Вертера, названное в IX строфе третьей главы «Евгения Онегина», как знак, указывающий не только на хорошо знакомый читателям — современникам Пушкина роман Гете, но и на связанную с ним литературную традицию, а также на порожденное им бытовое явление в русской жизни последней четверти XVIII—первой четверти XIX в. Это должно быть учтено при комментировании пушкинского романа. На наш взгляд, представляется возможным предпринять попытки выявить отголоски «Страданий молодого Вертера» Гете, традиции русского вертеризма и в зонах героев романа — Онегина, Татьяны, Ленского — и в зоне автора.

Прежде всего заметим, что характеристика Вертера, данная Пушкиным, — «мученик мятежный» перекликается с автохарактеристикой героя Гете. В письме к Лотте Вертер пишет: «В то время как ты, любимая, будешь читать эти строки, холодная могила уже укроет бранные останки мятущегося мученика...».³ (Unruhigen, Unglücklichen — буквально: «смятенного, несчастного»).

¹ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 53.

² Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1963. С. 69.

³ Гете И. В. Избр. произведения: В 2 т. М., 1985. Т. II. С. 103. Далее «Страдания молодого Вертера» в переводе Н. Касаткиной и «Фауст» в переводе Б. Пастернака цитируются по этому изданию, с указанием в тексте страницы.

«Вертер, мученик мятежный», воплощен для Татьяны в Онегине. Сближение Онегина с Вертером будет достаточно обосновано, если принять во внимание индивидуализм пушкинского героя, его неприятие окружающей пошлой среды. А. Е. Тархов приводит убедительные параллели между Евгением Онегиным и героем повести М. В. Сушкова — российским Вертером, «скучающим молодым вольнодумцем, оказавшимся в русской деревне».⁴ Но, разумеется, при определенной близости героев Пушкина и М. В. Сушкова существенно их различие. И в данном случае нельзя не отметить иронические строки, относящиеся к Онегину:

Он застрелится, слава богу,
Попробовать не захотел.

(VI, 21)

Признания Татьяны:

Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать —

(VI, 118)

сродни излияниям Вертера:

«Я не ропщу, прости мне эти слезы, прости мои тщетные мечты! Ей быть моей женой!» (с. 76).

Больше всего точек соприкосновения между Вертером и Ленским, воспитанником Геттингенского университета, поэтом, дар которого был зажжен поэтическим огнем Шиллера и Гете. Так, уже сама характеристика восторженного мечтателя, «сердцем милого невежды» Ленского дана в ключе характеристики Вертера:

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.

(VI, 40)

Это как бы поэтическое переложение дневника Вертера, его признаний любви к Лотте: «Ах, этот образ, он преследует меня! Во сне и наяву теснится он в мою душу» (с. 92).

Думается, что в свете возможного сопоставления Ленского с Вертером вряд ли целесообразно отказываться от толкования «отрывков северных поэм», которые Ленский читает Онегину, как песен Оссиана⁵ — Вертер читает Лотте свои переводы из Оссиана.

⁴ Тархов А. Е. Вступительная статья и комментарии // Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1980. С. 329.

⁵ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии / Пособие для учителя. Л., 1980. С. 195.

Предсмертная элегия Ленского, которую принято расценивать как набор элегических штампов, может быть рассмотрена в контексте письма Вертера к Лотте и поэтических откликов на это письмо. Так, например, можно сравнить стихи Пушкина со стихами В. И. Туманского:

Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной...
(VI, 126)

Когда луна дрожащими лучами
Мой памятник простой озолотит,
Приди мечтать о мне и горести слезами
Ты урну окропи, где друга прах сокрыт.⁶

Накануне дуэли Ленский читает Шиллера. После самоубийства Вертера на его столе находят «Эмилию Галотти» Лессинга.

Описание могилы Ленского соотносится с описанием могилы Вертера у Гете и его русских подражателей.

Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
Две сосны корнями срослись;
Под ними струйки извились
Ручья соседственной долины.
Там пахарь любит отдыхать,
И жницы в волны погружать
Приходят звонкие кувшины;
Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.

XI

Под ним (как начинает капать
Весенний дождь на влак полей)
Пастух, плетя свой пестрый лапоть,
Поет про волжских рыбаей;
И горожанка молодая,
В деревне лето провождая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним останавливает,
Ремянный повод натянув,
И, флер от шляпы отвернув,
Глазами беглыми читает
Простую надпись — и слеза
Туманит нежные глаза.

(VI, 134)

«На дальнем краю кладбища в сторону поля растут две липы. Под ними хочу я покоиться. (...) Ах, мне хотелось бы, чтобы вы

---

⁶ Благонамеренный. 1819. Ч. VI. С. 5. Это сопоставление приведено в комментарии Ю. М. Логмана (с. 299).

похоронили меня у дороги или в уединенной долине, чтобы священник и левит, благословясь, прошли мимо могильного камня, а самаритянин пролил над ним слезу» (с. 120).

«Памятник простой» — на могиле Ленского. О «памятнике простом» речь идет в цитированном выше стихотворении В. И. Туманского «Вертер к Шарлотте. (За час перед смертью)». Как и у В. И. Туманского, у Пушкина на могилу приходят плакать при луне.

Заметим, что в стихотворениях, описывающих Шарлотту на могиле Вертера, варьируются детали пейзажа. Вместо «двух лип» Гете (у Пушкина — «две сосны») — «два дуба листья свои соединяют» («письмо Вертера к Шарлотте» неизвестного автора, сохранившееся в бумагах В. А. Жуковского).⁷

Роман Гете находит отражение и в зоне автора «Евгения Онегина». В связи с этим особый смысл приобретают IX, X и XI стихи заключительной строфы восьмой главы «Евгения Онегина»:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина...

(VI, 190)

Исследователи и комментаторы пушкинского романа связывают приведенные стихи с традицией романтической элегической поэзии, изображающей жизнь с помощью метафор «жизнь — пир», «жизнь — чаша». Между тем нужно обратить внимание на то, что пушкинские стихи полемически перекаликаются со словами гетевского героя: «Пора, Лотта! Без содрогания беру я страшный холодный кубок, чтобы выпить из него смертельный хмель! Ты подала мне его, и я пью его без колебаний. Весь, весь до дна!» (с. 120). Стихи Пушкина спорят со словами гетевского героя Вертера, до дна без колебаний выпивающего смертельный кубок. Заключительные стихи пушкинского романа в связи с их проекцией на «Страдания молодого Вертера» Гете могут, как нам кажется, восприниматься не как заявленная возможность самоубийства пушкинского автора, но как мужественное признание необходимости жизни после того, как праздник ее завершился, как признание сродни тому, которое есть в «Элегии» 1830 г.:

Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

(III, 228)

Так в романе Пушкина — энциклопедии русской жизни, русской и мировой культуры — была дописана страница, посвященная произведению великого немецкого писателя Гете «Страдания молодого Вертера» и русскому вертеризму.

---

⁷ См.: Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 47.

2. Мотыльки

Ю. М. Лотман, анализируя заключительную строфу четвертой главы «Евгения Онегина», отметил, что образ мотылька, «связанный с любовью Ленского к Ольге, возвращает нас к строфе XXI (11—14) второй главы», а также указал на то, что «финальная строфа содержит основное для всей главы стилистическое противопоставление условной литературности («как мотылек») и грубой реальности, подчеркиваемое стилистическим диссонансом: „покоится в сердечной неге” (демонстративный «поэтизм») и „как пьяный путник на ночлеге” (прозаизм)».⁸ Думается, однако, что наблюдения Ю. М. Лотмана могут быть дополнены и расширены, что в свою очередь может оказаться небезынтересным для комментария «Евгения Онегина».

Во второй главе Пушкин пишет об Ольге:

В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела, как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

(VI, 40—41)

В третьей главе Пушкин описывает волнение Татьяны перед встречей ее в саду с Онегиным:

Они поют, и с небреженьем
Внимая звонкой голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,
И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит...
Так бедный мотылек и блещет
И бьется радужным крылом,
Плененный школьным шалуном...

(VI, 72)

В заключительной строфе четвертой главы речь идет о Ленском:

Он был любим... по крайней мере
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок...

(VI, 94—95)

⁸ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии. С. 256.

Четвертая глава начинается шестью пропущенными строфами. Текст первых четырех строф был напечатан Пушкиным в журнале «Московский вестник» (1827, № 20) с заголовком «Женщины. Отрывок из „Евгения Онегина“». Там есть такие стихи:

Закабалась неосторожно,
Мы их любви в награду ждем,
Любовь в безумии зовем,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей.

(VI, 593)

Если к приведенным выше стихам добавить стихи из «Послания к Юдину»:

Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка...

(II, 171)

то коллекция мотыльков в творчестве Пушкина будет представлена в ее полноте. Разве что она может быть дополнена бабочкой из стихотворного отрывка 1825 г.:

Играй, прелестное дитя,
Летай за бабочкой летучей,
Поймай, поймай (ее) шутя
Над розой ..... колючей,
Потом на волю отпусти.

(III, 474)

Но вернемся к мотылькам в «Евгении Онегине». За этим легкокрылым созданием, порхающим на страницах пушкинского романа, — давняя литературная и не только литературная традиция.

В 1805 г. в Петербурге вышла книга «Аллегии и символы. Иконология для художников». В ней бабочка рассматривается как символ легкомыслия, суетности, переменчивости во мнениях. Между тем у масонов бабочка обозначает Психею — душу. Масонское изображение соединяет череп (знак смерти брэнного тела) и бабочку (знак бессмертия души).

Бабочка, мотылек — устойчивый образ сентиментальной поэзии и живописи.

Множество мотыльков и бабочек летает в стихотворениях русских и европейских поэтов XVIII—первой трети XIX в. Собрать эту изящную коллекцию — дело будущего. Пока же заметим, что о бабочках и мотыльках писали В. В. Капнист и М. М. Херасков, Г. Р. Державин и В. Л. Пушкин. «Философия бабочки» — так назвала свое стихотворение А. П. Бунина «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу», «Мотылек и цветы» — стихотворения В. А. Жуковского.

Что ты вокруг огня порхаешь,
Мотылек мой дорогой?
Или, бедненький, не знаешь,
Что огонь губитель твой?⁹ —

писал К. Ф. Рылеев в стихотворении «Мотылек».

Мотыльки вдохновляли Флориана и Ламартина. В 1824 г. в «Литературных листках» был напечатан перевод стихотворения Ламартина «Le Papillon», подписанный П. К. Это стихотворение затем публиковалось во многих переводах под названиями «Мотылек» и «Бабочка» — в переводе анонимного автора в «Московском телеграфе» в 1826 г., П. А. Межакова в сборнике его стихотворений в 1828 г., И. Е. Тюриня в альманахе «Зимцерла» в 1829 г., Н. Девитте в «Дамском журнале» в 1829 г., И. Галанина в «Литературных прибавлениях с Русскому инвалиду» в 1835 г. и А. Мейснера в сборнике его стихотворений в 1836 г.

Мотыльки и бабочки запечатлены во многих стихах неизвестных нам авторов.

К концу двадцатых годов XIX в. относятся две живописные работы А. Г. Венецианова — «Крестьянка с бабочками» и «Жнецы», где крестьянская женщина и ее сын любят красоту севших на руку матери бабочек.

Бабочки — излюбленная тема изысканных акварелей конца десятих—начала двадцатых годов XIX в. Ф. П. Толстого: «Цветок, бабочка и мухи», «Фантастическая бабочка», «Бабочка». На листах альбома Д. И. Дешан, урожденной Ивановой, среди других рисунков и акварелей Ф. П. Толстого — его «Бабочки, анютины глазки», «Бабочка, паук, цветы, клубника», «Букет цветов, бабочка и птичка», «Голубая бабочка». Бабочки Ф. П. Толстого изображены с блеском и виртуозностью, запечатлены в тончайших переливах их цветовой окраски; они соперничают с природой, порой обманывая зрителя. Рисунки Ф. П. Толстого украшали многие альбомы. Они были известны Пушкину. И, как знать, может быть, Пушкин имел в виду и бабочек, нарисованных художником, когда писал в «Евгении Онегине» об альбомах великосветских дам:

Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной...
(VI, 86)

Бабочка, бабочка и цветок — эти изображения часто встречаются в альбомах пушкинской эпохи.

Бабочка, мотылек вошли в литературный быт пушкинского времени. В дружеском кругу петербургских литераторов С. Д. Пономаревой было дано шутивно-галантное прозвище — Мотыльков. В 1829—1831 гг. петербургские читатели два раза в неделю получали газету «Бабочка», которую издавал В. С. Филимонов. Пушкин иронически называл его «бабочка-Филимонов», а его издание «бабочкой — рублевой, парнасской Варюшкой» (XIV, 38),

⁹ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М., 1934. С. 336.

несмотря на то что в «Бабочке» о Пушкине отзывались весьма положительно. Кстати, в первом выпуске «Бабочки» помещено стихотворение неизвестного автора — «К бабочке». Бабочка, мотылек — образы, которые широко использовались в книжной графике. Так, в цикле рисунков к «Анакреонтическим песням» Г. Р. Державина, выполненных первым иллюстратором Пушкина И. А. Ивановым и самостоятельно, и по оригиналам А. Н. Оленина и А. Е. Егорова, — рисунки «Мотылек, летающий около свечи», «Эрот бегаёт за бабочкой». В 1826 г. в Москве в типографии Августа Семена вышла вторая глава «Евгения Онегина» — обложка была украшена виньеткой-бабочкой.

Итак, образ бабочки, мотылька был своеобразным знаком культуры пушкинского времени, знаком, несущим в себе множество смыслов. И все они так или иначе должны быть учтены при комментировании стихов о мотыльках в «Евгении Онегине». Позволим себе высказать некоторые соображения о поэтической традиции, связанной с бабочками и мотыльками, традиции, по-своему преломившейся в пушкинском романе.

В баснях мотыльки и бабочки, как правило, представляли собой воплощение легкомыслия, суетности, непостоянства. В басне В. Л. Пушкина «Голубка и бабочка» бабочка жалуется голубке:

Неверный мотылек
Все по лугам летает;
То незабудочку, то розу выбирает...¹⁰

В басне М. М. Хераскова «Бабочка и пчела» пчела упрекает бабочку:

С листочка на листок
Ты век перелетаешь:
Как легкий ветерок
Коснешься до цветка и тотчас покидаешь.¹¹

Думается, что в русле этой басенной традиции пушкинское сравнение дам с мотыльками: от дам невозможно, как и от мотыльков, требовать «чувств глубоких и страстей».

В лирических стихотворениях, в отличие от басен, бабочка — воплощение легкости, беспечной свободы, счастья, высоких устремлений души.

На цветы с цветов летая,
В поле бабочка живет;
Не тоскуя, не вздыхая,
Сладкий мед один с них пьет:
Что счастливее сей доли,
Как бы бабочкою быть,
На своей всегда жить воле,
И любви лишь сладость пить?

¹⁰ Стихотворения Василия Пушкина. СПб., 1822. С. 55.

¹¹ Нравочительные басни Михайла Хераскова. М., 1764. Кн. 1. С. 2.

Я бы пил, — и вновь влюбляясь,
Лишь в веселье дни провел:
И с духами сочетаясь,
Был нетления символ, —

писал Г. Р. Державин в стихотворении «Бабочка».¹²

В стихотворении В. А. Жуковского «Мотылек и цветы» — мотыльку «...свободные И крылья и душа даны», мотылек — «бес-смертья вестник».

Пушкин обращается к образу мотылька, для того чтобы передать душевное состояние взволнованной Татьяны перед встречей ее в саду с Онегиным:

Так бедный мотылек и блещет
И бьется радужным крылом,
Плененный школьным шалуном...
(VI, 72)

Любопытно, что пушкинский образ мотылька, плененного школьным шалуном, восходит, по-видимому, к басне Флориана «Кузнечик», которая была переведена В. Л. Пушкиным, — его перевод был впервые опубликован в 1820 г. в «Трудах общества любителей Российской словесности», а затем включен в сборник его стихотворений, вышедший в свет в 1822 г.

Кузнечик, в мураве густой
Скрываясь, мотыльком прельщался,
Который с одного цветочка на другой
Порхал, резвился, любовался
И Майским утром и собой.
Лазурь и золото блистали
На крыльях мотылька, и взоры привлекали.¹³

Кузнечик завидует мотыльку, но вот

Толпа веселая детей,
На луг зеленый прибегая,
Пустилась вслед за мотыльком,
На воздух и платки и шляпы полетели!
Мальчишки резвые красавцем овладели,
И он пойман под платком.
Один ему крыло, другой тербит ногу,
А третий и совсем бедняжку раздавил.¹⁴

Кузнечик признается:

Я, право, мотыльку завидовал напрасно
И вижу, что блистать на свете сем опасно.

В. Л. Пушкин завершает басню нравоучением:

¹² Сочинения Державина. СПб., 1808. Ч. III. С. 164.

¹³ Стихотворения Василия Пушкина. СПб., 1822. С. 108.

¹⁴ Там же. С. 108—109.

Всего полезнее, чтоб счастливо прожить,
Скрывать свой уголок и неизвестным быть.¹⁵

Известно, что поэт-племянник получил стихотворения дяди от него в подарок. Известно, что он их внимательно прочитал. Возможно, что пойманный резвыми мальчишками бедняжка мотылек, на крыльях которого лазурь и золото блистали, запомнился ему. Из басни Флориана, переведенной В. Л. Пушкиным, он перелетел в роман А. С. Пушкина, превратившись в плененного школьным шалуном бедного мотылька, блестящего радужным крылом, в мотылька, с которым сравнивается Татьяна.

Н. И. Михайлова

---

¹⁵ Там же. С. 109.

ЗНАКОМЫЕ ПУШКИНА КИШИНЕВСКОГО ПЕРИОДА

1

Работая над созданием словаря «Окружение А. С. Пушкина бессарабского периода», нельзя не задуматься над вопросом: как быть с «одесскими знакомыми» поэта? Должны ли они войти в такой словарь, если «бессарабским периодом» жизни Пушкина считать период с 21 сентября 1820 г., дня приезда его в Кишинев, примерно до конца марта 1824 г., последнего его приезда в Кишинев?¹ «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» дает вполне определенный ответ: Пушкин познакомился почти со всеми «одесскими знакомыми» в период с 3 (?) июля 1823 г. по 31 июля 1824 г., т. е. с того времени, как он выехал из Кишинева в Одессу для лечения морскими ваннами, и вплоть до своего отъезда в Михайловское.²

Но до 3 июля 1823 г. Пушкин несколько раз бывал в Одессе. Прежде всего необходимо напомнить, что дорога его из Симферополя в Кишинев лежала через Одессу и в этот первый свой приезд Пушкин пробыл в Одессе 3—8 дней.³ Следующая встреча Пушкина с Одессой состоялась в 1821 г. в марте при возвращении его из

---

¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина (1799—1826) / Сост. М. А. Цявловский; 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, 1991. С. 231, 406.

² Там же. С. 352—357, 445.

³ Там же. С. 229—230. Пушкин приехал в Одессу 12(?)—17(?) сентября, выехал в Кишинев 20 сентября 1820 г.

поездки в Каменку (Пушкин был в Одессе 2—3 дня).⁴ В этом же году Пушкин посетил Одессу в мае и оставался там около двух недель.⁵ И, конечно, именно в эти свои приезды в Одессу Пушкин и мог познакомиться со многими ее жителями.

Судя по данным «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», вплоть до 1823 г., т. е. около двух лет, Пушкин в Одессу не приезжал, во что верится с трудом, зная непоседливый характер молодого поэта (и учитывая близость Одессы). Скорее можно согласиться с тем, что об этих отъездах не сохранилось официальных сведений. Косвенным доказательством того может служить свидетельство доброго бессарабского губернатора И. Н. Инзова: «Конечно, в Кишиневе иногда бывало ему скучно; но разве я мешал его отлучкам, его путешествиям на Кавказ, в Крым, в Киев, продолжавшимся несколько месяцев, иногда более полугода? Разве отсюда не мог он ездить в Одессу, когда бы захотел, и жить в ней, сколько угодно?»⁶ Граф М. С. Воронцов подтверждал (в письме П. Д. Киселеву), что И. Н. Инзов дозволял Пушкину «жить одному в Одессе, между тем как сам оставался в Кишиневе».⁷

В 1823 г. Пушкин отправляется в Одессу для лечения морскими ваннами, продолжавшегося примерно 23 дня: с 3(?) июля по 26 июля.⁸ Окончательно же Пушкин выехал в Одессу к месту своей службы в августе 3 (?)... 6 (?) 1823 г.⁹ Но, и живя в Одессе, Пушкин не забывал Бессарабию. В 1824 г. он был в Тирасполе, Бендерах, Варнице,¹⁰ несколько позже приезжал в Кишинев на несколько дней.¹¹

Таким образом, можно сделать вывод, что кишиневский и одесский периоды жизни Пушкина тесно взаимосвязаны и четко, жестко разграничить их не представляется возможным. То же можно сказать и о круге общения поэта.

Именно в один из своих приездов в Одессу Пушкин познакомился с «мавром Али». «Сын египетской земли корсар в отставке Морали» (VI, 201) изображен на одной из кишиневских рукописей, относящейся к апрелю 1821 г. (рядом с фигурой гетериста).¹² Яркий образ, созданный Пушкиным, соответствует описанию «одесского старожилы» Михаила де Рибаса. «Это был человек высокого роста, прекрасно сложенный. Голова была широкая, круг-

⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 261—262, 662. Пушкин приехал в Одессу 1... 6 марта, выехал в Кишинев 3... 8 марта.

⁵ Там же. С. 274, 663. Пушкин приехал в Одессу 11(?)... 13(?) мая, выехал в Кишинев 24(?) мая.

⁶ Вигель Ф. Ф. Из «Записок» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 227.

⁷ Одесский год Пушкина. Одесса, 1979. С. 207.

⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 351, 357, 669.

⁹ Там же. С. 357.

¹⁰ Там же. С. 387—388 (с 17(?) января по 19(?) января).

¹¹ Там же. С. 404, 406 (с 27(?) марта по 31 марта... 1 апреля 1824 г.).

¹² Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1986. С. 360, 441 (№ 831, л. 67а); Воспроизведение рисунка: под ред. П. Ф. Волкова. Болдино. Осень. 1830. Фотоиллюстративная композиция. М., 1990. С. 129.

лая; глаза большие, черные. Все черты лица были правильные, а цвет кожи красно-бронзовый. Одежда его состояла из красной рубахи, поверх которой набрасывалась красная суконная куртка, роскошно вышитая золотом. Короткие шаровары были подвязаны богатою турецкою шалью, служившею поясом; из ее многочисленных складок выглядывали пистолеты. Обувь состояла из турецких башмаков и чулок, доходивших до колен. Белая шаль, окутывавшая его голову, прекрасно шла к его оригинальному костюму».¹³

С одесским негоциантом Иваном Степановичем Ризничем Пушкин познакомился также в один из своих приездов в Одессу еще до женитьбы Ризнича на дочери венского банкира Амалии Рипп, т. е. до 1822 г. Об этом сообщал в статье «Госпожа Ризнич и Пушкин» профессор русской словесности Ришельевского лицея К. П. Зеленецкий: «Пушкин раза два или три был в Одессе еще до 1823 года, т. е. до перехода своего в этот город на службу в штат графа (впоследствии князя) М. С. Воронцова. Известно, что во время этих приездов в импровизированный город, как любили тогда называть Одессу, поэт наш познакомился и сблизился с негоциантом Ризничем, который был родом из адриатических славян, — далмат или кроат. (...) Ризнич в то время, о котором мы теперь говорим, еще не был женат. В 1822 году уехал он в Вену с намерением жениться, и весной 1823 года воротился оттуда с молодою женой. Пушкин переехал на постоянное жительство в Одессу в ту же пору, и был, конечно, одним из первых знакомых новоприезжей дамы».¹⁴

Графиня Роксандра Эдлинг, урожденная Стурдза, была давнишней знакомой поэта. Пушкин мог видеть Роксандру Стурдза, сестру чиновника Министерства иностранных дел Александра Скарлатовича Стурдзы, фрейлину императрицы Елизаветы Алексеевны, в Царском Селе,¹⁵ затем в Петербурге в 1819—1820-х гг.

В дар от Александра I Роксандра Эдлинг получила землю в Бессарабии и в 1820-х гг. поселилась в дарственном имении Манзыре, находившемся в Бендерском уезде неподалеку от Кишинева.¹⁶ 9 июля 1820 г. она подает прошение в Бессарабское областное правление с просьбой о переименовании ее села Манзырь в местечко (интересно отметить, что дело было окончено только в 1847 г.).¹⁷ Роксандра Эдлинг несомненно бывала в Кишиневе в это время (т. е. в 1820 г.) и по делам имения, и по личным — хотя

---

¹³ Яковлев В. А. Отзывы о Пушкине с юга России. В воспоминание пятидесятилетия со дня смерти поэта. 29 января 1887 года. Одесса, 1887. С. 111.

¹⁴ Там же. С. 138.

¹⁵ Первая известная нам встреча Пушкина и А. С. Стурдзы произошла 15(?)... 31 мая 1818 г. у А. И. Тургенева (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 160). Императрицу Елизавету Алексеевну Пушкин видел в Царском Селе на открытии Лицея и на экзаменах 1811—1817 гг. и, возможно, был ей представлен (там же. С. 42, 112).

¹⁶ Краваль Л. Графиня Эдлинг в жизни Пушкина // Кодры. Кишинев, 1991. № 6. С. 58.

¹⁷ Национальный архив Республики Молдова (НАРМ), ф. 6, оп. 2, № 14; ф. 6, оп. 2, № 193.

бы для того, чтобы повидать своих близких родственников: Крупенских, Ипсиланти, Эйхфельдт (Мария Милло была воспитанницей Эдлинг, и Роксандра Скарлатовна всячески содействовала браку молодой девушки с состоятельным чиновником горного ведомства Иваном Эйхфельдом).¹⁸ Вполне возможно общение Роксандры Эдлинг с Пушкиным в Кишиневе, тем более что сразу же по приезде в город молодой поэт подружился с гостеприимным семейством Крупенских.¹⁹ Кроме того, в рукописи поэта сохранился рисунок, изображающий Роксандру Эдлинг, датируемый апрелем 1821 г.,²⁰ что подтверждает знакомство Пушкина с графиней задолго до его переезда в Одессу.

С Карлом Сикаром, одесским негоциантом, Пушкин, по свидетельству И. П. Липранди, «познакомился или, лучше сказать, только два раза виделся в Кишиневе, в 1821 году».²¹ Через некоторое время Карл Сикар купил имение в Ваду-луй-Водах для одного из своих сыновей — Христофора. Пушкин бывал в Ваду-луй-Водах, когда в середине ноября 1820 г. отправился в Киев и Каменку — село расположено как раз на пути из Бокшан в Криуляны. Пушкин непременно должен был проезжать через Бокшаны, Криуляны, Дубоссары: в этих пунктах, расположенных на почтовых трактах, меняли лошадей.²² Мог Пушкин бывать в Ваду-луй-Водах и позже, так как село находилось недалеко от Кишинева и, кроме того, большим успехом пользовалась вода из серных ключей оницканского источника «Путна», расположенного недалеко от Ваду-луй-Вод; молдавское вино, смешанное на греческий манер с этой водой, имело вкус шампанского. Вполне правмерно предположить знакомство Пушкина с семейством Сикаров, в том числе и с женой Карла Лаурой, и с его сыновьями Христофором и Людвигом еще до переезда Пушкина в Одессу. Интересно отметить, что фамилия Сикаров значится в словаре-справочнике известного румынского исследователя Георгия Безвиконного «Бояре Молдовы между Днестром и Прутом». Узнаем, что у Карла и Лауры Сикар кроме Людвига и Христофора было еще два сына: Михаил, известный как «скрипач Михаил», и Карол. Христофор Сикар впоследствии женился на Наталье Крафф, основательнице музея археологии в Ваду-луй-Водах; они имели трех дочерей: Ольгу, Елену и Евгению.²³

¹⁸ Bezviconi G. Familia Krupenski în Basarabia // Din trecutul nostru. Chişinău, 1939. Octombrie. P. 36.

¹⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 236.

²⁰ Краваль Л. Графиня Эдлинг в жизни Пушкина // Кодры. Кишинев, 1991. № 6. С. 58.

²¹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Русский архив. 1866. № 10. С. 1475, 1476.

²² Фомин С. Друг Пушкина и Ришелье // Кодры. Кишинев, 1992. № 3. С. 60. Надо заметить, что вотчина Бокшан принадлежала Христофору и Людовику Сикарам, а впоследствии дочерям Христофора — Евгении и Ольге (НА РМ, ф. 11, оп. 1, № 226.) Кроме того, в НА РМ имеются планы имений Сикаров: ф. 11, оп. 1, № 277, № 399, № 429.

²³ Bezviconi G. Boierimea Moldovei dintre Prut si Nistru. Bucureşti, 1943, Vol. 2. P. 156.

К числу лиц, о знакомстве Пушкина с которыми нет свидетельств в литературе, но с которыми поэт не мог не быть знаком, нужно отнести бывавшего наездами в Одессе командующего Черноморским флотом Алексея Самуиловича Грейга, известного адмирала.²⁴ Его жена Юлия Михайловна, о происхождении которой, как пишет Ф. Ф. Вигель, знал весь Новороссийский край,²⁵ была одной из двух красавиц-дочерей содержателя гостиницы в Могилеве.²⁶ О ней и ее младшей сестре Белле, «дивной красоте», упоминал И. П. Липранди.²⁷ «Могилевская Белла» вызывала восхищение и приятеля Пушкина В. П. Горчакова.²⁸ Юлия и Белла послужили Пушкину прообразами Дуни из «Станционного смотрителя», а герой повести Пушкина ротмистр с черными усиками напоминет Лизгару, мужа Беллы.²⁹ Вероятно, Пушкин знал красавиц-сестер. Во всяком случае с Беллой он мог быть знаком хотя бы потому, что она какое-то время жила в Кишиневе, приехав туда вместе со своим мужем. И. П. Липранди хорошо знал поручика русской службы грека Лизгару, упоминал о нем в своих очерках об этеристах.³⁰

В Национальном архиве Республики Молдова сохранилось дело по рассмотрению жалобы одесского купца 3-й гильдии Василия Выдрина на медлительность властей при взыскании долга с отставного штабс-капитана Лизгара (в деле названо имя — Лицгари), должного по заемному письму 82 голландских червонца с процентами, из которого видно, что Лизгара жил в Кишиневе до 1832 г. (затем был выслан «по Высочайшему повелению» в Вологду), пользовался сочувствием генерала И. Н. Инзова.³¹

Со многими чиновниками канцелярии графа М. С. Воронцова Пушкин также познакомился еще до своего окончательного переезда в Одессу. 26 июля 1823 г. М. С. Воронцов в сопровождении чиновников своей канцелярии прибыл в Кишинев,³² где пробыл до 8 августа 1823 г. (т. е. 13 дней).³³ О том, кто именно из чиновни-

²⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 669.

²⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. VII. С. 200.

²⁶ Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 107.

²⁷ Архив Липранди // РГИА, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 308, № 33. Рассказ Липранди вошел также в румынский сборник: Documente privind istoria României. Răscoala din 1821. București, 1962. Vol. 5. P. 457—458.

²⁸ Горчаков В. П. Выдержки дневника об А. С. Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 262.

²⁹ Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. С. 106.

³⁰ Архив Липранди // РГИА, ф. 673, оп. 1, ед. хр. 308, № 33.

³¹ НА РМ, ф. 22, оп. 1, № 263 (дело датировано 1832 г.).

³² Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 357, 669.

³³ НА РМ, ф. 3, оп. 1, № 420 (Дело об отъезде господина Полномочного наместника и кавалера графа Воронцова из Бессарабии в город Одессу, а оттоль для обозрения Новороссийского края, датированное 8 августа 1823 года.) В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (с. 360) приезд Воронцова из Кишинева в Одессу отмечен 10 августа 1823 г. Окончательный отъезд Пушкина из Кишинева в Одессу датируется 3(?)... 6(?) августом 1823 г. (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 357).

ков сопровождал графа М. С. Воронцова в его поездке в Кишинев, можно только предполагать, так как точных сведений об этом не имеется. Возможно, среди сопровождающих были чиновники Н. М. Лонгинов, П. Я. Марини, барон О. Р. Франк, князь В. М. Шаховской, которые 21 июля 1823 г. прибыли вместе с графом М. С. Воронцовым в Одессу из Петербурга.³⁴ Среди сопровождавших мог быть и И. Г. Синявин, двоюродный брат М. С. Воронцова, с июля 1822 г. его адъютант³⁵ — «славнейший малый, мой приятель», как позже писал о нем в письме брату Пушкин.³⁶ Мог приехать в Кишинев и В. И. Туманский, с 1 июня 1823 г. служивший в канцелярии М. С. Воронцова, с которым Пушкин встречался еще в Петербурге в 1818—1819 гг.³⁷ Адъютантами графа Воронцова в то время были — Бутринов в чине капитана,³⁸ князь З. С. Херхеулидзе,³⁹ А. М. Золотарев,⁴⁰ а дежурным штабс-офицером — полковник Д. И. Ахшарумов.⁴¹

В то же время три правителя канцелярии И. Н. Инзова, по словам Ф. Ф. Вигеля, — Иван Ильич Гуржеев, Павел Григорьевич Саражинович и Николай Андреевич Криницкий — перешли в распоряжение графа М. С. Воронцова.⁴² Все трое были правителями канцелярии еще у А. Ф. Ланжерона, затем у А. Н. Бахметьева и И. Н. Инзова. Конечно, Пушкин знал этих чиновников, так как служил непосредственно при бессарабском губернаторе. Дальнейшая судьба каждого из этих чиновников была различна. Саражиновича, «как глупого плута», Воронцов «без церемонии просто вытолкнул от себя». Криницкому, поляку, которого Бахметьев привез из Каменец-Подольска, «умному, хоть не совсем чистому, но бедному» Воронцов «выпросил» кусок хлеба, несколько тысяч десятин земли. По сообщению П. И. Долгорукова, 23 февраля 1822 г. Криницкий присутствовал по приглашению И. Н. Инзова на обеде, данном в честь приезда по делам службы начальника штаба 2-й армии генерал-майора П. Д. Киселева; всего было пятнадцать человек, в том числе и Пушкин.⁴³ Б. А. Трубецкой внес имя Криницкого в словарь бессарабских знакомых Пушкина.⁴⁴ Из справочника Г. Безвиконого узнаем, что Криницкий служил коллежским регистратором.⁴⁵ А вот Гуржееву, «как человеку

³⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 356.

³⁵ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. М., 1989. С. 396.

³⁶ Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 75. Письмо от 1 апреля 1824 г.

³⁷ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 446—447.

³⁸ Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля. Из дневниковых записок. М., 1873. С. 138.

³⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891—1893. VI. С. 122; VII. С. 187.

⁴⁰ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 164; Вигель Ф. Ф. Записки. VI. С. 122, 138.

⁴¹ Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля. Из дневниковых записок. С. 138.

⁴² Вигель Ф. Ф. Записки. VI. С. 96.

⁴³ Звенья. 1951. IX. С. 44, 129, 131, 132. О Криницком писал и И. П. Липранди (у Липранди — С. С. Криницкий): Из дневника и воспоминаний // Русский архив. 1866. № 8—9. С. 1220.

⁴⁴ Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983. С. 365.

⁴⁵ Bezviconi G. Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru. Vol. 2. P. 10.

умному и дельному», Воронцов «доставил» «почетное и выгодное место».⁴⁶

По утверждению того же Ф. Ф. Вигеля, «чиновники канцелярии И. Н. Инзова почти все сохранили свои места» при графе М. С. Воронцове. В том числе и Петрулин, вице-губернатор Бессарабии, «замечательное лицо на гражданском поприще», по мнению И. П. Липранди.⁴⁷ На место Петрулина «по некоторым отраслям» заступил Ф. Ф. Вигель (Петрулин — «человек болезненный», умер скоро «от служебных напряжений»). От Петрулина Вигель наследовал, по словам Липранди, «честного дельца» Скляренко, «постоянно занимавшегося у Петрулина».⁴⁸ С чиновником Скляренко связан очень интересный эпизод из жизни Вигеля и из истории его «Записок», о котором было много разговоров и в Кишиневе, и в Одессе.

Ф. Ф. Вигель отдал Скляренко свою рукопись «Записок» для переписывания ее, а тот будто бы продал эту рукопись молдаванам за четыре тысячи левов (там было сказано много неместного о местных чиновниках), выйдя прежде в отставку, «чтобы не попасть под ответственность». Н. М. Лонгинов и М. И. Лекс (который стал чиновником канцелярии М. С. Воронцова и переехал в Одессу)⁴⁹ уведомили Вигеля, что рукопись его переведена на молдавский язык и что ярость жителей превосходит всякое описание. Распространился слух, что Вигеля якобы хотят побить кишиневские чиновники при появлении его в бессарабском Верховном Совете. А именно, речь шла о Василии Баланеско, одном из членов Совета, который, как пишет Липранди, «носил старомолдавский костюм, схожий с польским, и был действительно страшен, с физиономией очень смуглой и выразительной, большого роста, плотный и всегда с турецкою саблей, довольно дерзкий с низшими, а иногда и с равными». Вигель слухам поверил и написал Воронцову в Крым, где тот находился в это время, оправдываясь и прося защиты. Липранди называет все это «сказкой»: «Нужно ли заметить здесь, что только одно изображение и воображение большое, могло все это нагородить!». Первым Вигеля посетил «старик Башот» и как-то успокоил Филиппа Филипповича.

---

⁴⁶ Вигель Ф. Ф. Записки. VI. С. 96—97.

⁴⁷ Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля. Из дневниковых записок. С. 146—148. Брат Петрулина, адъютант графа Витгенштейна, был убит на дуэли полковником Мерлинием; Липранди называет его «замечательным лицом» на военном поприще, так же, как его брата на гражданском; вполне естественно предположить, что Липранди рассказывал Пушкину об этой дуэли. В НАРМ сохранилось «Дело об учреждении ревизионной комиссии в составе: вице-губернатора Петрулина, члена Совета Вигеля и областного прокурора Подгурского для обревизования действий казенно-экономической экспедиции Бессарабского областного правительства, датированное 5.XII.1823— 27.XI.1825 г.г.» (ф. 3, оп. 1, № 314).

⁴⁸ В НАРМ имеется формулярный список коллежского секретаря, дворянина Владимира Моисеевича Скляренко от 30 июня 1822 г. (ф. 3, оп. 1, № 303, л. 126, 126 об., 128 об., 129).

⁴⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 360.

Но Липранди подтверждал, что Вигель несколько побаивался, хотя мало-помалу начал посещать Совет. «Иногда показывался в саду, когда в нем не предполагалось встретить много публики, но и тогда не иначе решался быть, как с двумя, тремя спутниками. Когда шли навстречу или сзади трое, четверо из жителей или чиновников из местных уроженцев, он всегда брался под руку с кем-либо из гуляющих» (полковника Алексеева или Липранди — «из нас уже один был неотменно с ним»). И далее: «А как весь город был знаком, то необходимо должно было кланяться, а это его досадовало; останавливаться же, чтобы перекинуться несколькими словами, приводило его в отчаяние, хотя мы заверяли, что никакой опасности нет».⁵⁰

Для нас самое интересное в этом происшествии,⁵¹ связанном с Вигелем и его «Записками», о котором Пушкин, конечно же, не мог не знать, — действующие лица, расширяющие круг бессарабского окружения поэта: В. М. Скляренко, В. Бэлэнеску, И. Башотэ.

Василий Михайлович Росетти-Бэлэнеску (Rosetti-Bălănescu), по данным Г. Безвиконного,⁵² вдовец 39-и лет, без детей, богатый бессарабский помещик (владел именьями в Хотинском и Оргеевском уездах), близкий родственник бояр-эмигрантов Николая и Иордаки Рознован-Росетти, хороших знакомых Пушкина.⁵³ На листе с черновиком стихотворения «Иностранке» среди других рисунков, рядом с портретом молдавского писателя Константина Стамати (определение Г. Ф. Богача), сохранился экзотический портрет Василия Бэлэнеску (датируется 22 июля 1822 г.; определение Г. Ф. Богача),⁵⁴ что свидетельствует о знакомстве этого кишиневского чиновника с Пушкиным.

Старинный род молдавских бояр Башотэ (Bașotă) был известен еще с XV в. «Старику» Иоану Башотэ было около шестидесяти лет (умер он в 1846 г. в возрасте 84 лет); у него была жена Елена, урожденная Костаки, и сын Анастас, двадцати четырех лет (умер

---

⁵⁰ Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля. С. 141—143. Мимоходом брошенное свидетельство И. П. Липранди очень важно для нас: пробыв около года в Кишиневе, Вигель уже знал «весь город» — что же тогда говорить о Пушкине, который провел в Кишиневе гораздо больше времени и, как мы знаем по многочисленным свидетельствам современников, отличался феноменальной памятью на лица и события. Заметим здесь же, что Липранди, появившись в Кишиневе 21 августа 1820 г., к приезду Пушкина (21 сентября 1820), по его же словам, был «знакомый со всем городом».

⁵¹ Скорее всего эти события можно датировать 1824 г., периодом с 14 июня (отъездом Воронцова в Крым) до 1 августа (отъездом Пушкина в Михайловское). Летопись жизни и творчества Пушкина. С. 427, 445.

⁵² Bezviconi G. Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru. București, 1940. Vol. 1. P. 116—119; Vol. 2. P. 63, 153.

⁵³ Князь Г. М. Кантакузин уговорил Николая Росетти, владельца вигелевской рукописи, переслать ее Воронцову в Крым и написать, что «Записка» эта производит в обществе неприятное чувство.

⁵⁴ Богач Г. Ф. Из молдавской галереи пушкинской графики // Нистру. Кишинев, 1983. № 11. С. 150—155 (на молдавском языке). Есть в рукописях Пушкина и портрет Николая Рознован-Росетти, датированный августом 1827 г. (Богач Г. Ф. К истории создания романа «Арап Петра Великого» // Кодры. Кишинев, 1990. № 12. С. 189).

в 1869 году).⁵⁵ Родной брат Иоана Башотэ, Григораш, до 1821 г. жил с семьей в Яссах. Его дочь Екатерина была известна в кишиневском обществе под именем «Альбрехтша». Расставшись с третьим мужем, генералом Альбрехтом, Екатерина Григорьевна уехала к родным в Яссы, а оттуда в 1821 г. с началом Этерии вместе с ними бежала в Кишинев.⁵⁶ Таким образом, Екатерина Альбрехт приходилась родной племянницей Иоану Башотэ. Вполне возможно знакомство Пушкина с семейством Башотэ. Молодой поэт одно время был очень увлечен прекрасной молдаванкой и откровенно признавался, что в Екатерине Альбрехт его привлекали «пылакие страсти» и ее «историческое» прошлое.⁵⁷ Екатерина Григорьевна впоследствии проживала в Кишиневе, что подтверждает документ, найденный в НАРМ.⁵⁸

В «Замечаниях на „Воспоминания“ Ф. Ф. Вигеля» И. П. Липранди рассказывал еще о целом ряде своих одесских знакомых, которые бывали в Кишиневе, — возможно, знакомых и Пушкину.

В 1824 г. М. С. Воронцов, решив произвести очистку реки Бык, поручил лично Липранди и одесским инженерам Потье, Делакову и Баярди составить смету, во что обойдется это предприятие. Делакову и Баярди, по всей видимости, приезжали в Кишинев в связи с составлением проекта об очищении реки Бык и для обозрения города. Потье же (ранее французский офицер путей сообщения, который по заключении Тильзитского мира перешел на русскую службу, получил назначение в Одессу, стал генералом), по утверждению Липранди, никогда в Кишиневе не был. Но Потье нам интересен тем, что стал в некотором роде родственником пьемонтца Мари, бывшего до 1808 г. гувернером Липранди. Потье, Мари и одесский негодник француз Васаль женились на трех родных сестрах — дочерях очень известного одесского богача француза Рунье, создавшего огромный капитал на разведении испанских овец в Крыму и Новороссийском крае.⁵⁹

Знакомство и сближение Пушкина со многими жителями Одессы совершенно понятно и естественно. «Одесское общество, тогда немногочисленное, считало в среде своей немного людей образованных».⁶⁰

---

⁵⁵ Bezviconi G. Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru. Vol. 2. P. 17.

⁵⁶ Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 52.

⁵⁷ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Русский архив. 1866. № 10. С. 1422.

⁵⁸ НАРМ, ф. 22 (департамент Министерства юстиции), оп. 1, № 445. Дело о пересмотре денежной претензии дворянки Альбрехт к чиновнику Денисову в пользу просительницы, датированное 1836—1837 гг.

⁵⁹ Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля. С. 156—157. Мари женился на любимой дочери Рунье, которая засиделась было «по уродливости своей»; по смерти своей отец «отказал ей всю движимость и имеющийся налицо собственный капитал».

⁶⁰ Яковлев В. А. Отзывы о Пушкине с юга России. В воспоминание пятидесятилетия со дня смерти поэта. 29 января 1887 года. С. 138.

В кишиневском и одесском обществах Пушкин чувствовал себя по-разному. В Одессе он «был недоволен своим пребыванием относительно общества», в котором «более или менее вращался». «Он отвык и, как говорил, никогда не любил аристократических, семейных, этикетных обществ» — «такой круг не мог удовлетворить его». Более того, кишиневские друзья поэта, Алексеев и Липранди, стали замечать «мрачное настроение духа Александра Сергеевича», появилось «как будто какое-то ожесточение» и почти исчезла «та веселость, которая одушевляла его в Кишиневе». Оживляли его встречи со знакомыми бессарабцами — и «тогда расспросам не было конца».

«Сравнительно с Одессой Кишинев как нельзя более соответствовал характеру Пушкина», которому «по природе его нужно было разнообразие с разительными противоположностями, как встречал он их в продолжение почти трехлетнего пребывания своего в Кишиневе».⁶¹

И тем не менее и Кишинев, и Одесса в жизни Пушкина объединены не только географическими и временными понятиями, но и многочисленными и самыми разнообразными личностными связями. И чтобы картина пребывания Пушкина на юге предстала перед нами во всей своей красочности и полноте, необходимо включить в нее как можно больше лиц, так или иначе, пусть даже мимолетно, соприкоснувшихся с жизнью поэта в Кишиневе, Одессе, Каменке — и тогда мы сможем в максимальной для потомков степени приблизиться к той далекой эпохе, когда Пушкин приехал «на перекресток брожения и столкновения всех древних народов Азии и Европы».⁶²

2

Перечитывая Пушкина, понимаем, как много мы еще не знаем о нем и его окружении. Это касается и бессарабского периода жизни и творчества поэта.

Перед нами известное произведение Пушкина 1823 г. — отрывок из шутивного стихотворного послания М. Е. Эйхфельдт, воспроизведенный В. П. Горчаковым в его воспоминаниях о жизни Пушкина в Бессарабии.

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.

---

⁶¹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 354—356.

⁶² Вельтман А. Ф. Странник. М., 1977. С. 244.

То, что Пушкин знал Зою, — несомненно, и это имя должно войти в словарь «Окружение А. С. Пушкина бессарабского периода». Но кто она, эта Зоя? Во всех комментариях к этому стихотворению сказано: «Зоя — племянница Эйхфельдт». ⁶³ Но нигде нет ни объяснения, ни доказательств тому. Почему именно — «племянница»? Ведь сам Горчаков называет Зою *родственницей* Эйхфельдт: «...это послание, по некоторым выражениям чересчур сильной речи, не могло быть не только напечатанным, но даже отдано той, к которой писано, особенно, что относилось до Зои, родственницы ее». ⁶⁴

Попробуем установить родственную связь М. Е. Эйхфельдт и Зои. Для этого прежде всего необходимо выяснить, кто такая М. Е. Эйхфельдт, были ли у нее родные сестры или братья, другие родственники.

Мария Егоровна Эйхфельдт, урожденная Милло (Millo), была дочерью молдавского боярина Йордаки Енаке Милло и Елены Куза. Во время пребывания Пушкина в Кишиневе Йордаки Милло был вдовцом, ему было более 60-ти лет (1759—1828, похоронен в селе Морозень Оргеевского уезда), жил он в одном из своих многочисленных имений Оргеевского уезда, часто навещаясь в Кишинев. ⁶⁵

В мае 1816 г. Мария Милло вместе со своим младшим братом Василием посетила Петербург. В это же время графиня Роксандра Эдлинг, воспитанницей которой являлась Мария, сосватала ее в Одессе за состоятельного, но немолодого чиновника горного ведомства, статского советника Ивана Ивановича Эйхфельдта. ⁶⁶ В семье Эйхфельдтов была дочь Элизабет, Элиза (1817—1875), в замужестве Катаржи. ⁶⁷

---

⁶³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 508; Бартенева П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 185; Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 211; Bezviconi G., Callimachi S. Puskin în exil. Bucuresti, 1947. P. 174.

⁶⁴ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 245—246.

⁶⁵ Bezviconi G. Boierimea Moldovei dintre Prut si Nistru. Bucuresti, 1940. Vol. 1. P. 264—265; 1943. Vol. 2. P. 54.

В своем двухтомном труде Г. Безвиконный использовал данные «Записки из дела по обривизованию Дворянской Родословной книги, составленной по определениям, существовавшим в Бессарабии в 1821 году особой Комиссии для доказательств на дворянское звание», относящейся к 1842 г. (первый том которой содержал 596 страниц; из них Безвиконный опубликовал только 209). (Bezviconi G. Boierimea Moldovei dintre Prut si Nistru. Vol. 2. P. 5).

⁶⁶ Bezviconi G. Familia Krupenski în Basarabia // Din trecutul nostru. Chisinau, 1936. Nr. 36—39. P. 118; Bezviconi G., Callimachi S. Puskin în exil. Bucuresti, 1947. P. 172—173.

После смерти мужа в 1828 г. Мария вышла замуж за швейцарского лейтенанта Теодора Карола Фаези (1799—1883).

⁶⁷ Bezviconi G. Boierimea Moldovei dintre Prut si Nistru. Bucuresti, 1943. Vol. 2. P. 35.

У Иордаки Милло была еще одна дочь, старшая сестра Марии — Пульхерия (Профира), замужем за титулярным советником П. П. Белуха-Кохановским. В семье Белуха-Кохановских был сын Павел (1818—1894).⁶⁸ Кроме двух дочерей у Иордаки Милло было двое сыновей — Константин, губернский секретарь (1797 — умер в Кишиневе в 1848), и Василий, служил в канцелярии бесарабского губернатора И. Н. Инзова,⁶⁹ где служил, кстати, и Пушкин. По данным Г. Безвиконного на 1821 г., оба сына Иордаки Милло были неженаты.

Таким образом, можно сделать вывод, что родной племянницы по имени Зоя у М. Е. Эйхфельдт не было.

Но среди родных теток Марии Эйхфельдт мы неожиданно находим Зоицу Милло. Сохранился чрезвычайно интересный документ: завещание Енаке Тома Милло, отца Иордаки Милло, датированное 19 мартом 1794 г., в котором перечисляются все дети этого богатого молдавского боярина и предназначавшаяся каждому из них доля наследства.⁷⁰ Из этого документа видно, что у Енаке Тома Милло и Сафты Росетти-Рознован было девять детей, четверо сыновей и пять дочерей. Старший сын Матей, затем известный нам Иордаки, Андрей и младший, Ион. Дочери: Екатерина, Мария (замужем за Иордаки Лупу Крупенским, мать большого семейства, речь о которой пойдет дальше), Зоица, Роксандра и Смаранда.

К сожалению, год рождения Зоицы Милло неизвестен. Но вполне возможно, что ей было чуть более тридцати или около того (в 1823 г.), во всяком случае в год написания завещания, судя по тексту, Зоица была маленькой девочкой. Вероятно, она была не замужем, как и ее старшая сестра Екатерина Милло, помещица села Спейя Орхейского уезда. Кстати, по завещанию Зоице Милло

⁶⁸ Ibid. P. 18.

⁶⁹ Ibid. Vol. 1. P. 264.

⁷⁰ Никакой комментарий к документу не дается: Ibid. Vol. 1. P. 265—269.

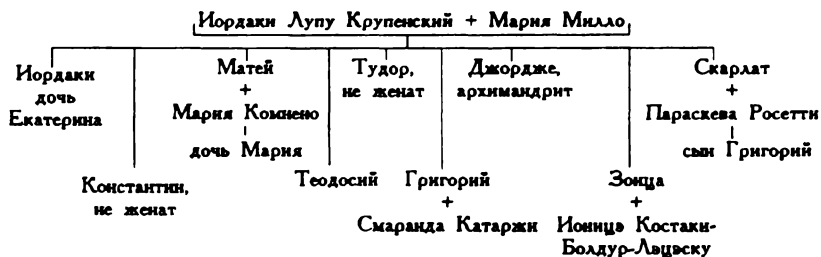
досталось также село в Орхейском уезде — Вэкэуць (кроме всего прочего).

О Зое из шуточного стихотворения Пушкина мы знаем только то, что она была не замужем и «не очень привлекательной наружности».⁷¹ Можно высказать предположение, что одна из героинь стихотворения «Ни блеск ума, ни стройность платья...» и Зоя Милло — одно и то же лицо.

Но нельзя не отметить, что у Марии Эйхфельдт были еще две родственницы с именем «Зоя»: Зоя Крупенская и Зоица Росетти.

В. П. Горчаков замечал в своих воспоминаниях, что «в обществе, как охранная стража, — ее (Марию Эйхфельдт) окружали родственники: то Алеко, то Тодораки, то Костаки. Все эти господа считались ей двоюродными братьями...».⁷² Речь здесь идет о братьях Крупенских: Константине, майоре Камчатского полка, и Тудоре (Федоре), чиновнике особых поручений при бессарабском губернаторе И. Н. Инзове.⁷³

Глава большого семейства Иордаки Лупу Крупенский был женат на Марии, дочери Енаке Тома Милло и Сафты Росетти-Рознован, родной сестре Иордаки Милло. У Крупенских было восемь сыновей. Самый старший Иордаки: у него была дочь Екатерина, замужем за Дмитрием Стурдза. Матей — бессарабский вице-губернатор, женатый на Марии Комнено; самой старшей их дочери Марии в 1823 г. было шесть лет. Тудор был не женат; уже после отъезда Пушкина из Бессарабии он женился на Смаранде Мурузи; первый ребенок у них появился в 1834 г. Джордже, архимандрит в Сучаве. Скарлат, женатый на Параскеве Росетти; у них был сын Григорий. Константин, офицер русской службы, был не женат. Григорий, женатый на Смаранде Катаржи; у них был сын Григорий. Теодосий — о нем, кроме имени, ничего не известно. Кроме того, в семье Крупенских была единственная дочь — Зоица, вышедшая замуж за армаша Ионицэ Костаки-Болдур-Лэцэску.⁷⁴ Но сколько ей было лет, когда она вышла замуж, неизвестно. Зоица

⁷¹ Цявловский М. А. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931. С. 211.

⁷² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 245.

⁷³ В книге Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (М., 1989. С. 216) названы только два брата Крупенских: Матей и Тудор, третий — без имени: «офицер Камчатского полка, командир учебного батальона 6-го корпуса».

⁷⁴ Bezviconi G. Familia Krupenski în Basarabia // Din trecutul nostru. Chisinau, 1939. Octombrie. P. 9, 10, 12.

Крупенская приходилась двоюродной сестрой Марии Эйхфельдт. Как видим, других Зой в семействе Крупенских не было.

Как видно из родословных, семейства Милло и Росетти были связаны близкими родственными отношениями. По данным словаря-справочника Г. Безвиконного на 1821 г., в семействе Росетти была некая Зоица Росетти — помещица села Лалова Орхейского уезда; судя по фамилии, она была не замужем; — и это все, что известно об этой женщине.⁷⁵

Итак, нас интересовали родственницы Марии Егоровны Эйхфельдт с именем «Зоя». Благодаря скудным сохранившимся сведениям выясняется, что таковых было, по меньшей мере, три: Зоица Милло, приходившаяся М. Е. Эйхфельдт родной теткой; Зоица Крупенская, приходившаяся двоюродной сестрой М. Е. Эйхфельдт; и Зоица Росетти.⁷⁶ Кто же из этих женщин была той Зоей, о которой писал А. С. Пушкин в своих шуточных стихах? Возможно, речь идет о Зоице Милло. Трудно более определенно ответить на этот вопрос, обладая столь немногими биографическими фактами. Надо надеяться, что со временем обнаружатся новые сведения, которые помогут приблизиться к истине и открыть еще одну тайну, связанную с жизнью Пушкина в Кишиневе.

---

⁷⁵ Bezviconi G. Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru. Vol. 2. P. 63.

⁷⁶ Орхей находится примерно в сорока километрах от Кишинева. Неизвестно, бывал ли Пушкин в Орхее, но со многими жителями Орхей и Орхейского уезда поэт был хорошо знаком — с Иордаки Милло, отцом М. Е. Эйхфельдт, с Еленой Соловьиной, которая часто навещала в Кишиневе свою сестру Марию Лишину (Липранди и И. П. Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 305). Мог Пушкин быть знаком и с родственницами М. Е. Эйхфельдт Зоией Милло и Зоией Росетти.

В. Н. Грбовская

ЗАПИСЬ «14 JUILLET 1826 ZO... (?)»

Все исследователи, приложившие в последнее время усилия для решения вопроса о том, какое слово написано рядом с датой «14 juillet 1826» (ПД 833, л. 88), безоговорочно приняли как аксиому, что оно начинается с буквы «G». Забытым оказалось давнее предупреждение Т. Г. Цявловской-Зенгер о том, что «первую букву можно прочесть и как G, и как Z, и как Q».¹ Никто не проанализировал движение пера между ее исходной и конечной точками.

---

¹ Ручку Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 307.

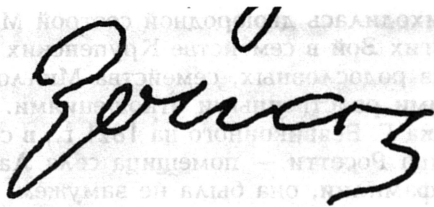

Рис. 1. Рисунок эксперта МВД СССР по результатам исследования фотографий.

Вычерчивая первый элемент буквы, незамкнутый «кружок», перо сделало маленький «завиток» по часовой стрелке, прошло в том же направлении вверх, а после закругления — вниз, перейдя затем без отрыва от бумаги к «палочке» с соединительным штрихом. Между тем просмотром большого числа рукописей на французском языке в широком хронологическом диапазоне (1821—1835) установлено, что заглавную букву «G» Пушкин писал иначе: во всех ее вариантах, независимо от положения исходной точки, степени завершенности первого элемента, наличия в нем «завитков» или «петелек» и способа перехода к «палочке», перо неизменно двигалось *против часовой стрелки*, что диктовалось привычкой написания заглавной «O», как русской, так и латинской.

Это принципиальное различие представляется вполне достаточным основанием для того, чтобы, оставив без дальнейшего рассмотрения предложенные ранее чтения слова, перейти непосредственно к определению буквы. Тем не менее для полноты доказательства и убедительности выводов небесполезно сравнить запись в тетради с пушкинским написанием тех слов (или их частей), которые увидели или угадали под пятном исследователя. Для сравнения взяты: опубликованные А. Ю. Черновым фотографии записи² и рисунок эксперта Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР М. Н. Сосенушкиной в справке по исследованию № 1925 от 25 декабря 1989 г. (рис. 1).³

«Gop» (Т. Г. Цявловская-Зенгер) или «Gonzago» (М. А. Цявловский).⁴ Фамилия «Gonzago» стоит под переводом «С португальского» (рис. 2).⁵ Различия с записью в тетради очевидны, но, за исключением первой буквы, не показательны, так как других написаний этого слова Пушкин не оставил, а «п» и «z» могли выходить из-под его пера подобными тому, что на третьем и пятом месте угадывается на фотографиях и показано на рис. 1. Решаю-

² Чернов А. Ю. «Симпатическая» запись в ПД № 833 // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26. С. 217—218.

³ Экспертиза проводилась по фотографиям, и ее результаты, как говорится в справке, «могут свидетельствовать о том, что выявленные штрихи последнего слова текста на французском языке (...) вероятнее всего, составляют запись, воспроизведенную на рисунке эксперта. «Решить вопрос в категоричной форме можно только в случае представления на исследование оригинала документа, а не его фотокопии».

⁴ Рукою Пушкина. С. 307.

⁵ ПД 836, л. 1; II, 450.

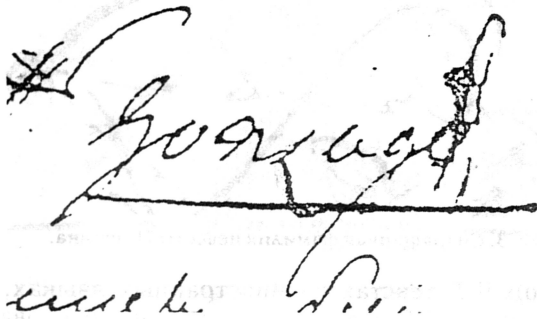

Рис. 2. Фамилия бразильского поэта Томаса Антониу Гонзаги.

щими аргументами против этого чтения должны быть признаны: последовательность начертания первой буквы и наличие между предполагаемыми «п» и «z» еще одной буквы, о существовании которой не догадывался М. А. Цявловский.

«Go[loday]».⁶ Эта гипотеза опровергается результатами фотографирования: хотя проясненные на снимках буквы под пятном еще не определены бесспорно и окончательно, однако сочетания «lod» они, вне всякого сомнения, не образуют. Впрочем, и без исследования фотографий можно вынести заключение о легковесности и несостоятельности текстологических суждений Г. А. Невелева. Свое чтение исследователь обосновал равным числом букв в словах «Goloday» и «Gonzago», а также тем, что «завершение последней буквы, лишь частью закрытой пятном и относительно хорошо видимой (ее принимают за росчерк), совпадает с начертанием буквы у».⁷ Однако четыре буквы (loda) не уложатся под пятно, и это хорошо видно невооруженным глазом. Элемент, подобный тому, который Г. А. Невелев счел завершением буквы «у», можно видеть на фототипическом воспроизведении первой страницы письма Пушкина А. П. Керн от 28 августа 1825 г.⁸ не только в слове «Michailovsky» (строка 8 сн.),⁹ но и в словах «laissez» (11 св.) и «arrivez» (9 сн.), где он даже более схож с разбираемым. Вместе с тем нередко так выписывал Пушкин и росчерк на конце слова; в том числе похоже завершается буква «о» на первой странице письма (на русском языке) К. Ф. Рылееву от 25 января 1825 г.,¹⁰ а следовательно, нельзя исключить, по крайней мере теоретически, вероятность того, что таким образом могло бы кончаться и слово «Gonzago».

⁶ Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 143.

⁷ Там же.

⁸ См.: XIII, между с. 208 и 209.

⁹ Примечательно, что строкою выше конечная буква «у» написана иначе в слове «Trigorsky».

¹⁰ См. фототипическое воспроизведение: XIII, между с. 136 и 137 (строка 2 св.).

Рис. 3. Сокращенная фамилия невесты Пушкина.

«Gonag(орulo)».¹¹ В текстах на иностранных языках, написанных рукою Пушкина, не встречается ни одного слова, которое содержало бы в чистом виде сочетание «gonag». Однако в письме поэта А. П. Керн от 28 августа 1825 г. дважды фигурирует слово «diagonale», в котором оно представлено почти целиком — четырьмя из его пяти букв.¹² В первом случае слово расположено в двух строках (dia-/gonale), так что перенесенная часть писалась как бы отдельным словом, т. е. в условиях, близких к тем, в которых появилась в тетради анализируемая запись. Вторая и третья буквы подобны соответствующим буквам в тетради, чем подтверждается чтение «on», не исключающее притом и чтение «ou».¹³ Если на основании этого сопоставления нельзя окончательно ни принять, ни отвергнуть предположение Т. Г. Цявловской-Зенгер, а впоследствии А. Ю. Чернова о третьей букве как «п», то различие в начертании первого элемента начальных букв не позволяет признать их вариантами одной и той же: «кружки» зеркально перевернуты вверх-вниз, и перо двигалось в противоположных направлениях.

Другим словом, в котором наличествуют все элементы буквосочетания «gonag», но не целостным, единым комплексом, а двумя группами «Gon» и «ag», является французская форма девичьей фамилии Наталии Николаевны Gontcharof, которую в 1830 г. Пушкину довелось писать много раз, в том числе и сокращенно, оборвав как раз на букве «г» (рис. 3).¹⁴ Для анализа она показательна в том отношении, что ее первая буква во всех случаях

¹¹ Чернов А. 1) По вспышке света // *Огонек*. 1988. № 6. С. 7; 2) *Поминание* // *Огонек*. 1989. № 4. С. 25; 3) *Скорбный остров Гонорупуло*. М., 1990. С. 4—5, 14 (Библиотека «Огонек». № 4); 4) *Прискорбные страсти вокруг экспедиции* // *Смена* (Ленинград). 1990. 26 июля; 5) «Симпатическая» запись в ПД № 833 // *Временник Пушкинской комиссии*. СПб., 1995. Вып. 26. С. 216—225. Последняя статья вышла в свет, когда данная заметка находилась в производстве; поэтому некоторые замечания на дополнительные аргументы А. Ю. Чернова приведены в постскрипуме.

¹² См. фототипическое воспроизведение третьей страницы письма: XIII, между с. 208 и 209 (строки 6—5 сн. и надпись наискось).

¹³ Ср. на той же странице письма аналогичное написание сочетания «on» в словах «correspondance» (7—8 св.), «seront» (10 св.), «en long» (6 сн.) и сочетания «ou» в словах «Tout» (3 св.), «beaucoup» (7 сн.), «surtout» (4 сн.), «oubliés» (1 сн.).

¹⁴ Сокращенно (Gontchar.) в черновике письма Н. О. и С. Л. Пушкиным от 6—11 апреля 1830 (ПД 515; XIV, 77, 272—273); дважды в письме А. Х. Бенкендорфу от 16 апреля 1830 (ПД 514; XIV, 77—78) и сокращенно (Gontch.) в черновике этого письма (ПД 121; XIV, 274); в письме Н. О. и С. Л. Пушкиным и О. С. Павлищевой от 3 мая 1830 (ПД 1385; XIV, 88); трижды в письме А. Х. Бенкендорфу от 29 мая

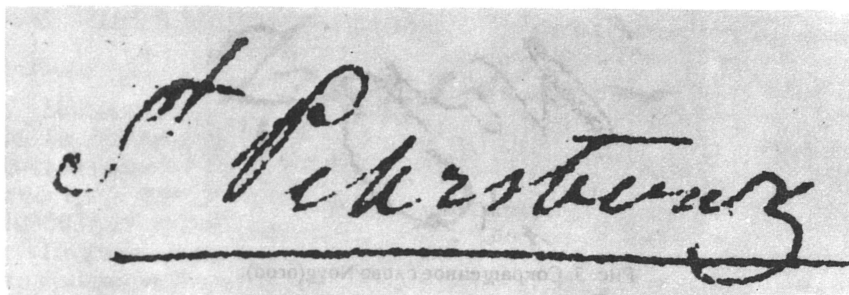

Рис. 4. Слово St. Petersburg.

заглавная и ни в одном не наблюдается отклонения от привычного ее написания в сторону приближения к той, которой начинается слово в тетради.

Нельзя признать единственным возможным объяснение А. Ю. Чернова относительно того, что он счел росчерком у недописанной буквы «г». Как росчерк подобная линия встречается у Пушкина преимущественно на конце полностью написанных слов;¹⁵ но также она является элементом нескольких букв, к числу которых «г» не принадлежит. Очень похожим на рассматриваемое выглядит начертание конца слова «St. Petersburg» в дневниковой записи за 11 апреля 1834 г. (рис. 4)¹⁶ и буквы «g» в сокращенном слове «Novg(ograd)» в черновике письма А. Х. Бенкендорфу от 22 июля 1833 г. (рис. 5).¹⁷

Go(uverneur ?) (Я. Л. Левкович).¹⁸ Как показано выше, третьей буквой может, действительно, быть «и». По наблюдению Н. М. Сперанской, на некоторых снимках с «просветленным» пятном под ним далее просматривается некое подобие буквы «v», как ее иногда писал Пушкин с «петелькой» внизу, но в данном случае с чрезмерно (даже неестественно) отклоненной правой «палочкой».

1830 (ПД 521; XIV, 95) и несколько раз полностью и сокращенно в черновике этого письма (ПД 305; XIV, 276—277); в адресе письма Н. Н. Гончаровой от последних чисел августа 1830 г. (фототипическое воспроизведение в кн.: Гофман М. Л., Лифарь С. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой: Юбилейное издание, 1837—1937. Париж, 1935, между с. 42 и 43; XIV, 109). Позднее — в письмах Е. М. Хитрово от конца (31?) января 1832 (ПД 573; XV, 8) и В. А. Соллогубу от 17 ноября 1836 (фототипическое воспроизведение в кн.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Пг., 1916, между с. 168 и 169; то же. 3-е изд., просмотр. и доп. М.; Л., 1928. С. 309).

¹⁵ Найденная А. Ю. Черновым в конце слова «киол(я)» в хронологической помете под стихотворением «Арион» (ПД 833, л. 37; см.: Чернов А. Прискорбные страсти вокруг экспедиции // Смена. 1990. 26 июля), она представляет нечастое исключение.

¹⁶ ПД 843, л. 23 об.; XII, 325.

¹⁷ ПД 842, л. 170 об.; XV, 69, 224. Похоже писал иногда Пушкин и русскую букву «д». См., например, слово «Гнед.(ич)» в черновике письма П. А. Плетневу, написанного в конце октября 1824 (ПД 835, л. 34, строка 2 сл.; XIII, 113), и слово «когда» в последней строке черновика письма Н. В. Всеволожскому того же времени (ПД 835, л. 36; XIII, 115).

¹⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский; отв. ред. Я. Л. Левкович. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 628, 686—687; Левкович Я. Л. «Гоноропуло» или «Губернатор» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26. С. 212—215.

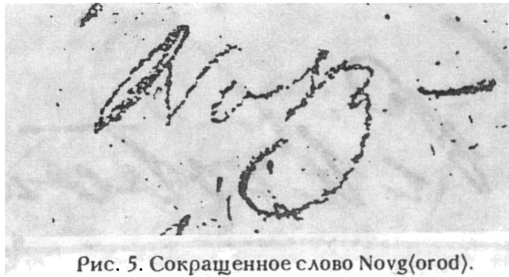

Рис. 5. Сокращенное слово Novg(ogod).

Впрочем, сама Н. М. Сперанская допускает в качестве альтернативы, что здесь написана буква «s». Кроме того, слабо видимые линии, образующие якобы букву, могут быть проявившимися на снимке неровностями бумаги либо какими-то тенями (во всяком случае экспертиза Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР не выделила их как штрихи, относящиеся к записи). Если тем не менее согласиться с догадкой относительно «v», то для окончательного подтверждения версии Я. Л. Левкович необходимо убедиться в том, что перед «ouv» находится «G», а оборвано слово на сочетании «ег».

Слово «Gouverneur» имеется в «Записке о Мицкевиче» (7 января 1828),¹⁹ в письме Н. Н. Гончаровой от 2 декабря 1830 г.²⁰ и в выписке из «Истории трех разделов Польши» Феррана;²¹ многократно встречается в рукописях и слово «Gouvernement».²² Во всех случаях буква «G» написана в привычном для Пушкина направлении — против часовой стрелки; между буквами «v» и «e» отсутствует, как правило, соединение,²³ в то время как на снимках не наблюдается никакого разрыва; наконец, если признать, что слово оборвано на букве «г», то по необходимости останется согласиться с оспоренным выше предположением А. Ю. Чернова относительно ее перехода в «росчерк».

Итак, ни одно из чтений слова, написанного после даты «14 juillet 1826», не подтверждается анализом его начертания, и начинается оно не с буквы «G».

¹⁹ См. фототипическое воспроизведение в кн.: *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме: Науч. описание / Сост. Л. Б. Модзалевский, Б. В. Томашевский. М.: Л., 1937, между с. 254 и 255.*

²⁰ См. фототипическое воспроизведение в кн.: *Гофман М. Л., Лифарь С. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой, между с. 74 и 75; XIV, 131.*

²¹ ПД 389, л. 5 об.; IX, 791.

²² В черновике письма В. Л. Давыдову (?), датированного июнем 1823—июлем 1824 (сокращенно: [gouvern] — ПД 47, л. 1; XIII, 397); в черновике письма В. Ф. Вяземской, датированном концом октября 1824 (ПД 835, л. 34 об.; XIII, 398); в письме А. Х. Бенкендорфу от 16 апреля 1830 (ПД 514, л. 1; XIV, 77) и в черновике этого письма (ПД 121; XIV, 273); в письмах Е. М. Хитрово от 11 декабря 1830 (ПД 533; XIV, 135), П. А. Осиповой от 29 июля 1831 (ПД 1437, л. 1 об.; XIV, 201) и А. Х. Бенкендорфу (черновик) от 22 июля 1833 (ПД 842, л. 170 об.; XV, 69); в предисловии к «Путешествию в Арзрум» (ПД 1028, л. 3 и 1029, л. 3; VIII, 1025, 443).

²³ Оно имеется только в черновиках писем к А. Х. Бенкендорфу от 16 апреля 1830 и 22 июля 1833 г. В письме Е. М. Хитрово от 11 декабря 1830 эти буквы не соединены и в слове «avez».

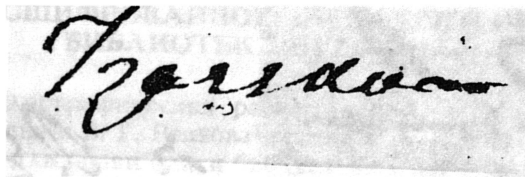

Рис. 6. Слово Tsarskoe.

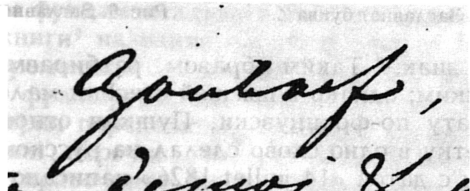

Рис. 7. Фамилия Zoubkof.

Не является первой буквой и «Q», поскольку, во-первых, ее «кружок» Пушкин писал так же, как и у «G», а, во-вторых, после нее, во всех известных ему западноевропейских языках, должна неизменно следовать буква «u».

Буква «z» встречается в написаниях почти идентичных или очень близких анализируемой. Такова она в слове «Tsarskoe», содержащемся в выписке из «Revue encyclopédique» (рис. 6),²⁴ и в фамилии «Zoubkof» (рис. 7) в письме к этому лицу от 1 декабря 1826 г.²⁵ Среди вариантов пушкинского написания заглавной и строчной «z» эти два не выглядят чужеродными или случайными (ср. рис. 8, 9).²⁶ Во всех вариантах, имеющих начальным элементом разновидность «кружка» или закругление, пушкинское перо двигалось по часовой стрелке, на первом участке криволинейно вверх, переходя к следующему элементу без отрыва от бумаги.²⁷

Подобным же образом, против часовой стрелки и в сходном начертании, Пушкин писал иногда заглавное и строчное «Д», «д» в русских словах,²⁸ а похожий росчерк на конце обозначал у него

²⁴ ПД 832, л. 1.

²⁵ ПД 476, л. 1; XIII, 311.

²⁶ Рис. 8. Буква «Z» в наброске «Гости съезжались на дачу...» (ПД 838, л. 32 об.; VIII, 549, строка 1 св.). Ср. схожие начертания там же, л. 31 (VIII, 547, строка 14 св.), 31 об. (VIII, 547, сн. 15), 32 об. (VIII, 549, строка 7 св.).

Рис. 9. Буквы «P. Z.» (P.(olotniany)Z.(avod)) в письме А. Х. Бенкендорфу от 29 мая 1830 (ПД 305; XIV, 276).

²⁷ См. также: дважды («Zavod» и «Z») в черновом письме Н. Н. Гончаровой, датированном началом июня 1830 (ПД 839, л. 64 об.; XIV, 96, 277), в письме ей же («Zavod») от 30 июля 1830 (фототипическое воспроизведение в кн.: Гофман М. Л., Лифарь С. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой, между с. 38 и 39, л. 2; XIV, 104), в наброске «Гости съезжались на дачу...» («Z») (ПД 838, л. 28 об.; VIII, 545), в слове «Zurück» в эпиграфе к «Тавриде» (ПД 832, л. 12; II, 256).

²⁸ Заглавная в словах «Дубровский» в последней главе одноименного романа (ПД 1023, л. 3 об, строка 3 сн.; VIII, 222.39) и «Дворянин» в заметке о дворянстве (ПД 845, л. 26 об., строка 2 св.; Акад. XII, 206. 29). Строчная в словах «дабы» в

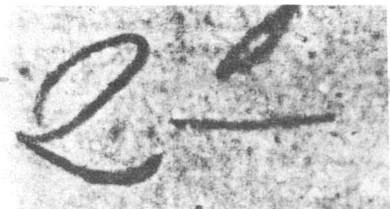

Рис. 8. Заглавная буква Z.

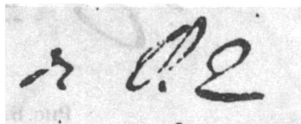

Рис. 9. Заглавные буквы P.Z.

часто твердый знак.²⁹ Таким образом, разбираемое слово могло бы быть и русским; однако в высшей степени маловероятно, чтобы, написав дату по-французски, Пушкин относящуюся к ней памятную заметку в одно слово сделал на русском языке.

Итак, рядом с датой «14 juillet 1826» написано слово, начинающееся, по всей видимости, с заглавной буквы «Z»; в этом случае его первые три буквы — «Zop» или «Zoc»; в числе возможных чтений последней следует учитывать и «g».

P. S. В свою последнюю статью А. Ю. Чернов, имевший возможность познакомиться с данной заметкой в рукописи, ввел предупредительную полемику с ней, настаивая на том, что «петелька» спорной буквы написана против часовой стрелки. По его интерпретации получается, что движение пера началось справа внизу «петли» (в месте будущего соединения с приставленной «палочкой» или «хвостиком»).³⁰ Между тем «петелька» буквы «G» всегда начиналась Пушкиным сверху, в чем можно убедиться по существующим фототипическим воспроизведениям рукописей.³¹ Так она пишется по традиции русскими и в настоящее время.

В. Д. Рак

заметке «Когда Пугачев сидел на меновом дворе...» (фототипическое воспроизведение: XII, между с. 160 и 161, строка 11 св.) и (особенно близко!) «дня» в письме А. О. Ишимовой 27 января 1837 (фототипическое воспроизведение: XVI, между с. 224 и 225, с. 1, строка 3 св.).

²⁹ В словах: «несбыточенъ» («Мы проводили вечер на даче...» — ПД 1037, л. 5; VIII, 424); «Музь», «проницательнымъ», «тростникъ» («(Повесть из римской жизни)» — ПД 262, л. 1, 2, 2 об.; VIII, 387, 388); «делиль», «водиль» («Кто из богов мне возвратил...» — ПД 224, л. 1, строки 2, 7; III, 975); «иностранцамъ» (Наброски предисловия к «Борису Годунову» — ПД 839, л. 47 об.; XI, 141); «обыкновеннымъ» («На углу маленькой площади...» — ПД 838, л. 97; Акад. VIII, 147 с неточным указанием на то, что слово не закончено).

³⁰ Чернов А. Ю. «Симпатическая» записка... С. 219.

³¹ См., например, указанное в сн. 19 фототипическое воспроизведение «Записки о Мицкевиче» (на оборотной стороне «Gouverneur» и дважды «Général»). Ср.: письмо Н. Н. Раевскому-сыну (?) от 30 января или 30 июня 1829 (XIV, между с. 48 и 49, 3 строка текста св.); письмо А. Х. Бенкендорфу от 24 марта 1830 (там же, между с. 72 и 73, строки 1 св. и 7 св.); запись, сделанная во время работы в библиотеке Вольтера (Лит. наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 914, левая страница, 3 строка св.).

НЕРАСПИФРОВАННОЕ ЗАГЛАВИЕ В ОПИСИ БИБЛИОТЕКИ ПУШКИНА

После библиографических разысканий Л. Б. Модзалевского, М. П. Алексева и Б. Г. Реизова¹ остались нерасшифрованными в составленной для опеки описи библиотеки Пушкина лишь четыре иностранных заглавия, среди них — полуграмотная запись под № 803: «Wahlens moderne british authors. — 1».²

По сведениям фундаментального книгопродавческого репертуара немецкой книги³ название «Wahlen modern british authors» (Избранные современные британские писатели) носила предпринятая в 1835 г. франкфуртским книгоиздателем Ф. Вильмансом (Fr. Wilmans) серия перепечаток новейших английских романов. Вышло десять книг, перечисляемых ниже в той же последовательности, что и в справочнике, но с исправлением явных ошибок, раскрытием авторства анонимных сочинений и указанием годов жизни писателей.

Morgan, Sydney (1783 ? — 1859). *The Princess, or the Beguine*. Frankfurt, 1835 (London, 1835. 3 vols).⁴

[Cradock, Harriet]. *Anne Grey: A novel* / Ed. by the author of *Granby, Lord Normamby*. Frankfurt, 1835 (London, 1834. 3 vols).

Author of *Granby, Lord Normamby* — Lister, Thomas Henry (1800—1842), брат писательницы.

[Banish, Michael (1796—1874)]. *The Mayor of Wind-Gap, and Canvassing* / By the O'Hara family. Frankfurt, 1835 (London, 1835. 3 vols).

Автор «Canvassing» — некая miss Martin.

Shelley, Mary Wollstonecraft (1797—1851). *Lodore* / By the author of *Frankenstein*. Frankfurt, 1835 (London, 1835. 3 vols).

Marryat, Frederick (1792—1848). *The Pacha of Many Tales* / By the author of *Peter Simple, etc.* Frankfurt, 1835 (London, 1835. 3 vols).

---

¹ Модзалевский Л. Б. Библиотека Пушкина: Новые материалы: Исследование // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 985—1024 (То же // Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Приложение к репринтному изданию. М., 1988. С. 3—55); Алексеев М. П. Несколько английских книг из библиотеки Пушкина // Науч. бюл. Ленингр. гос. ун-та. 1946. № 6. С. 27—32 (То же // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 572—577); Реизов Б. Г. Несколько французских книг из библиотеки Пушкина // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1955. № 200. Сер. филолог. наук. Вып. 25. С. 228—230 (То же // Реизов Б. Г. Историко-литературные исследования: Сб. статей. Л., 1991. С. 196—199). Сведения, опубликованные М. П. Алексеевым и Б. Г. Реизовым, учтены в примечаниях к перепечатке статьи Л. Б. Модзалевского (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Приложение к репринтному изданию. С. 109—110).

² Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Приложение к репринтному изданию. С. 47.

³ Vollständiges Bücher-Lexicon enthaltend alle von 1750 bis zu Ende des Jahres 1840 in Deutschland und in den angrenzenden Ländern gedruckten Bücher / Bearb. und hrsg. von Ch. G. Kayser. Leipzig, 1842. Т. 8. S. 501; Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums (GV), 1700—1910 / Bearb. unter der Leitung von H. Schmuck und W. Gorznu. München [et al.], 1986. Bd 153. S. 303.

⁴ Здесь и далее в скобках указываются выходные данные и количество томов оригинального английского издания; немецкие перепечатки все однотомные, продававшиеся по единой цене.

Trollope, Frances (1780—1863). Tremordyn Cliff. Frankfurt, 1835 (London, 1835. 3 vols).

[Gleig, George Robert (1796—1888)]. The Chronicles of Waltham / By the author of the Subaltern, etc. Frankfurt, 1835 (London, 1835. 3 vols).

Saint John, James Augustus (1801—1875). Margaret Ravenscroft, or Second Love. Frankfurt, 1836 (London, 1835. 3 vols).

Grattan, Thomas Colley (1792—1864). Agnes de Mansfeldt: A historical tale. Frankfurt, 1836 (London, 1835. 3 vols).

[Norton, Caroline Elizabeth Sarah (1808—1877)]. The Wife and Woman's Reward. Frankfurt, 1835 (London, 1835. 3 vols).

К сожалению, вряд ли появится возможность установить, какой из этих романов и почему мог привлечь внимание поэта, если только не произойдет чуда и где-нибудь не всплывет книга из данной серии с бесспорными признаками ее принадлежности Пушкину. Ф. Тrollope и Т. К. Граттан представлены в библиотеке Пушкина другими своими произведениями (№ 1449, 1450, 953), однако нет никаких свидетельств того, чтобы ее владелец проявлял к ним особый интерес. Оба сочинения Ф. Тrollope, посвященные парижской жизни в 1835 г. и нравам американцев, не были дочитаны до конца; все три тома исторического романа Т. К. Граттана разрезаны, но этот единственный, во всяком случае пока, известный факт касательно данного писателя никак не служит решению поставленного вопроса. Биографию Сальватора Розы, написанную С. Морган, Пушкин бросил, не дойдя до середины второго тома. Вместе с тем в письме О. С. Павлицевой к мужу от 18 февраля 1836 г. есть следующая фраза: «...сейчас читаю „Принцессу“ леди Морган — политический роман о бельгийской революции, вы, может быть, знаете его».⁵ Создается впечатление, что этот роман пользовался в России определенным вниманием; тем не менее никакой проекции на Пушкина из этого основания не выстраивается. Закономерно напрашивающееся предположение о том, что брат и сестра могли пользоваться одним экземпляром «Принцессы», не имеет никакого подтверждения и остается непроверяемой гипотезой.

В. Д. Рак

---

⁵ Павлицева О. С. Письма Ольги Сергеевны Павлицевой к мужу и к отцу, 1831—1837. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 153.

ПУШКИН И П. Х. ГРАББЕ (К истории взаимоотношений)

11 января 1825 г. к Пушкину в Михайловское приехал И. И. Пущин.

Во второй половине января Пушкин отправляет друзьям в Петербург и Москву несколько посланий, наполненных отзвуками впечатлений от встречи с Пущиным. В письме к П. А. Вяземскому он писал: «Ты конечно прав, более чем когда-либо обязан я уважать себя — унизиться перед правительством была бы глупость — довольно ему одного Граббе. Я писал тебе на днях — и послал некоторые стихи. Ты мне пишешь: пришли все стихи. Легко сказать! Пущин привезет тебе отрывки из „Цыганов“ — заветных покамест нет» (ХПН, 139).

Читая эти строки, нельзя не обратить внимание на суждение поэта о своем положении и взаимоотношениях с правительством, которые он сопоставляет с жизненными обстоятельствами человека, имевшего фамилию Граббе. Но какие именно перипетии его судьбы Пушкин, будучи в ссылке в Михайловском, соотносил с собственными обстоятельствами?

Письмо впервые было опубликовано П. И. Бартеневым в «Русском архиве»¹ и с того времени печатается во всех изданиях переписки Пушкина, но ни в одном из них в комментариях к письму мы не найдем ответ на интересующий нас вопрос. В первом томе писем, подготовленном в 1920-х гг. Б. Л. Модзалевским, представлена самая полная (в сравнении с другими публикациями в пушкиноведении) биографическая справка о Граббе, но сведения о факте унижения перед правительством в ней отсутствуют.² В двухтомном издании «Переписка А. С. Пушкина» в комментарии к письму читаем: «В чем заключалось унижение Граббе перед правительством до восстания декабристов, неизвестно. Из контекста письма Пушкина видно, что Вяземский предлагал поэту избрать по возможности независимую линию поведения, т. е. не ходатайствовать об освобождении из ссылки».³

Нам представляется, что анализ ряда документов, выявленных историками, литературоведами в архивах страны и опубликованных за несколько последних десятилетий (но прошедших незамеченными в пушкиноведении), а также материалы разысканий автора настоящей статьи позволяют дать ответ на поставленный вопрос. П. Х. Граббе принадлежит к числу малоизвестных в пушкиноведении участников тайного общества, не привлекавших внимания исследователей, и поэтому относится к лицам из окружения Пушкина, чья биография и история взаимоотношений с поэтом почти не изучены.

¹ Русский архив. 1874. № 1. С. 139—140.

² Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1: 1815—1825. М.: Л., 1926. С. 395.

³ Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 196.

Род Граббе шведского происхождения. Павел Христофорович Граббе — о нем говорит в письме Пушкин — появился на свет в 1789 г. Семья его родителей была большой (двенадцать детей) и небогатой. Павел Граббе покинул отчий дом в четыре года. Его отправили в Петербург в дом друга отца, генерала С. Д. Микулина, который спустя время сумел определить мальчика в Сухопутный кадетский корпус. В 1805 г., неполных шестнадцати лет, Граббе выпущен из Корпуса подпоручиком артиллерии во 2-й артиллерийский полк и тотчас отправлен в действующую армию в Моравию. Так началось его служение Отечеству. С 1808 г. он адъютант А. П. Ермолова, в 1811—1812 гг. некоторое время состоял при Барклае де Толли.⁴

В 1811—1812 гг. (до начала Отечественной войны) ему было дано особой важности задание — разведывательная служба в Баварии.

Историк С. Н. Чернов, в середине 1920-х гг. подробно изучавший по архивным документам этот период жизни и деятельности Павла Христофоровича, сделал заключение: «Под влиянием всех черт войны и людей он в постоянном напряжении жертвы собою постепенно и очень красиво формируется в рыцаря-героя с прелестным переплетом черт начала XIX в., с чертами античности и традициями средневековья в их русско-немецком преломлении. Но этот рыцарь-герой — не только самоотвержен, благороден и храбр; он и очень выдержан и осторожен. Больше того, этот рыцарь-герой не только мужествен и тверд на каждом своем посту и при исполнении всякого начальственного поручения, но и изобретателен и изворотлив в сложном, уклончивом и хитром деле военно-политической разведки...».⁵ Яркая, образная характеристика Граббе, война 1812 г., содержится в неопубликованном письме Авдотьи Павловны Глинки (жены Ф. Н. Глинки), сохранившемся в архиве Граббе: «...мой муж часто мне говорил, что в армии ходила поговорка: „Он храбр, как Граббе!“».⁶

Из заграничных походов 1813—1814 гг. Граббе возвратился, имея ордена Георгия 4-й ст., Анны 2-й ст., Владимира 4-й ст. с бантом и чин полковника с назначением в 10-ю конную роту. В период 1815—1816 гг. Граббе — петербуржец. Здесь следует сказать, что этот мужественный человек имел тонкую, артистическую натуру: увлекался философией древних, любил музыку (в юности был в полку певчим), поэзию боготворил, пробовал сочинять сам. Поэтому в Петербурге Павел Христофорович посещает модные салоны, театр, многие вечера проводит у людей, близких по духу, чаще всего у братьев Н. И. и А. И. Тургеневых.

---

⁴ Из памятных записок графа Граббе: 1812-й год // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 416—482; 796—804.

⁵ Чернов С. Н. Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX века // Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 193.

⁶ РГВИА, ф. 62, оп. 1, № 50, л. 3—4.

Вот портрет Граббе 1810—начала 1820-х гг., который оставил нам А. С. Стурдза, небезызвестный в первой половине XIX в. литератор, знакомый Пушкина с 1818 г. (публикуется впервые): «Высокого роста, стройный, самой нарядной наружности, от природы наделенный пышным красноречием, в обществе смелый до дерзости, он с первых офицерских чинов стал в положение, на которое ему не давало право ни его воспитание, ни образование, ни происхождение».⁷

Сам Павел Христофорович еще со времен боевых походов 1805—1807 гг. взял за правило (на всю жизнь) вести дневниковые записи. Фрагменты из его записных книжек были опубликованы в 1870—1880-х гг. в «Русском архиве». В записной книжке за 1850 г. (7 февраля) Граббе отметил: «В субботу был на обеде у Булгарина, по случаю двадцатипятилетия существования „Северной пчелы“, издаваемой с самого начала и донныне обще с Н. И. Гречем... грустное замечание, которым мы встретились с Гречем, вспомнив подобные обеды в нашей молодости, где за одним столом мы выдвигали Гнедича, Козлова, Тургеневых, Блудова, Дашкова, Крылова и других. Это почти некролог. Пушкин был еще в Лицее».⁸

Это не только «почти некролог» — это почти список общества «Арзамас». «Пушкин был еще в Лицее» — грустная констатация факта: несмотря на общий «тесный круг друзей» познакомиться в то время Граббе и Пушкину не довелось. Из письма Н. И. Тургенева брату Сергею Ивановичу (1 февраля 1817 г.): «О Петре Семеновиче не имеем никакого известия. Я говорил о нем Граббе, который неожиданно для него сделался шефом Лубенского полка, где служит П(етр) С(еменович)».⁹

Нам удалось разыскать рапорт о назначении Граббе командиром Лубенского гусарского полка, он датирован 11 января 1817 г.¹⁰

С января 1817 г. в Петербурге Граббе бывал наездами. В 1818 г. он познакомится с И. Д. Якушкиным, состоявшим в тайной организации «Союз благоденствия». Павел Христофорович также поступит в «это новое служение отечеству», примет самое деятельное участие в московском съезде Союза в январе 1821 г. Там он встретится с И. И. Пущиным, являвшимся активным членом этой тайной организации, и П. А. Вяземским, жившим в то время в Москве. В архиве Вяземского сохранились письма Граббе. Об их московских встречах свидетельствует записка Павла Христофоровича, обнаруженная Ю. М. Лотманом в бумагах Вяземского: «Вернувшись довольно поздно и найдя Вашу, князь, записку, спешу Вас

⁷ Стурдза А. С. Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать: Павел Христофорович Граббе // ОР РГБ, ф. 178 — музейное собрание, № 4629, л. 14.

⁸ Записная книжка графа П. Х. Граббе. М., 1888. С. 479.

⁹ Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.: Л., 1936. С. 211.

¹⁰ РГВИА, ф. 395, оп. 60, № 3417.

уведомить, что завтра я рассчитываю, как я думаю, располагать своим временем с утра до полудня» (пер. с франц.).¹¹

Встречи в Москве — продолжение знакомства, начало которого, очевидно, можно отнести к петербургским годам жизни Граббе.

Московский 1821 г. съезд «Союза благоденствия» явился рубежом не только в истории декабристского движения, но и рубежом на жизненном пути Павла Христофоровича Граббе. Правительству было известно о предстоящем съезде членов тайного общества. В письме командира гвардейского корпуса И. В. Васильчикова к начальнику Главного штаба кн. П. М. Волконскому (начало января 1821 г.) указывалось, что «на этом съезде хотят положить основание ассоциации, имеющей целью освобождение крестьян и перемену правления».¹² Васильчиков знал имена некоторых заговорщиков: М. Фонвизин, М. Орлов, П. Х. Граббе, Николай Тургенев, Ф. Глинка, Муравьевы, отец и сын.

В середине 1821 г. император Александр получил донесение — «записку» Грибовского, в которой подробным образом описывалась деятельность тайного общества, назывались имена заговорщиков с характеристикой их замыслов и настроений. Граббе в «записке» аттестовался «готовым на все». Павел Христофорович не подозревал, что с начала 1821 г. его жизнь и деятельность проходили под постоянным присмотром правительства, ждавшего подходящего момента, дабы использовать для нейтрализации опасного заговорщика. И случай вскоре представился. Человек прямой, горячий, Граббе не всегда умел ладить со своим непосредственным начальством. Один из конфликтов закончился отставкой его от службы. В марте 1822 г. Граббе получил «Повеление» сдать полк и «немедленно» отправиться на место жительства в Ярославль. И. Д. Якушкин в своих «Записках», очевидно со слов самого Граббе, рассказал, что тот, «сдавши в 24 часа полк подполковнику Курилову, отправился со своим денщиком Иваном, едва имея с чем доехать до Ярославля. Он командовал Лубенским полком почти 6 лет; в это время на его месте всякий дошлый полковой командир составил бы себе огромное состояние. Некоторые из коротких приятелей Граббе сложились и доставляли ему годовое содержание, без чего он решительно не имел чем существовать в Ярославле».¹³

В дневнике Н. И. Тургенева есть запись от 14 марта 1822 г.: «Но где, как и чем будет жить Граббе?».¹⁴ Существование в Ярославле — это не только безденежье, но и бездеятельность, что для

---

¹¹ Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 84.

Вяземский был знаком по Варшаве, где он служил с начала 1818 г., и с братом Павла Христофоровича Петром Христофоровичем Граббе, офицером лейб-гвардии Литовского полка.

¹² Русский архив. 1875. Кн. II. С. 443.

¹³ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 52.

¹⁴ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5: Дневник и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1823 годы. Пг., 1921. С. 318.

Граббе оказалось невыносимо. Прошел год. В апреле 1823 г. Павел Христофорович обратился к Александру I с всеподданнейшим письмом, где, в частности, писал: «Бывают времена, Государь, в которые немилость царей есть только несчастье. В ваше же — она и стыд. В сию эпоху славы и благоденствия Вами покоющейся и во всяком благе возрастающей России быть отверженным, как негодное орудие, в полном обладании всех душевных и телесных сил, с живейшим рвением ко всему полезному, с готовностью на всякую по мановению Вашему опасность и на всякий труд, с непритворною и пламенною в сердце и уме к Вам приверженностью быть отринуту есть великое несчастье, — дерзаю выговорить, Государь, несчастье, мною не заслуженное».¹⁵

В июне Граббе получил депешу из Главного штаба и немедленно выехал из Ярославля в Петербург. 30 августа он определен младшим полковником в Северский конно-егерский полк, где командиром был С. Р. Лепарский. В РГВИ сохранился интересный документ: «Справка о службе Исправляющего должность Ревельского Военного Губернатора и Командующего войсками в Эстляндии расположенными Генерал-Адъютанта Граббе 1-го» с пометой: «Доложено Его Величеству 4 сентября 1855 г.».

События службы Граббе периода 1821—1823 гг. излагаются в справке следующим образом (публикуется впервые):

«... в 1817 году назначен командиром Лубенского Гусарского ... полка.

4 марта 1822, за несоблюдение порядка службы отставлен от оной.* 30 августа 1823 вновь определен в бывший Северский Конно-егерский полк.**

---

* Состоявшееся по сему предмету Высочайшее повеление было включено прямо в представленный проект Высочайшего приказа, и кроме сего никакой особой переписки в делах Инспекторского Департамента не имеется.

** Повеление это, подобно как и при оставлении от службы, включено в проект приказа по записке, подписанной Вице-Директором Инспекторского Департамента о внесении в приказ нескольких назначений, в том числе об определении вновь на службу Граббе с чином Полковника...».¹⁶

Н. И. Тургенев записал в дневнике 30 августа 1823 г.: «Граббе определен на службу, но не сделан командиром того полка, в который он определен. Это его огорчает и бесит».¹⁷

Вяземский писал в письме А. И. Тургеневу (30 августа 1823 г., Москва): «Сейчас сказывали мне, что Граббе назначен в какой-то Северский полк...».¹⁸

С. Н. Чернов, подробно изучавший переписку Граббе и Якушкина, сделал заключение: «Как бы то ни было, но судьба Граббе была решена: он был назначен в полк Лепарского под его строгий

---

¹⁵ Чернов С. Н. Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX века. С. 255—256.

¹⁶ РГВИА, ф. 395, оп. 291, № 189, л. 5—6.

¹⁷ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. С. 357.

¹⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2: Переписка князя И. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. СПб., 1899. С. 342.

надзор. Едва ли он не хотел отклонить сделанное назначение. По крайней мере, отзвуки такого настроения можно усматривать в его письме к И. Д. Якушкину от 25 сентября 1823 г.: „Совету твоему и благоразумию, любезнейший Иван Дмитриевич, я не усомнился последовать. Я на пути в Лебедин и дней через восемь там непременно буду. Что там сделаю, решат обстоятельства и данные на мой щет приказания“. Выходит, что Граббе искал „совета“ и „благоразумия“ у Якушкина и получил — принять назначение и, не медля, ехать к месту новой службы, где, если ее условия фактически окажутся непереносимы, подать прошение об отставке или увольнении».¹⁹

Друзья, принимавшие участие в судьбе Граббе, были рады благополучному исходу истории, хотя и понимали, что продолжать деятельность как член тайной организации он в данной ситуации не сможет.

Сохранилось письмо П. Я. Чаадаева (из Милана, 1825 г.) И. Д. Якушкину, в котором мы находим просьбу к адресату: «Вот еще про кого прошу тебя сказать, что можно, про кн(язя) Ивана, про Пушкина, про Граббе».²⁰

Якушкин ответил: «Граббе скоро после твоего отъезда принят в службу в Северский конно-егерский полк; на-днях он женился на Скоропадской, дочери богатой помещицы в Хохландии; свадьба, как говорят, стала 50 тысяч; по последнему его письму он кажется очень счастлив.

Пушкин живет у отца в деревне; недавно я читал его новую поэму „Гавриилиаду“, мне кажется, что она самое порядочное произведение из всех его эпических творений и очень жаль, что в святотатственно-похабном тоне».²¹

Вероятно, ни Граббе, ни Пушкин не предполагали о существовании подобных писем. И тем не менее Пушкин, будучи в ссылке в Михайловском, имел достаточно полное представление о положении Граббе. Кто сообщил? Вяземский? Пущин? Пушкин оценил в ту пору поступок Граббе, т. е. его письмо к царю, как унижение перед правительством. Жизнь покажет, что унижение Граббе было разумным компромиссом, сохранившим обществу, государству талантливому, честному человеку, о делах которого декабрист М. С. Лунин, находясь в Сибири на поселении, писал в 1840 г.: «Правительству недостает людей, потому что ему самому недостает принципов. Отметим, что частичными успехами, достигнутыми недавно, оно опять-таки обязано двум членам Тайного общества, служащим в Кавказской армии».²²

Два члена Тайного общества — это П. Х. Граббе и Н. Н. Раевский-младший. В 1840 г. генерал-лейтенант П. Х. Граббе — ко-

---

¹⁹ Чернов С. Н. Из истории борьбы за армию в начале 20-х годов XIX века. С. 258.

²⁰ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. С. 239.

²¹ Там же. С. 242.

²² Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 146.

мандующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, а Н. Н. Раевский — начальник Черноморской береговой линии.

Граббе и Раевский-младший были знакомы, очевидно, еще со времен 1812 г. Именно Раевскому было суждено представить Пушкину Граббе. О том, как это произошло, мы знаем из рассказа самого Павла Христофоровича.

В 1873 г. издателю «Русского архива» удалось уговорить его опубликовать в журнале фрагменты из записных книжек, и вскоре читатели смогли познакомиться с воспоминаниями Граббе с 1812 г. о встречах с И. А. Крыловым и А. С. Пушкиным.

Встречи с Крыловым и Пушкиным произошли в январе 1834 г. в Петербурге, куда Граббе приехал по делам службы. Запись о впечатлениях от этих встреч была им сделана в ноябре 1836 г. в Белгороде. Рассмотрим фрагмент текста, в данном случае наиболее важный для нас: «Дня через два потом, сидя в Демутовом доме, у Н. Н. Раевского, я изъявил сожаление, что не знал еще лично Пушкина. Он жил неподалеку. Раевский послал его просить, и к живому удовольствию моему Пушкин пришел. Мы обедали и провели несколько часов втроем. 12-й год был главным предметом разговора. К досаде моей Пушкин часто сбивался на французский язык, а мне нужно было его чистое, поэтическое Русское слово. Русской плавной свободной речи от него я что-то не припомню; он как будто сам в себя вслушивался. Вообще, пылкого, вдохновенного Пушкина уже не было. Какая-то грусть лежала на лице его. Он занят был в то время историею Пугачева и Стеньки Разина: последним, казалось мне, более».²³

Десять лет назад Граббе арестовали по месту службы в с. Полошки Черниговской губернии, привезли в начале января 1826 г. в Петербург. О смелом поведении Павла Христофоровича на допросах следственной комиссии, проявленных им выдержке, чувстве собственного достоинства, находчивости скоро стало известно и декабристам, и в обществе.

Из воспоминаний декабриста А. Е. Розена: «Чернышев, как главный труженик в комиссии, вероятно, от усталости, от утомления, от нетерпения забывался иногда в своих замашках, выходках и угрозах, так что П. Х. Граббе был вынужден сказать ему правду, за что по оправдании судом оставлен был в крепости под арестом на шесть месяцев за дерзкие ответы, данные комиссии».²⁴

А. С. Стурдза (публикуется впервые): «При восшествии на престол Николая I, Граббе был замешан в ложном политическом тайном обществе и привезен в Петербург, где посажен в Петропавловскую крепость, в которой просидел несколько месяцев: но оказалось, что он только смутно знал о существовании общества, а участия его в нем не могли доказать. Сверх того, в Следственной Комиссии он говорил резко и смело, даже раз временщик Черны-

²³ Граббе П. Х. Из памятных записок... (писано в ноябре 1836 г.) // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 782—787.

²⁴ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 155.

шев сказал ему дерзость, Граббе засвидетельствовал всем присутствием, что пока полковник не осужден, закон не позволяет с ним такое обращение, но осуждение же виновного, обращение зависит от личных свойств и степени чувств чести того, который в положении оскорблять, пользуясь своей безнаказанностью. Это столкновение имело последствием обратить себе поименованной личности в непримиримые заклятые враги».²⁵

По Высочайшему повелению Граббе 4 месяца содержался в Динаминдской крепости, 19 июля 1826 г. освобожден и возвращен в свой полк.²⁶

В одной из последних записных книжек Павла Христофоровича Граббе есть удивительной глубины строки, навеянные размышлениями о пережитом. Вообще очень осторожный в дневниковых записях (жизнь научила: не менее двух раз ему пришлось уничтожать свои бумаги, так погибли дневники и почти вся переписка до восстания 14 декабря 1825 г.), 23 февраля 1861 г. Павел Христофорович записал: «Тишина, одиночество, бой стенных часов, при других обыкновенно неслышимый, мысль, что при семействе, каково мое (четыре сына, три дочери и племянница, дорогая как дочь), — можно остаться так совершенно одному, так сильно подействовала на меня, что мне сделалось тошно... И выражение „тошно“ стало мне вдруг понятно не как поэтическое, но физическое ощущение. И затем ряд воспоминаний из моей полной переломными моментами жизни. Между прочим, почему я не испытывал прежде ничего подобного, когда еще при Александре I-ом был в заточении, при Николае с первых дней его вступления на престол, привезенный в Петербург, сначала на гаубтвахте, потом в подвале Зимнего дворца, оттуда взаперти в Инспекторском Департаменте и, наконец, в Динаминдской крепости? Позже, уже генерал-адъютантом, под судом и с часовыми при квартире, я, повторяю, не испытывал ничего подобного. То была борьба!».²⁷

Пушкин фиксировал все, что касалось движения декабристов, не упускал случая вступить в беседу с причастными к заговору. Пушкин знал, что Граббе известно многое. Возможно, имея это в виду, поэт и нашел необходимым откликнуться на приглашение Раевского.

Вчитаемся в заключительные строки рассказа Павла Христофоровича: «Вот как мне случилось видеться с Пушкиным и Крыловым. Второй приезжал ко мне, первый у меня обедал. Не ранее, как через два года, в Белгороде, я вспомнил, что не был ни у того, ни у другого с визитом. Сам пораженный этой странностью и отыскивая причины, я не открыл другой, кроме привычки смотреть на обоих, как на исторические лица, против которые со-

---

²⁵ Стурдза А. С. Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать: Павел Христофорович Граббе // ОР РГБ, ф. 178 — музейное собрание, № 4629, л. 15.

²⁶ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 58.

²⁷ Записная книжка графа П. Х. Граббе. С. 736.

блюдение общественных приличий не приходило мне в голову».²⁸

Эти размышления относятся, очевидно, к записи, которую Граббе сделал в октябре 1837 г. в Белгороде: «В это время из тесного круга близких мне людей убыли еще двое: Лепарский и Шиллинг-Канштадт. Первый оставил землю для общей, неизвестной обители в Петровском Заводе, в Сибири; другой умер в Петербурге. Тот редкой добродетели, этот хороший, умный и ученый человек. Того оплачу несчастные, утратившие в нем нежного, неумолимого покровителя; об этом пожалеют счастливые, потерявшие в нем всегда веселого и умного собеседника. ... В начале этого года умер безвременною смертью незаменимый Пушкин. Он убит на дуэли с каким-то Дантесом. С ним замолк чистейший народный отголосок Русской поэзии».²⁹

Итак, встреча в «Демутовом доме» была не единственной.

И здесь надо иметь также в виду, что Граббе, не ведя прямой переписки со своими друзьями, декабристами И. Д. Якушкиным и М. А. Фонвизиным, более чем два десятилетия состоял в регулярной переписке с тещей И. Д. Якушкина Н. Н. Шереметевой и несколько лет получал корреспонденцию от С. Р. Лепарского, бывшего своего командира по Северскому полку, в 1827—1837 гг. коменданта Нерчинских рудников и Читинского острога.³⁰

Письма, бумаги П. Х. Граббе имеются в личных архивах его друзей и сподвижников. Необходимо продолжить их изучение.

Т. В. Ковалева

---

²⁸ Граббе П. Х. Из памятных записок... (писано в ноябре 1836 г.). С. 787.

²⁹ Там же. С. 795—796.

³⁰ В архиве П. Х. Граббе сохранились письма к нему С. Р. Лепарского за 1832—1835 гг. — РГВИА, ф. 62, оп. 1, № 14.

КАРОЛИНА СОБАНЬСКАЯ В ПИСЬМАХ МАРШАЛА МАРМОНА И БАЛЬЗАКА

Пушкин познакомился с Каролиной Собаньской, урожденной графиней Ржевуской, в 1821 г. в Киеве, позже встречался с ней в Одессе и Петербурге. В 1830 г. поэт записал в альбом Собаньской посвященное ей стихотворение «Что в имени тебе моем?». Эпистолярное наследие Пушкина свидетельствует о его сильном увлечении Собаньской. Все это издавна привлекает к ее личности пристальное внимание пушкинистов. О ней написано много. Мы ограничимся здесь самыми краткими сведениями, необходимыми для этих заметок.

Каролина Розалия Текла Ржевуская, ослепительная красавица, получившая блестящее образование, была выдана замуж молоденькой девушкой за пожилого помещика Иеронима Собаньского. В 1816 г. они разошлись, а в 1825 г. развелись официально. С 1821 г. Каролина Собаньская находилась в связи с графом И. О. Виттом — генерал-лейтенантом, начальником военных поселений в Новороссии. Красавец, обходительный человек и злостный интриган, хороший организатор и казнокрад, Витт с провокационными целями пытался проникнуть в круг будущих декабристов, посылал своего доверенного в Псковскую губернию для сбора компрометирующих сведений о ссыльном Пушкине. К тайному сыску в Одессе была причастна и Собаньская. Современники считали ее пособницей Витта в его интригах и провокаторской деятельности. Во время подавления польского восстания Витт командовал кавалерийским корпусом, а затем был назначен варшавским военным губернатором, председательствовал в уголовном суде над польскими повстанцами. Однако Николай I не до конца доверял ему из-за его связи с Собаньской, подозревавшейся в пособничестве повстанцам. В 1835 г. между Собаньской и Виттом наступает разрыв.

К этому времени относятся письма к Собаньской бывшего наполеоновского маршала Мармона. Они сохранились переписанными ее рукой в дневник, находящийся в парижской библиотеке Арсенала, о котором долгое время у нас ничего не было известно.

Несколько лет назад В. Фридкин опубликовал статью о своем посещении библиотеки Арсенала.¹ По его описанию, внешне дневник Собаньской «напоминает альбомы, бывшие в моде в прошлом веке: кожаный коричневый переплет, медный замок на обреше (ныне он сорван). В дневнике около 300 страниц, но заполнен он только наполовину. Записи большей частью по-французски и лишь изредка по-польски. Перед каждой записью — дата».

В 1989 г. автор статьи, выступая на вечере в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве, сообщил о своей расшифровке неразобранного слова в черновике письма Пушкина к Собаньской. До сих пор соответствующее место воспроизводилось следующим образом: «Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет лишь только мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму (?). Там я смогу совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть» (XIV, 445). При этом не прочитанному, а лишь предположительно проставленному слову «Крым» были даны варианты: а. Молдавия (?); б. Вольни (?); в. Одесса (?), т. е. перечислены места, где могла жить Собаньская. Неразобранное ранее слово прочитано В. Фридкиным как «Ореанда» и обозначает местность в Крыму, где находилась дача Витта.

---

¹ Фридкин В. Записки Каролины Собаньской // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 140—144.

К сожалению, подробных сведений о содержании записей в дневнике Собаньской не приводилось ни в статье, ни в устном выступлении.²

Частично свет на них проливает публикация, появившаяся много ранее во французском научном периодическом издании «Этюд балзасьенн», ксерокопия которой в свое время была любезно прислана нам журналисткой Кристиной Ревюз. Публикация озаглавлена «Необычная судьба. Каролина Собаньская — свояченица Балзака». Как известно, Балзак женился на Еве (Эвелине) Ганской — сестре Каролины. Публикация состоит из двух частей. Первая, написанная Грегуаром Алексинским, основана на советских изданиях. Во второй, принадлежащей перу Роже Пьерро, обильно цитируются письма Мармона, переписанные в дневнике Собаньской. Там же приводятся выдержки из писем Балзака Ганской, касающиеся Каролины, и документов французских архивов, позволяющие уточнить даты жизни Собаньской.³

Обращает внимание полная противоположность отношения Мармона и Балзака к Собаньской. Первый был ею совершенно очарован. Другой пишет о ней в резко отрицательном тоне. Но такова была эта женщина, никого не оставлявшая равнодушным, вызывавшая и при жизни и после смерти самые разноречивые и крайние суждения.

Письма Мармона связаны со сложным периодом в жизни Собаньской — разрывом с Виттом. Прежде чем обратиться к ним, вспомним, кто их автор.

Август Фредерик Людовик Виесс де Мармон, герцог Рагузский (1774—1852) — профессиональный военный. Отличившись при осаде Тулона, был замечен Бонапартом, сделавшим его своим адъютантом. Направленный в Далмацию с незначительными силами, Мармон удержался в Рагузе (ныне — Дубровник), противостоя соединенным русским и черногорским отрядам, за что ему пожалован герцогский титул. В 1814 г. перешел на сторону Бурбонов. В июльскую революцию 1830 г. бежал с королем Карлом X за границу. Поселился в Вене, получал пенсию от австрийского двора. Автор восьмитомных мемуаров и ряда других книг.⁴

В 1834—1835 гг. Мармон совершил большое путешествие, побывав на юге России, в Турции, Сирии, Палестине и Египте.

---

² Когда наша заметка уже была подготовлена к печати, вышла книга: Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина. 2-е изд., доп. М., 1991. В главе «Записки Каролины Собаньской» (с. 156—171) уточняется: «Большая часть записей — письма, которые Собаньская писала или получала в двадцатые—сороковые годы и которые она на память переписала в этот альбом». Автор приводит выдержки из писем княгини А. С. Голицыной, но, перечисляя других корреспондентов, в том числе Мармона, не цитирует их.

³ Alexinsky Grégoire. Un destin hors série. Carolin Sobanska belle-soeur de Balzac // Les Etudes balzaciennes. 1960. N 10. P. 405—416. (Дополнение без заголовка, подписанное Pierrrot Roger, — p. 417—424). Далее цитаты, на которые не даются ссылки, заимствованы из этого дополнения.

⁴ Подробнее о нем см.: Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XV. С. 202.

19 мая 1834 г. он приехал в Одессу, где был принят Виттом, с которым познакомился еще в 1826 г. в Москве, представляя Францию на коронации Николая I.

Витт показал Мармону военные поселения, приведшие бывшего наполеоновского маршала в восторг. В описании путешествия он посвятит им тридцать страниц печатного текста, а о самом Витте скажет: «Это его просвещенному, плодотворному и обширному уму, его точному суждению, его выдающейся деятельности обязаны созданием этих поселений. Ими он оказал огромную услугу Русской империи, поскольку это замечательное установление дает одновременно большие преимущества государю и населению».

Витт пригласил Мармона в Крым на свою дачу в Ореанде. В его честь окружающие горы были иллюминированы цветными фонариками и устроен фейерверк. Гость в восторге: «Нет ничего приятнее этого жилища, и те, кто радушно принимал в нем, добавляли ему большое очарование своим присутствием. Оттуда открывается обширная панорама, самая красивая на всем побережье. Она охватывает весь Ялтинский залив до горы Медведица, которая замыкает его с востока».

Мармон не устает повторять слово «*charme*» — «очарование». «Дом графа Витта очарователен, хотя и скромнен. В нем находишь отпечаток души его владельца». Совершенно пленила его «очаровательная мадам Собаньская», с которой он также встречался раньше, в Вене. Она в свою очередь не осталась равнодушной к любезностям гостя, намекнув ему, как увидим, о своих душевных переживаниях, которыми все более откровенно будет делиться затем в письмах.

Мармон пробыл в Ореанде четыре дня, с 20 по 24 июня. 28 июня он отправляет Собаньской письмо с благодарностью за оказанное гостеприимство: «Несмотря на приятную надежду, которую я питаю вновь вскоре увидеть вас, я не могу упустить случая напомнить вам о себе и еще раз поблагодарить за доброту, которой вы меня окружили. Она никогда не сотрется в моих воспоминаниях, и пребывание в Ореанде навсегда остается в моей памяти, как и в моем сердце, светлым моментом поездки в Крым. Как я сожалею, что она была так коротка, и как дорого я бы заплатил за то, чтобы она повторилась. Ваш разговор, наполненный таким очарованием, ваш столь изящный ум, ваша душа, столь благодарная и созданная для того, чтобы оценить все то, что искренне и великодушно, делают общение с вами неоценимым, и нет такого препятствия и такого расстояния, которые могли бы помешать мне вновь насладиться ими. Дружба, которую вы мне оказали и которой я горжусь, очень глубоко тронула меня. Заслуживать ее все больше, оправдать и отплатить за нее самым щедрым образом будет одной из приятнейших забот до конца моей жизни».

Состоялась ли их новая встреча в Козлове (ныне Евпатория), на которую рассчитывал Мармон, неизвестно. Но он уже в курсе ее расстраивающегося союза с Виттом и в следующем письме от

20 июля из Константинополя призывает к примирению с ним. «Есть бесконечное счастье в том, чтобы возбудить чувства такой благородной души, как ваша, чуткой, щедрой и занимать ум столь изысканный, как тот, что дало вам Небо», — пишет он. И далее: «Больше всего мне бы хотелось не видеть, как вы мучаете себя вещами, которые кажутся мне химерическими и которые покажутся такими же вам, когда вы подумаете о всем том, что отличает сердце, которое так долго вам преданно и которое столь благородно и деликатно. Но мне стыдно говорить вам это, поскольку вы уже сто раз сказали себе то же самое...».

22 августа, плывя из Смирны на остров Родос, Мармон отвечает на письмо Собаньской от 17 июля. Из него видно, насколько далеко зашли ее откровения: «Ваши страдания, ваши огорчения глубоко отдаются в моем сердце, и я разделяю, как буду разделять всегда, самым истинным и самым искренним образом все, что вы будете чувствовать. Я смотрю с сожалением, которое не могу выразить, на ваше столь тягостно отравленное существование и вместо пожелания того, чтобы результат, который вы мне сообщаете, не свершился, приношу вам свою самую искреннюю дружбу. Мнение, которое я вам выражаю, совершенно бескорыстно, но подумайте о прошлом, подумайте о будущем, и вы убедитесь, что ваши интересы, без сомнения, повелевают не порывать узы, которыми вы добровольно связали себя и которые время сделало достойными уважения». В концовке фразы имеется в виду, что общество, в котором связь Собаньской с Виттом долго выглядела скандальной, в конце концов смирилось с фактом их сожительства. Ходили даже слухи, что они тайно обвенчались.

Мармон настаивает на этой теме: «Есть своего рода достоинство в длительности привязанностей, и общество более справедливо, чем считают, в суждении, которое оно выносит о подлинных и прочных чувствах. Если помните, вы, хотя и туманно, говорили мне о том, что может произойти, и я откровенно высказал свое мнение. Я повторю его вам и сегодня. Ради себя самой оставьте ему надежду на то, что не все кончено. Существуют взаимные интересы, которые должны обновить связи, казалось, предназначенные распасться. Воспоминания имеют столько прелести, когда они говорят о живой и преданной привязанности, и как отказаться от того нежного и трогательного, что они содержат в себе. И разве тот, кто интересуется вас, не обладает столькими сердечными качествами? Это такое доброе, такое достойное существо».

В нашей литературе обычно исходят из того, что это Витт бросил Собаньскую. Из писем Мармона вытекает, что перед ним она выставляла дело несколько иным образом.

Тем временем разрыв, видимо, уже наступил. 7 октября Мармон пишет из Александрии: «Я не могу понять потрясения, которое резко подвергло испытанию все ваше существование, и еще меньше причину, которую вы ему приписываете. Если обстоятельства действительно таковы, то следовало бы предполагать своего рода безумие, но, конечно, лицо, которое вы обвиняете, обладает

большим умом и способностью рассуждать. Мой Бог, как бы я хотел видеть вас вернувшейся к более спокойному состоянию, и сколь заслуживающей сострадания я нахожу вас, если вам придется ненавидеть свои воспоминания. Но невозможно, чтобы каждый из вас не стал вновь самим собой и не изменил своих нынешних намерений».

Кто подразумевался под «лицом», виновным, по мнению Собаньской, в крушении ее союза с Виттом? Не сам ли император Николай I, по чьему указанию она в 1832 г. была удалена из Варшавы? Или Бенкендорф, которому она тогда же написала письмо с опровержением подозрений в пособничестве польским повстанцам?⁵ Это лишь наши предположения, хотя вполне вероятно, что политические и карьерные мотивы играли для Витта не последнюю роль в его решении расстаться с Собаньской.

Проходит несколько месяцев, проведенных Мармоном в Египте. 15 марта 1835 г., находясь в Риме, он повторяет свои пожелания: «Я бы очень хотел, чтобы они исполнились и чтобы они могли благотворным способом повлиять на ваше счастье. Это счастье дорого мне, и я с живой болью смотрю на то, как страдает сейчас ваше сердце. Признаюсь вам, что я ничего не понимаю из того, что произошло, того внезапного разрыва, которого, казалось, ничто не предвещало. В моих задушевных общениях с Виттом, в моих разговорах с ним я находил выражение неизменности его чувств и твердых намерений относительно своего будущего, которое он никогда не отделял от вашего».

В альбоме Собаньской переписаны еще два письма Мармона. В них сожаления об ее одиночестве, моральной изоляции, в которой она оказалась. Упоминается «большая потеря». Очевидно, речь идет о смерти ее дочери Констанции, о чем в то же время говорилось и в переписанном в дневник письме графини Р. С. Эдлинг (тоже знакомой Пушкина с одесских времен).

Письма самой Собаньской к Мармону неизвестны. Но при чтении ответов на них невольно возникает вопрос, не рассчитывала ли она в момент разрыва с Виттом получить от Мармона нечто большее, чем ту дружбу, в которой он ее неизменно уверял? Если это так, то ее надежды не оправдались, и ей пришлось ограничиться менее блестящей партией. В 1836 г. она вышла замуж за С. Х. Чирковича, серба по происхождению, служившего адъютантом Витта — должность, которую ему пришлось оставить, после чего он долго не мог получить нового назначения. Несколько лет супругам пришлось провести в имении приятельницы Собаньской княгини А. С. Голицыной (еще одной знакомой Пушкина) в Кореизе. Лишь в 1841 г. Чирковича зачисляют в канцелярию графа М. С. Воронцова. В 1845 г. он становится вице-губернатором Бессарабии, но год спустя его здоровье ухудшается, он выходит в отставку и вскоре умирает. Каролина вновь остается одна.

---

⁵ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 190—196.

Но вернемся к публикации в «Этюд бальзасьенн». Приводимые в ней выдержки из писем Бальзака к Еве Ганской хронологически продолжают письма Мармона. 1 октября 1836 г. он называет имя Каролины, возможно, в связи с ее предстоявшим замужеством: «Вы мне сказали, что ваша сестра Каролина опаснейшая из женщин, а в вашем последнем письме это ангел, и вы мне сообщаете, что она близка к тому, что я называю верхом безумия, так как я не забыл, что вы писали мне о полковнике (Чирковиче?). Она будет очень несчастлива».

Год спустя, 21 октября 1837 г., собираясь приехать в имение Ганской Верховню, Бальзак умоляет ее не верить Каролине, говорившей, что хозяйка не будет знать, что делать с «остроумным парижанином».

Проходит несколько лет, прежде чем имя Каролины снова появляется под пером Бальзака, причем в весьма не лестных для нее выражениях. 30 августа 1844 г. он пишет в связи с ее пребыванием в Верховне: «Дорогая, ваша сестра Кар(олина) играет комедию, и я не знаю, что меня больше восхитило — великолепная простота вашей исповеди или ее двуличие».

Из писем 1846 г. видно, что после смерти Чирковича Каролина уехала в Германию, а оттуда во Францию. 13 августа Бальзак пишет: «Твоя сестра Кар(олина) безумица, и это — лицемерная безумица, худшая из всех». Правда, неделю спустя он смягчается: «Где ты теперь? На Рейне или с твоей сестрой, о которой мне говорил Деларю как об очаровательной женщине, которую он видел в Одессе. Он многое узнал о Витте» (очевидно, упоминается М. Д. Деларю, знакомый Пушкина).

Когда Каролина с сестрой Алиной Монюшко должны были приехать в Париж, Бальзак заверяет Ганскую, которая не хотела, чтобы он с ними встретился, что они не смогут найти его, так как 30 августа его в Париже не будет.

5 октября 1846 г. состоялась свадьба дочери Ганской Анны с Георгием Мнишеком (последним в роде, к которому принадлежала Марина — жена Ажедмитрия). Незадолго до этого Бальзак не сдерживает своего возмущения: «Две тетки Анетты находятся в Париже, когда она выходит замуж в Висбадене. Это свидетельство весьма малой привязанности к ее матери, особенно со стороны твоей сестры Каролины, которая бежит со старой безумицей».

«Старая безумица» — это бывшая приятельница Бальзака графиня Бокарме, с которой Каролина подружилась в Риме. «Эти две очаровательные женщины, — саркастически замечает он, — чрезвычайно понравились друг другу и в настоящее время как две сестры на выданье».

В сентябре 1847 г. Анна Мнишек встретила свою тетку Каролину, которая к тому времени вернулась на Украину, у своих друзей. Каролине уже за пятьдесят, но она все еще красива. Анна пишет своей матери: «Тетя Каролина обедала у Раковских. Она ослепительно прекрасна. Я не думаю, чтобы она была когда-либо красивее, чем сейчас. Быть может, это лебединая песня ее

красоты, но существует и такая красота, которая никогда не исчезает».

В 1848 г. Бальзак часто встречался в Париже с Алиной Мо-нюшко. Из сообщений об этих встречах становится известно, что Каролина после пребывания у своего брата Адама в родовом имении Ржевуских Погребище покупает дом в Одессе. Она намеревалась отправиться в Константинополь и совершить паломничество по святым местам в Палестине. Но в связи с революционными событиями в Европе Николай I не поощряет зарубежных поездок своих подданных, и Каролине отказывают в выдаче паспорта.

В том же году Бальзак задумал пьесу «Король нищих» (не осуществлена) и предложил актрисе Мари Дорваль исполнить в ней роль набожной ханжи. Сообщая об этом Ганской, он пояснял, что образ навеян ее сестрой Каролиной: «характернейшая комическая маска добродетели поверх галантности эпохи Людовика XIII ей очень подходит».

Долгими вечерами в Верховне и позже в Париже, когда Ганская стала мадам де Бальзак, наверное, не раз заходил разговор о ее сестрах. Но документальных свидетельств тому нет. Здесь следует заметить, что Бальзак, по-видимому, в то время не встречался с Каролиной и мнение о ней мог составить главным образом из отзывов Евы. Трудно сказать, насколько пронизателен был в данном случае автор «Человеческой комедии».

Немногим более года спустя после смерти Бальзака в августе 1850 г. начался парижский период жизни Каролины. Она вышла замуж за французского писателя Жюля Лакруа (1809—1887). В архивах департамента Сены хранятся книги актов гражданского состояния. В одной из них записано, что 6 ноября 1851 г. в I округе Парижа зарегистрирован брак «Люси Каролины (так она названа в этом документе) графини Ржевуской, проживающей на улице д'Анжу Сент-Оноре № 22, вдовы после первого (!) брака с Этьенном Графом (!) Чирковичем» и «Жюля Жозефа Лакруа, родившегося в Париже 7 мая 1809 года, проживающего по улице Мартир № 47».

Р. Пьерро пишет, что по этому же адресу жила сестра Бальзака Лора со своим мужем Эженом Сюрвиллем. Не исключено, считает он, что через них Каролина и познакомилась с Жюлем Лакруа. Его брат Поль Лакруа (1806—1884), также писатель, выступавший под псевдонимом Библиофил Жакоб, был другом юности Бальзака. Это он, служа в библиотеке Арсенала, сохранил дневник Каролины и находящийся там же переплетенный том писем к ней от княгини А. С. Голицыной. От себя добавим, однако, что у Поля Лакруа были и прямые связи с Россией, а не только через семью Бальзака. За опубликованную на французском языке историю царствования Николая I он получал от русского двора пенсию.⁶

⁶ См.: Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. СПб., 1909. Стб. 1081.

Р. Пьерро отмечает также, что племянница сестер Ржевуских, дочь их брата Адама княгиня Екатерина Радзивилл утверждала, что, перед тем как вступить в брак с Жюлем Лакруа, Каролина чуть было не вышла замуж за французского поэта и влиятельного критика, непримиримого врага Бальзака Шарля-Огюстена Сент-Бева. «Сестра мадам Ганской, обхаживаемая преследователем Бальзака — такое не было бы лишено пикантности, — пишет Р. Пьерро. — Но не легенда ли это?» После того как Е. Радзивилл опубликовала мнимые письма Ганской к брату Адаму Ржевускому с выдуманными подробностями романа Евы с Бальзаком, исходящие от нее сведения берутся исследователями под сомнение.

И еще одно французское свидетельство о Каролине, на этот раз очень для нее лестное.

В 1880 г., почти тридцать лет спустя после третьего официального замужества Каролины, Поль Лакруа опубликовал эссе о Варваре Юлии Крюднер (1764—1825) — литераторе и проповеднице мистического суеверия, одно время оказывавшей влияние на Александра I. Этот труд он посвятил Каролине, предпослав ему такой текст: «Вы еще только входили в жизнь, когда мадам Крюднер готовилась уйти из нее. Эта странная женщина, чей пронзительный взгляд был всегда погружен в неизвестность будущего, остановилась на пороге, с которого переходят в вечность, чтобы сказать вам с пророческой улыбкой: „Прекрасная, добрая и очаровательная, преисполненная всеми дарами неба и украшенная всеми благодатями, вначале вы будете искать счастье, а позже счастье придет искать вас. Помните, что Господь прислал вас на землю, чтобы нравиться и пленять”. Предсказание сбылось: вы стали моей сестрой и должны быть счастливы, потому что составляете счастье моего любимого брата».

Следует признать, что у Поля Лакруа были основания для такого отзыва. Последние тринадцать лет своей жизни Каролина провела, ухаживая за ослепшим мужем.

В заключение о датах жизни Каролины. В нашей литературе указывается лишь год ее рождения, и то приблизительно — «около 1794».⁷ «У нас перед глазами выдержка из акта о ее смерти, — пишет Р. Пьерро, — в нем мы читаем: „родилась в замке Погребище (Русская Польша) двадцать пятого декабря тысяча семсот девяносто пятого года”». Однако дата вызывает у него сомнения. Он приводит сообщение, полученное Хуанитой Хелм Флойд — автором книги «Женщины в жизни Бальзака» от упоминавшейся уже Катерины Радзивилл, согласно которому «м-м Ганская родилась 24 декабря, а не 25 декабря (...). Я абсолютно уверена в дате, потому что у нас всегда был большой семейный праздник по этому случаю. Вы, конечно, знаете, что римско-католическая церковь отмечает 24 декабря день Адама и Евы, и поскольку мой отец и его сестра родились в этот день, их называли Адамом и Евой».

---

⁷ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение / 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 406.

Итак, замечает Р. Пьерро, Каролина родилась 25 декабря, а ее сестра Ева и брат Адам в разные годы, но в один и тот же день — 24 декабря. «Это, очевидно, не является невозможным, но подобная регулярность, не подтвержденная подлинными документами, может показаться удивительной». К тому же Каролина, выходя замуж за Жюля Лакруа, не представила свидетельства о своем рождении. «Что это действительная невозможность или кокетство супруги, бывшей на тринадцать с половиной лет старше своего супруга?.. Балзак также никогда не знал точного возраста своей Полярной звезды...».

Таким образом, дата рождения Каролины остается под вопросом. Но мы имеем теперь возможность уточнить дату ее смерти. У нас называлось 19 июля 1885 г.⁸ В актах гражданского состояния мэрии Сен-Жермен-ан-Лэ значится, что «Урсула Люси Каролина (имена вновь частично изменены), рантье, проживавшая в Париже, улица д'Анжу, № 22» скончалась 16 июля 1885 г. 18 июля газета «Фигаро» напечатала некролог за подписью Паризис. Отпевание состоялось 20 июля в парижской церкви Мадлен.

Н. П. Прожогин

---

⁸ Там же.

ДРУГ ПУШКИНА — В. Дм. ВОЛЬХОВСКИЙ

На протяжении двух столетий личность Владимира Дмитриевича Вольховского (1798—1841) привлекала внимание исследователей. В истории литературы его имя тесно связано с Царскосельским лицеем,¹ с ранним периодом движения декабристов.² В течение своей жизни он был дружен с А. С. Пушкиным, А. С. Грибоедовым, А. А. Бестужевым, поэтому его имя встречается в работах, посвященных этим писателям. Он неоднократно упомянут в мемуарах сосланных на Кавказ декабристов М. И. Пущина, А. Е. Розена, А. С. Гангблова.³

---

¹ Например, см.: Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899; Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1813. СПб., 1911, и др.

² См.: Нечкина М. В. «Священная артель». Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова 1814—1817 гг. // Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.; Л., 1951. С. 155—188; Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975. Т. 1. С. 150, 161, 164 и др.

³ См.: Пущин М. И. Встречи с А. С. Пушкиным за Кавказом // Пущин И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 421—429 (впервые опубликовано Л. Майковым в его книге «Пушкин» — СПб., 1899); Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907; Гангблов А. С. Воспоминания. СПб., 1888.

Первая биография Вольховского написана И. В. Малиновским;⁴ опубликованная в Харькове в 1844 г., она была хорошо известна современникам⁵ и последующим биографам Вольховского. В этой небольшой по объему брошюре (23 с.) сочтены все сражения, в которых он участвовал, и все награды, им полученные, от первого крестика до трех последних звезд: там весь формулярный список, по коему можно было судить о воинских подвигах и заключить, что он стал бы со временем одним из лучших полководцев.⁶

Работа И. В. Малиновского нашла свое отражение практически во всех последующих биографических этюдах о Вольховском. Однако только в начале XX в. Н. Гастфрейнд,⁷ подключив переписку современников (о Вольховском) и письма самого Вольховского (равно как и к Вольховскому), в значительной мере расширил фактический материал, использованный И. В. Малиновским.

Тем не менее нельзя сказать, что в биографии Вольховского не осталось белых пятен. В последние десятилетия наметился весьма своеобразный подход к его биографии, а именно: подгонка ее к вводимому в научный оборот эпистолярному наследию Вольховского и стремление периодизировать его биографию исходя из характера публикуемого материала. Например, В. Шадури (в весьма значительной публикации писем Вольховского) делает следующие обобщения: «...жизнь и деятельность Вольховского отчетливо делится на два периода — до и после восстания декабристов. Первый период связан в основном с Петербургом, второй — с Грузией, где он служил около десяти лет. Если петербургский период жизни Вольховского изучен довольно хорошо, то этого нельзя сказать о его деятельности в Грузии».⁸ Придерживаясь этой точки зрения, другой публикатор писем Вольховского, Д. И. Белкин, сводит наименее изученный этап в биографии Вольховского к двум годам — 1827 и 1828,⁹ когда, находясь в Персии, Вольхов-

⁴ [Малиновский И. В.] О жизни генерал-майора Вольховского. Харьков, 1844. Рукописный вариант см.: ИРЛИ, ф. 512, ед. хр. 68.

⁵ 18 ноября 1844 г. П. Плетнев писал Я. К. Гроту: «Энгельгардт подарил мне и тебе по экземпляру биографии Вольховского, писанной Малиновским (сегодня к тебе отправил)» (Грот К. Я. Из лицейской старины. Е. А. Энгельгардт и питомцы Царскосельского лицея // Исторический вестник. 1905. Т. СЛ. Июль. С. 92).

⁶ Розен А. Е. Записки декабриста. С. 240.

⁷ Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по Царскосельскому Лицею: Материалы для словаря лицейстов Первого курса 1811—1817. СПб., 1912. Т. 1. С. 1—286.

⁸ Шадури В. Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов: Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В. Дм. Вольховском. Тбилиси, 1979. С. 3. В данной работе приводятся значительные фрагменты эпистолярного наследия Вольховского, находящегося в Институте рукописей им. К. Кекелидзе АН Грузии (ф. Е. Г. Вейденбаума, № 1724—1855).

⁹ Белкин Д. И. Письма В. Д. Вольховского к Грибоедову // А. С. Грибоедов: Материалы к биографии. Л., 1989. С. 147. К сожалению, публикация выполнена крайне небрежно, с многочисленными неверными прочтениями, например:

у Д. И. Белкина

с. 151: «более 400 ныне пленных»
«отдайте Лемченке»
«для изготовления»

в рукописи

«более 400 всех пленных»
«отдайте Г. Лемченке»
«для [принятия] изготовления»

ский наблюдал за уплатой российскому правительству первой части назначенной контрибуции.

Следует отказаться от устоявшегося штампа об изученности «петербургского периода» биографии Вольховского и оттого, что столь легкое наказание за причастность к декабристскому движению, как перевод на Кавказ в действующую армию И. Ф. Паскевича, последовало потому, что с октября 1820 г. Вольховский находился в дальней экспедиции в Бухару и не мог активно участвовать в событиях. Последнее положение восходит к показаниям Вольховского Следственной комиссии. В «Алфавите декабристов» (с объяснительной записки Вольховского от 7 апреля 1826 г.)¹⁰ сообщается следующее: «В показании своем, представленном начальству, он изложил, что в 1818 году было ему предложено вступить в общество „Союз Благоденствия“, имевшее целью благотворение и нравственное образование членов. Не видя в целях и действиях Общества ничего противозаконного, вступил в оное. Но вскоре, усмотрев, что оно не соответствовало пышно возвещаемому названию своему, стал мало-помалу удаляться, а в 1820 г. участие свое в нем совершенно прекратил. В 1821 году, по возвращении его из Бухарии, узнал, что Союз разрушился; с тех пор ни о каком тайном обществе не слышал».¹¹

Используя данные И. В. Малиновского и Н. Гастфрейнда,¹² попробуем составить небольшую канву службы Вольховского за 1820—1825 гг.

24 июня 1820 г. в составе Императорской миссии под начальством А. Ф. Негри Вольховский был командирован в Бухару и находился там с 10 октября того же года по 12 мая 1821 г.,¹³ за

«Весь Ваш Вольховский»
с. 152: «сданы в Гилане»
«не остается, как воевать»
с. 153: «11 генваря 1828»
«общим у нас с Аббас-Мирзою ханом»

«Весь Ваш В. Вольховский»
«сданы в Миане»
«не останется, как воевать»
«11-го Генваря 1828 год» (курсив)
«общим у нас с Аббас-Мирзою делом»

При этом постскрипту письма оборван на полуслове. За фразой «он весьма заботится иметь выгодное о себе мнение Его Высокопр.(евосходительств)ва» в рукописи следует, а в печатном тексте отсутствует: «...и всегда просит напомнить о нем и его заслугах. Говорили мне, что Его В^{во} Шах, убеждая настоятельно Каймакана, что у Аббас-Мирзы нет денег, начиная склоняться и на уплату из своих денег 7⁰⁰⁰ Куруры, но ждет известий от Абдул-Гассан-Хана. 6⁰⁰⁰ Куруру в назначенный срок тоже обещаются передать Г. Макдональду.

Бретаги-Хан мне сказывал, что и 10⁰⁰⁰ Курура уступлена: осмеливаюсь не верить ему, а то может [быть] остановка праздно быть (так в рукописи. — Н. М.) от этого. Мне сказывали, что артиллерии велено отсюда подвинуться в Сулейманию, что в Богачане, отсюда по Казвинской дороге.

Тегеран» (ИРЛИ, ф. 623, ед. 21).

¹⁰ Следственное дело Вольховского опубликовано, см.: Гастфрейд Н. Товарищи Пушкина... С. 208—213.

¹¹ Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 7. С. 50—51.

¹² [Малиновский И. В.] О жизни генерал-майора Вольховского. С. 7—8; Гастфрейд Н. Товарищи Пушкина... С. 36—44.

¹³ См.: Русская старина. 1903. Т. 114. Июнь. С. 633—634.

что по возвращении был удостоен личного доклада Александру I, от щедрот которого 24 августа 1821 г. ему был пожалован пенсион (по 500 рублей ассигнациями в год). В апреле 1821 г. Вольховский вместе с гвардией (под предводительством двух великих князей, Николая и Михаила) отправился в Витебскую и Минскую губернии и возвратился в Петербург (будучи уже со 2 августа штабс-капитаном) лишь осенью 1822 г. 11 июня 1823 г. за маневры под Красным Селом ему было объявлено Высочайшее благоволение; в январе 1824 г. он был по особым поручениям командирован в отдельный оренбургский корпус и на путевые издержки ему Всемиловнейше было пожаловано 200 червонцев. Там с 24 февраля по 29 марта 1824 г. Вольховский состоял при военной экспедиции (под начальством полковника Г. Мейдарфа), отправленной в киргиз-кайсацкую степь, и был при разбитии и преследовании мятежников, за что всемиловнейше награжден 13 августа орденом Владимира 4-й степени. С 10 по 19 июля 1824 г. Вольховский находился с гвардейским корпусом под Красным Селом, где за отличное исполнение своей обязанности ему было объявлено Высочайшее благоволение; 29 марта 1825 г. он был пожалован в капитаны; с 17 мая по 25 августа он находился в отставке (место, которое обещал ему А. Оленин, было отдано другому); 27 августа он был командирован в экспедицию для обозрения пространства между Каспийским и Аральским морями и в это время был при разбитии киргизских разбойников близ устьев Сагира и Эмбы. Начальником этой экспедиции был полковник Главного штаба Ф. Ф. Берг. Во время этой экспедиции и застигла Вольховского весть о смерти Александра I и о присяге Константину Павловичу. Через три месяца после декабристского восстания Вольховского в г. Сарайчик ожидал фельдъегерь.

Таким образом, становится очевидным, что традиционная биография Вольховского в настоящее время достаточно абстрагирована. Весьма проблематичным становится именование периода его жизни с 1821 по 1825 г. «петербургским». Весьма мало мы знаем о характере тех поручений, которые в это время возлагались на Вольховского, но, судя по наградам, и поручения, и заслуги были значительны.

Выше мы привели показания Вольховского Следственной комиссии. Теперь приведем ее вывод: «...из показаний многих членов видно, что Вольховский состоял в сношениях с Обществом и после 1821 года и участвовал в совещаниях, бывших в 1823 году у Пущина и других членов. Совещания сии заключались в учреждении Думы, выборе членами оной: Трубецкого, Никиты Муравьева и Оболенского и в положении стараться изыскивать средства ко введению конституции». Однако, несмотря на столь значимый вывод, далее записано следующее: «По отзыву господина начальника Главного Штаба Его Императорского Величества, оставлено сие без дальнейшего действия».¹⁴

---

¹⁴ Восстание декабристов. Т. 8. С. 51; ср. также: Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина... С. 213.

Начальником Главного штаба в то время был И. И. Дибич.¹⁵ Известно также, что при переводе Вольховского в корпус к Паскевичу он получил блестящую характеристику своего непосредственного начальника генерал-квартирмейстера Главного штаба Павла Петровича Сухтелена.¹⁶ Но думается, что не заступничество П. П. Сухтелена сыграло решающую роль в переводе Вольховского на Кавказ: генерал-квартирмейстером Главного штаба П. П. Сухтелен был назначен лишь 20 мая 1826 г. (вместо генерал-лейтенанта Адеракса, оказавшегося больным 14 декабря 1825 г.).¹⁷ Как бы то ни было, заступничество перед Следственной комиссией, очевидно, было весьма убедительным и исходящим из более высоких сфер, чем руководство Генерального штаба. Заступник был хорошо информирован о характере особых поручений, выполненных в свое время Вольховским. Следовательно, и с переводом Вольховского на Кавказ дело обстоит не так ясно, как это представлялось ранее.

Два рапорта Вольховского, которые мы публикуем, относятся к 1829—1830 гг. В определенной степени они отражают ту обстановку, которую застал Пушкин в штабе Паскевича во время своего арзрумского путешествия. Однако данные материалы (хотя они и касаются частного вопроса) имеют и самостоятельное значение, так как через их посредство становится очевидным, что не случайно Вольховский был отмечен дружбой умнейших людей эпохи. А. Е. Розен в своих записках (отмечая стремительный темп карьеры Вольховского) посчитал нужным «упомянуть об истинных внутренних достоинствах» Вольховского как человека, «часто не замечаемых или скрытых от глаз проницательных наблюдателей, которые нередко приписывают чрезмерному честолюбию то, что происходило из самого чистого нравственного источника, из самых твердых правил человеколюбия, честности и из любви христианской».¹⁸

I

О взаимоотношениях Пушкина и Вольховского во время Арзрумского похода известно немного. В тексте «Путешествия в Арзрум» Пушкин так описал свою встречу с ним: «Здесь увидел я нашего В.(ольховского), запыленного с ног до головы, изнуренного

---

¹⁵ Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. СПб., 1894. Т. 2. С. 6.

¹⁶ Щербатов К. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. СПб., 1890. Т. 2. С. 12.

¹⁷ Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. Т. 2. С. 5, 8.

¹⁸ Розен А. Е. Записки декабриста. С. 240. Предсмертными словами Вольховского были: «Мы будем счастливы, мы достигли своего назначения...». На чугунном кресте над его могилой Харьковской губернии Изюмского уезда в селе Стратилатове в ограде церкви Софии Премудрости Божией надпись: «Одари Бог, кротость премудростию» [Малиновский И. В.] О жизни генерал-майора Вольховского. С. 23.

заботами. Он нашел, однако, время побеседовать со мною как старый товарищ» (VIII, 466). О том, что этой встречей отношения их не закончились, свидетельствуют два текста из пушкинского архива: 1) черновой вариант «Маршрута от Тифлиса до Арзрума»,¹⁹ который О. С. Соловьевой определен как текст, написанный «рукой неустановленного лица».²⁰ В Большом академическом собрании сочинений Пушкина этот текст атрибутирован как текст, написанный рукой «м. б. Дельвига» (VIII, 1017); 2) копии реляций Паскевича Николаю I за 16, 17, 23 и 28 июня 1829 г.,²¹ атрибутированные как «писарская копия, подаренная Пушкину И. Ф. Паскевичем в 1829 г.».²²

Текстологические сверки показали, что черновой вариант «Маршрута от Тифлиса до Арзрума» написан рукой не Дельвига, а Вольховского.

Сопоставление полного текста реляций Паскевича, находящихся в РГИА,²³ с вышеназванной копией из пушкинского архива убеждает нас в том, что и эти материалы получены Пушкиным от Вольховского. Из перечисленных реляций в печати появилась только реляция за 23 июня 1829 г.,²⁴ видимо, поэтому первому публикатору текста реляций из пушкинского архива П. Попову не удалось восстановить пробелы в пушкинской копии (например, численность конницы — «400», а также пропущенные слова «и возмутили народ» (курсив мой. — Н. М.))²⁵ и исправить стилистические погрешности писаря, но главное — объяснить наличие в пушкинской копии вставки на отдельном листе бумаги под заглавием «Выписка о действиях правого фланга в деле 19-го июня, в то время, когда силы Турецкие были раздвоены и поведена конная атака на правую сторону», текст которой отсутствует в публикациях 1829 г.²⁶ Данная вставка наличествует только в «Журнале реляций» в архиве Паскевича и тоже в виде вставки, но вклеенной в основной текст и написанной рукой Вольховского. Тут же им дано объяснение отсутствия этой информации в печатных изданиях: «Статья сия, помещенная в копии с реляции в том месте, где поставлены здесь точки, препровождена к Управляющему Главным Штабом Его Императорского Величества, Генерал-Адъютанту Графу Чернышеву при отношении от 19-го Июля за

¹⁹ ПД, ф. 244, оп. 1, № 988. Там же и беловая писарская копия.

²⁰ Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание. М.; Л., 1964. С. 32.

²¹ Текст опубликован П. Поповым, см.: Летописи государственного Литературного музея. М., 1936. Т. 1. С. 197—217.

²² ПД, ф. 244, оп. 1, № 1703.

²³ «Журнал» охватывает события со 2 апреля 1827 г. по 31 декабря 1830 г. — РГИА, ф. 1018, оп. 3, № 192.

²⁴ См.: Русский инвалид. 1829. 17 июля. № 181—182; Военный журнал. 1829. № 5. С. 214—237.

²⁵ См.: Летописи государственного Литературного музея. Т. 1. С. 200, 211.

²⁶ Не удалось объяснить наличие этой вставки и П. Попову, см.: Летописи... С. 215. Данная сверка текстов сделана мной для Академического собрания сочинений А. С. Пушкина, где предполагается публикация реляций Паскевича из пушкинского архива.

Маршруты	
Отъ Тифлиса до Арзрума	—
Мелети — 14	Верста
Кодж	11
Добру Мухаверт	27
Мостъ Самуел	20
Мостъ Александр	19½
Урван Давид	—
Омук	19½
Карапетин мост	13
Кумукава	16
А. Мамед	13
Джарра	15
Урван Тунуб	27
Сен Джамур	28
Сен Хамид	18½
Капар	21
Сен Котан	24
Кази Тунуб	22
Кази Мамед	12
(виден мост № 14 на 14° Тондур Керман)	14
Мост Тунуб	13
Кази Мамед	16
Заманг Зубур	12
Сен Ардан	24
Сен Керман	26
(мосты в Аран)	—
Дер. Тасанг-Кала	14½
Арзрума	35
Дер. Дором отъ Капар	—
Мост Дором до Кемухе	—
Сен Котан	24
Ур Дам Мук	—
Мурман	30
Мост Караван Кара	—
на вершинѣ Аран	—
Самур мост	12
Ур Мулла Дором	—
однъ бѣгъ мостъ Кара	—
Котан	7
Заманг Мухамедов	9
р. Керман мостъ	—
монетъ, баш.	10½
Дер. Ворсан	12
Дер. Кемухе	25

Черновой вариант «Маршрута от Тифлиса до Арзрума». ПД, ф. 244, оп. 1, № 988.

№ 519-ть с просьбою вписать ее в реляцию, так как она была пропущена по скорости отправления нарочного. — Генерал-Адъютант Граф Чернышев от 6-го Сентября за № 586 уведомил, что давность истекшего времени до получения сей пополнительной статьи по изданию реляции, равно вслед донесений о новых важных событиях, обративших исключительное на себя общее внимание, не дозволили ему поместить оную в реляцию; но что содержание ее доведено было до Высочайшего сведения. — Дело о сем в 1-м отделении Генерального Штаба».²⁷

Следовательно, уезжая из лагеря Паскевича 21 июля, Пушкин уже располагал копией реляций (а также текстом пропущенной вставки, отправленной с нарочным в Петербург 19 июля). Причастность к этому Вольховского несомненна. Поэтому прежде всего постараемся определить круг обязанностей Вольховского при штабе Паскевича в период 1829—1830 гг.

Согласно предписанию И. Ф. Паскевича от 1 марта 1827 г., в обязанность комитета по квартирмейстерской части, куда входили полковники Коцебу и Энгольм, а также капитан Вольховский, вменялось заниматься «1) описанием дорог по всем направлениям, где армии предназначено действовать или по коим военные обстоятельства заставят оную двигаться; 2) соображением способов края, в котором войска должны проходить, и 3) собранием сведений о народах, живущих в провинциях, где будет война, и о расположении их к нам и персидскому правительству, словом сказать — полным географическим и статистическим описанием сих стран».²⁸

В своих мемуарах Н. Н. Муравьев-Карский оставил весьма лестный отзыв о выполнении Вольховским возложенных на него обязанностей: «Во время следования колонн заботливостью полковника Вольховского (речь идет о войне 1829 г. — *Н. М.*), нашего обер-квартирмейстера, присылались к нам описания дорог, по коим нам идти. Точность сих описаний, сделанных по расспросам, была разительна, и мы всегда знали наперед о всякой канаве, которая могла остановить движение колонны, и брали заблаговременно меры для исправления дороги; знали, где есть корм подножный, вода, где обозы могли строиться в несколько линий или идти поодиночке; где могла быть в теснине продолжительная остановка, во время которой батальоны могли не дожидаться в ружье, а расположиться на привал...».²⁹ План дороги от Арзрума до Байбурта подобного характера, написанный Вольховским (автограф подписан), ныне хранится в РГИА.³⁰

Уже из приведенных материалов становится очевидным, почему для составления «Маршрута от Тифлиса до Арзрума» Пушкин обратился к Вольховскому. Публикуемый здесь рапорт Вольхов-

²⁷ РГИА, ф. 1018, оп. 3, № 192, л. 92.

²⁸ Щербатов К. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. I. С. 211—212.

²⁹ Русский архив. 1893. Т. III. Кн. II. С. 347—348.

³⁰ РГИА, ф. 1018, оп. 3, д. 85.

ского от 5 июля 1829 г.³¹ позволяет конкретизировать круг его обязанностей при штабе Паскевича.

Копия.

Главнокомандующему Отдельным Кавказским Корпусом
Господину Генералу от Инфантерии, Генерал-Адъютанту
и Кавалеру Графу Паскевичу-Эриванскому

Обер-Квартирмейстера Отдельного
Кавказского Корпуса Полковника
Вольховского —
Рапорт.

Вашему Сиятельству известно болезненное состояние, в котором я нахожусь с прошедшей зимы: 30го Октября 1828го года послан я был Вашим Сиятельством с г. Мартыненко в Тифлиссский Карантин для осмотра тела умершего офицера Донской Конно-Артиллерийской роты, дабы удостовериться, не от чумной ли заразы он скончался; бывший тогда сильный ветер и стужа причинили мне простуду, после чего я постоянно чувствую боль в легких. — В Апреле месяце нахождение мое в Тифлиском Госпитале³² и уменьшение занятий по службе достаточно подкрепили меня, так что, несмотря на продолжавшуюся болезнь, я мог выступить в поход: ныне здоровье мое в худшем, чем когда-либо, положении. — Силы мои постепенно ослабевают, головные боли, головокружение и чрезвычайно нервная раздражительность делают меня мало способным по службе: гг. Медики Ильяшенко, Мартыненко и Силич единогласно советуют мне неупустительно приступить к Методическому Пользованию, ибо, по их словам, болезнь моя без сего скоро может сделаться неизлечимою. — Почему осмеливаюсь испрашивать на то позволение Вашего Сиятельства; с общего совета гг. Ильяшенко и Мартыненко полагают пользоваться меня Меркуриальными средствами (т. е. ртутными препаратами. — *Н. М.*), причем должен я буду оставаться безвыходно дома. Желая остаток сил моих посвятить пользе службы, я полагаю возможным заниматься делами по моей части; ибо *чертежная и Канцелярия помещены в моих Комнатах, ведение же Журнала Вашего Сиятельства³³ и составление донесений ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ³⁴* (курсив мой. — *Н. М.*), для чего нужно ездить получать личные приказания от Вашего Сиятельства, продолжать не могу: при том предметы столь важные требуют Самого величайшего внимания, к чему по изнурительной болезни моей я более уже не способен. — О чем Почтительнейше донося Вашему Сиятельству покорнейше испрашиваю разрешения, прикажите ли сдать кому-либо должность мою, или по желанию моему продолжать исправление оной, и в последнем случае, чрез кого докладывать Вашему Сиятельству, чрез г. Дежурного Штаб-Офицера или чрез Старшего из Офи-

³¹ Рапорт относится к периоду одновременного пребывания Пушкина и Вольховского в Арзруме. У Пушкина этой датой помечено стихотворение «Из Гафиза»: «5 июля. Лагерь при Ефрате» (II, 163).

³² Медицинское заключение о пребывании Вольховского в госпитале см.: ИРЛИ, ф. 512, № 59, л. 1—5.

³³ «Журнал» И. Ф. Паскевича (с 17 октября 1827г. по 1 июня 1830 г.) находится в РГИА (ф. 1018, оп. 3, д. 194). Многие записи в нем действительно сделаны рукой Вольховского. Помимо этого, Вольховский снимал копии с «Журнала» для отправления их в вышестоящие инстанции в Петербург. Например, в АВПрЕ находится копия с «Журнала» за 14—17апреля 1829 г., снятая Вольховским (автограф подписан) для МИД (ф. 340, оп. 918, д. 18, л. 22—23).

³⁴ «Журнал донесений Николаю I» — это собственно тот самый «Журнал реляций», с которого была снята копия для Пушкина (см. выше сн. 27).

щеров Генерального Штаба, кроме Капитана г. Бардина, которому беспрестанные астрономические наблюдения не позволяют никуда отлучаться.

№ 464

5го Июля 1829

Г. Арзрум.³⁵

Таким образом, Вольховский, как обер-квартирмейстер, не только контролировал топографический отдел штаба Отдельного Кавказского корпуса, что непосредственно входило в его обязанности, но и сверх того вел «Журнал» Паскевича, куда систематически записывались данные о дислокации частей, краткое содержание приказов и инструкций, подробное описание происшествий, содержание дипломатических переговоров и депеш, данные разведки — словом, вся оперативная информация проходила через Вольховского. Он же оформлял ее для передачи в вышестоящие инстанции (МИД, Военное министерство), и он же был автором реляции Паскевича Николаю I.³⁶

Как следует из приведенного нами рапорта, от дополнительных обязанностей в июле 1829 г. Вольховский постарался отказаться под предлогом плохого здоровья. Данный предлог был один из немногих, позволяющих как высшим, так и низшим офицерским чинам без публичного скандала и огласки каких-либо обстоятельств выйти в отставку (как временную, так и постоянную), сменить место службы или перейти на службу гражданскую.³⁷ Несмотря на то что рапорт Вольховского подкреплен медицинскими свидетельствами, его последующая достаточная долгая служба на Кавказе в должности начальника штаба при главнокомандующем Г. В. Розене свидетельствует о том, что не столько пошатнувшееся здоровье, сколько нежелание служить под начальством И. Ф. Паскевича было побудительной причиной написания Вольховским данного рапорта. Разбор конфликта между Паскевичем и Вольховским заслуживает специального исследования, поэтому отметим здесь лишь одну из причин, его составляющих, а имен-

---

³⁵ ИРЛИ, ф. 512, № 23; см. также медицинское свидетельство, выданное 20 июля 1829 г. в Арзуме Вольховскому за подписями Иьяшенко и Силича, которое почти дословно повторяет рапорт Вольховского (ИРЛИ, ф. 512, № 57).

³⁶ Для наиболее информированных современников авторство Вольховского по отношению к реляциям Паскевича Николаю I не было тайной: Н. Н. Муравьев-Карский указывал на это в своих мемуарах (Русский архив. 1894. Кн. 3. С. 410).

В архиве Вольховского (ИРЛИ, ф. 512, № 111) хранится отдельный печатный оттиск реляции Паскевича Николаю I от 23 июня 1829 г., опубликованный в «Русском инвалиде» (1829. № 181—182). Следует отметить, что публикация данного текста в «Военном журнале» (1829. № 5) несла в себе стилистическую правку с изменением даты реляции (с 23 июня на 20 июня 1829 г.).

³⁷ Эта же причина выдвигалась и при отставке неугодного главнокомандующего; например, при смене командующего дунайской армией кн. А. Багратиона, навлекшего на себя гнев Александра I неудачными военными действиями, в рескрипте от 2 февраля 1810 г. гр. Каменскому-2 официально сообщалось: «По прошению генерала от инфантерии князя Багратиона, увольняю его для лечения болезни на четыре месяца, назначаем Вас главнокомандующим молдавской армией» (Петров Е. Н. Война России с Турцией. 1806—1812. СПб., 1887. Т. III. С. 9).

но — смерть Грибоедова в Тегеране в январе 1829 г. (т. е. именно в то время, когда Вольховский находился в госпитале в Тифлисе). С начала февраля стали распространяться слухи о гибели посольства, затем прибывший 18 марта в Нахичевань И. С. Мальцев³⁸ предоставил первую достоверную информацию.

Переписка Вольховского и П. М. Сахно-Устимовича с Н. Н. Раевским-младшим³⁹ свидетельствует о том, что между ними шел оживленный обмен собранной информацией об обстоятельствах гибели Грибоедова.

Формально Паскевич не был причастен к этому трагическому событию, но так уж получалось, что, собрав в своем корпусе людей талантливых (но в той или иной степени причастных к декабрьскому восстанию), он умело использовал их знания и опыт для собственной карьеры, приписывая себе их заслуги и ревниво следя за тем, чтобы они не вышли из-под его зависимости. Однако современники хорошо понимали, что успехами военной кампании Паскевич обязан окружающим его сосланным декабристам — Н. Н. Раевскому, В. Д. Вольховскому, И. Г. Бурцову, М. И. Пушкину и другим; об этом не только говорили, но и писали иностранные газеты, которые не проходили мимо Паскевича; особенно, по свидетельству М. И. Пушкина, он возмутился, когда услышал, «что некоторые успехи в войне приписывают Вольховскому».⁴⁰ Видимо, именно эта ревность Паскевича и послужила изначальным толчком для затяжного конфликта. Вольховский не мог не понимать всей сложности ситуации, в которой оказался, и решил под благовидным предлогом отойти в тень, отказаться от дел, предоставив поле битвы Паскевичу. В противном случае Вольховского ожидала участь Грибоедова. Не случайно в 1848 г., спустя восемь лет после кончины Вольховского, при очередном назначении генерала Д. Е. Сакена, Паскевич в час негодования сказал: «Одну я сделал глупость в жизни, что на Кавказе не велел повестить Сакена и Вольховского».⁴¹

II

Для разрешения возникшей конфликтной ситуации необходимо было поддерживать мнение о серьезности заболевания, и Вольховскому удалось это в полной мере, что подтверждается письмом Е. А. Энгельгардта Ф. Ф. Матюшкину от 18 ноября 1829 г., в котором сообщается: «...он (Вольховский. — Н. М.) долго и слишком долго крепился и перемогался, наконец уже стало невмоготу, он принужден был возвратиться в Тифлис, где теперь лежит со всеми признаками чахотки {...} Пушкин приехал {...} от него мы узнаем подробности о Вольховском {...».⁴²

³⁸ Русская старина. СПб., 1872. Т. VI. С. 169, 174—179.

³⁹ Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 1. С. 435, 438, 439, 441, 446.

⁴⁰ Русская старина. 1884. Т. 41. С. 326—327; Русский архив. 1903. Кн. 1. С. 179.

⁴¹ Розен А. Е. Записки декабриста. С. 240—241.

⁴² Гастфрейд Н. Товарищи Пушкина... С. 78.

По всей видимости, сообщая эти сведения Ф. Ф. Матюшкину, Энгельгардт опирался на письмо самого Вольховского, так как 17 ноября 1829 г. в своем ответном письме сообщал ему: «Пушкина я никогда не вижу; он даже на улице избегает встречи со мною, итак подробностей о твоём житье-бытье никаких не получал, знаю только по рассказам некоторых, оттуда приехавших и по твоему письму, что твоё здоровье очень расстроено. (...) Мы долго и много толковали о тебе и твоём положении с Шубертом,⁴³ который, кажется, тебе искренно предан и принимает участие в тебе, и мы, осмотрев со всех сторон все, сколько нам известные обстоятельства, находим, что лучше бы всего тебе какою-нибудь хорошею манерою из того края выбраться, коего климат никак не удобен для поправления твоего здоровья...».⁴⁴

Вольховский воспользовался советом Энгельгардта и в конце 1829 г. выхлопотал себе трехмесячный отпуск (с 3 декабря 1829 г. по 3 марта 1830 г.) по состоянию здоровья⁴⁵ и поселился на это время у больного отца в Воронеже.

Тем временем Е. А. Энгельгардт, используя свои связи в Петербурге, попытался замять конфликт, выхлопотать для Вольховского новое назначение и тем самым вывести своего питомца из-под удара Паскевича. Приведем некоторые фрагменты из его писем Вольховскому, так как в них, как нам кажется, вскрывается тот «механизм», который помог спасти Вольховского от Следственной комиссии по делу декабристов в 1826 г.

12 февраля 1830 г. в письме к Вольховскому Энгельгардт сообщает: «Теперь, кажется, горизонт твоих дел прояснился и я могу тебе понятнее и обстоятельнее объяснить, что делается, а именно: письмо твое Гр.(аф) С.(ухтелен) хотя и получил и совершенно одобряет во всем твои поступки, но по врожденной и неприборимой своей робости и нерешительности, не решился пустить оное в ход. Вероятно ты теперь уже получил от него, как кажется, *безымянную записку*, содержащую совет просить о продолжении твоего отпуска тамошнее свое начальство с представлением законных свидетельств о болезни.⁴⁶ Вот все, на что мог он решиться, и более от него не ожидай! Но дело тем не испорчено, а может быть еще улучшено; Ф. Ф. Ш.(уберт) доставил твое письмо в подлиннике Чернышеву, который показал оное в добрый час Царю; оно со вниманием прочтено, и, как кажется, принято хорошо и *будет уважено*; но дело это не может быть круто поворочено, а требует осторожности и времени, чтобы выручить тебя оттуда, не оскорбляя и не раздражив тамошнего большака...».⁴⁷

---

⁴³ Шуберт Ф. Ф. (1789—?), с 1825 г. директор корпуса топографов, с 1831 г. генерал-майор, начальник тригонометрической съемки Псковской и Виленской губерний.

⁴⁴ Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина... С. 76—77.

⁴⁵ Свидетельство о здоровье Вольховского от 3 декабря 1829 г. см.: ИРЛИ, ф. 512, № 58, л. 7—8.

⁴⁶ Таковые свидетельства были предоставлены, см.: ИРЛИ, ф. 512, № 58, л. 9—9 об.

⁴⁷ Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина... С. 83; «большак» — разумеется, Паскевич.

Очевидно, что и в 1826 г. ни заступничество П. П. Сухтелена, ни блестящая характеристика, данная Вольховскому И. И. Дибичем, не смогли бы вывести Вольховского из-под удара, если бы за ними не стояло лицо более могущественное — вероятнее всего, Николай I. Возможно, он посчитал, что присутствие Вольховского на казни декабристов⁴⁸ будет достаточным для него уроком, а возможно, были иные причины, связанные с деловыми качествами Вольховского. Заступничество же Николая I в 1830 г. вполне объяснимо: царь оценил Вольховского как автора реляций, которые он получал из Отдельного Кавказского корпуса, и его деловые качества⁴⁹ как обер-квартирмейстера.

В письме от 2 мая 1830 г. Е. А. Энгельгардт сообщает Вольховскому о дальнейшем ходе событий: «Стивен очень много обрадовал меня, любезный Вольховский, сообщением твоего письма, из коего я увидел, что здешние обещания выполнены; это не всегда бывает. Теперь дело на ладу и нет сомнения, что в скором времени ты будешь опять у нас, ибо съемка казенных лесов и пр. есть не что иное, как способ выручить тебя без шума из Кавказа. (...) Я также виделся вчера с Нейгардтом, занимающим теперь место Сухтелена;⁵⁰ и он очень хорошо к тебе расположен и обещал мне все от него зависящее употребить в твою пользу. Итак я считаю это дело конченным и, спасибо Богу и добрым людям, за правду стоящим, хорошо конченным».⁵¹

К сожалению, Е. А. Энгельгардт ошибался: дело отнюдь не было закончено, Паскевич не мог примириться с поражением. Об этом свидетельствует как последующая судьба Вольховского, так и второй, публикуемый нами рапорт.

Объяснение Полковника Вольховского о неисправностях,
открытых в делах Генерального Штаба Отдельного Кавказского
Корпуса. 26го Июля 1830. С. Петербург.

[Исправляющий должность Начальника Штаба Отдельного Кавказского Корпуса г. Генерал-Майор Жуковский I-ый⁵²] Ваше Превосходительство предписани-

⁴⁸ Розен Е. А. Записки декабриста. С. 239—242.

⁴⁹ О деловых качествах Вольховского может дать представление эпизод из записок Ф. Ф. Торнау, относящийся к 1832 г., когда Вольховский был начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса при Г. В. Розене, главнокомандующем: «Недолго, — пишет Торнау, — пользовался я во Владикавказе свободною жизнью и бездельем. (...) На третий день приехал начальник штаба (Вольховский. — Н. М.), и меня потребовали к нему прямо с веселого обеда в татарском лагере. Освежив голову холодной водой, я пошел к докладу, сколько помню, ничего не спутал, и вернулся на свою квартиру с туго набитым портфелем. С той поры от раннего утра до поздней ночи приходилось сидеть за бумагами, прислушиваясь к скрипу писарских перьев, вместо голосистых песен, так сладостно ласкавших мой непривычный слух. Окончательные приготовления к экспедиции, которую барон Розен намеревался лично командовать, требовали усоренного исполнения, и Вольховский не имел привычки давать в подобном случае отдых себе и другим». — Т. [Торнау Ф. Ф.]. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. 1869. Т. 80. С. 103.

⁵⁰ См.: Глиноецкий Н. История Русского Генерального штаба. Т. 2. С. 11, 48.

⁵¹ Гастфрейд Н. Товарищи Пушкина... С. 83—84.

⁵² Жуковский-I был назначен на должность по ходатайству Паскевича 30 сент. 1829 г. — РГИА, ф. 1018, оп. 8, д. 184, 185.

ем от 30го прошедшего Июня [требует] требуете [от Полковника Вольховского]⁵³ [от меня] объяснения, действительно ли и почему сданы [им] мною при отъезде в Декабре прошедшего года дела Генерального Штаба сего Корпуса в столь расстроенном виде, в коем оные найдены при ревизировке в мае месяце сего года, произведенной Полковником Гастфортом [по повелению] в исполнение повеления г. Генерал-Фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванского. По предписанию г. Генерал-Майора Жуковского В.(аше)го Пр(евосходительств)ва расстройство сие состоит в том, что листы в каждом деле особенно не пронумерованы, не скреплены и не имеется при делах кратких реестров входящих и исходящих бумаг, в библиотеке же и архиве не оказалось многих книг⁵⁴ и некоторых статистических описаний. На сие [Полковник Вольховский может] честь имею почитательнейше представить следующе:

[Его] Г. Генерал-Фельдмаршалу Графу Паскевичу-Эриванскому известно, в каком неустройстве находился вообще Штаб Кавказского Корпуса до возвращения Его Сиятельства из Персидского похода в 1828^м году, возгоревшаяся вслед за тем война с Турциею лишила всякой возможности привести в порядок дела прошедшие, оставалось только заботиться об отвращении будущих беспорядков. Таким образом при вступлении в должность Обер-Квартирмейстера в Апреле 1828 года [Полковник Вольховский] нашел я дела, Планы, Карты, Инструменты, архив, Канцелярию, чертежную, библиотеку, хозяйственную часть Топографического отряда в полном неустройстве [о чем по несостоянию тогда Начальника Штаба, лично доложив Его Сиятельству, получил приказание ограничиться приведением всего в возможно лучшее положение], что и было доведено до сведения Его Св(етлости). Первым положением [его] моим было завести надлежащий порядок в производстве дел по Генеральному Штабу [и он осмеливается] осмеливаться надеяться, что успел в сем: ибо по [его] моей части в продолжение всей Турецкой войны и до сего времени никаких существенных упущений в течении дел не открывалось; нужные журналы ведены, бумаги разделены по предметам и сшиты, не были же листы в делах особенно пронумерованы и кратких реестров не имелось, потому что сего вообще при Штабе Кавказского Корпуса [и в Канцелярии Главнокомандующего] не требовалось [сам г. Генерал-Майор Жуковский, исправляющий Должность Начальника Штаба с Октября прошедшего года, ежедневно видя, в каком положении находятся дела Генерального Штаба, не нашел нужным приказать о соблюдении по оным большей точности]. [Полковник Вольховский] Я считал достаточным содержать дела Генерального Штаба в таком же порядке, в каком оные находились в Корпусном Дежурстве [и Канцелярии г. Главнокомандующего]; при сдаче должности своей Капитану Гене, [он] не приступил к номерованию и скреплению листов в делах и к составлению кратких реестров; ибо Начальниками отделений оставались прежние офицеры, на коих собственно падает ответственность за содержание дел в порядке, как по общим постановлениям, так и по положению в 1826^м году утвержденному Его Сия(тельством) г. Генерал-Фельдмаршалом [Графом Паскевичем-Эриванским] для Управления Корпусным Штабом: притом по порядку, почти везде принятому, листы в делах окончательно номеруются, скрепляются и дела снабжаются краткими реестрами только при сдаче в Архивы.

---

⁵³ Рапорт первоначально был составлен от 3-го лица, позже 3-е лицо было исправлено на 1-е; в рукописи, имеющей черновой характер, эта правка сделана карандашом.

⁵⁴ В библиотеке АН России (г. С.-Петербург) сохранилась книга: Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседстве горских народов. СПб., 1829 (шифр: ^{Купник} К-208). На корешке этой книги аккуратно приклеен кусочек сероватой бумаги, где рукой Вольховского написано заглавие.

Касательно недостатка книг в Корпусной библиотеке и некоторых статистических описаний [Полковник Вольховский помнит] помню, что в описях обозначено, кем взяты не состоящие на лицо; по сему следует только собрать их, о чем [он] не упустил я заботиться, как сие можно видеть из разных имеющихся в Генеральном Штабе дел. Некоторые же книги в самой первоначальной описи, за подписанием г. Генерала Ермолова, показаны недостающими: также если некоторые старые и бесполезные статистические описания не приняты от Полковника Коцебу, то сие должно быть означено в описи оным. [При Полковнике Вольховском] В мое управление книги и описания не иначе были выдаваемы, как под расписки, [и он надеется] и я уверен, что по сборе всех у разных лиц находящихся книг и описаний, едва ли окажется заслуживающий внимание недостаток. Впрочем, [Полковник Вольховский] в принятии Библиотеки [никому] не давал я Квитанции, ибо она при возвращении из Персидского похода хотя [хранилась] находилась в комнатах Генерального Штаба, но в заведывании Обер-Квартирмейстера не состояла. —

[Не находясь более при Кавказском корпусе, Полковник Вольховский испрашивает разрешения, отвечать ли прямо от себя г. Генерал-Майору Жуковскому, или представить объяснение сие чрез Начальство.]

В заключение смею надеяться, что усердие, с коим занимался я [приведением в порядок моей] исполнением обязанностей моих еще [не забыто] памятью Его Сия(тельство) г. Генерал-Фельдмаршалу: [если же не успел привести всех частей [входивших в мое заведывание] состоящих под моим заведыванием в желаемое совершенство, то некоторым извинением может служить [мне то, что я] большое стечение дел в военное время, [и то] от обременения которых [нахожусь] и самое здоровье мое расстроилось, что ...] ⁵⁵

Полковник Вольховский. ⁵⁶

После этого объяснения потребовалось вмешательство высокопоставленных заступников, в результате чего в письме к Ф. Ф. Матюшкину от 22 января 1831 г. Е. А. Энгельгардт с радостью сообщал: «Суворчик наш было к тебе покати; его назначили Генеральным Консулом в Египет; поручение приятное само собою, но более по лестным отзывам начальников и приему самого Царя, который при представлении публично подошел к Вольховскому и, взяв его руку, сказал: „Мне приятно возобновить личное с вами знакомство: ваша отличная служба и достоинство мне известны, я умею их ценить. Вы в полной мере оправдали ожидания, какие должно было на счет ваш иметь (sic), по способностям вашим и по отличному воспитанию, какое вы получили. Поминайте мои слова”. God save the king.⁵⁷ Скромного Вольховского оценили, как должно, и воспитанию его отдали справедливость! God save the king».⁵⁸

Однако начало Польской кампании помешало осуществлению дипломатической карьеры Вольховского: он был призван в армию Дибича.

⁵⁵ Последняя фраза написана карандашом и полустерлась.

⁵⁶ ИРЛИ, ф. 512, д. 6. На л. 1 помета другой рукой «Доложить».

⁵⁷ «Боже, храни короля» (англ.).

⁵⁸ Гастфрейд Н. Товарищи Пушкина... С. 85.

III

Ретроспективный характер объяснительной записки Вольховского позволяет восстановить ту атмосферу в штабе Паскевича, в которой оказался Пушкин в 1829 г. Наблюдая войну с предельно близкого расстояния, он имел возможность оценить ее с точки зрения дипломатической. Обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса В. Д. Вольховский (лицейский товарищ Пушкина) имел доступ ко всей стратегической, политической и дипломатической информации. Им был составлен (очевидно, по просьбе поэта) «Маршрут от Тифлиса до Арзрума» и предоставлены копии реляций Паскевича Николаю I, впоследствии использованные Пушкиным в работе над «Путешествием в Арзрум».⁵⁹

Позже Пушкин виделся с Вольховским в апреле 1834 г., когда они вместе представлялись царице,⁶⁰ и записал по этому поводу в своем дневнике: «...Представлялся. Ждали царицу часа два. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев, Болховской, два Корфа, Вольховский — и другие. (...) Я простился с Вольховским, который на днях едет в Грузию» (VIII, 324). Несмотря на краткость, в записи ощущается теплота их отношений, которая в полную силу звучит в письме Пушкина Вольховскому от 22 июля 1835 г.: «Посылаю тебе последнее мое сочинение, Историю Пугачевского Бунта. Я старался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило мне немало труда, ибо начальники, действовавшие довольно запутано, еще запутаннее писали свои донесения, хвастаясь или оправдываясь ровно бестолково. Все это нужно было сличать, проверять etc.; мнение твое касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно» (XIV, 42).

Н. Е. Мясоедова

---

⁵⁹ См.: Мясоедова Н. Е. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина (в печати).

⁶⁰ Известно, что 19 февраля и 3 апреля 1834 г. Вольховский представлялся Николаю I.

ДЕКАБРИСТ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ ЛЕМАН

Летом 1829 г. Александр Сергеевич Пушкин совершает путешествие в Арзрум в составе русской армии, начавшей военные действия против турок на Кавказе под руководством генерала графа И. Ф. Паскевича. Результатом его поездки были записки «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», впервые изданные в 1835 г.

А. С. Пушкин опоздал к началу военных действий: когда 12 июня он прибыл в Карс, где базировался штаб главнокомандующего, армия уже выступила в поход, и ему пришлось ее догонять. Однако 13 июня утром он осматривает крепость и свои впечатления записывает в виде фразы, содержащей неявно выраженный вопрос: «Поутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим чичероном. Осматривая укрепления и цитадель, выстроенный на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем» (VIII, 465). Неприступность крепости Карс настолько поразила А. С. Пушкина, что, возвратясь из путешествия, в которое он отправился, сделав предложение Наталье Николаевне Гончаровой и не получив решительного ответа от ее родителей, поэт сравнивал свою невесту с этой крепостью. В альбоме Екатерины Николаевны Ушаковой,¹ друга поэта, есть дружеский рисунок-шарж, на котором изображен А. С. Пушкин, обращающийся к портрету Н. Н. Гончаровой, с возгласом: «Карс, Карс, брат! Брат, Карс! О горе мне! Карс, Карс! Прощай, бел свет! Умру!». Но оба Карса, как известно, были взяты: Наталья Николаевна стала женой А. С. Пушкина, а крепость была занята русскими войсками.

Штурм Карса был одним из кульминационных пунктов русско-персидско-турецкой войны 1827—1829 гг. Впоследствии русским войскам еще не раз приходилось брать эту крепость, но в 1828 г. они штурмовали ее впервые. Она действительно считалась в те времена неприступной. По историческим описаниям ее стены имели длину более 1300 м, высоту от 4 до 8,5 м, толщину от 1 до 1,5 м. Северная стена крепости длиной 850 м имела 4 ворот и примыкала к скалистому обрыву. В центре крепости на крутой скале находилась цитадель Нарын-Кале, имевшая три отделения, одно в другом, обращенные уступами к городу. Общая их окружность — 675 м.

Обычно советская историческая наука отказывала И. Ф. Паскевичу в таланте полководца, но в русско-персидско-турецкой войне 1828—1829 гг. он как главнокомандующий русской армией действовал в лучших традициях русской военной школы и науки побеждать, созданной Румянцевым и Суворовым. К стенам Карса он подошел 19 июня 1828 г. в 7 часов утра, имея всего 7,5 тысяч войска. Турецкий же гарнизон крепости, которым командовал Эмин-паша, состоял из 11 тысяч воинов, в том числе 4 тысячи конницы. Не смущаясь численным превосходством противника, Паскевич сходу развернул под стенами крепости сражение, начавшееся артиллерийской перестрелкой. Отразив атаки турецкой конницы на флангах своих войск и направив удар своей конницы в центр расположения турецкого войска, он загнал турок в крепость и осадил ее. Штурм крепостных стен и сооружений начался

---

¹ Друзья Пушкина. М., 1984. Т. 2. С. 379.

рано утром 23 июня, и уже к 8 часам утра крепость была взята, за исключением цитадели Нарын-Кале, где заперся Эмин-паша с турецким гарнизоном, выслав депутацию для переговоров с русскими. Выслушав парламентаров, Паскевич направил в цитадель полковника князя Ф. А. Бековича-Черкасского с требованием, чтобы все войска цитадели сдали оружие, а паша признал себя военнопленным. Вместе с Бековичем-Черкасским к паше направились еще пять офицеров, а затем и генерал-майор барон Д. Е. Остен-Сакен, который повторил паше требования главнокомандующего. Паша пытался запугать послов и потянуть время, прося два дня на размышления. С этим предложением он высрал к Паскевичу главу Карского духовенства и начальника городских властей. К этому времени русская артиллерия сосредоточилась на цитадели, а войска обложили ее со всех сторон, готовые к штурму. В ответ на просьбу паши генерал Паскевич направил к нему полковников Лемана и Лазарева с ультиматумом: «Пощада невинным, смерть непокорным, час времени на размышления». В 10 часов утра цитадель была сдана: Эмин-паша в полном вооружении выехал из нее в сопровождении полковников Лемана и Лазарева и сдался в плен лично Паскевичу. В это время русские патрули обнаружили приближавшийся со стороны Арзрума двадцатитысячный корпус Киос-Магомет-паши, спешивший на выручку Карса и находившийся в 5 верстах (менее 10 км) от лагеря главнокомандующего. Эмин-паша знал об этом, поэтому и тянул время, но все-таки вынужден был сдать крепость. Узнав о сдаче Карса, Киос-Магомет-паша не рискнул вступить в сражение и отвел свои войска. При взятии Карса турки потеряли 4 тысячи человек убитыми, 151 орудие, все 33 знамени и бунчука, а также большое количество боеприпасов, оружия и провианта. Потери русских составили 400 человек убитыми. Так по историческим описаниям² выглядит штурм крепости Карс русскими войсками в 1828 г., успеху которого в немалой степени содействовал подвиг полковников Лемана и Лазарева: им выпала честь поставить последнюю точку в этой операции.

В книге Л. А. Черейского³ имена И. Ф. Паскевича, Ф. А. Бековича-Черкасского, Д. Е. Остен-Сакена и Л. И. Лазарева фигурируют в качестве знакомцев А. С. Пушкина, в то время как полковник Леман среди таковых не значится. А речь здесь идет о Павле Михайловиче Лемане, в формулярном списке которого записано: «...по занятии крепости был послан в ее цитадель к Эмин-паше в качестве парламентаря и личного посла главнокомандующего генерала Паскевича с ультиматумом о сдаче цитадели и представил к нему пашу лично с оружием, который тут же капитулировал».⁴ Этот подвиг принес полковнику Леману в качестве награды орден св. Владимира 4-й степени с бантом.

² Ушаков Н. И. История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. СПб., 1836. Т. 1. С. 225—244; Т. 2. С. 159—160; Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 13. С. 412—415.

³ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988.

⁴ ЦГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 1427; РГИА, ф. 536, оп. 6, д. 1309, 2318. Листы дела не пронумерованы.

Имя П. М. Лемана не встречается ни в тексте пушкинского «Путешествия в Арзрум», ни в каких-либо других известных источниках или документах, связанных непосредственно с А. С. Пушкиным. Однако есть многочисленные факты, косвенно свидетельствующие о том, что они должны были быть знакомы. И один из них — интерес Пушкина к штурму Карса и его участие в походе 1829 г. при штабе Паскевича, дежурным офицером в котором был полковник П. М. Леман. Кроме того, П. М. Леман был членом Южного тайного общества декабристов и у него с Пушкиным, как мы увидим далее, было много общих знакомых, в том числе В. Д. Вольховский, Н. Н. Раевский, М. И. Пущин, А. А. Бестужев-Марлинский. И наконец, в 1831—1832 гг. А. С. Пушкин со своей женой снимают квартиру в Петербурге на Галерной улице в доме Брискорнов, близких родственников П. М. Лемана по матери. Дом этот в то время принадлежал Ольге Константиновне Брискорн, вдове сенатора и тайного советника Федора Максимова Брискорна, который приходился П. М. Леману родным дядей.

Личность Павла Михайловича Лемана представляет определенный исторический интерес, так как имя его нередко встречается в делах следственной комиссии по делу декабристов⁵ и внесено в «Алфавит декабристов» как члена Южного тайного общества.⁶ В доносе капитана А. И. Майборода он значится как один из сподвижников П. И. Пестеля.⁷ Однако П. М. Леман не был активным членом Общества и в восстаниях не участвовал, что помогло ему избежать сурового наказания. В трудах советских историков, посвященных восстанию декабристов, его имя упоминалось крайне редко. Вместе с тем более близкое знакомство с ним дает возможность проследить эволюцию взглядов некоторых из тех декабристов, кто не подвергся репрессиям после разгрома вооруженных выступлений 1825—1826 гг., а также глубже понять, на кого и как опиралось руководство Южного тайного общества в своей деятельности и какими средствами агитации оно пользовалось для привлечения новых членов. В отношении П. М. Лемана сделать это позволяют новые архивные документы, не попадавшие ранее в поле зрения исследователей, и в частности его полные формулярные списки⁸ и его именной фонд, пока еще практически не изученный.⁹

Павел Михайлович Леман (1797—1860) происходил из рода швейцарских немцев, переселившихся в начале XVIII в. в Россию, где, поступив на государственную службу, они выслужили себе по

---

⁵ Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 112—113, 342.

⁶ Декабристы: Биограф. справочник / Под ред. М. В. Нечкиной и С. В. Мироненко. М., 1988. С. 100—101, 276.

⁷ Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. 2-е изд. М., 1980. С. 201.

⁸ ЦГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 1427; РГИА, ф. 536, оп. 6, д. 1309, 2318. Листы дела нумерованы.

⁹ ИРЛИ, ф. 112. Фонд не изучен, нумерация дел и листов отсутствует.

чинам и орденам право на потомственное дворянство. В качестве своей фамилии они взяли французское название Женевского озера — Лэман, что впоследствии нашло отражение в геральдической символике дворянского герба этого рода, который внесен в 20-ю часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи».¹⁰ Ни поместий, ни крепостных крестьян, кроме домашней прислуги, у них не было, и жили они исключительно тем, что давала им государственная служба. Отец его, Михаил Михайлович Леман (1768—1831) служил комиссионером в Петербургском провиантском депо Военного ведомства в чине надворного советника,¹¹ а мать, Мария Максимовна, происходила из курляндского рыцарского рода Брискорн,¹² который пользовался особой благосклонностью императора Павла I.

В 1810 г. Павел Михайлович Леман был отдан на воспитание в Горный кадетский корпус, но, не пожелав служить по горной части, вышел оттуда в 1812 г. и поступил на действительную военную службу в гвардейскую артиллерийскую бригаду сначала фейерверкером, а затем юнкером. Он принимал участие в Отечественной войне против наполеоновской Франции, в том числе в Бородинском сражении и заграничных походах, но в составе резервных войск, не участвовавших в боевых действиях. В 1812 г. он по экзамену получает первый офицерский чин прапорщика, а в 1813 г. переводится в конную роту 3-й резервной бригады. В 1815 г. за отличие по службе его производят в подпоручики, в 1817 г. переводят в лейб-гвардии Московский полк, где он получает в 1818 г. чин поручика, в 1819 г. — штабс-капитана, а в 1822 г. — капитана. В 1824 г. его производят в полковники и переводят сначала в лейб-гвардии Финляндский полк, а затем в Пермский пехотный полк.

Вероятно, именно в этот период он был приобщен к деятельности Южного тайного общества декабристов, в число членов которого он был принят в начале 1825 г. П. И. Пестелем и Н. И. Лорером. После выступления Черниговского полка, в котором он не участвовал, П. М. Леман был арестован в с. Немирове Подольской губернии и 14 января 1826 г. вместе с Н. В. Басаргиным доставлен из Тульчина в Петербург на главную гауптвахту в Зимнем дворце. В тот же день после допроса у генерала В. В. Левашова он помещен в каземат Петропавловской крепости. На основании его показаний и сведений, полученных от других арестованных декабристов, следственная комиссия вынесла по его делу следующее определение: «Леман — полковник Пермского пехотного полка. Вступил в Южное общество в 1825 г. Ему объявлено было только то, что, по принятии большого числа членов, общество намеревалось требовать от Сената конституции. Пестель три

¹⁰ ЦГИА, ф. 1411, оп. 1, д. 110, л. 75; ЦГИА, ф. 1343, оп. 49, д. 964, л. 5—10. Герб этого рода был подан на высочайшее утверждение лишь в 1914 г. потомками генерал-лейтенанта Н. М. Лемана, родного брата П. М. Лемана.

¹¹ ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 74/1826, л. 137—138.

¹² Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 68.

раза читал ему отрывки из своей конституции о преобразовании войска, уменьшении солдатам срока службы, о даровании свободы крестьянам и разделении земли. Поручений по обществу он никаких не имел, кроме предложения Пестеля принимать членов, однако, он никого не принял. По привозе его в Санкт-Петербург, он тотчас сделал показание о бумагах Пестеля, сказав, что поручик Крюков отвозил их в Тульчин. Сим он подал повод к открытию бумаг Пестеля. Содержался в крепости с 14 января 1826 г. По докладу комиссии 13 июня 1826 года высочайше повелено: „Продержав еще месяц в крепости, возвратить на службу с переводом в другой полк, не давая ему батальона впредь до повеления и ежемесячно доносить о поведении”». По приказу императора П. М. Леман был направлен в Томский пехотный полк, а в его формулярном списке впоследствии была сделана следующая запись: «По высочайшему приказу от 7 июля 1826 г. за принадлежность к тайному обществу выдержан 1 месяц в крепости (Петропавловской), что высочайшим повелением, объявленным в приказе по действующей армии 5 июня 1842 г. за № 95, повелено не считать препятствием к получению чинов и наград, исключая знак отличия беспорочной службы».¹³

Нет оснований сомневаться в правдивости показаний П. М. Лемана и достоверности заключения следственной комиссии. Руководитель Южного общества П. И. Пестель отлично представлял себе, что успех движения может быть обеспечен только при поддержке армии, в первую очередь ее офицерского состава. Проводя агитационную работу в армии, он стремился привлечь в общество офицеров, командовавших подразделениями. Вместе с тем и Пестель, и другие руководители общества понимали, что политические цели организации, связанные с государственным переворотом, ликвидацией самодержавия и царской фамилии, установлением республики, могут быть приняты и поняты далеко не всеми даже передовыми офицерами, что может нанести ущерб общему движению и лишить его поддержки со стороны армии в нужный момент, тем более что даже между руководителями Южного и Северного обществ по этим вопросам не было единого мнения и согласия. Поэтому при проведении агитационной работы они действовали осторожно и предусмотрительно, открывая политические цели весьма узкому кругу лиц и упирая в основном на общепонятные гуманные требования, такие как ликвидация крепостного права, наделение крестьян землей, сокращение сроков солдатской службы, отмена телесных наказаний. Именно так и был завербован полковник Леман. Разделяя гуманные требования Общества, он не знал его политических целей и скорее всего вряд ли согласился бы с ними и средствами их достижения, которые предполагалось использовать. Впервые он полностью осознал их, находясь в каземате Петропавловской крепости, и раскаялся, что примкнул к организации, замышлявшей государственное преступление.

¹³ ЦГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 1427; РГИА, ф. 536, оп. 6, д. 1309, 2318. Листы дел не пронумерованы.

Из каземата Петропавловской крепости он обращается к императору с покаянным прошением о помиловании: «Всемилоостивейший государь! Милосердие вашего императорского величества дало мне смелость пасть к стопам особы вашей. Великий государь! прости меня! Отпусти вину мою — да сотру ее с лица земли костыми моими. Вашего императорского величества вернейший раб до конца дней своих Павел Леман, Пермского пехотного полка полковник».¹⁴

Признания П. М. Лемана, вероятно, усугубили участь Пестеля, ибо позволили следствию помимо словесных показаний арестованных обнаружить крамольные бумаги Пестеля, т. е. получить конкретный обвинительный материал, дававший объективно-документальное представление об истинных намерениях общества. Однако поведение П. М. Лемана на следствии не было исключением: после разгрома восстания почти все декабристы давали на следствии правдивые показания, ничего не скрывая.

П. М. Леман в конечном счете отделался сравнительно легко и не был репрессирован. Однако участие в Южном обществе не прошло ему даром. По прибытии в Томск в 1827 г. он сразу же был отправлен в Мингрельский пехотный полк на Кавказ для участия в начинавшейся русско-персидско-турецкой войне, т. е. фактически был сослан в действующую армию, но без лишения наград, чинов и права их выслуги. Сюда же в ссылку направляются и многие разжалованные декабристы. За всеми лицами, причастными к движению декабристов, в том числе и за П. М. Леманом, устанавливается бдительный полицейский надзор. Участие в военных действиях давало П. М. Леману реальную возможность исправить свою репутацию в глазах начальства и правительства и на деле доказать свою верность «Богу, государю, отечеству», как гласит девиз дворянского герба его рода. И П. М. Леман не преминул воспользоваться этим, чтобы заслужить полную реабилитацию. В марте 1827 г. он прибывает в Тифлис, где ему поручают командование войсками на турецкой границе под началом генерала Сипягина.

П. М. Леман ревностно принимается за приведение в образцовое боевое состояние крепости Цалки, за что награждается первым своим орденом св. Анны 2-й степени, который вручается ему лишь в 1829 г. В 1827 г. он участвует в крупном сражении с турецкой конницей у с. Гумры, в атаках и преследовании турок до с. Талынь. В 1828 г. П. М. Леман занимает должность дежурного офицера штаба армии в чине полковника и принимает самое активное участие в военной кампании под руководством генерала графа И. Ф. Паскевича. С 15 по 20 июня он участвует в преследовании турок от с. Гумры до границы и далее, в перестрелке с турецкой кавалерией и взятии укреплений на подступах к крепо-

---

¹⁴ Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 172.

сти Карс, а затем, 21—23 июня, в осаде и взятии штурмом этой крепости, где лично ему выпало сыграть важную роль.

После взятия Карса П. М. Леман участвует в походе через горный хребет к Архакалыку и взятии этой крепости 24 июля, затем 1—5 августа в походе к крепости Архальдиг, под стенами которой развернулись ожесточенные сражения. Сначала здесь во время рекогносцировки была разбита турецкая кавалерия, а затем, 9 августа, был разгромлен объединенный тридцатитысячный корпус Киос-Магомет-паши и Мустафа-паши, заняты четыре турецких лагеря и все укрепления вокруг крепости, которая оказалась в осаде. За эти сражения полковник Леман был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». 16 августа русские войска штурмом овладели крепостью Архальдиг и ее цитаделью. Участие в этих операциях принесло П. М. Леману в качестве награды алмазные украшения к ордену св. Анны 2-й ст.

В военной кампании 1829 г. стремительное наступление русских войск продолжалось, и П. М. Леман участвует во всех боевых операциях против турок: в июне — поход через Саган-Лугский хребет к укрепленному турецкому лагерю Гачки-паши и сражение с неприятельской конницей Осман-паши на реке Гунгер и у с. Бердус, 19 июня — разгром конницы Гачки-паши и вооруженных сил арзрумского сераскера, а 20 июня — занятие лагеря Гачки-паши, его пленение и взятие батареи из 15 пушек без единого выстрела и с барабанным боем. При наступлении на батарею русские применили психологическую атаку, которая, по описанию историка Н. И. Ушакова, выглядела следующим образом: «При звуках барабанов, взяв ружья наперевес, все три линии стройно двинулись вперед. Подойдя к возвышенности, где стояли две турецкие батареи, войска разделились на четыре колонны. Первую повел сам главнокомандующий в прямом направлении на батареи, остальные в обход справа и слева. Вид этого стройного движения довершил ужас, в котором находились войска Гачки-паши. Толпы, охранявшие две передовые батареи, сделав несколько бесполезных выстрелов, бросили орудия и бежали. Колонна, где находился главнокомандующий, тотчас овладела еще дымящейся артиллерией».¹⁵ Во главе колонны находился и полковник П. М. Леман, который за этот подвиг был награжден орденом св. Георгия 4-го класса. Затем он принимает участие в походе и взятии крепости Гасан-Кале 22—23 июня и в походе и взятии крепости и города Арзрум 24—27 июня. Описание заключительного сражения за Арзрум 27 июня дает А. С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум». Он участвовал в нем в качестве наблюдателя. А. С. Пушкин пишет: «На другой день (т. е. 27 июня. — *Е. Л.*) утром войско наше двинулось вперед. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-Дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали, и Топ-Даг был занят. Я приехал туда с поэтом Ю.(зефовичем). На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со

¹⁵ Ушаков Н. И. История военных действий... Т. 2. С. 115—122.

всею его свитою. (...) Граф был верхом. Перед ним на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города» (VIII, 474). В своем «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкин выступает в качестве военного корреспондента. Его описания военных действий кратки и точны, в чем легко убедиться, сравнив их с описанием боя за Арзрум, сделанным военным историком Н. И. Ушаковым: «Около трех часов дня главнокомандующий сам повел правое крыло войск прямо на Топ-Даг. Впереди шла колонна генерал-майора Панкратьева, у которого справа находились три казачьих полка. Быстрое и стройное движение войск, при звуках музыки и барабанов, представляло торжественное зрелище. Неприятель встретил нас сильным артиллерийским огнем. Но артиллерии нашей было приказано не заниматься бесполезной стрельбой. Допустив колонны на половину пушечного выстрела, турки не осмелились оставаться далее на месте и бежали к городу. Конвой главнокомандующего, находившегося во главе войск, первый занял Топ-Дагские шанцы, овладев пятью орудиями». ¹⁶ Нельзя не заметить идентичности описаний этого боя с тем, что произошел 20 июня 1829 г. при взятии укреплений и лагеря Гачкипаши. Принцип психологической атаки с использованием барабанного боя и музыки при построении войск в виде стройных цепей или колонн применялся русскими против турок в этой войне неоднократно и неизменно приносил успех. Это обстоятельство не ускользнуло и от внимательного А. С. Пушкина.

После взятия Арзрума русские войска, в составе которых находился П. М. Леман, вели военные действия против турок в его окрестностях, а 27 сентября овладели городом Байбуртом, в сражении за который участвовал П. М. Леман. Отличился здесь разжалованный в рядовые и сосланный на Кавказ декабрист и писатель А. А. Бестужев-Марлинский. Он был одним из трех, кто первым ворвался в город, но отличия и награды за свою храбрость не получил. ¹⁷

В кампании 1830 г. П. М. Леман участвует в январе—марте в походе против лезгин и присоединении их к России. За участие в русско-персидско-турецкой войне 1826—1829 гг. он награждается также специальными медалями.

Усилия Павла Михайловича Лемана по восстановлению своей репутации не пропали даром. В 1829 г. его назначают, наконец, командиром 41-го егерского полка, в котором служили многие разжалованные и сосланные декабристы, в том числе братья Бестужевы. В том же году в его полку среди солдат и нижних чинов появляется чума, за быструю и организованную ликвидацию которой командование Кавказского корпуса объявляет ему в приказе благодарность. Однако командование полком оказалось для П. М. Лемана непродолжительным. Товарищеские взаимоотношения между офицерами полка и государственными преступниками, бывшими декабристами, не остались без внимания шпионов и

¹⁶ Там же. С. 159—160.

¹⁷ Левкович Я. А. Судьба Марлинского // Звезда. Л., 1975. № 2. С. 154—164.

доносчиков, и по приказу шефа жандармов Бенкендорфа было произведено расследование, в результате которого комендант Тифлиса полковник Бухарин был отстранен от должности, а за командиром полка Леманом был установлен бдительный и секретный надзор.¹⁸ В 1831 г. П. М. Лемана назначают командиром бригады и в составе войск Паскевича отправляют в Польшу в поход на Варшаву для подавления польского восстания 1831—1832 гг. В 1833 г. его назначают презусом комиссии Военного суда над польскими мятежниками, а 12 мая 1834 г. за отличия по службе производят в генерал-майоры и поручают командование 1-й бригадой 2-й дивизии. Бывший декабрист и член Южного общества явно приобретает репутацию благонадежного и пользуется доверием начальства. Но его служебная карьера внезапно обрывается. В 1843 г., производя смотр вверенного ему подразделения, П. М. Леман замечает оплошность солдата-горниста, подавшего не тот сигнал, который следовало, и приказывает наказать его тут же на плацу десятью ударами шомполами. Впоследствии выяснилось, что оплошность допущена солдатом из-за плохого самочувствия, и генерала Лемана, не разобравшегося в чем дело, за жестокость в обращении с нижними чинами отстраняют от командования и назначают «состоять по армии». Ему грозит военный суд, и он просит защиты у главнокомандующего, теперь уже генерал-фельдмаршала и князя, И. Ф. Паскевича, расположением и доверием которого он пользовался. Заступничество князя, вероятно, сыграло свою роль: П. М. Лемана не предадут военному суду, но в 1844 г. увольняют в отставку, правда, с пенсией и мундиром.¹⁹ В дальнейшем П. М. Леман со своей семьей жил в Петербурге, где и умер в 1860 г., похоронен на Смоленском православном кладбище.

Женой Павла Михайловича Лемана была Александра Карловна, урожденная фон Краббе, дочь генерал-лейтенанта Карла Карловича фон Краббе и его жены Софьи Федоровны, урожденной Колачевской. Свадьба Павла Михайловича и Александры Карловны состоялась в 1832 г. в Тифлисе, а посаженным отцом на ней был лицейский друг А. С. Пушкина генерал-майор В. Д. Вольховский. Свадьба, по-видимому, была хмельной и веселой, потому что корпусной священник Петр Эгази, совершавший обряд венчания и выдавший брачное свидетельство, забыл сделать соответствующую запись в церковной метрической книге. Этот факт обнаружился лишь в 1845 г., когда П. М. Леман вносил свою семью в дворянскую родословную книгу Санкт-Петербургской губернии. Оказалось, что священник к этому времени умер, и подлинность брачного свидетельства П. М. Леману пришлось доказывать с помощью свидетельских показаний.²⁰ В семье П. М. Лемана было 11 детей, из них двое умерли в младенчестве. Восприемником и крестным отцом многих из них был генерал-фельдмаршал И. Ф. Па-

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ ИРЛИ, ф. 112.

²⁰ Там же.

скевич. П. М. Леман и его семья внесены в 1846 г. в третью часть родословной дворянской книги Санкт-Петербургской губернии.

Подводя итог анализа жизни и деятельности П. М. Лемана, следует отметить, что эволюция его взглядов после событий 1825—1826 гг. пошла по иному пути, чем у большинства из тех декабристов, кто подвергся суровым репрессиям. Если 27-летний полковник, разделяя гуманные требования этого движения, примыкает к Южному тайному обществу, то в 37 лет он судит польских повстанцев, а в 47 лет, будучи генерал-майором, считает возможным жестоко наказать солдата, допустившего оплошность на смотре, т. е. применить те меры, против которых он выступал ранее. За все эти годы, проявляя личную отвагу и мужество в боевых действиях и умение в организации войск и укреплений, он стремится реабилитировать себя в глазах царской администрации, которая, несмотря на его усилия, все-таки не доверяет ему полностью и постоянно держит его под строгим тайным полицейским надзором. В то же время П. М. Леману удается сохранить знакомство или товарищеские отношения с бывшими декабристами и близкими к ним людьми, в том числе с А. А. Бестужевым и его братьями, Н. В. Басаргиным и В. Д. Вольховским. Очень вероятно, что он был знаком и с А. С. Пушкиным.

Личность П. М. Лемана не оставила яркого следа в движении декабристов, но она интересна тем, что П. М. Леман был одним из типичных представителей той массы армейских офицеров, на которую опирались и рассчитывали руководители тайных обществ в своей деятельности по реализации поставленных целей.

В заключение я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы выразить благодарность И. В. Сахарову (РНБ) и С. И. Вареховой (РГИА) за помощь в разыскании литературных и архивных материалов, использованных в этой работе.

Е. П. Леман

М. П. ПОГОДИН — КРИТИК ПУШКИНА

(К вопросу об атрибуции нескольких статей в журнале «Московский вестник»)

Отношения Пушкина с «любомудрами» и «Московским вестником» не раз привлекали внимание исследователей.¹ Вместе с тем

---

¹ См., например: Канунова Ф. З. А. С. Пушкин и «Московский вестник» // Учен. зап. Томского ун-та. 1951. № 16. С. 91—114; Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 213—226; Манн Ю. В. Русская философская эстетика (1820—1830-е гг.). М., 1969. С. 6—42, 76—103, 149—190.

некоторые моменты, связанные с оценкой пушкинского творчества в статьях того или иного критика из лагеря «любомудров», еще нуждаются в уточнении. Эта задача осложняется тем, что многие статьи «Московского вестника», где содержатся упоминания о Пушкине, не имеют подписи или же подписаны псевдонимами. Поэтому атрибуция таких статей представляет несомненный интерес. Ниже рассматривается ряд статей, принадлежащих, на наш взгляд, редактору «Московского вестника», М. П. Погодину, который как литературный критик изучен несравненно меньше, чем И. В. Киреевский, Д. В. Веневитинов или С. П. Шевырев, печатавшиеся на страницах того же журнала.

Первая из этих статей — обозрение альманахов на 1828 г., печатавшееся в нескольких номерах «Московского вестника».²

В пушкинском кругу многие положения этой статьи были восприняты как развитие тех суждений, которые были высказаны С. П. Шевыревым в «Обзрении русской словесности за 1827-й год».³ А. А. Дельви́г, как свидетельствует одно из его писем к Е. А. Баратынскому (март—май 1828 г.), воспринял ту часть обозрения альманахов, где речь шла о «Северных цветах», как принадлежащую именно Шевыреву: «Скажи ему (Шевыреву. — Г. П.), что он смешон, укоряя меня в невежестве. Он еще азбуке не учился, когда я знал, что роман, повесть, Гесснерова идиллия, несмотря на форму, суть произведения поэзии. Порядка же в „С(еверных) цвет(ах)“ не перемену — потому же, почему никто из славных поэтов не перемешивал вместе своих повестей, стихами и прозою писанных; почему большая часть немецких издателей альманахов не смешивает прозы со стихами, — и так далее. Суждение же его о твоей „Последней смерти“ воняет глупою посредственностью. Аминь».⁴ Дельви́г имеет в виду содержащееся в статье об альманахах замечание, что «Северные цветы» следовало бы разделить на «прозу» и «стихи», а не на «прозу» и «поэзию», а также высказанное в этой же части обзора суждение о «Последней смерти» Баратынского: «„Последняя смерть“ (...) не ясна; но надо знать, что это отрывок. Неясная в нем мысль может объясниться в целом, хотя (скажем мимоходом) напрасно помещаются отрывки, в самих себе не заключающие полного смысла».⁵ Но Дельви́г, находясь в то время в Харькове, не мог с точностью знать, кто писал разбор «Северных цветов» в «Московском вестнике», и назвал имя Шевырева, по всей видимости, просто под влиянием еще не утихшего раздражения из-за его «Обзрения русской словесности за 1827-й год», а также основываясь на сходстве нового выпада против Баратынского с прежними суждениями Шевырева.⁶ Однако такая оценка Баратынского была в те годы

² Московский вестник. 1828. № 2. С. 185—201; № 3. С. 321—331; № 6. С. 197—200.

³ Там же. № 1. С. 59—84.

⁴ Дельви́г А. А. Сочинения. Л., 1986. С. 330.

⁵ Московский вестник. 1828. № 2. С. 192—193.

⁶ Шевырев писал о Баратынском: «Его можно скорее назвать поэтом выражения, нежели мысли и чувства» (Там же. № 1. С. 71).

характерна не только для Шевырева, но и для «любомудров» в целом. А значит, этот выпад легко мог быть сделан и другим критиком.

Вероятность того, что обозрение альманахов написано Шевыревым, представляется крайне сомнительной по следующей причине. В «Обзрении русской словесности за 1827-й год» Шевырев слишком уж пренебрежительно упомянул об альманахах и не изъявил ни малейшего желания говорить о них подробнее: «Начало 1827-го года ознаменовано было, по обыкновению, появлением нескольких альманахов, более или менее несовершенных. Прейдем молчалием их имена; но скажем вообще, что, к сожалению, издания сего рода составляют существенное занятие литераторов, даже известных, которые, целый год нигде не печатая своих произведений, копят, копят, собирают и, в 365 дней разродившись тремя пиесками, подарят публику набранной книжечкой и потом снова засыпают на год на поддельных лаврах альманашной славы, в упоении сладкого бездействия — до новых альманахов».⁷ В конце статьи Шевырев обещает перейти к обозрению журналов, что и осуществляет в последующих номерах «Московского вестника».⁸ Трудно предположить, что он все-таки стал бы писать весьма пространное обозрение альманахов и к тому же печатать его параллельно с обозрением журналов.

Кроме того, в самом содержании статьи об альманахах есть ряд моментов, противоречащих предположению об авторстве Шевырева и заставляющих вспомнить о другом критике — Погодине. Так, в разборе «Московского альманаха» С. Н. Глинки привлекают внимание следующие слова: «Скажем в нельстивую похвалу почтенному издателю, что русское юношество, ныне на разных поприщах служащее отечеству в его верную пользу, многими благородными чувствами отчасти обязано и ему, как издателю „Русского вестника“ в 1808 и 9-м годах».⁹ Эта фраза едва ли психологически возможна в устах Шевырева, родившегося лишь в 1806 г., и, напротив, совершенно естественна для Погодина, который в детские годы был просто до безумия увлечен патриотическими статьями «Русского вестника».¹⁰

В рецензии на «Альбом северных муз» есть хвалебный отзыв об очерке Булгарина «Встреча с Карамзиным»¹¹ — это тоже свидетельствует скорее об авторстве более дипломатичного Погодина, чем об авторстве Шевырева, который как раз в то время был крайне раздражен насмешками «Северной пчелы» над «Обзрением русской словесности за 1827-й год».

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. № 5. С. 61—105; № 8. С. 398—424.

⁹ Там же. № 2. С. 201.

¹⁰ «„Русский вестник“ все более восхищал его патриотическими описаниями разных подвигов. Геройская кончина генерала Мозовского, описанная в 1-м номере этого журнала, была вылучена им наизусть» / (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1. С. 6).

¹¹ Московский вестник. 1828. № 6. С. 198.

Совершенно не вяжется с обычной «философической» манерой Шевырева также и каламбурная игра с названиями критикуемых произведений, позднее отмеченная О. М. Сомовым как характерная стилистическая черта автора статьи об альманахах.¹² Например: «Водевиль „Три неудачи“ мог бы назваться *шестью неудачами*, потому что в нем шесть неудачных куплетов»; «„Ужасная ночь, или Напрасный страх“ — ужасный водевиль или напрасный труд»; «Из „Мыслей, замечаний и выписок“ г. Сомова мы, к сожалению, не можем ничего ни заметить, ни выписать».¹³

Совершенно не характерен для Шевырева и тон того отрывка из рецензии на «Альбом северных муз», где при разборе анонимного прозаического фрагмента «Тоска» упоминаются пушкинские «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанные в «Северных цветах»: «„Тоска“ неизвестного, вероятно, утешит прекрасных читательниц, в особенности после того неучтывого нападения, которое претерпели они в „Северных цветах“ от неизвестного сочинителя неизданных записок, страшного мизогина. Здесь они прочтут свое назначение, и как в зеркале, увидят то свое качество, которое составляет их лучший перл и счастье их обожателей. Вот слова самого автора, из коих они узнают, что мы разумеем: „Как раненый голубь жмет свои крылья и покрывает и хоронит стрелку, в него вонзенную, такова-то и природа женщины, чтобы скрывать от света тоску оскорбленной склонности. Любовь нежной женщины застенчива и безмолвна”. — Не правда ли, прекрасные читательницы, что „Альбом муз” лучше „Северных цветов”? — В вашей безмолвной улыбке мы читаем *да*, сладкое для издателя альбома; но читаем и то, что ваше убеждение не всегда... не смеем договорить».¹⁴ Между тем такой стиль вполне органичен для Погодина, когда-то написавшего целое рассуждение «О нравственных качествах прекрасного пола».¹⁵ Показательна также близость данного отрывка к финалу повести Погодина «Русая коса»: «А вы, прелестницы, вы должны... но коварная улыбка является на лице вашем; вы уже, кажется, грозите мне, мстительные, за ненужный совет мой... страшусь вашего гнева и кладу печать молчания на дерзкие уста свои».¹⁶ Здесь можно

¹² Северные цветы на 1829 г. СПб., 1829. С. 14.

¹³ Московский вестник. 1828. № 2. С. 200; № 6. С. 199. Следует заметить, что стилистическое единство статьи исключает предположение, что разные ее части могут принадлежать различным авторам. Так, можно отметить одинаковые начала многих рецензий («Сей альманах...»), повторяющиеся замечания о «наружности» и «внутреннем достоинстве» альманахов.

¹⁴ Там же. № 6. С. 199. «Сочинителем неизданных записок» Пушкин назван потому, что в «Северных цветах» «Отрывки из писем, мысли и замечания» были напечатаны анонимно и сопровождалась примечанием: «Извлечено из неизданных записок». Упрек в женоненавистничестве объясняется словами Пушкина в одном из этих отрывков об отсутствии у женщин чувства изящного. Выше, разбирая «Северные цветы», критик замечал: «В отрывках из неизданных записок мы встретили много остроумных замечаний, но иные не удовлетворительны по недостатку доказательств» (Там же. № 2. С. 191).

¹⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 1. С. 59.

¹⁶ Погодин М. П. Повести. Драма. М., 1984. С. 28.

вспомнить и о том, что Погодин предъявлял Пушкину упрек в неуважении к дамам также и в своей статье о четвертой и пятой главах «Евгения Онегина».¹⁷

Конечно, все эти аргументы лишь косвенно подтверждают предположение об авторстве Погодина. Зато они позволяют с достаточной степенью убедительности отвергнуть возможность того, что статья об альманахах может принадлежать Шевыреву. А между тем длинное обозрение альманахов, тянувшееся из номера в номер, неподписанное и имеющее в целом характер самой черновой журнальной работы, должно было исходить, скорее всего, из редакции «Московского вестника». Как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам, другим «любомудрам» повседневная журнальная работа зачастую представлялась достаточно скучным занятием, далеким от их философских интересов, и уже на протяжении 1827 г. они заметно охладели к журналу. Львиная доля работы выполнялась редактором и соредактором — Погодиным и Шевыревым. Причем Шевырев выступал все же как основная теоретическая сила «любомудров», помещая в «Московском вестнике» концептуально значимые статьи, на долю же Погодина доставалась самая черновая работа. Поэтому, отвергнув предположение об авторстве Шевырева, естественно заключить, что статья об альманахах была написана Погодиным.

Предположению об авторстве Погодина нисколько не противоречит и наличие примечания, подписанного его инициалами.¹⁸ В этом примечании Погодин отвечает на лично к нему относящиеся нападки О. М. Сомова, а в такой ситуации вполне естественно ответить своему критику в примечании от собственного имени, не раскрывая при этом, кто автор всей статьи.

Из суждений о Пушкине, содержащихся в обозрении альманахов, наибольшего внимания заслуживают отзывы о пушкинских произведениях, помещенных в «Северных цветах на 1828 г.»: «„Нулин“ доказывает, что мастер поэт и шутит поэтически. Предмет его картины не важен, но какая зрелая и легкая кисть! какой верный глаз, зорко уловляющий малейшие подробности в описании. Строгие аристархи спрашивают о нравственной цели в этой пиесе. Вот она, если им того хочется: *нескромные желания людей — худо награждаются!* Отрывок из „Бориса“ должен производить более действие в целой трагедии, нежели отдельно, — и потому любители поэзии, вероятно, вкусят вдвое большее наслаждение, когда прочтут его в целом. „Череп“ пленяет звучными и живописными стихами».¹⁹ Если внимание к «Борису Годунову» и желание видеть его в печати характерно для всех «любомудров», то отзыв о «Графе Нулине» уже в гораздо меньшей степени вписывается в их эстетическую программу. Едва ли случаен тот факт,

---

¹⁷ Московский вестник. 1828. № 4. С. 463. Подпись: N. N. Принадлежность этой статьи Погодину была установлена М. А. Цявловским на основании записи в дневнике Погодина (Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. XIX—XX. С. 90).

¹⁸ Московский вестник. 1828. № 2. С. 190.

¹⁹ Там же. С. 192.

что ни Шевырев в «Обзрении русской словесности за 1827-й год», ни Киреевский в своей знаменитой статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» даже не упомянули об этой поэме. Требуя от литературы философски значительного содержания, они не могли так легко, как делает это Погодин, оправдать «неважность» предмета в «Графе Нулине». Для Погодина же, по своим литературным взглядам гораздо более эклектичного, чем другие «любомудры», тут не возникает особых проблем.

В разборе «Альбома северных муз» помимо приведенного выше суждения об «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» имеется отзыв о «Талисмане» Пушкина как о стихотворении, «пленяющем новым счастливым оборотом мысли, всегда оригинально выражающейся под пером поэта искусного». ²⁰ В разборе полуальманаха-полупесенника «Эвтерпа» его составителю предъявляются упреки в том, что он «поднял руку на поэта — любимца публики», исказив опечатками стихотворения «Заздравный кубок» («Кубок янтарный...») и «Слеза» («Вчера за чашей пуншевою...»). ²¹

Далее, можно предположить, что Погодину принадлежит следующая заметка из раздела «Литературные новости» в № 3 «Московского вестника» за 1828 г.: «А. С. Пушкин сдержал свое обещание перед публикою и подарил ее 4-ою и 5-ою главами „Евгения Онегина“. Дай бог, чтобы поэты всегда так были верны своим обещаниям! Нетерпеливые подруги Татьяны теперь узнали, чем кончилась любопытная встреча в саду. Они, вероятно, полюбили Евгения, с радостию нашли в нем благородную черту, достойную души высокой, и на опыте убедились, что светская ветреность не мешает прамодушую характера. Описание осени, зимы, гаданий, провинциального съезда, обеда, бала показывают, как разнообразна и как свежа кисть нашего поэта-живописца. Но всего пленительнее сон Татьяны. Это фантазмагория поэтическая, живая, быстрая, чудесная. Верно, читательницы с ужасом ожидают обещанной дуэли. Ну что если погибнет Ленский? — Вот после этого не верьте снам, Татьяны, не гадайте о том, что сбудется! — Сии две песни посвящены г-ну Плетневу. В посвящении поэт несколькими стихами означает содержание своего „Онегина“ и в особенности новых глав:

Прими собранье пестрых глав;
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет». ²²

²⁰ Там же. № 6. С. 200.

²¹ Там же. № 3. С. 321—322.

²² Там же. С. 392—393. Без подписи. Посвящение («Не мысля гордый свет забавить...»), впервые напечатанное в отдельном издании IV и V глав романа, впоследствии появилось (без обращения к Плетневу) в качестве общего посвящения к роману в издании 1837 г.

Предположить, что автором этой заметки был Погодин, позволяет уже сам по себе черновой характер работы по заполнению отдела «Литературные новости» (как было сказано выше, работу такого рода обычно выполнял сам редактор). Важно и то, что ряд других заметок из раздела «Литературные новости» в данном номере журнала имеет непосредственное отношение к кругу интересов Погодина: такова заметка об издании без примечаний «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, заметка о книге Е. Б. Фукса «Анекдоты Суворова», перекликающаяся со статьей Погодина об этой книге в № 8 за 1828 г. Заметка об изданной А. Ф. Смирдиным азбуке с картинками тоже имеет отношение к кругу интересов Погодина: почти все подписанные рецензии на детские книжки в «Московском вестнике» принадлежат именно ему. Кроме того, в самой заметке можно найти моменты, сближающие ее с появившейся позднее большой статьей Погодина об этих главах романа: таково обращение к читательницам, таково и подчеркивание «пестроты» и непринужденности повествования в новых главах романа.²³

В желании найти «благородную черту» в характере Онегина выразилась общая для критиков того времени, в том числе и для «любомудров», растерянность по отношению к пушкинскому герою. В то же время эта заметка существенно отличается по своему тону от тех суждений о «Евгении Онегине», которые содержатся в статьях Шевырева, Киреевского, Веневитинова. Так, расточая похвалы описаниям деревни в пушкинском романе, Погодин воспринимает их в совершенно традиционном ключе, тогда как для Шевырева и Киреевского те же описания были знаком того, что Пушкин сближается с миром русской действительности, становится подлинно национальным поэтом.

Наконец, коснемся статьи Погодина «Мысли, замечания и анекдоты»,²⁴ печатавшейся на протяжении нескольких номеров журнала и объединявшей множество заметок на самые разнообразные темы. Отрывок из этой статьи, касающийся нападок М. А. Дмитриева на IV и V главы «Евгения Онегина», воспроизводился в хрестоматии В. А. Зелинского,²⁵ однако на авторство Погодина прежде не указывалось. Статья подписана псевдонимом «N. N.», иногда использовавшимся Погодиным и зафиксированным в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова. Однако эта подпись не носит индивидуального характера, а потому было бы неосторожным считать принадлежащими Погодину все статьи «Московского вестника», подписанные этими буквами. Однако имеется позднейшее свидетельство самого Погодина, безусловно доказывающее принадлежность ему этой статьи. Он ссылается на

²³ Московский вестник. 1828. № 4. С. 465—466.

²⁴ Там же. № 5. С. 120—125; № 6. С. 234—237; № 7. С. 349—352; № 14. С. 207—210.

²⁵ Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина / Сост. В. Зелинский. М., 1887. Ч. 2. С. 93.

«Мысли, замечания и анекдоты» как на свою собственную статью в одном из номеров «Московского вестника» за 1830 г.²⁶

Жанр «мыслей и замечаний» весьма характерен для Погодина. Таковы, например, его «Исторические афоризмы», печатавшиеся в «Московском вестнике» в 1827 г. Близка к этому жанру и статья Погодина о IV и V главах «Евгения Онегина» в № 4 «Московского вестника» за 1828 г. В области же повествовательной прозы Погодина своеобразным аналогом жанру «мыслей, замечаний и анекдотов» является цикл «Психологические явления», первые фрагменты которого публикуются также в «Московском вестнике».

Как и в «Исторических афоризмах», в «Мыслях, замечаниях и анекдотах» любопытно стремление молодого Погодина (в сущности, эмпирика по своему складу) приобщиться к шеллингианским философским обобщениям. Отсюда проистекает потребность соединить «анекдот», эмпирику исторической и литературной жизни с философским универсализмом, с обобщающим взглядом на различные явления. В этом отношении характерно, что фрагмент, в котором Погодин возражает на разбор IV и V глав «Евгения Онегина» в «Атенеи», следует непосредственно за начальным фрагментом цикла, где выдвигается требование искать единственно верную точку для суждения о художественном произведении. Приведем эти два фрагмента:

«У всякого художественного произведения есть точка, одна точка, с которой оно представляется во всем своем величии. Взгляните вблизи на декорацию Гонзаго, это — мазанье; но из кресел, в надлежащем расстоянии, освещенное, оно очарует вас. Многие ошибаются в своих суждениях потому, что не попадают на точку, с которой должно смотреть на произведение.

В „Атенеи“ кто-то насчитал множество ошибочных выражений в „Онегине“. — Читал ли г. критик, занимаясь старыми своими грамматиками, прочие стихотворения Пушкина? Заметил ли он, что у Пушкина особое достоинство — верность и точность выражения, и что это достоинство принадлежит ему предпочтительно пред всеми нашими поэтами? Пушкин, следовательно, мог, если бы захотел, избежать тех ошибок, в которых его упрекают (впрочем, из замеченного только $\frac{1}{10}$ справедливо), но у него именно, кажется, было целью оставить на этом произведении печать совершенной свободы и непринужденности. Он рассказывает вам роман *первыми* словами, которые срываются у него с языка, и в этом отношении „Онегин“ есть феномен в истории русского языка и стихосложения.

К нему удачно можно применить, что Тасс говорит о Софронии:

---

²⁶ Московский вестник. 1830. № 3. С. 309—310.

Non sai ben dir, s'adorna o se negletta,
Se caso od arte il bel volto compose». ²⁷

Таким образом, та непринужденность повествования в «Евгении Онегине», о которой Погодин уже говорил в других своих статьях, оказывается здесь осмысленной в свете более общих размышлений о неких внутренних законах, определяющих построение художественного произведения. Сам выпад Погодина против «Атеней» отчасти вызван разногласиями между «любомудрами» и издателем «Атеней» М. Г. Павловым в том, что касается необходимости высшего философского взгляда при разговоре о конкретных литературных явлениях или научных вопросах: в своем журнале Павлов обвинял «любомудров» в слишком поверхностном применении шеллингианских схем к конкретному материалу. ²⁸

В другом фрагменте погодинской статьи обращает на себя внимание пушкинская формула «подвиг честного человека», которую Пушкин применил по отношению к Карамзину в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях», анонимно опубликованных в «Северных цветах на 1828 г.». ²⁹ Погодин пишет: «Чем больше мнений о каком-нибудь предмете, тем лучше, тем скорее обнаружится истина. (...) В литературе также. — Ясное доказательство нашего младенчества в ней есть то, что у нас на многие важные предметы нет даже по одному мнению. У нас даже странным кажется, если кто решится сказать свое вслух; невыгодное мнение (нужды нет, искреннее ли оно или неискреннее) считают личным оскорблением, никак не могут понять, что можно знать, даже уважать, любить человека и между тем осуждать его сочинения или находить в нем недостатки. — Сказать искренно свое мнение в таком случае, прекрасно выразился Б., есть подвиг честного человека. Пусть больше совершается таких подвигов, и в литературе нашей увеличится движение, жизнь. — Притом всякое сочинение есть собственность публики, и члены ее, не говоря уже о должностных, имеют полное право хвалить и порицать его как кому Бог на ум положит. — Даже на форму хвалы и порицания не должно сердиться слишком. Всякой говорит по-своему, один дискантом, другой басом, один жестко, другой мягко. При всем моем благоговении к Карамзину (Карамзину) я с удовольствием читал замечания на его „Историю“, которые начали было помещать в „Вестнике Европы“, как ни противен мне был образ их изложения». ³⁰

²⁷ Там же. 1828. № 5. С. 120—121. В упоминании о «старых грамматиках» по-лемически используются слова из статьи М. Дмитриева (Атеней. 1828. № 4. С. 89). Итальянская цитата заимствована из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (песнь 2, октава 18); перевод: «Я не могу точно сказать, была ли она специально приукрашена или она была намеренно небрежна, случай или искусство сотворили прекрасный облик».

²⁸ Атеней. 1828. № 1. С. 3—15; № 2. С. 1—19.

²⁹ Об этой формуле см.: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 29—113.

³⁰ Московский вестник. 1828. № 5. С. 124—125. Авторство Пушкина было, по всей видимости, известно Погодину, так что упоминание о некоем Б. является здесь, скорее всего, простой условностью.

Однако пушкинская формула используется у Погодина в несколько ином контексте. С одной стороны, Погодин, как и Пушкин, отстаивает право литератора на независимую общественную позицию. С другой стороны, пушкинская формула оборачивается у Погодина как раз против «Истории» Карамзина; он готов оправдать даже грубые нападки на Карамзина в журнале Каченовского «Вестник Европы». Очень скоро Погодин примерно в тех же выражениях, что и в данной статье, будет оправдывать помещение в своем журнале крайне резкой по тону критики Н. С. Арцыбашева на «Историю государства Российского».

В заключение хочется подчеркнуть, что выявление статей, принадлежащих Погодину, представляет интерес также и для анализа литературной позиции «Московского вестника» в целом. В нашем сознании этот журнал оказывается связан прежде всего с теми напряженными философско-эстетическими исканиями, которые отразились в статьях Киреевского, Шевырева, Веневитинова. И это, конечно же, совершенно справедливо. Однако не следует упускать из виду то обстоятельство, что значительная часть критико-библиографических материалов в «Московском вестнике» была выдержана в духе рассмотренных выше статей и не несла на себе никакого специфически философского отпечатка или же несла такой отпечаток лишь в очень незначительной степени. В этом смысле заметки Погодина являются как бы связующим звеном между теоретическими исканиями «любомудров» и предшествующей критической традицией.

Г. Е. Потапова

О ПОРТРЕТАХ ДЕКАБРИСТОВ Н. М. МУРАВЬЕВА И С. П. ТРУБЕЦКОГО

Никак нельзя согласиться с переатрибуцией портретов декабристов Никиты Михайловича Муравьева и Сергея Петровича Трубецкого, сделанной А. М. Горшманом и В. А. Рыбиным,¹ поскольку досконально известные «биографии» обоих портретов исключают какие бы то ни было сомнения в правильности их исконного наименования.

Ошибочно утверждение авторов статьи, будто портрет Н. М. Муравьева определен как его изображение исследователем декабристской иконографии М. Ю. Барановской.

Портрет Н. М. Муравьева (1796—1843) работы О. А. Кипренского 1813 г. впервые появился на выставке «Русская портретная

---

¹ В чужом мундире? // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 72—78.

живопись за 150 лет (1700—1850)» в 1902 г., а затем на выставке «О. А. Кипренский в частных собраниях» в 1912 г. и воспроизведен в каталогах обеих выставок.² Тогда портрет принадлежал Михаилу Михайловичу Бибикову, родному внуку Н. М. Муравьева, сыну его дочери Софьи Никитичны («Нонушки»), в замужестве Бибиковой (1829—1892). Ее муж, М. И. Бибиков (1818—1881), — племянник декабристов С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, сын их сестры и друга, Екатерины. В 1878 г. С. Н. Бибикова писала Л. Н. Толстому: «Вы всегда доставите нам истинное удовольствие, бывая у нас, и я никогда не откажусь говорить с Вами об отце моем, память которого я свято чту».³ Портрет, как и все семейные реликвии, перешел к ней от бабушки Екатерины Федоровны Муравьевой (1771—1848), у которой она жила после смерти отца. «Дом бабушки Софьи Никитичны был настоящим музеем», — вспоминала ее внучка А. Бибикова в 1916 г.⁴ Как видно из каталога «Список портретов, отобранных для историко-художественной выставки 1905 г. генеральным комиссаром С. П. Дягилевым в общественных и частных собраниях г. Санкт-Петербурга», М. М. Бибиков стал хранителем всех семейных портретов Муравьевых и Муравьевых-Апостолов. Годы жизни последовательных владельцев портрета Н. М. Муравьева работы Кипренского показывают, что сведения о нем передавались из уст в уста, а не были просто семейным преданием. Поэтому ошибки быть не могло. Что же касается замеченного авторами статьи будто бы несходства портрета работы Кипренского с другим портретом Н. М. Муравьева (нет горбинки на носу), то это результат неточности исследования — сравнили только с одним портретом и только в одной детали. Портретов Н. М. Муравьева несколько. Действительно, ниже переносицы была горбинка, которая лучше или хуже заметна в зависимости от большего или меньшего поворота головы, как это видно при сопоставлении портретов работы П. Ф. Соколова (1817 и 1824 гг.) и двух портретов работы Н. А. Бестужева середины 1830 гг.⁵ Достаточно ясно видна эта горбинка и на портрете работы Кипренского — на воспроизведениях в обоих каталогах. Другие — неизменные черты лица на всех изображениях удивительно точно совпадают. Разумеется, надо иметь в виду, что на портрете Кипренского Н. М. Муравьеву шестнадцать с половиной лет, на бестужевских — сорок; черты лица, естественно, стали более жесткими. Изучая портрет работы Кипренского, следует обратить внимание не только на оригинал, но и на хорошие репродукции в указанных каталогах. Подлинный портрет приобретен Литературным музеем в 1939 г. За предшествующую четверть

² Подробный иллюстрированный каталог выставки русской портретной живописи за 150 лет (1700—1850) / Сост. Н. Н. Врангель. 1902. С. 56.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 17. С. 448.

⁴ Бибикова А. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1916. С. 404.

⁵ Все портреты воспроизведены в монографии: Зильберштейн И. С. Художник декабрист Николай Бестужев. 1988. С. 111, 296 и 297. Портрет работы П. Ф. Соколова 1824 г. — в наборе открыток: Первенцы свободы // Планета. 1975.

века портрет, видимо, слегка пострадал: появилась, например, поперечная полоса от разбитого стекла.

Миниатюрный портрет С. П. Трубецкого (1790—1860) впервые опубликован в книге «Записки князя С. П. Трубецкого» (издание его дочерей; С.-Петербург, 1907 г.). Дочери — З. С. Свербеева (род. 1837 г.) и Е. С. Давыдова (род. 1834 г.). В предисловии З. Свербеева пишет: «К книге приложены три портрета князя С. П. Трубецкого: первый — миниатюра 1820 года, сделанная в Париже, второй — акварель работы Николая Александровича Бестужева, рисованная в Сибири, третий — фотография, снятая по возвращении из ссылки...». Таким образом, и здесь не могло быть ошибки. Обстоятельство, что миниатюра выполнена в Париже, объясняет, как мог С. П. Трубецкой оказаться во фраке того фасона, какой в России являлся мундирным для чиновников Министерства иностранных дел. Внешность С. П. Трубецкого очень неординарна, и, сравнивая все известные его портреты, можно убедиться в совершенной идентичности изображений.

Есть в статье и досадный ляпсус, который не может не ввести в заблуждение читателей. Убедительно доказав, что молодой конногвардеец, портрет которого помещен в наборе открыток «Портреты декабристов» (изд. «Изобразительное искусство», 1972 г.), не имеет ничего общего с А. И. Одоевским, авторы пишут: «Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина находится миниатюра с подлинным портретом декабриста, написанная художником М. Тербеневым в 1823—1825 годах». И тут же помещено фото с тербенева-ского портрета с подписью: «Портрет неизвестного, принимаемого за А. И. Одоевского».

М. Д. Ромм

РЕПЛИКА НА СТАТЬЮ Т. И. ЛЕВИЧЕВОЙ «К ЗАМЕТКАМ ПУШКИНА О ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Статья Т. И. Левичевой «К заметкам Пушкина о Греческой революции» помещена в № 23 «Временника Пушкинской комиссии». Автор полагает, что к двум заметкам Пушкина — «Note sur la révolution d'Ipsylanti» и «Note sur Penda-Déka» — примыкает и отрывок «...из Константинополя...», где Пушкин рассказывает о греческих беженцах, который, как мы считаем, является частью письма к А. Н. Раевскому.¹ Левичева опирается на следующие доводы: 1) заметка о греческих беженцах написана на той же

---

¹ См.: Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о Греческой революции // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. С. 16—23.

бумаге (№ 106 по каталогу Б. Модзалевского и Б. Томашевского), что и заметка о революции Ипсиланти, и что других автографов на такой же бумаге нет; 2) обобщенно-личный стиль отрывка («мы видели», «мы можем удостовериться» и одновременно «Я не варвар») указывает на его «не эпистолярный жанр». Эти доводы не могут быть приняты.

Сперва несколько слов о бумаге. Оба автографа написаны на похожей голубой бумаге, но составители описания отметили различие между листами, обозначив их как № 106 и 106а. Рознятся водяные знаки и вержировка бумаги. Оба автографа записаны на правом и левом полулистах разных полных листов. На каждом из них разные водяные знаки. Разные водяные знаки на полулистах встречаются в некоторых сортах бумаги, но вержировка, как правило, бывает идентичной — это, по-видимому, и заставило составителей описания обозначить бумагу, на которой записан отрывок об Ипсиланти, номером 106а. Других листов в рукописях Пушкина на бумаге 106 и 106а нет. Трудно поверить, что у Пушкина в Кишиневе было только по одному листку каждой из этих бумаг. Мы знаем, как безжалостно он уничтожал после декабрьского восстания все, что считал крамольным. Сорт бумаги сам по себе не может иметь большого значения, тем не менее отметим, что обе заметки, которые бесспорно можно отнести к материалам для записок (об Ипсиланти и о Пенда-Деке), записаны на разной бумаге. Гораздо важнее, что эти две заметки лежали в кабинете Пушкина после его смерти рядом, что и зафиксировано в так называемых «жандармских тетрадах». В тетради № 2386 В (современный шифр ПД 1065) заметка об Ипсиланти занимает лист 9/71, заметка о Пенда-Деке — лист 10/70. Записи «...из Константинополя...» в этой тетради не было.

Отметим также, что эмоциональный, глубоко личный стиль этого отрывка не соответствует сжато, конспективному изложению событий в заметках об Ипсиланти и Пенда-Деке. И хотя эти две заметки написаны на бумаге разных сортов, их общее целевое назначение не вызывает сомнений. Обобщенно-личные обороты, на которые указывает Левичева, имеются и в том письме Пушкина к Вяземскому, которое она цитирует и где речь тоже идет об отношении Пушкина к греческим событиям («Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавошников, есть законнорожденный их наследник {...} Ты скажешь, что я переменял свое мнение...») (XIII, 99; подчеркнуто мною. — Я. Л.).

И наконец, еще один, может быть, важнейший довод — графическое оформление всех трех отрывков. Заметка об Ипсиланти (равно как и заметка о Пенда-Деке) записана на целом полулисте. Текст заполняет лист до конца и переходит на оборотную сторону, где и заканчивается, занимая около трети листа, текст чистовой — на всем листе имеются только две поправки. Такой же чистовой текст видим и в заметке о Пенда-Деке. Иное дело, заметка «...из Константинополя...». Здесь половинка листа неполная. Верхний

край (6 см) отсутствует, причем линия отрыва настолько неровная, что позволяет сомневаться, сделано ли это рукой. Скорее всего, край листа разрушило время и условия хранения. Текст явно черновой, с большой стилистической правкой. Такая правка очень характерна именно для черновых писем Пушкина периода южной ссылки. Ему важно было не только *что* написать, но и *как*, какими словами и оборотами выразить мысль.

Рассматривая отрывок «...из Константинополя...» как часть письма, мы отвечаем и на вопрос, чем мог быть заполнен пробел в черновике письма к В. Л. Давыдову после слов: «...повторю и здесь то, что случилось мне говорить касательно греков...» (XIII, 104). Все это не исключает того, что отрывок «...из Константинополя...», как и другие черновики писем Пушкина, как и письма к нему, могли служить материалом для Записок. П. А. Плетнев 17 февраля 1833 г. писал Жуковскому: «Вы теперь вправе презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам».¹ Именно к 1833 г. относится очередная попытка Пушкина приступить к своим Запискам.²

Возвращаясь к статье Левичевой, скажем, что она права только в одном — автограф несомненно относится к 1821 г. и датировать его надо «1821. После мая» — в мае этого года Пушкин ездил в Одессу и мог видеть не только в Кишиневе, но и там толпы греческих беженцев. Отпадает и Вяземский как адресат писем о греческих событиях, так как отрывок «...из Константинополя...», как справедливо замечает Левичева, является почти парафразой письма к нему, которое мы приводили выше.

Я. Л. Левкович

---

¹ Плетнев П. А. Сочинения. СПб., 1885. Т. 3. С. 524.

² См. об этом: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1989. С. 181.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПУШКИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ЛЕНИНГРАДЕ 1930-Х гг.

Памяти В. А. Мануйлова

Пушкинское общество было организовано в Ленинграде на базе Общества друзей Пушкинского заповедника в самом конце 1931 г. по инициативе президента Академии наук СССР академика А. П. Карпинского и А. М. Горького, Б. В. Томашевского,

Н. В. Измайлова и ряда других ученых и писателей. А время — 1930-е гг. — было тяжелым... Начиная с 1934 г. незаконным репрессиям подвергались многие из членов правления Пушкинского общества. Тем не менее большая группа ленинградской интеллигенции самоотверженно и плодотворно занималась исследованием и пропагандой творчества Пушкина.

Первые собрания Пушкинского общества происходили в клубе работников Академии наук, а затем в Институте литературы (ныне Пушкинский Дом Российской академии наук).

Сохранилась почтовая открытка — приглашение на первое собрание Пушкинского общества, которое состоялось 30 декабря 1931 г. В повестке дня стояли сообщение правления о плане работы на 1932 г. и доклад В. А. Мануйлова «Об изданиях Пушкина за революционные годы». Первые три года деятельность Пушкинского общества разворачивалась довольно медленно. Проводились, но не регулярно, собрания членов Общества.

Вспоминается большой Пушкинский вечер в Ленинградской филармонии, устроенный Пушкинским обществом 12 апреля 1932 г. В нем приняли участие артисты МХАТа (О. Л. Книппер-Чехова, И. И. Москвин, А. К. Тарасова) и артисты Госоперы Ленинграда (П. З. Андреев, А. Т. Фомин). На этом вечере в Филармонии все присутствующие могли, заполнив анкеты, вступить в число членов Пушкинского общества. Так поступила и я, тогда молодой инженер. К этому вечеру была выпущена специальная памятка, которая открывалась вступлением И. А. Оксенова, а затем следовали статьи «К программе Пушкинского вечера 12 апреля 1932 г.» (автор — Е. В. Давыдов) и о «Капитанской дочке» — Д. П. Якубовича. Все трое являлись активными членами правления Пушкинского общества.

И. А. Оксенов был поистине уникальной личностью. По своей основной специальности врач-рентгенолог, кандидат медицинских наук, он в то же время переводил Стендаля, был поэтом и пушкинистом — автором научно-популярных работ о Пушкине — и лектором. Скончался в блокадном Ленинграде.

Д. П. Якубович (сын известного поэта-народовольца П. Ф. Якубовича-Мельшина) являлся старшим научным сотрудником Института литературы, известным исследователем прозы Пушкина, ученым секретарем Пушкинской комиссии Академии наук СССР. Его участие в работе Пушкинского общества было, конечно, исключительно ценным.

Что же касается Е. В. Давыдова, то он ведал всей организационной работой: устройством общих собраний, вечеров и заседаний правления, а также издательскими делами Пушкинского общества.

Помню, как мы, несколько человек из числа молодых по возрасту членов Общества, собирались по вечерам (каждый после своей основной работы) у Е. В. Давыдова и его жены Наталии Яковлевны, тоже активистки, в их квартире на Петроградской стороне и писали повестки членам Пушкинского общества, приглашая их на то или иное из общих собраний. Некоторые из нас

брали домой для перепечатки на машинке статьи для вышедшего в Ленинграде в 1938 г. небольшого сборника «Пушкин, 1833 год».

Деятельность Пушкинского общества шла тогда по двум главным направлениям: проведение чтений и лекций о Пушкине в рабочих клубах и Домах культуры и охрана всех Пушкинских памятных мест (с. Михайловское, Тригорское, могила Пушкина, с. Болдино, Детское Село, пушкинская квартира в Ленинграде, место дуэли и др.), литературных и других памятников, тесно связанных с именем Пушкина.

Наряду с этим в задачи Общества входили: изучение жизни и творчества Пушкина и выпуск изданий для массового читателя. Именно поэтому еще на ранних этапах деятельности Пушкинского общества возникла идея о создании серии сборников под общим названием «Последние годы творчества Пушкина — 1833—1837 годы». В предисловии к первому выпуску («Пушкин, 1833 год»), о котором я уже упомянула, говорилось о предстоящих в 1937 г. юбилейных днях (100-летие со дня смерти Пушкина) и о необходимости большой подготовки к ним. Помещенные в этом сборнике статьи носили научно-популярный характер и ставили целью дать читателю сведения по основным вопросам, связанным с творчеством Пушкина данного периода. Ответственным редактором был И. А. Оксенов, которому принадлежала и статья «О символике „Медного всадника“», а Д. П. Якубовичу — о «Пиковой даме». Е. В. Давыдов написал первую статью сборника — «1833 год в творчестве Пушкина». Корректуру держала Н. Я. Давыдова. К сожалению, активная деятельность этой супружеской пары, людей очень преданных Пушкинскому обществу, была вскоре прервана их незаконной высылкой в Оренбург.

Впрочем, Е. В. Давыдов еще успел напечатать статью «Письма и замыслы» в сборнике «Пушкин, 1834 год», где ответственным редактором и одним из авторов снова был И. А. Оксенов. Труд этот был напечатан по постановлению правления Пушкинского общества, председателем президиума правления которого стал (и был до 1938 г.) академик Н. С. Державин.

Сборник «Пушкин, 1834 год» был уже несколько иным, нежели его предшественник. В предисловии сообщалось, что некоторые статьи этого сборника носят отчасти исследовательский характер. Кроме того, в него была включена «Хроника пушкиноведения за 1933 год». Состав авторов сборника «Пушкин, 1834 год» был расширен за счет привлечения таких пушкинистов, как М. А. Цявловский, Н. О. Лернер, Л. Б. Модзалевский. «Хронику» составили В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский.

В недалеком будущем первому из них довелось сыграть исключительную роль в деле активизации и расширения всех сторон деятельности Пушкинского общества. Поэтому о В. А. Мануйлове следует сказать далее более подробно.

Но сначала об уставе Пушкинского общества, который был утвержден президиумом Ленинградского обласполкома в самом начале 1934 г. (11 февраля). Содержание устава сводилось к сле-

дующему: в пункте I («Общие повествования») рассказывалось подробно о задачах Общества, пункт II определял состав Общества, права и обязанности его членов. В пункте III указывалось, из чего составляются средства Общества, пункт IV определял структуру Общества — его правления, ревизионной комиссии, а пункт V рассматривал вопрос о функциях собраний Общества — очередных и чрезвычайных. Наконец, завершался Устав пунктом VI — условиями ликвидации Общества.

Как уже упоминалось, В. А. Мануйлов значительно активизировал и расширил деятельность Пушкинского общества — особенно когда был избран ученым секретарем президиума правления, в 1934 г. В то время количество членов Общества не было велико. И главное — совсем мало был в нем молодежи. Необходимо было прежде всего привлечь молодежь в Пушкинское общество. Это хорошо понимали некоторые члены правления, в частности зав. агитационно-художественной секцией А. П. Черешков. Основная работа его была в Эрмитаже, где Черешков в это время заведовал массово-экскурсионным отделом. В то же время он был большим знатоком пушкинских памятных мест в окрестностях Ленинграда и умел увлекательно о них рассказывать. К сожалению, Черешков позднее был незаконно репрессирован.

В 1934—1935 гг. планировалось углубить и расширить все виды работ Пушкинского общества, чтобы заинтересовать молодежь. И в этом деле самая главная роль отводилась В. А. Мануйлову. В. А. Мануйлову в 1934 г. исполнился 31 год. Это был очень энергичный, жизнерадостный человек, исполненный всевозможных интересных замыслов и начинаний, прекрасный организатор. Неиссякаемый оптимизм и личное обаяние привлекали к Виктору Андрониковичу сердца всех членов Пушкинского общества, начиная от школьников и студентов и кончая пожилыми людьми. Многим из них В. А. Мануйлов нередко помогал и материально, так как был не только доброжелательным, но и активно добрым человеком.

В марте—апреле 1935 г. Пушкинское общество устроило по инициативе В. А. Мануйлова цикл лекций о Пушкине для своих членов. Были привлечены в качестве лекторов акад. Н. С. Державин, Г. А. Гуковский, Л. В. Пумпянский и др. Лекции проводились в Большом конференц-зале Института литературы.

В Пушкинском обществе существовало начиная с 1935 г. несколько направлений в работе. Очень плодотворно работала научно-исследовательская секция. За период с 5 июня 1935 г. и по 10 марта 1936 г. было проведено 18 заседаний. На них были заслушаны, в частности, доклады о «Пиковой даме», «Пушкин и греческое восстание», «„Медный всадник“ и трагедии XVIII века в творчестве Пушкина», «„Маленькие трагедии“ Пушкина 1830 года», о поэме «Братья разбойники», о стихотворении «Полководец», о поэме «Цыганы», о «Дуэли и смерти Пушкина по воспоминаниям современников», о драматургии Пушкина и другие. В качестве докладчиков выступали Б. В. Томашевский, Л. В. Пумпянский, Л. Б. Модзалевский, Д. П. Якубович, В. А. Мануйлов,

Н. Г. Свириин, В. А. Закруткин и др. Кем же они тогда были? В. А. Закруткин, впоследствии известный писатель, в то время являлся аспирантом Ленинградского педагогического института им. Герцена и работал над диссертацией о поэме «Братья разбойники», Н. Г. Свириин был ученым секретарем Института литературы, автором статей на темы «Пушкин и греческое восстание», «Поэма „Цыганы“»; позднее он был незаконно репрессирован.

Интересно отметить, что на докладе известного пушкиниста Б. В. Томашевского о «Маленьких трагедиях» Пушкина 1830 г. (он состоялся в Институте литературы 14 декабря 1935 г.) присутствовала А. А. Ахматова, о чем есть запись в дневнике В. А. Мануйлова.

Имена докладчиков, выступавших с научно-исследовательскими докладами, свидетельствуют о том, что у Пушкинского общества в это время уже были установлены прочные связи с ведущими пушкинистами.

Надо сказать и о том, что обсуждались на заседаниях и художественные произведения, посвященные Пушкину и его эпохе. Так, писатель С. С. Емелин выступал с чтением отрывков из своей повести «Зеленая лампа», а Л. Р. Коган — романа о Пушкине на юге «Изгнание».

Член правления Пушкинского общества проф. Л. Р. Коган заведовал кафедрой русской литературы в Библиотечном институте им. Н. К. Крупской. Он был не только блестящим лектором, но и беллетристом. Одна из активисток Пушкинского общества А. В. Ризнич-Корецкая в своих неопубликованных воспоминаниях пишет: «Я всегда уходила после его выступлений взволнованной, воодушевленной. Л. Р. Коган особенно глубоко работал над темой „Пушкин на юге“ и всегда проникновенно говорил об этом периоде жизни поэта».

Пушкинское общество организовало пушкинские семинары при Ленинградских областных Домах учителя, художника и медицинских работников. Руководил ими В. А. Мануйлов.

Особенно оживленно и плодотворно началась и развивалась впоследствии деятельность семинара по изучению романа в стихах «Евгений Онегин». Число участников, среди которых были научные работники, педагоги-словесники, служащие, художники и даже две школьницы 8-го класса, доходило до 40 человек. Роман изучался буквально строка за строкой! Ведь тогда еще не существовало книг Н. Л. Бродского и Ю. М. Лотмана. Занятия семинара проходили обычно в Малом конференц-зале Института литературы. Помню, что я сделала доклад на тему «Пушкин и Вяземский» (в связи с эпиграфом «И жить торопится и чувствовать спешит...») и особого одобрения руководителя семинара (им был опять же В. А. Мануйлов) не получила... Он был строгим, но справедливым критиком.

А. В. Ризнич-Корецкая, которая посещала занятия семинара по «Евгению Онегину» вместе со своей матерью и сестрой, вспоминала, что «очень эрудированный, очень эмоциональный, Виктор

Андроникович блестяще и увлекательно руководил работой семинара. (...) Мы все бывали в восторге от его заключительных слов, которыми оканчивалось то или иное из занятий семинара.

Агитационно-художественная секция работала под руководством сначала А. П. Черешкова (я об этом уже говорила), а затем Л. Р. Когана. Еще при первом из них был устроен 10 июня 1935 г. большой вечер, посвященный годовщине со дня рождения Пушкина, в Доме культуры им. Горького (совместно с обществом «Старый Петербург—новый Ленинград»). С докладами выступили академик Н. С. Державин, А. Г. Яцевич и московский пушкинист Л. П. Гроссман. Вечер прошел прекрасно, народу было очень много. Запомнилось в особенности выступление Л. П. Гроссмана, который был исключительно талантливым лектором и своими выступлениями буквально потрясал любую аудиторию. Многим он тогда был известен как автор интересного художественного произведения «Записки Д'Аршиака», имевшего колоссальный успех у читателей.

10 февраля 1936 г. на памятном собрании в музее Пушкина на Мойке, 12, проведенном Пушкинским обществом совместно с Институтом литературы, выступали В. А. Мануйлов и Д. П. Якубович.

В тот же день был устроен Пушкинский вечер в Ленинградской филармонии, где В. А. Мануйлов сделал доклад «Пушкин и культура». В художественной части выступали члены Пушкинского общества — артисты Е. И. Тиме (член правления), А. Н. Глумов и известный мастер художественного слова А. И. Шварц.

Большой размах получила в 1935—первых трех месяцах 1936 г. шефская работа. Огромный вклад сделали академик Н. С. Державин (11 докладов о Пушкине в Домах культуры и клубах, 4 на кораблях Балтфлота и 10 для стахановцев Кузбасса), Л. Р. Коган (12 в Ленинградской области), В. А. Мануйлов (15 на Черноморском флоте и 34 в воинских частях Ленинграда и окрестностей), В. А. Закруткин (8 в г. Серафимовиче).¹

Секцией охраны памятных пушкинских мест руководил А. Г. Яцевич. Состоялось 3 заседания этой секции. С докладами («Пушкинские памятные места и организация их охраны», «К вопросу об организации Пушкинского музея в доме № 12 на Мойке» и «О работе архитектурной бригады по разработке плана реставрации дома № 12 на Мойке») выступали А. Г. Яцевич, архитекторы Ф. Г. Беренштам и Б. А. Альмединген. Эти три члена Общества работали много и плодотворно, но актив уполномоченных по охране отдельных домов проявил себя слабо.

12 сентября 1935 г. состоялся выезд правления Пушкинского общества в Детское Село, где был произведен осмотр Дачи Китавой и дома Теппера, а также Лицея.²

Совместно с Институтом литературы и обществом «Старый Пе-

---

¹ См.: Отчет о работе Пушкинского общества за период с июня 1935 г. по 10 марта 1936 г. Л., 1936. С. 7.

² См.: Литературный Ленинград. 1935. 2 окт. № 45.

тербург—новый Ленинград» были установлены и открыты памятные доски на домах № 53 по Красной (Галерной) улице (первая квартира Пушкина после женитьбы) и № 61 по ул. 3-го июля (ныне Садовая), где написано Лермонтовым стихотворение «Смерть поэта».

Созданная секцией охраны памятных мест специальная комиссия составила докладную записку о доме № 12 на Мойке (руководитель — Ф. Г. Беренштам, члены — Б. А. Альмединген, арх. А. В. Модзалевский, арх.-худ. П. Е. Лансере и др.).

Проводилась большая экскурсионная работа. Для членов Пушкинского общества, а также различных организаций неоднократно устраивались экскурсии на место дуэли Пушкина, в Детское Село, в музей Пушкина на Мойке, 12. Особенным успехом пользовались автобусные экскурсии на тему «Пушкинский Петербург» — на проведение их всегда было много заявок из разных мест. Это в значительной степени определялось громадным успехом книги А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург», второе издание которой было выпущено Обществом в 1935 г. А. Г. Яцевич постоянно не только выступал с лекциями с диапозитивами на эту тему, но и сам проводил автобусные экскурсии, в чем помогали ему его ученицы — я и Е. Л. Сеницына (Якушкина).

Активный член президиума правления Пушкинского общества, руководитель секции охраны памятных мест А. Г. Яцевич, к сожалению, погиб от голода во время блокады Ленинграда.

Тогда же скончался член правления Общества, его бессменный казначей, В. Ф. Широкий. Кандидат экономических наук, он за время работы в Пушкинском обществе стал и автором ряда научно-популярных изданий, посвященных любимому поэту. При содействии Пушкинского общества вышли его книги «Пушкин в Петербурге», «Пушкин в Михайловском» и др.

* * *

В течение марта—декабря 1936 г. и января—марта 1937 г. деятельность Пушкинского общества, естественно, приобрела особенный размах, ибо интерес к жизни и творчеству Пушкина принял без преувеличения всенародный характер. По существу страна впервые готовилась по-настоящему отметить юбилей любимого поэта. В прошлом за советский период ничего подобного не проводилось.

Работа Общества в это время, как я уже упоминала, выходила далеко за пределы Ленинграда и Ленинградской области. Лекторскими кафедрами Пушкинского общества и письменной консультацией обслуживались учреждения, организации и отдельные лица в Москве, Севастополе, Бахчисарае, Гурзуфе, Тбилиси, Баку, Пятигорске, Горьком, Пензе, Харькове, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке.

Исключительной в этом отношении была роль ученого секретаря, а затем заместителя председателя правления Общества

В. А. Мануйлова. Он обладал необыкновенной способностью устанавливать контакты как личные, так и письменные с самыми разнообразными учреждениями, занятыми подготовкой к пушкинскому юбилею. В проведении этой даты в масштабах всего Советского Союза В. А. Мануйлов сыграл большую роль.

Следует отметить, что количество членов Пушкинского общества в Ленинграде к этому времени значительно возросло: на 1 января 1937 г. в нем числилось 1030 человек, а лекциями, кружками, экскурсиями, конференциями было охвачено в течение 1936 г. 61 000 человек и 40 000 человек в первые два месяца 1937 года.³

В числе членов правления Пушкинского общества были тогда академик Н. С. Державин, В. А. Мануйлов, И. А. Оксенов, А. Г. Яцевич, А. П. Черешков, Д. П. Якубович (о них уже говорилось), а также М. А. Цявловский, Б. В. Томашевский, Л. Б. Модзалевский, В. Ф. Широкий, писатели Ю. Н. Тынянов, К. А. Федин, А. П. Чапыгин, композитор Б. В. Асафьев, профессора Л. Р. Коган и М. Н. Куфаев.

В ревизионную комиссию входили библиограф О. Э. Вольденбург (зав. библиотекой Эрмитажа), писатели Вс. А. Рождественский и Е. П. Султанова-Леткова, архитектор Б. А. Альмединген, молодой пушкинист А. И. Грушкин. Е. П. Султанова-Леткова была современницей Тургенева и Достоевского, встречалась с ними, писала о них...

В 1936—первых месяцах 1937 г. на собраниях Пушкинского общества было заслушано значительное количество научно-исследовательских (в основном) и научно-популярных докладов. Отмечу лишь некоторые из них: «Проза Пушкина» (Д. П. Якубович), «Образ Пушкина в дореволюционной художественной литературе» (В. А. Мануйлов), «Пушкин и Горький» (проф. С. Д. Балухатый), «Исторические взгляды Пушкина» (А. Н. Шебунин), «„Памятник“ Пушкина» (Л. В. Пумпянский), «„Граф Нулин“ Пушкина» (проф. Б. М. Эйхенбаум), «Пушкин и советская поэзия» (И. А. Оксенов), «Бюджет Пушкина» (В. Ф. Широкий) и др.

С докладами «Пушкин накануне декабрьских событий 1825 года» и «Причины дуэли и смерти Пушкина» выступил В. С. Елисеев — мастер завода «Светлана», один из рабочих-пушкинистов, выросших в Пушкинском обществе. Его доклады вызвали оживленное обсуждение.

В октябре 1936 г. были организованы две новые секции: научно-библиографическая и юношеская, объединившая школьников старших классов средних школ и студентов 1-го курса Педагогического института им. А. И. Герцена. Для членов юношеской секции устраивались экскурсии по памятным пушкинским местам, перед ними выступали ведущие пушкинисты. Исключительно плодотворно работал кружок художественного чтения под руководст-

---

³ См.: Отчет о работе Пушкинского общества с 10 марта 1936 г. по 10 марта 1937 г. (машинопись из архива В. А. Мануйлова).

вом молодой артистки Е. П. Кепп. 9 февраля 1937 г. состоялся первый просмотр работы этого кружка. Был при юношеской секции и вокальный кружок (им руководила М. Г. Павлова). Он также демонстрировал свои успехи на открытых концертах, устроенных на стационаре Общества.

Проводилась в Обществе в это время и большая агитационно-художественная работа. Основное внимание было обращено на подготовку кадров лекторов-пропагандистов и экскурсоводов. С этой целью был организован ряд семинаров, в том числе для библиотекарей массовых библиотек и детских библиотек Ленгорно; семинар для партактива и пропагандистов Детскосельского горкома партии; пушкинский семинар для членов ячейки Пушкинского общества на подшефном заводе «Электроприбор»,⁴ где число участников доходило до 35 человек.

Краткосрочный семинар был проведен в январе 1937 г. для рабочих-пушкинцев завода «Красный треугольник».

Сохранилась программа общезаводской конференции, посвященной 100-летней годовщине со дня гибели А. С. Пушкина, состоявшейся в большом зале клуба им. А. Д. Цюрупы 5 февраля 1937 г. С докладами о поэмах Пушкина («Руслан и Людмила», «Цыганы»), о романе в стихах «Евгений Онегин», о прозе Пушкина, его драматургии выступили рабочие и служащие завода «Красный треугольник». Отмечу, что позднее один из них (рабочий И. И. Московкин) стал активным членом правления Общества, а другой (экономист Г. М. Кока) профессионально занялся темой «Пушкин и искусство», выступив в печати с работами на эту тему.

Общезаводская пушкинская конференция прошла под руководством В. А. Мануйлова, И. А. Оксенова и А. И. Грушкина и на заводе «Электроприбор» в 1937 г., а ранее — конференции в Институте гражданского воздушного флота и в Оптико-механическом институте.

Членами правления и ревизионной комиссии Пушкинского общества (Л. Р. Коган, А. И. Грушкин) был прочитан ряд инструктивных докладов для актива Пушкинского общества. Благодаря этому были подготовлены лекторы для выступлений в массовых аудиториях (на фабриках и заводах, в общежитиях и т. п.).

Возросло количество Пушкинских вечеров на стационаре. К их числу относится вечер, посвященный «Русалке» Пушкина с художественным чтением — выступлением кружка художественного чтения при Доме учителя под руководством А. Н. Сафарова.

Интересным был вечер, посвященный поэме «Медный всадник» (с докладами И. А. Оксенова и А. Г. Яцевича). В особенности оживленно прошел вечер, посвященный роману Ю. Н. Тынянова

---

⁴ См.: Терник Евг. Пушкин на «Электроприборе» // Профсоюзный работник. 1936. № 18. Июнь. С. 12—13; Александров А. Страна Советов готовится к пушкинским торжествам // Литературный современник. 1936. № 8. С. 195—198.

«Пушкин», с участием автора и мастера художественного слова Д. Лузанова.

С октября 1936 г. начало работать специальное лекторское бюро, которым заведовала Т. В. Тодорова — человек, опытный в этой области. Вскоре был выпущен проспект лекций о Пушкине на 1936—1937 гг., из которого видно, какие разнообразные темы предлагались слушателям и кто именно (лучшие научные кадры) привлекался к чтению их. Лекции сопровождались художественным чтением и вокальной частью.

Лекторское бюро нередко организовывало целые циклы лекций о Пушкине, например в Ленинградском институте железнодорожного транспорта, в университете, ДИТР'е, клубе Балтийского завода и др. Шефских лекций в частях Красной Армии было прочитано более ста.

Большой кинофестиваль провели тогда Пушкинское общество с Лесотехнической академией им. С. М. Кирова в Большом зале Академии наук СССР. Здесь состоялся просмотр и обсуждение кинофильмов: «Капитанская дочка», «Дубровский», «Коллежский регистратор», «Поэт и царь». Сочувственные отзывы участников заслужили кинофильмы «Коллежский регистратор» и «Дубровский». Резкие высказывания были сделаны в адрес В. Б. Шкловского по поводу его сценария «Капитанской дочки».

Для студентов и преподавателей Лесотехнической академии также проводились автобусные экскурсии по теме «Пушкинский Петербург».

В деревне Вороницы Псковской области, между Михайловским и Тригорским, Пушкинское общество приобрело дом и устроило в нем экскурсионно-туристическую базу, которой летом 1936 г. заведовала я, одновременно проводя экскурсии по Тригорскому парку и городищу Воронич. В те далекие времена одним из украшений Тригорского парка была ель-шатер, возраст ее превышал 200 лет. Росли и восемь дубов из числа тех 24 дубов, которые при Пушкине составляли круг солнечных часов. Существовала в Вороницах и церковь, в которой Пушкин служил панихиду по Байрону.

С начала июня по ноябрь 1936 г. базу посетили 15 групп экскурсий и около 300 одиночных посетителей. Запомнились две экскурсионные группы: одна из них состояла из молодых ленинградских поэтов и писателей (Б. Шмидт, Б. Штавеман, Б. Кежун, О. Романов, Г. Холопов и др.), совершивших пеший поход из Ленинграда, и такая же молодежная пешая группа сотрудников Ленинградского центрального телеграфа.

Эксперсионная туристическая база взяла культурное шефство над колхозом им. Пушкина. Экскурсантами — членами Общества (поэт Л. М. Попова, А. С. Томашевич и др.) — были собраны деньги на покупку книг для библиотеки колхоза. Выпущен был номер стенной газеты, посвященный окончанию уборки и 112-й годовщине со дня ссылки Пушкина в Михайловское. Заметки и статьи десяти колхозников оформили художницы М. Н. Орлова-

Мочалова и Т. М. Правосудович, члены Общества, находившиеся тогда на экскурсионной базе. Был устроен и Пушкинский вечер в колхозе, на котором я прочитала доклад «Чем нам дорог Пушкин». С чтением стихотворений поэта выступили артисты Б. А. Болконский и Б. С. Гловацкий. Свои стихи о Пушкине прочитала Л. М. Попова. Присутствовало 150 колхозников.

3 августа 1936 г. в совхозе Октябрьской железной дороги в дер. Савкино был проведен еще один Пушкинский вечер (участники были те же самые). Присутствовало 200 рабочих совхоза.

12 августа преподаватель Педагогического института им. Герцена, член Пушкинского общества, К. П. Лахостский выступил в этом же совхозе с докладом «Жизненный путь Пушкина». Присутствовало 200 рабочих совхоза.

И наконец, 20 августа был устроен большой Пушкинский вечер на экскурсионной базе. На него кроме экскурсантов собралось около 150 колхозников.

В заключение надо отметить, что Пушкинское общество (его правление и рядовые члены) всегда принимало участие (совместно с Институтом литературы и другими организациями, в частности музеем на Мойке, 12) в различных пушкинских акциях. Вот некоторые из них.

30 октября 1936 г. состоялось торжественное собрание, посвященное 125-летию поступления Пушкина в Лицей. Оно происходило в Александровском дворце в Детском Селе. От Пушкинского общества выступил с докладом «Пушкин в Царском Селе» В. Ф. Широкий. Второй докладчик — А. И. Грушкин — остановился на вопросе о политическом значении лицейских годовщин и их истории. В заключение А. И. Шварц прочитал стихотворения Пушкина и В. К. Кюхельбекера, посвященные лицейским годовщинам.

8 февраля 1937 г. состоялось открытие обелиска на месте дуэли. От Пушкинского общества выступал рабочий завода «Электроприбор» Т. И. Ждан.

10 февраля на памятном заседании в музее «Последняя квартира Пушкина» произнес слово член правления Общества К. А. Федин.⁵ В тот же день состоялся большой вечер в зале Ленинградской государственной филармонии. Доклад «Наследие Пушкина» прочитал В. А. Мануйлов. В художественной части выступали оркестр Филармонии и солисты Театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

11 февраля в Академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова в торжественной части выступали члены правления Ю. Н. Тынянов и Н. С. Тихонов.

18 февраля — в день 100-летия со дня похорон А. С. Пушкина — в Пушкинских Горах доклад был сделан академиком Н. С. Державиным.

---

⁵ Оксенов И. А. Жизнь Пушкина. Л., 1937 (в приложении).

В 1938—1939 гг. наряду с продолжением основной деятельности Пушкинское общество еще более расширило круг своих интересов. В стране начиналась подготовка к 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

Еще осенью 1937 года В. А. Мануйлов был командирован Пушкинским обществом в Пензу, Чембар (ныне г. Белинский) и в с. Тарханы для ознакомления с состоянием и охраной памятных лермонтовских мест, а также для сбора материалов о жизни и творчестве Лермонтова.

В мае 1936 г. В. А. Мануйлов с этой же целью отправился в города Пятигорск, Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и Ворошилова (ныне Ставрополь). В Пятигорск для работы в качестве экскурсовода в музей «Домик Лермонтова» была командирована Пушкинским обществом и я. В. А. Мануйлов принимал здесь участие в обсуждении плана новой экспозиции музея, руководил подготовкой экскурсоводов, читал лекции о Пушкине и Лермонтове в Пятигорске и других городах Кавказских Минеральных Вод.

В это время председатель правления Пушкинского общества писатель А. Н. Толстой⁶ (Мануйлов был тогда его заместителем) лечился в Кисловодске. Приглашенный в музей, А. Н. Толстой посетил его и узнал о бедственном положении «Домика Лермонтова». А. Н. Толстой и В. А. Мануйлов составили открытое письмо о состоянии лермонтовского музея. Его подписали также В. Я. Кирпотин, Г. А. Гуковский, И. А. Оксенов, М. А. Цявловский. Письмо было опубликовано в газете «Известия» и привлекло к музею внимание общественности.⁷

В преддверии 125-летия со дня рождения Лермонтова (октябрь 1938 г.) в Москве открылся филиал Пушкинского общества. Деятельность его была сосредоточена в помещении библиотеки им. М. Ю. Лермонтова. Здесь проходили занятия лермонтовского семинара, И. Л. Андроников проводил консультации. В филиале активно действовали также писатель А. Н. Новиков и музыковед Е. И. Канн-Новикова. В марте 1939 г. в московском филиале Пушкинского общества состоялось чтение и обсуждение главы из книги В. А. Мануйлова о Лермонтове (часть первая «Семья и детские годы Лермонтова»), позднее опубликованной в ленинградском журнале «Звезда».

В Ленинграде Пушкинским обществом был организован лермонтовский семинар в Доме учителя, проводились литературные и литературно-музыкальные вечера, читались лекции о Лермонтове, в том числе лекция с диапозитивами «Лермонтов в Петербурге» (с ней выступала я).

---

⁶ См.: Мануйлов В. А. А. Н. Толстой в Пушкинском обществе: Из воспоминаний // А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985. С. 225—231.

⁷ См.: Яковкина Е. И. Последний приют поэта / 3-е изд. Ставрополь, 1975. С. 135—136.

Пушкинское общество приняло участие и в юбилейной научной сессии в Институте литературы Академии наук, где В. А. Мануйлов выступил с докладом «Проблемы биографии Лермонтова».

В заключение мне хочется еще раз подчеркнуть, что В. А. Мануйлов — неутомимый труженик, великолепный организатор, талантливый ученый и лектор — был душой, сердцем и фактически руководителем Пушкинского общества в течение нескольких лет. Без него Общество просто не могло бы существовать.

Л. Н. Назарова

IV. ХРОНИКА

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1989 г.

В городе Горьком сотрудниками музея Н. А. Добролюбова и преподавателями университета создан «Пушкинский клуб» с целью оказания помощи Горьковскому отделению Советского фонда культуры в осуществлении программы «Пушкин в сердцах поколений». Клуб будет участвовать в организации вечеров, концертов, праздников, средства от которых пойдут на мемориализацию и музеефикацию имени Пушкина и декабристов на нижегородской земле, на создание бюста поэта.

(«Горьковский рабочий», 2 января)

В Кишиневе в Доме-музее А. С. Пушкина состоялось первое январское заседание Пушкинской комиссии при Молдавском фонде культуры, посвященное подготовке к юбилею поэта. Главной темой обсуждения стала проблема возрождения пушкинских мест в Кишиневе.

(«Советская Молдавия» (г. Кишинев),
22 января)

Усадьба Остафьево, родовое имение Вяземских под Москвой, специальным постановлением Совета Министров СССР передана в распоряжение Государственного музея А. С. Пушкина. После реставрации там будет возрожден историко-литературный музей, созданный в 1899 г. и ликвидированный в тридцатые годы.

(«Известия», 21 января;
«Правительственный вестник», январь;
«Ленинское знамя» (Москва), 4 февраля)

Двенадцать подлинных пушкинских писем (10 к будущей жене, одно к ее матери и письмо к А. И. Беклешовой), а также одну копию письма к Н. Н. Гончаровой 18 января в Виндзорском зале женевского отеля «Бо Риваж» вручил заместителю министра культуры СССР Ю. Хильчевскому европейский директор фирмы «Сотби» Симон де Пюри. Эта коллекция была приобретена Министерством культуры на аукционе «Сотби» в 1988 г.

(«Советская культура», 24 января;
«Правда», 27 января;
«Ленинградская правда», 28 января)

В Государственном Большом театре СССР вновь идет опера «Пиковая дама» П. И. Чайковского. Спектакль возобновлен народным артистом СССР дирижером

Д. Китаенко и народным артистом СССР режиссером Б. Покровским. В опере заняты В. Пьявко, Н. Фомина, Ю. Мазурок, Е. Образцова и другие ведущие солисты.

(«Московская правда», 31 января)

Экранизацию повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» сделал по сценарию, написанному совместно с А. Шлепяновым, режиссер А. Орлов на Литовской киностудии при участии Ленфильма. В прокате она получила название «Эти... три верные карты». В роли Германна — А. Феклистов, графини — С. Станюта, Лизы — В. Глаголева.

(«Московская правда», 31 января)

В городе Горьком открылась благотворительная художественная выставка, где представлено более тысячи работ живописцев, графиков, скульпторов, мастеров прикладного искусства. Часть вырученных средств авторы решили перечислить на сооружение бюста А. С. Пушкина в Горьком.

(«Советская Россия», 1 февраля)

31 января в Министерстве культуры СССР состоялась церемония передачи писем Пушкина, купленных на аукционе «Сотби», Институту русской литературы АН СССР (Пушкинскому Дому). О значении возвращения реликвий на родину говорили на церемонии министр культуры СССР В. Г. Захаров, директор Пушкинского Дома Н. Н. Скатов, праправнук поэта Г. Г. Пушкин.

(«Вечерний Ленинград», 1 февраля;

«Московская правда», 1 февраля;

«Известия», 2 февраля;

«Советская культура», 2 февраля)

В Ленинграде в кафе «Литературное» на Невском, 18 началась традиционная декада пушкинских вечеров, посвященных последним, «дуэльным» дням поэта. В программе — выступления артистов Академического Малого театра оперы и балета, солистов Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, артистов Ленконцерта.

(«Вечерний Ленинград», 6 февраля;

«Северная правда» (Кострома), 7 февраля)

9 февраля в Ленинградской капелле имени М. И. Глинки состоялась вокальный вечер Лины Мкртчян, посвященный одновременно двум датам: годовщине гибели А. С. Пушкина и 150-летию со дня рождения М. П. Мусоргского. Были исполнены сцены из опер «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила».

(«Вечерний Ленинград», 10 февраля)

В Ленинграде во дворе Дома-музея А. С. Пушкина на Мойке, 12 прошло торжественно-памятное собрание ученых, артистов, писателей, посвященное 152-й годовщине со дня гибели поэта. Было произнесено «Слово о Пушкине», прозвучали шедевры пушкинской лирики.

(«Вечерний Ленинград», 10 февраля;

«Смена» (г. Ленинград), 11 февраля;

«Ленинградская правда», 11 февраля)

10 февраля в Ленинградском концертном зале прошел концерт «Музыка и музыканты пушкинского Петербурга», где прозвучали редко исполняемые произведения русских и зарубежных композиторов начала XIX века. Исполнители — заслуженная артистка РСФСР Р. Волкова и квартет Ленинградской филармонии.

(«Вечерний Ленинград», 10 февраля)

10 февраля, в день памяти А. С. Пушкина, поклониться его могиле пришли в Святогорье жители Пушкинских Гор, почитатели его поэзии из разных концов страны.

(«Псковская правда», 11 февраля)

10 февраля в бывшем имении сына поэта Г. А. Пушкина Маркучай, ныне Вильнюсский литературный музей имени А. С. Пушкина, Русский центр провел пушкинские чтения, посвященные 152-й годовщине со дня гибели поэта. Вечером в Пятиницкой церкви состоялась траурная панихида.

(«Советская Литва» (Вильнюс), 11 февраля)

10 февраля в Пскове у памятника А. С. Пушкину состоялся митинг-реквием, посвященный 152-й годовщине со дня гибели поэта.

(«Псковская правда», 11 февраля)

10 февраля в залах Калининградской художественной галереи открылась выставка прижизненных портретов лицейстов из собрания фондов Государственного музея А. С. Пушкина «Друзья моей души...», посвященная памяти поэта.

(«Калининградская правда», 11 февраля)

11 февраля в Москве в Концертном зале имени П. И. Чайковского Советский фонд культуры и Советский Фонд мира в рамках возрожденной программы «Русские сезоны» провели благотворительный вечер «...Пушкину...», посвященный 190-летию со дня рождения поэта. Впервые была исполнена в сценическом варианте народного артиста СССР В. Васильева музыка Д. Шостаковича к несохранившемуся мультипликационному фильму «Сказка о попе и работнике его Балде», состоялась премьера кантаты молодого композитора Л. Десятникова «Пинежское сказание о дуэли и смерти Пушкина».

(«Труд», 12 февраля;

«Известия», 13 февраля;

«Учительская газета», 14 февраля;

«Советская культура», 16 февраля)

В столице Эфиопии Аддис-Абебе в помещении советской постоянной выставки открыта экспозиция работ советских художников «Наш Пушкин».

(«Правда», 14 февраля)

В Московском государственном музее А. С. Пушкина на Кропоткинской улице открыта выставка экслибрисов, навеянных произведениями А. С. Пушкина

из собрания чехословацкого Литературного музея имени А. С. Пушкина в Бродяжах.

(«Литературная Россия», 3 марта)

В Ивановском областном художественном музее открыта выставка «Пушкин в произведениях советских художников», где представлены сто восемь графических и живописных работ.

(«Рабочий край» (г. Иваново), 9 апреля)

В Ленинграде во Всесоюзном музее А. С. Пушкина на Мойке, 12 открылась выставка «Пушкин и Мицкевич», часть материалов которой поступила из Варшавского музея Адама Мицкевича.

(«Ленинградская правда», 15 апреля;
«Известия», 6 мая)

В Калининградском театре кукол состоялся вечер поэзии «Мой Пушкин», организованный обществом пушкинистов при городском отделении Советского фонда культуры.

(«Калининградская правда», 21 апреля)

В Рижском музее истории литературы и искусства имени Я. Райниса открыта выставка «Пушкин и Прибалтика» из материалов музеев и частных коллекций, посвященная 190-летию великого поэта.

(«Советская молодежь», 13 мая;
«Голос Риги», 16 мая)

В Псковском педагогическом институте им. С. М. Кирова и Пушкиногорье прошли традиционные Пушкинские чтения, на которых выступили с докладами советские ученые.

(«Псковская правда», 28 мая)

XXIII Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии широко отмечался по всей стране: в Москве и Ленинграде, в Пушкиногорье и Северной Осетии, Оренбургской, Горьковской, Ленинградской и Калининской областях, в Калуге, Калининне, Чите, Одессе, Ярославле, Иркутске, Горьком, Кишиневе, Ташкенте, Вильнюсе, Риге, Таллине, Калининграде, Красноярске, Кургане, Свердловске, Новосибирске, Алма-Ате, Тамбове, Львове, в с. Захарово и Каменка, д. Языково Ульяновской области.

«Известия», 23 мая, 1 и 6 июня; «Вечерний Ленинград», 27 мая, 2, 5 и 6 июня; «Псковская правда», 28 мая, 1 и 6 июня; «Знамя» (г. Калуга), 30 мая, 3, 4, 6 и 7 июня; «Московская правда», 30 мая, 4 и 7 июня; «Калининская правда», 31 мая и 6 июня; «Забай-

кальский рабочий» (г. Чита), 31 мая; «Советская культура», 1 и 6 июня; «Ленинградская правда», 1, 3, 4 и 6 июня; «Ленинградский рабочий», 2 июня; «Ульяновская правда», 2 и 7 июня; «Красноярский рабочий», 2 июня; «Советское Зауралье» (г. Курган), 3 и 7 июня; «Вперед» (г. Пушкин), 3 и 6 июня; «Ленинское знамя» (г. Москва), 3 и 6 июня; «Советская Литва», 4 июня; «Горьковская правда», 4 и 6 июня; «Социалистическая индустрия», 4 июня; «Новгородская правда», 4 июня; «Правда», 5 и 6 июня; «Вечерний Свердловск», 5 и 9 июня; «Комсомолец» (г. Ростов), 5 июня; «Грозненский рабочий», 6 июня; «Восточно-сибирская правда» (г. Иркутск), 6 и 9 июня; «Казахстанская правда» (г. Алма-Ата), 6 и 8 июня; «Вечерний Новосибирск», 6 июня; «Тамбовская правда», 6 июня; «Советская Россия», 6 и 7 июня; «Комсомольская правда», 6 июня; «Горьковский рабочий», 6 и 10 июня; «Рабочая газета», 6 июня; «Лесная промышленность» (г. Москва), 6 июня; «Строительная газета» (г. Москва), 6 июня; «Московский комсомолец», 6 июня; «Литературная Россия», 9 июня; «Ленинская правда» (г. Петрозаводск), 9 июня; «Молодежь Эстонии» (г. Таллин), 9 июня; «Львовская правда», 10 июня; «Правда Востока» (г. Ташкент), 10 июня; «Молодежь Молдавии» (г. Кишинев), 20 июня; «Северный рабочий» (г. Ярославль), 25 июня.

Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила пластинку «Дорога к Пушкину». Стихотворения на пушкинскую тему В. Гоцупленко положил на музыку композитор В. Быстрыков, исполнил Н. Караченцев.

(«Львовская правда», 20 июня;
«Литературная газета», 21 июня)

В Алма-Ате в бывшем Кафедральном соборе организована книжно-иллюстративная выставка «Пушкин с нами», где представлены прижизненные издания поэта, лучшие работы пушкинистов, переводы Пушкина на казахский язык.

(«Казахстанская правда» (Алма-Ата),
29 июня)

В Москве открыта выставка работ из собрания Музея А. С. Пушкина, основное место в которой заняла скульптурная Пушкиниана Т. Бусыревой.

(«Правда», 12 июля)

В Москве в Музее А. С. Пушкина на Кропоткинской, 12 открыта выставка «Пушкин и Французская революция».

(«Лесная промышленность», 13 июля)

В Музей истории Суйды — бывшее имение А. П. Ганнибала — поступили новые экспонаты от потомков полководца Г. Б. Андреева и Т. Н. Алдышева: предметы старины, книги и даже личные вещи А. П. Ганнибала.

(«Вперед» (г. Пушкин), 1 августа)

На Михайловскую усадьбу, окрестные рощи и парк обрушился страшный ураган, поваливший свыше трехсот старых деревьев. Сотрудники музея и добровольные помощники взялись за работу по ликвидации последствий урагана.

(«Правда», 5 августа;
«Литературная газета», 9 августа;
«Литературная Россия», 11 августа)

В Гурузе в доме Ришелье открыт Музей А. С. Пушкина.

(«Литературная Россия», 11 августа)

Во Всесоюзный музей А. С. Пушкина поступила коллекция Р. И. Косцова, составленная из материалов по иконографии поэта — вырезки из газет и журналов, открытки, марки, экслибрисы, всего более 2800 репродукций.

(«Советская культура», 12 августа)

В Пушкинских Горах прошла двухдневная конференция, посвященная 165-й годовщине со дня приезда А. С. Пушкина в ссылку в село Михайловское. Директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко объявил о своем решении сложить с себя эти полномочия, которые он исполнял более 45 лет. В настоящее время С. С. Гейченко стал главным хранителем-консультантом музея.

(«Ленинградская правда», 24 августа;
«Советская Россия», 24 августа;
«Правда», 24 августа)

Фирма «Мелодия» выпустила новую грампластинку «В гостях у Пушкина»: на ее первой стороне записаны воспоминания С. С. Гейченко, музыка М. И. Глинки, П. И. Чайковского, Г. В. Свиридова. На второй стороне записаны рассказы художников Д. П. Бучкина и В. М. Звонцова, написавших в Пушкиногорье много картин.

(«Псковская правда», 30 августа)

1 сентября в Иркутске состоялось торжественное открытие бюста А. С. Пушкина работы скульптора Е. Стачкова.

(«Восточно-Сибирская правда» (Иркутск),
7 сентября)

В Горьком прошел праздник, посвященный 156-летию приезда 2 сентября 1833 года А. С. Пушкина в Нижний Новгород и 155-летию третьей Болдинской осени.

(«Горьковский рабочий», 7 сентября)

В Музее-заповеднике А. С. Пушкина в Болдино состоялась XIX научная конференция «Болдинские чтения», где выступили с докладами советские и зарубежные исследователи.

(«Советская культура», 9 сентября;
«Горьковская правда», 10 сентября;
«Ульяновская правда», 12 сентября)

В Витебске открыт памятник А. С. Пушкину скульптора И. Казака.

(«Советская Белоруссия» (г. Минск),
12 сентября)

Председатель правления Советского фонда культуры академик Д. С. Лихачев передал в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) не публиковавшийся подлинник письма 1834 года А. С. Пушкина французскому драматическому актеру Александру Ваттемару, купленный Советским фондом культуры на аукционе «Сотби».

(«Советская культура», 16 сентября)

Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина на Мойке, 12 выставлены дуэльные пистолеты Эрнеста де Баранта, из одного из которых был смертельно ранен поэт. Пистолеты были переданы Ф. Миттераном М. С. Горбачеву для временного показа в нашей стране.

(«Вечерний Ленинград», 26 сентября)

В Ленинградском изокомбинате «Художник РСФСР» выпущен альбом «Пушкин», где представлены репродукции с портретов, хранящихся в коллекции Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

(«Вечерний Ленинград», 29 сентября)

10 октября в Тбилиси открылся Центр грузинской Пушкинианы, который будет вести исследовательскую, переводческую и культурно-просветительскую работу.

(«Правда», 11 октября;
«Советская культура», 12 октября;
«Молодежь Грузии» (г. Тбилиси), 12 октября;
«Вечерний Тбилиси», 13 октября)

17—20 октября во Всесоюзном музее А. С. Пушкина состоялась конференция «Пушкинские музеи в современной культуре», в которой приняли участие сотрудники более двадцати пушкинских музеев страны.

(«Ленинградская правда», 18 октября)

19 октября в Ленинграде и городе Пушкине прошел праздник «День Лицея», в программе которого литературно-музыкальные вечера, лицейский бал в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина.

(«Вперед» (г. Пушкин), 19 октября;
«Социалистическая индустрия», 20 октября)

Праздник «Русская горница» прошел 24 октября в Музее А. С. Пушкина в селе Берново (Калининская область), где звучали любимые поэтом народные песни.

(«Советская культура», 25 октября)

В Москве в Государственном музее А. С. Пушкина состоялась конференция Советского фонда культуры, посвященная возрождению Всесоюзного Пушкинско-го общества.

(«Горьковский рабочий», 20 ноября;
«Литературная газета», 22 ноября;
«Литературная Россия», 22 ноября)

После 60-летнего перерыва вновь открылись для посетителей парк и Овальный зал Подмосковного музея-усадьбы князей Вяземских «Остафьево».

(«Литературная газета», 22 ноября)

Коллекцию зарубежной книжной Пушкинианы передали в Советский фонд культуры Лидия и Серж Варсолоно.

(«Известия», 30 ноября;
«Советская культура», 7 декабря)

В Тбилисском центре грузинской Пушкинианы в первоначальном виде воссоздан знаменитый петербургский салон А. О. Смирновой-Россет.

(«Молодежь Грузии» (Тбилиси), 26 декабря)

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

- Ангел («В дверях Эдема ангел нежный...») 86
Анжело 56, 71
Андрей Шенье («Меж тем как изумленный мир...») 42, 67
Анчар («В пустыне чахлой и скупой...») 118
Арап Петра Великого 6, 65, 67, 139
Арион («Нас было много на челне...») 71, 149
- Бахчисарайский фонтан 20, 48, 61, 65, 89, 90
Бова 41
Борис Годунов 8, 9, 34, 39, 41, 45, 47, 50, 53, 54, 56, 60, 62, 72, 86, 90, 91, 92, 201
Братья разбойники 213
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...» 86
«Бывало в сладком ослепенье...» 32, 33
- «В поле чистом серебрится...» 46
«В стране, где я забыл тревоги прежних лет...» (Чаадаеву) 64
«Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя...» 48, 112
«Во глубине сибирских руд...» 64, 65
Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей...») 40, 57, 86
«Ворон к ворону летит...» 86
«Восстань, восстань, пророк России...» 5—6, 7, 10
«Все в жертву памяти твоей...» 39
«Всегда так будет, как бывало...» 85
Выстрел 49
- Гавриилиада 45, 160
Гости съезжались на дачу 61, 151
Граф Нулин 201, 202, 217
Гробовщик 68
Гусар («Скребницей чистил он коня...») 86
- В. Л. Давыдову («Меж тем как генерал Орлов...») 32
«Дар напрасный, дар случайный...» 86
19 октября (1825) («Роняет лес багряный свой убор...») 86
Делибаш 86
Демон («В те дни, когда мне были новы...») 12, 32
Домик в Коломне 38, 47
Дориде («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...») 112
Дубровский 42, 43, 151, 219
- Евгений Онегин 7, 12, 13, 35—39, 41—52, 54, 55, 57—59, 61—66, 68—71, 76, 86, 88, 95, 122—132, 133, 201—205, 214, 218, 224

«Если жизнь тебя обманет...» 85

Заздравный кубок («Кубок янтарный полон давно...») 202

«Заступники кнута и плети...» 62

«Зачем крутится ветер в овраге...» 50

Зимнее утро («Мороз и солнце; день чудесный!») 36

Зимний вечер («Буря мглою небо кроет...») 86

«И я бы мог, как шут на...» 10

Из Гафиза («Не пленяйся бранной славой...») 180

Из Barry Cornwall («Пью за здоровье Мери») 119

Из письма к Вяземскому («В глуши, измучась жизнью постной...») 110

Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью...») 120—122

Иностранке («На языке, тебе невнятном...») 139

История Петра 91, 114

История Пугачева 39, 187

История села Горюхина 55

К*** («Я помню чудное мгновенье...») 41

К бар. М. А. Дельвиг («Вам восемь лет, а мне семнадцать было...») 36

К бюсту завоевателя («Напрасно видишь тут ошибку...») 32

К моей чернильнице («Подруга думы праздной...») 225

Кавказ («Кавказ подо мною. Один в вышине...») 57, 98

Кавказский пленник 49, 56, 89, 90

Каменный гость 35, 36, 38, 39, 41, 58, 60, 63, 66, 67, 71

Капитанская дочка 34, 38, 46, 56, 59, 64, 211, 219

«Когда погаснут дни мечтанья...» (В альбом) 85

«Кто из богов мне возвратил...» 48

Лицинию («Лициний, зришь ли ты...») 48

«Лук звенит, стрела трепещет...» (Эпиграмма. Из Антологии) 53, 58

Маленькие трагедии 45, 46, 48, 60, 118, 213, 214

«Мальчишка Фебу гимн поднес...» (Эпиграмма) 39

Медный всадник 46, 52, 57, 59, 69, 112, 113, 212, 213, 218

Метель 43, 69

«Мое беспечное незнание...» 32, 33

Монах («Хочу воспеть, как дух нечистый ада...») 45

Моцарт и Сальери 37, 39, 47, 52, 59, 60, 69, 116, 118, 119

На перевод Илиады («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...») 49

Наполеон («Чудесный жребий совершился...») 67

«Несколько раз принимался я за ежедневные записки» (Начало автобиографии) 64

«Ни блеск ума, ни стройность платья...» (М. Е. Эйхфельдт) 14

О ничтожестве литературы русской 113

О поэтическом слого 117

О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова 38

Олегов щит («Когда ко граду Константина...») 40

Орлову («О ты, который сочетал...») 19

Осень (Отрывок) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...») 37, 39, 45

Ответ Катенину («Напрасно пламенный поэт...») 115

Отрывки из писем, мысли и замечания 200, 202, 205

- Памятник («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») 36, 64, 66, 71, 217
 Песни западных славян 38, 59
 Песни о Стеньке Разине 58
 Песнь о вешем Олеге 38
 Пиковая дама 36, 38, 41, 44, 45, 52, 57, 58, 61, 63, 66, 68, 72, 212, 213, 223, 224
 Пир во время чумы 38, 60, 66
 Пир Петра Первого («Над Невою резво вьются...») 35, 70
 Плюсковой Н. Я. («На лире скромной, благородной...») 11, 17
 Повести покойного Ивана Петровича Белкина 38, 45, 47, 48, 58, 64, 65, 67, 69, 71
 Подражания Корану 7, 58
 Полководец («У русского царя в чертогах есть палата...») 213
 Полтава 49, 50, 51, 62, 66, 90, 104—105, 107, 117
 Послание Дельвигу («Прими сей череп, Дельвиг: он...») 201
 Послание к Галичу («Где ты, ленивец мой...») 70
 Послание к Юдину («Ты хочешь, милый друг, узнать...») 62, 128
 Поэт («Пока не требует поэта...») 56
 Поэт и толпа («Поэт по лире вдохновенной...») 56
 Поэту (Сонет) («Поэт! не дорожи любовью народной...») 36, 56
 «Пред испанкой благородной...» 38
 «Приветствую тебя, пустынный уголок...» (Деревня) 36
 Пророк («Духовной жаждою томим...») 3, 5—9, 10—12, 14, 17, 35, 48, 59, 67, 69
 Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года 8, 40, 150, 176—179, 187, 190, 194—195
 И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный...») 42
- В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...») 32, 33, 100—102
 Разговор книгопродавца с поэтом 67
 Русалка 46, 60, 62, 87, 103, 218
 Руслан и Людмила 41, 49, 59, 61, 89, 90, 218, 224
- «Свободы сеятель пустынный...» 32
 Сказка о золотом петушке 51, 52
 Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 87
 Сказка о попе и о работнике его Балде 58, 225
 Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 37, 41
 Скупой рыцарь 39
 Слеза («Вчера за чашей пуншевою...») 202
 Станционный смотритель 63, 70, 136
 Сцена из Фауста 16, 37
 Сцены из рыцарских времен 38
 Сын казненного стрельца 58
- Таврида 49, 151
 Тавит 40, 52
 Тайные записки 1836—1837 годов 35, 50, 51
 Талисман («Там, где море вечно плещет...») 202
 Тень Баркова 110
 Тень Фонвизина 39
 Ты и я («Ты богат, я очень беден...») 110
- Узник («Сижу за решеткой в темнице сырой...») 38
 Утопленник. Простонародная сказка («Прибежали в избу дети...») 86
- «Храни меня, мой талисман...» 34

«Цветы последние милей...» 39
Цыганы 36, 38, 42, 48, 61, 63, 86, 103, 107, 116, 155, 213, 214, 218

«Что в имени тебе моем?...» 110, 163
«Чугун кагульский, ты священ...» 46

«Шумит кустарник... На утес...» 102—107

Эйхфельдт М. Е. («Ни блеск ума, ни стройность платья...») 141, 144
Элегия («Безумных лет угасшее веселье...») 86, 126
Эпиграмма на А. Н. Муравьева («Лук звенит, стрела трепещет...») 53, 58
Эхо («Ревет ли зверь в лесу глухом...») 11, 12

«Я вас любил: любовь еще, быть может...» 36
Яньш-королевич («Полюбил королевич Яньш...») 87

Note sur la révolution d'Ipsylanti 208
Note sur Penda-déka 208

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелек А. Д. 35
Абашидзе Ираклий 59
Аббас-Мирза 174
Абдул-Гасан-Хан 174
Абдуллаева З. 34
Абрамович С. Д. 39
Абрамович С. Л. 34, 58, 59
Аверинцев С. С. 59
Аврамов И. Б. 18
Аврамов П. В. 18
Агаева Т. И. 38
Агранович С. З. 9, 34
Адеракс, генерал-лейтенант 176
Адилгазинов Е. З. 34
Адрианов Ю. 40
Азадовский М. К. 21, 24
Айвазовский И. К. 37, 72
Аксаков К. С. 12, 83
Алдышев Т. Н. 228
Алеко, семья 144
Александр I 8, 28, 29, 32, 40, 109, 134,
158—160, 162, 171, 175, 181
Александр II 63
Александров А. 218
Александров А. В. 38
Александрова И. В. 38, 49
Александрова Т. Г. 39
Александровский С. С. 94
Алексеев А. П., полковник 139, 141
Алексеев Л. 34
Алексеев М. П. 16, 17, 34, 153
Алексинский Грегуар 165
Алехина И. В. 56
Алешкевич А. А. 45
Али, мавр см. Морали
Алиева З. И. 34
Альбрехт А. И., генерал-лейтенант 140
Альбрехт Е. Г. 140
Альмединген Б. А. 215—217
Альми И. Л. 57
Амбокадзе Л. С. 39
Аминов Р. Г. 70
Ананьев А. А. 61
Андреев Г. Б. 228
Андреев П. З. 211
Андреева Г. А. 34
Андреианов И. Ю. 39
Андреианов Ю. П. 38
Андроников И. Л. 221
Аникин А. В. 34, 39
Анисимов Е. В. 39
Анненков П. В. 74, 77, 85
Аношкина В. Н. 45
Антипов В. 34
Анциферов Н. П. 55
Аполлодор 120
Арапова А. П. 63
Арзрумский сераскер 194
Аринштейн Л. М. 8, 58
Аристотель 48
Армалинский М. 51
Аронсон М. 82
Арсенин Д. Д. 40, 72
Арсеньев В. К. 40
Архангельский А. Н. 35, 48, 68, 69, 70
Арцыбашев Н. С. 206
Асадуллин А. М. 35
Асафьев Б. В. 217
Асеев А. 56
Асоян А. А. 57
Ахматова А. А. 35, 39, 45, 47, 49, 54,
61—63, 69, 214
Ахметзянова Г. Г. 47
Ахундов М. Ф. 34
Ахшарумов Д. И. 137
Б. Г. 152
Б...ий Е. см. Баратынский Е. А.
Багратион А., князь 181
Баева А. 35
Баевский В. С. 35, 58
Баевский Д. 50
Бажов П. П. 35
Базиянц А. 35
Байрон Дж. Г. 8, 15, 16, 48, 61, 89, 116—
119, 219
Бакулевский А. 50
Бакунина Е. П. 68
Бакунины 62
Баланеско В. М. см. Росетти-Бэлэне-
ску В. М.

- Балаян Р. 34, 60
 Балухатый С. Д. 217
 Бальзак, Оноре де 165—170, 172
 Бантыш-Каменский Д. Н. 92, 105, 106
 Баран Е. М. 49
 Барановская М. Ю. 206
 Барант, Эрнест де 70, 229
 Баратынский Е. А. 11, 12, 43, 61, 74, 78, 79, 81, 83, 85, 111, 112, 198
 Бардин, капитан 180
 Барклай де Толли М. Б. 156
 Барсуков Н. П. 199, 200
 Бартенов П. И. 5, 6, 43, 142, 155
 Бартенов Ю. Н. 35
 Барток Й. 88
 Бархатов А. 50
 Барятинский А. П. 18
 Басаркин Н. В. 18, 31, 191, 197
 Баскаков Н. А. 35
 Баскаков Н. П. 35
 Басманов А. 62
 Бассоли Карло 48
 Батурова Т. К. 56
 Батюшков К. Н. 37, 38, 45, 47, 49, 78, 79, 87
 Бахметьев А. Н. 137
 Бахтин Н. И. 116
 Башотэ Анастас 139
 Башотэ Григораш 140
 Башотэ Елена (урожд. Костаки) 139
 Башотэ Иоан 138—140
 Башотэ, семья 139, 140
 Баярди, инженер 140
 Безвиконый Георгий 135, 137, 139, 140, 142—145
 Безыменский А. И. 36
 Бейсов П. С. 29
 Бек де Фукьер Л. 121
 Беклешова А. И. 44, 223
 Бекович-Черкасский Ф. А., князь 189
 Белецкий А. И. 106
 Белинский В. Г. 79
 Белицкий Я. М. 36
 Белкин Д. И. 58, 173
 Белла, сестра Ю. М. Грейг 136
 Белова Л. М. 65
 Белова Н. М. 36
 Белоус А. Г. 47
 Белуха-Кохановский Павел П. 143
 Белуха-Кохановский Петр Павл. 143
 Белый А. (Бугаев Б.) 49, 56, 66
 Белый О. В. 48
 Бельх Е. 65
 Белькинд В. С. 36
 Бельская Л. А. 57, 71
 Бельченко В. Ф. 39
 Беляк Н. В. 37, 39
 Бендл В. Ч. 87
 Бенкендорф А. Х. 106, 107, 148—152, 168, 196
 Бенони Б. 88
 Берг Ф. Ф. 175
 Бергман А. А. 20
 Березин В. В. 68
 Березкина С. В. 58
 Беренштам Ф. Г. 215, 216
 Берестов В. Д. 36, 62
 Бессон Патрик 43
 Бестужев (Марлинский) А. А. 7, 79, 81, 83, 89, 91, 172, 190, 195, 197
 Бестужев Н. А. 207, 208
 Бестужев-Рюмин М. А. 77, 84
 Бестужевы, братья 195, 197
 Бибииков М. И. 207
 Бибииков М. М. 207
 Бибиикова А. 207
 Бибиикова Е. И. 207
 Бистрем Ф. А. 25
 Блаас К. 58
 Благой Д. Д. 6
 Блок А. А. 36, 38, 45, 49, 57
 Блудов Д. Н. 157
 Богаевская К. П. 76
 Богатырева С. 36, 65
 Богач Г. Ф. 139
 Богданович И. 79
 Богданович М. 49
 Бойар П. 93
 Бойко А. А. 48
 Бокарме, графиня 169
 Бокий И. С. 71
 Болконский Б. А. 220
 Бологовский Д. П. 27
 Болховской 187
 Большаков К. А. 36
 Бомарше Пьер Огюстен 39
 Бондарев Ю. В. 59
 Бондаренко А. 45
 Бондаренко Р. М. 49
 Бондарчук С. Ф. 60, 61
 Бонди С. М. 85
 Борисова М. В. 36
 Боровков А. Д. 18
 Бортневский В. Г. 39
 Ботвинник Н. М. 50
 Бочаров С. Г. 41
 Браво Хосе М. 51
 Брагинская Н. С. 36
 Брем А. Э. 103
 Бретали-Хан 174
 Брискорн О. К. 190
 Брискорн Ф. М. 190
 Брискорны 190, 191
 Бродский Н. А. 214
 Брудный Д. Л. 71
 Брунер В. Х. 88
 Брюллоу К. П. 112
 Брюсов В. Я. 38, 39
 Буало Депрео, Никола 56
 Бубнова Варвара 67
 Бубякина Г. Ю. 49
 Будаков В. В. 36

- Бузник С. Ф. 39
 Букалов А. 36
 Букетова Ж. П. 49
 Букина А. 42
 Булгаков А. Я. 54
 Булгаков М. А. 37
 Булгаков С. Н. 37, 70
 Булгакова Е. С. 37
 Булгарин Ф. В. 89, 113, 199
 Бунин И. А. 39, 56, 68
 Бунина А. П. 109, 128
 Бурбоны 165
 Бурсов Б. И. 37
 Бурцов И. Г. 18, 23, 24, 172, 182
 Бусырева Т. 227
 Буторов А. 62
 Бутринов, капитан 137
 Бутырин А. В. 40
 Бухарин, полковник 196
 Бучкин Д. П. 228
 Быстряков В. 227
 Бэлезнеску В. М. см. Росетти-Бэлезнеску В. М.
 Бюргер Г. А. 117
- Вавилова М. А. 37**
 Вагнер Л. 37, 72
 Вакхилд 120
 Ванновский А. 59
 Варехова С. И. 197
 Варинская А. М. 39
 Варсоно Лидия 230
 Варсоно Серж 230
 Васаль, негоциант 140
 Васильев В. В. 225
 Васильев Н. Л. 37
 Васильев Степан (книгопродавец) 85
 Васильева Оля 69
 Васильева Л. Н. 37
 Васильчиков И. В. 158
 Васильчикова Т. Н. 48
 Ваттемар А. 70, 229
 Вацуро В. Э. 5, 7, 12, 32, 37, 39, 58, 69, 70, 82, 85, 121, 205
 Веденьева Ж. А. 37
 Вейденбаум Е. Г. 173
 Велехов Л. 72
 Великанова С. И. 109
 Величко Л. И. 37
 Вельтман А. Ф. 40, 141
 Вельяшев Вл. 62, 70
 Венгеров С. А. 5, 35, 42, 75
 Веневитинов А. В. 6, 7, 12
 Веневитинов Д. В. 14—16, 78, 79, 81, 83, 198, 203, 206
 Венецианов А. Г. 129
 Вересаев В. В. 37
 Вершинина Н. Л. 57
 Веселков В. 40
 Ветловская В. Е. 54
- Вигель Ф. Ф. 114, 133, 136—140
 Вильманс Ф. 153
 Вильсон 118
 Винарская Е. Н. 37
 Виноградов В. В. 75, 115, 118
 Виноградов И. 122—123
 Виrolайнен М. Н. 37, 39
 Витгенштейн П. Х., граф 23, 26, 138
 Витт И. О. 164, 166—169
 Вишняк М. Я. 49
 Власенко Т. Л. 38
 Власова Н. 51
 Волжская С. А. 71
 Волков Г. Н. 38, 41
 Волков П. Ф. 133
 Волкова Е. И. 48
 Волкова Р. 225
 Волконская М. Н. см. Раевская М. Н.
 Волконский П. М. 158
 Волконский С. Г. 28, 50, 53, 107
 Вольперт Л. И. 38, 45
 Вольская Зинаида 61
 Вольтер (Мари Франсуа Аруз) 152
 Вольховский В. Д. 172—187, 190, 196, 197
 Вольценбург О. Э. 217
 Вомперский В. П. 72
 Воронцов М. С. 32, 50, 133, 134, 136—140, 168
 Воронцов-Вельяминов Г. М. 70
 Воронцова Е. К. 58
 Воронцовы 50
 Воскресенская Л. Н. 40
 Врангель Н. Н. 207
 Вронченко М. П. 117
 Врхлицкий Ярослав 93
 Всеволожский Н. В. 149
 Вульф Е. Н. 44
 Вульфы 50
 Выдрин Василий 136
 Высоцкий В. С. 66
 Высочина Е. И. 40
 Вышемирский В. 40
 Вышеславцев Б. П. 40
 Вяземская В. Ф. 7, 150
 Вяземские 223, 230
 Вяземский П. А. 5, 6, 8, 9, 30, 31, 54, 58, 65, 76—81, 83, 107, 110, 123, 155, 157—160, 209, 210, 214
- Г. см. Дантес**
 Гавличек-Боровский К. 87, 88
 Гаврилов А. К. 40
 Гаврищева Г. П. 49
 Гаджиев А. 40
 Гаевский В. П. 109
 Гайтукаев К. Б. 40
 Галанин И. 129
 Галас Франтишек 94, 95
 Галахов Ал. 10, 85

- Галеев А. 40
 Галек В. 88
 Галиченко А. А. 50
 Галкин Ю. Ф. 40
 Галушко Т. К. 58, 107
 Галченков Ф. 122
 Гальцева Р. 59, 62
 Гамалея И. П. 29, 30
 Гампельн Карл 109
 Гангблов А. С. 172
 Ганка В. 86, 87
 Ганнибал А. П. 58, 61, 228
 Ганнибалы 39, 60
 Гансгирг А. 86
 Ганская Эва (Эвелина-Констанция)
   Адамовна 165, 169, 170, 171
 Гарайс А. 88
 Гартунг М. А. 52
 Гаршин В. М. 49, 69
 Гастфарт, полковник 185
 Гастфрейнд Н. 173—175, 182—184, 186
 Гдалин А. Д. 41
 Гей Н. К. 41
 Гейченко С. С. 41, 42, 50, 56, 57, 60, 62,
   71, 72, 228
 Геккерн см. Геккерн Луи-Борхард де
   Беверваард, барон
 Геккерн см. Дантес Геккерн Жорж-
   Карл, барон
 Геккерн Луи-Борхард де Беверваард,
   барон 72, 93
 Гельд Г. Г. 120, 121
 Ген, капитан 184
 Геннади Г. Н. 80
 Гербель Н. В. 81, 83
 Герен Ж. 57
 Германова Б. 88
 Герцен А. И. 42, 43, 217, 220
 Герчук Ю. Я. 41
 Герштейн Э. Г. 35
 Гесснер Саломон 198
 Гете И. В. 11—17, 72, 117, 122—126
 Гиллельсон М. И. 114, 205
 Гинзбург Л. Я. 41, 82
 Гликман И. Д. 41
 Глинка А. П. 156
 Глинка М. И. 41, 77, 223, 228
 Глинка С. Н. 199
 Глинка Ф. Н. 78, 79, 81, 87, 156, 158
 Глиноецкий Н. П. 176, 184
 Глумов А. Н. 215
 Глухих В. М. 41
 Глушкова Т. 69
 Глущенко Е. В. 41
 Гнеденко В. 70
 Гнедич Н. И. 7, 52, 149, 157
 Говоруха-Отрок Ю. Н. 69
 Гоголь Н. В. 42, 45, 51, 54, 56, 60, 61, 63,
   73, 77, 78, 98
 Голицына Авдотья 58
 Голицына А. С., княгиня 165, 169, 170
 Голицына В. Н. 57
 Голлербах Э. Ф. 55
 Голобоков В. 41
 Головацкий Б. С. 220
 Головачева А. Г. 49
 Гольшешва А. И. 57
 Гонзага Томас Антониу 146, 147
 Гонзаго Пьетро 204
 Гончар О. 59
 Гончаров И. А. 61, 71
 Гончаров Н. А. 55
 Гончарова А. Н. 35
 Гончарова Е. Н. 91
 Гончарова Н. И. 223
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Гора Йозеф 87, 93—95
 Горак Иржи 94, 95
 Горащий 48, 54
 Горбачев М. С. 229
 Горбачева С. 62
 Горбовский Г. 59
 Горбунов Ю. А. 64
 Гордин А. М. 41, 46, 49
 Гордин Р. Р. 41
 Гордин Я. А. 18, 41
 Горелов Л. 62
 Горелов П. 54
 Горобцова Л. Г. 41
 Горохова Е. 68
 Горчаков А. М. 68
 Горчаков В. П. 136, 141, 142, 144
 Горчаков Д. П. 123
 Горчакова Э. 72
 Горшман А. М. 206
 Горький А. М. 37, 39, 41, 211, 217
 Горячева Т. В. 70
 Гофман М. Л. 149—151
 Гоцуленко В. 227
 Граббе П. X. 155—163
 Грабовская В. Н. 3, 145
 Гранин Д. А. 59
 Грановская Н. И. 9, 41
 Граттан Т. К. 154
 Грашин Н. 41
 Гребенка Е. П. 11, 12
 Грейг А. С. 136
 Грейг Ю. М. 136
 Грехов В. 72
 Греч А. Н. 109, 112
 Греч Н. И. 89, 157, 191
 Гречко В. А. 41
 Грибовский 158
 Грибоедов А. С. 35, 57, 61, 63, 172, 173,
   181, 182
 Григорий Книжник см. Геннади Г. Н.
 Григорьев В. 69
 Григорьев В. П. 44
 Грин А. С. 49
 Гринкевич Н. 70
 Грицкевич М. Р. 39
 Гришунин А. Л. 36

- Гродская Н. С. 55
 Громбах С. М. 39, 42
 Гроссман Л. П. 20, 215
 Грот К. Я. 173
 Грот Я. К. 172, 173
 Грошева Е. А. 66
 Грушкин А. И. 217, 218, 220
 Грушников О. 42
 Губер Э. И. 17, 47
 Гуковский Г. А. 213, 221
 Гуль Р. 61
 Гульченко В. 72
 Гуменная Г. Л. 42, 45
 Гура В. В. 37
 Гуральник У. А. 65
 Гурвич И. А. 42
 Гуржеев И. И. 137
 Гурилев А. Л. 82
 Гурьев А. 70
 Гурьянов И. Г. 78—82
 Гурьянова Н. М. 48
 Гусев А. И. 42
 Гусев Вл. 59, 69
- Давлетбаева К. 42
 Давыдов В. Л. 150, 210
 Давыдов Д. В. 37, 54, 69
 Давыдов Е. В. 211
 Давыдов Л. Д. 37
 Давыдова Е. С. 208
 Давыдова Н. 69
 Давыдова Н. Я. 211, 212
 Давыдовы 58, 112
 Данте А. 57, 117
 Дантес Геккерн, Жорж-Карл, барон 45,
 91, 92—93, 163
 Даоуд Хуссаин С. 39
 Даргомыжский А. С. 36, 62
 Дашков Д. В. 157
 Двойченко-Маркова Е. М. 136, 140
 Дебу И. 185
 Девиtte Н. 129
 Дейч Г. М. 42
 Делакву, инженер 140
 Деларю М. Д. 165
 Дельвиг А. А. 56, 74, 77—83, 177, 198
 Дементьев М. 52
 Ден Т. П. 20
 Дени Л. 72
 Денисов, чиновник 140
 Дербенев Г. И. 38
 Державин Г. Р. 7, 78, 79, 115, 128, 130,
 131
 Державин Н. С. 212, 213, 215, 217, 220
 Десятников Л. 225
 Дешан Д. И. 129
 Джанумов С. А. 42, 56
 Джассим Фалах Х. 39
 Джусупов У. 71
 Дибич И. И. 176, 184, 186
- Дикарева С. С. 49
 Динес В. А. 57
 Дмитриев И. И. 79, 123
 Дмитриев М. А. 203
 Дмитриева Л. 42
 Добринская Л. Б. 36
 Добролюбов Н. А. 223
 Довгий О. Л. 39, 49, 116, 119
 Додонова Г. В. 72
 Доланский Юлиус 87, 99
 Долгоруков П. И. 137
 Долинин А. С. 42
 Домницкая Г. С. 48
 Доминьяк А. В. 49, 72
 Дон-Аминадо (Шполянский А. П.) 68
 Дорваль Мари 170
 Доризо Н. К. 59
 Досмаханова Р. А. 42—43
 Достоевский Ф. М. 34, 42, 43, 46, 49, 56,
 217
 Доу Джордж 34
 Д-ръ В-й 84
 Драганов П. Д. 35
 Драгоманов В. 105
 Дрентельн 22
 Дроздовский В. П. 39
 Дружинин Н. М. 18
 Дубровский А. В. 3, 73
 Дубровский Г. А. 51
 Дугласы 103, 104
 Дурдыев М. 43
 Дюбо Б. А. 57
 Дюбрюкс Августин (Павел) Алексее-
 вич 48
 Дягилев С. П. 207
 Дягутис А. 72
- Евгений, митрополит Киевский 92
 Евдокимов К. 72
 Еврипид 48
 Евсиков О. 47
 Егоров А. Е. 130
 Егоров Ю. 43
 Егорова Б. 43
 Елизавета Алексеевна, императрица,
 жена Александра I 134
 Елисеев В. С. 217
 Ельдесов Д. 70
 Емелин С. С. 214
 Емельянова Т. В. 39
 Енишерлов В. 62, 65, 70
 Еремеев А. Э. 43
 Ермаков Н. 43, 72
 Ермолов А. П. 18, 156, 186
 Ерофеева Н. 69
 Есаулов А. П. 50
 Есенин С. А. 52, 71
 Есенский Я. 94
 Есин Б. И. 43
 Есипов В. 68

Ефремов А. 69
Ефремов П. А. 75, 82, 83

Жандр Н. П. 55
Жарова А. 43
Ждан Т. И. 220
Желтухина О. А. 49
Жигодский Н. 43
Жирмунский В. М. 12, 17, 123, 126
Житомирская С. В. 62
Жихарев С. П. 36
Жомини, генерал 64
Жуйкова Р. Г. 36, 39
Жук В. 61
Жуковский-1, генерал-майор 184—186
Жуковский В. А. 8, 9, 44, 45, 58, 62, 67,
74, 77—79, 81, 83, 85, 89, 117, 123,
126, 128, 131, 210
Журибеда Ж. 60
Жучков В. 43

Заблоцкий-Десятковский А. П. 18, 21,
23, 24, 26
Загребальная Т. А. 71
Задека Мартын 70
Зажурило В. К. 43
Зайцев А. Д. 43
Зайцев Б. К. 43, 68
Зайцев Н. И. 48
Зайцева В. В. 3, 34, 39
Закревский А. А. 21, 23, 26
Закруткин В. А. 214, 215
Залесская Г. Г. 71
Зальгин С. П. 59
Замятнина М. 43
Зархи С. Б. 71
Захаров В. 44
Захаров В. Г. 224
Зверев Г. 62
Звирбулис Ю. Т. 69
Звонцов В. М. 228
Звягинцев А. 62
Зеленецкий К. П. 134
Зелинский В. А. 203
Земцова Т. 53
Зепалова Т. С. 44
Зильберштейн И. С. 52, 62, 207
Зинченко В. Г. 38
Зитек В. 88
Золотарев А. М. 137
Золотов А. 44
Золотцев С. 44
Золян С. Т. 44
Зощенко М. М. 44, 47
Зубарева Е. Е. 42
Зубилевич М. 44
Зубков С. Д. 12
Зубченко А. А. 53
Зуев Н. 44

Зуева Т. В. 44
Зусман В. Г. 44
Зябрева Г. А. 49

Ибрагимбеков Р. 60
Иван, денщик 158
Иванов Г. 44
Иванов И. А. 130
Иванов Ю. 38
Иванова Н. 69
Иванова Т. Ф. 70
Иванчук И. А. 57
Ивашев В. П. 18
Иезуитова Р. В. 10, 39, 44, 58
Иеремия, пророк 9
Измайлов А. Е. 84
Измайлов Н. В. 211
Илличевский А. Д. 74, 81
Ильев С. П. 38, 48
Ильин В. В. 59
Ильин-Томич А. А. 44
Ильина Н. 41
Ильинская Н. Г. 50
Ильчук Ю. 44
Ильяш А. Е. 39
Ильяшенко, медик 180, 181
Илющечкин В. Н. 49
Инзов И. Н. 22, 29, 31, 89, 133, 136—138,
143, 144
Инфантьев Б. 44
Ионко М. 44, 70
Ипсианты А. К., князь 208, 209
Ипсианты, семья 135
Ирошников Ю. 45
Исайя, пророк 6, 9, 10
Исаков С. 71
Искандер Ф. А. 45, 59
Искрин М. Г. 45, 70
Ишимова А. О. 152
Ишутин В. В. 45
Ищенко Е. 45

К-в 59
К-въ М. 59
К-въ П. 59
К-ий В. 83, 84
Каваржович К. 88
Каган Ю. 70
Казаков И. 229
Казаков А. 40
Казакова Н. А. 48
Казарин В. П. 49
Калачева С. В. 38
Калигула, римский император 28
Калинина О. П. 52
Кальма А. И. 68
Каменский-2, граф 181
Кандалов А. 72
Канн-Новикова Е. И. 221

- Кантакузин Г. М., князь 139
 Канунова Ф. З. 197
 Капнист В. В. 79
 Караибрагимова В. К. 71
 Карамзин Н. М. 8, 79, 81, 123, 199, 202, 205, 206
 Карамзина-Мещерская Е. Н. 70
 Караченцев Н. 227
 Карелина Г. 36
 Кареме М. А. 40
 Карл X, французский король 165
 Карпенко М. А. 39, 49
 Карпенко Ю. А. 38
 Карпинский А. П. 211
 Карташова И. В. 39, 51
 Карякин Ю. 62
 Касаткина В. Н. 56
 Касаткина Н. 123
 Каспари А. А. 17
 Кассин Е. 36
 Кастанье И. А. 64
 Касымбаев Ж. 45
 Катаржи Смарианда 144
 Катаржи Элива 142, 143
 Катенин П. А. 8, 115—119
 Катышева Д. Н. 45
 Кац Б. А. 45
 Каченовский М. Т. 206
 Кашкова В. 46
 Квасов Д. Д. 57
 Квиорога 27
 Кедров К. 46
 Кежун Б. 219
 Кезина Т. Н. 46
 Кеклидзе К. 173
 Кепп Е. П. 218
 Керасиди Н. Х. 48
 Керн А. П. 46, 147, 148
 Керцелли Л. 50, 62
 Керчелаева Н. Б. 40
 Кибальник С. А. 38, 46, 48, 68
 Кикта В. 43
 Киос-Магомет-паша 189, 194
 Кипренский О. А. 72, 206—207
 Киреев В. Л. 46
 Киреевский И. В. 58, 198, 202, 203, 206
 Кирилук З. В. 48
 Кирнозе З. И. 48
 Кирпотин В. Я. 221
 Киселев П. Д. 3, 18—33, 133, 137
 Киселева С. С. (урожд. Потоцкая) 20
 Кистанов К. 70
 Китаева А. К. 215
 Китаенко Д. Г. 224
 Кишкин Л. С. 86, 87
 Клушин А. И. 123
 Книппер-Чехова О. Л. 211
 Князев А. В. 46
 Князева Т. 62
 Кобекин В. 35
 Кобеко Д. 172
 Кобзев Н. А. 49
 Ковалева Т. В. 3, 163
 Ковальчук Л. В. 48
 Коган Л. Р. 214, 215, 217, 218
 Кожакару В. М. 48
 Кожевников В. 46
 Кожевникова Н. А. 46
 Кожин А. Н. 46
 Кожинов В. В. 62, 72
 Козлов И. И. 78, 79, 81, 85, 157
 Кока Г. М. 218
 Колганова А. А. 46
 Колесников А. Г. 29
 Коллар Ян 86, 93
 Колосова Г. 67
 Колосова Н. 52, 62
 Колтухова И. М. 49
 Кольридж С. Т. 117, 118
 Кольцов А. В. 61
 Коляда И. М. 47
 Комаров Н. И. 18
 Комнено Мария 144
 Конашевич В. М. 53
 Кони А. Ф. 47
 Кониский Георгий 105
 Коновалов В. Н. 51
 Коновалова Л. И. 47
 Константин Павлович, великий князь 175
 Кончин Евграф 47
 Копта Й. 94
 Корнель Пьер 117
 Корнилова А. В. 47
 Корнилова В. В. 47
 Корнуолл Барри 11, 39, 49, 118, 119
 Корованенко Т. А. 47
 Коровин О. 63
 Королев А. В. 47
 Королева-Болтовская Л. Н. 48
 Коротеева В. С. 71
 Корфы 187
 Корхмязян Н. С. 47
 Корш Ф. Е. 35
 Коряшук В. А. 71
 Костаки, семья 144
 Костаки-Болдур-Лэцэску Ионицэ, ар-маш 144
 Костров Е. И. 123
 Косцов Р. И. 228
 Котин В. 47
 Коубек Праволов 90
 Коубек Я. П. 87, 93
 Коцебу, полковник 179, 186
 Кочубей В. А. 104—105
 Кочубей Виктор Павл., князь, граф 108
 Кочубей Н. В. 68
 Коцюбинский М. М. 39
 Кошелев В. А. 10, 45, 47, 49
 Краббе К. К., фон 196
 Краббе С. Ф. (урожд. Колачевская) 196
 Краваль Л. 47, 68, 134, 135

- Краснобородько Т. И. 8, 47, 58
Красногорская Э. 87
Красова Б. 88
Красухин Г. Г. 59, 71
Кратохвил Я. 94, 95
Крейн А. 70
Кржижановский С. Д. 69
Кржичка Петр 87, 94, 96—98
Кржичкова Анна 96—98
Крикун Н. 47
Криницкий Н. А. 137
Криницкий С. С. (по Липранди) см.
Криницкий Н. А.
Кротов М. 47
Крупенская Екатерина (в замуж. Стур-
да) 144
Крупенская Зоица (в замуж. Костаки-
Болдур-Лэцэску) 144
Крупенская Зоица 144, 145
Крупенская Мария 144
Крупенская Мария (урожд. Милло)
143, 144
Крупенские, семья 135, 142, 144
Крупенский Григорий 144
Крупенский Григорий (II) 144
Крупенский Джорде 144
Крупенский Иордаки 144
Крупенский Иордаки Лупу 143, 144
Крупенский Константин 144
Крупенский Матей 144
Крупенский Скарлат 144
Крупенский Теодосий 144
Крупенский Тудор 144
Крупенский Тудор (Федор) 144
Крутикова Н. Е. 49
Крылов И. А. 38, 157, 161, 162
Крюднер Варвара Юлия 171
Крюков, поручик 192
Крюков А. А. 18
Крюков Н. А. 18
Кряжевич Д. М. 49
Ксенофан Колофонский 48
Кубка Франтишек 94
Кувшинская Л. А. 50
Куза Елена 142, 143
Кузнецов И. С. 122
Кузнецова О. В. 50
Кузнецова Э. В. 50
Кузьменко М. А. 50
Кузьмина Л. И. 43
Кулагин А. В. 38, 45, 105, 107, 115, 119
Кулешов В. И. 59, 67, 69
Куликов Н. И. 50
Кулиш П. 49
Кумпан К. А. 114
Кунин В. В. 56
Куницын Г. 46
Куняев Ст. 69
Куприн А. И. 56
Курбский А. М., князь 8
Курганов Н. Г. 55
Курилов, подполковник 158
Курьянов С. О. 49
Кутепов А. 51
Кутузов-Смоленский М. И., князь 79
Куфаев М. Н. 217
Кушлина О. 68
Кушнер А. С. 59
Кюхельбекер В. К. 8, 42, 83, 111, 112,
220
Лабунько О. И. 38
Лавренов В. А. 49
Лавров Н. В. 50
Лавров П. Л. 35
Лагинов Е. Е. 18
Лажечников И. И. 50, 87
Лазарев Л. И., полковник 189
Лакруа Жюль 170—172
Лакруа Поль (Библиофил Жакоб) 170,
171
Ламартин Альфонс 129
Лангер Фр. 94
Ланда С. С. 26
Ланжерон А. Ф., граф 137
Лансере П. Е. 216
Ланская Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
Лапкина Г. А. 6
Ларионов А. 50, 72
Ласунский О. 55, 64
Лаутерерова Б. 88
Лахно С. Н. 45
Лахостский К. П. 220
Лацис А. 35, 46, 50
Лебедева О. Б. 38, 45
Левашев Е. 34
Левашов В. В., генерал 191
Левина Ю. И. 58
Левичева Т. И. 39, 208—210
Левкович Я. Л. 44, 51, 58, 67, 78, 80, 113,
149, 150, 208—210
Левченко Вл. 51
Левченко М. А. 51
Лейферкус С. 69
Лекс М. И. 138
Леман А. К. (урожд. фон Краббе) 196
Леман Е. П. 3, 194, 197
Леман Мария Макс. 191
Леман Мих. Мих. 191
Леман Н. М. 191
Леман П. М., полковник 187, 189—197
Лемченко Г. 173
Ленин В. И. 35, 42, 46
Ленюшкина Л. Г. 56
Леонов П. 72
Леонова Н. Г. 51
Лепарский С. Р. 159, 163
Лермонтов М. Ю. 36, 37, 40, 43, 54, 55,
61, 64, 66, 98, 216, 221, 222
Лернер Н. О. 5, 35, 75, 105, 212
Лесков Н. С. 56, 67

- Лесман М. С. 46
 Лесневский Ст. 60
 Лессинг Г. Э. 125
 Лесскис Г. А. 58
 Летягин Л. Н. 57
 Лжедмитрий I Самозванец 60, 90, 169
 Ливанов А. 51
 Лизгара (Лицгари), муж Беллы, поручик 136
 Лилич Г. А.
 Лимонов В. 69
 Липранди И. П. 19, 27—31, 45, 107, 135—141, 145
 Листов В. С. 58
 Лифарь С. 51, 62, 70, 149, 150, 151
 Лифшиц М. 59
 Лихачев Д. С. 9, 39, 51, 52, 56, 59, 62, 69, 72, 229
 Лишина М. Ф. 145
 Лобарева В. С. 51
 Лобачевский Н. И. 46
 Лобзова Л. В. 70
 Лоло (Мунштейн Л. Г.) 68
 Ломоносов М. В. 57
 Лонгинов Н. М. 137, 138
 Лорер Н. И. 191
 Лосев А. 44, 59
 Лосев В. И. 37
 Лотман Л. М. 10
 Лотман М. Ю. 76
 Лотман Ю. М. 27, 51, 69, 76, 79, 112, 124, 125, 127, 157, 158, 214
 Лоциц Ю. 59
 Лувель 55
 Лузанов Д. 219
 Лузянина Л. Н. 56
 Лукаш И. 70
 Лукин В. 68
 Лукьянова Л. М. 48
 Лунин М. С. 160
 Лупан А. 59
 Львовская З. Д. 51
 Любимов Юрий 72
 Любомудров А. М. 51
 Людовик XIII, французский король 170
 Люсый А. П. 49
 Ляско К. 68
- Маврогени П. 69
 Маевская Т. П. 49
 Мазепа И. С. 51, 104—105
 Мазуренко Н. 51
 Мазурок Ю. А. 224
 Майборода А. И., капитан 190
 Майерова Мария 94, 95
 Майков Л. 172
 Маймескул Е. А. 49
 Маймин Е. А. 52, 69
 Макаров Б. А. 82
 Макаров В. 60
- Макашин С. А. 55
 Макдональд Г. 174
 Маклакова Г. В. 71
 Макогоненко Г. П. 54
 Максимов Е. 52, 70
 Максимова Т. Ю. 56
 Максимович М. А. 56, 105
 Малиновский И. В. 173, 174, 176
 Мальцев И. С. 182
 Мальчукова Т. Г. 48
 Малютина Н. П. 38
 Мамаев С. Г. 49
 Мандельштам О. Э. 48
 Манжора Б. Г. 52
 Манн Ю. В. 54, 197
 Мануйлов В. А. 210—215, 217, 218, 220—222
 Мари, пьесомолец 140
 Марини П. Я. 137
 Маркевич Н. А. 49, 81
 Марков А. 52
 Маркова Т. Н. 52
 Маркова-Виноградская А. П. см. Керн А. П.
 Маркович В. М. 58
 Маркс К. 57
 Мармон Август Фредерик Людовик Виесс, де, маршал, герцог Рагузский 164—169
 Мартыненко, медик 180
 Мартынов Л. Н. 58
 Мартынова Н. В. 59
 Мартянова С. А. 52
 Марусин Ю. М. 69
 Марцинквичюс Юстинас 59
 Марченко А. 63
 Масанов И. Ф. 203
 Матюшкин Ф. Ф. 39, 182—186
 Маха К. Г. 88, 90
 Махал Ян 94
 Махов А. Е. 48
 Мацапура В. И. 39, 52
 Мацкевич Н. И. 63
 Медведева И. Н. 32, 101, 102
 Медерский Л. 114
 Межаков П. А. 129
 Межиров А. П. 59
 Мейдорф Г., полковник 175
 Мейерхольд В. Э. 36, 41
 Мейлах Б. С. 65
 Мейснер А. 129
 Мельник В. И. 71
 Мельников В. П. 40
 Меншутина О. И. 52
 Мережковский Д. С. 68, 72
 Мерзляков А. Ф. 78, 79, 105
 Мериме Проспер 48
 Мерлин В. В. 52, 57, 70
 Мерлиний, полковник 138
 Мехура Л. Е. 88
 Мечников И. И. 38

- Мещерякова Н. Я. 44
 Микешин М. И. 52
 Микишатьев М. Н. 52
 Микулин С. Д. 155
 Милашевский В. А. 55
 Милло Андрей 143
 Милло Василий 142, 143
 Милло Василий (II) 143
 Милло Екатерина 143
 Милло Енаке Тома 143, 144
 Милло Зоица 142—145
 Милло Ион 143
 Милло Йордаки Енаке 142—145
 Милло Константин 143
 Милло Мария 142, 143
 Милло Матей 143
 Милло Пульхерия (Профира) (в замуж.
 Белуха-Кохановская) 143
 Милло Роксандра 142
 Милло, семья 142, 143, 145
 Милло Смаранда 143
 Милорадович М. А. 108, 113—115
 Мильтон Джон 39
 Мильчина В. А. 120
 Милютин Д. А. 20
 Миндерене А. 52
 Минина А. И. 58
 Минкин А. 52
 Мироненко М. П. 59
 Мироненко С. В. 56, 59, 190
 Миронов Г. М. 47
 Миронов Л. Г. 47
 Митина Л. 53
 Митрохина М. И. 48
 Миттеран Франсуа 229
 Михаил Павлович, великий князь 72,
 175
 Михайлов В. Н. 49
 Михайлов О. 59
 Михайлова И. 54
 Михайлова Л. 69
 Михайлова Н. И. 39, 53, 58, 79, 132
 Михайлова О. И. 35, 53
 Михайловская Н. 53
 Мицкевич Адам 150, 152, 226
 Мкртчян Лина 224
 Мнишек Анна 169
 Мнишек Георгий 169
 Мнишек Марина 169
 Модзалевский А. В. 216
 Модзалевский Б. А. 13, 35, 58, 110, 111,
 153, 155, 209
 Модзалевский Л. Б. 58, 118, 145, 150,
 153, 212, 213, 217
 Мозевский 29
 Мозовский, генерал 199
 Моисеенко Е. В. 51
 Молева Н. 50
 Молок Ю. 53
 Монюшко Адам 170
 Монюшко Алина 169—170
 Моравский Станислав Апполинарий
 114
 Морали 133
 Морган С. 154
 Мордвинов Н. И. 18, 19
 Морева Т. Ю. 38
 Морозов П. О. 5, 101
 Москвин И. И. 211
 Московкин И. И. 218
 Мостовая Е. М. 71
 Модарт В. А. 37, 39, 52, 58, 59, 116, 118,
 119
 Мочульский К. В. 69
 Мошинская Р. П. 53
 Мрштик В. 87
 Мужик А. Е. 93
 Муза Е. 43
 Муравьев Александр 172
 Муравьев Андрей Ник. 58
 Муравьев Никита Мих. 175, 206—207
 Муравьев Р. Н. 207
 Муравьева Е. Ф. 207
 Муравьева О. С. 58
 Муравьева С. Н. (в замуж. Бибикова)
 207
 Муравьев-Апостол М. И. 207
 Муравьев-Апостол С. И. 190, 207
 Муравьев-Карский Н. Н. 172, 179, 180,
 181
 Муравьевы 158, 207
 Муравьевы-Апостолы, семья 207
 Мурадян И. В. 38
 Мурин 67
 Муромская Т. 70
 Мурузи Смаранда 144
 Мурьянов М. Ф. 53, 68
 Мусатов В. В. 57
 Мусий В. Б. 38
 Мусин-Пушкин С. А. 47
 Мусоргский М. П. 34, 50, 53, 54, 60, 62,
 224
 Мустафа-паша 194
 Мухина С. А. 53
 Мысловская Л. В. 48
 Мюссе Альфред, де 38
 Мясоедова Н. Е. 3, 174, 177, 178, 180,
 182, 184, 187
 Набоков В. В. 53, 64, 70
 Нагибин Ю. М. 53
 Нагорная Н. М. 49
 Надеждин С. 53
 Назарова Г. И. 43
 Назарова Л. Н. 43, 216, 219, 221, 222
 Назарова Т. В. 57
 Назиров Р. Г. 70
 Назон см. Овидий Публий Назон
 Наливайко Северин 116
 Наполеон I, Бонапарт 67, 110, 117, 165
 Направник Э. Ф. 88

- Насибулин Э. Х. 36
 Натадзе М. Р. 38
 Наумов А. В. 53
 Наумов С. 54
 Нахлик Е. К. 49
 Нацокин П. В. 50, 59
 Небольсин С. 54
 Неведомская Л. 51
 Невелев Г. А. 147
 Неволлина С. Ю. 38
 Негри А. Ф. 174
 Неудлы Эденек 88, 94, 95, 99
 Нейгардт 184
 Некрасов Н. А. 38, 43
 Некрасов Н. Л. 53
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 79
 Немировская А. Ф. 38
 Немировская Т. В. 38
 Немировская Ю. А. 70
 Немировский И. В. 3, 18, 19, 24, 26, 28,
 33, 58, 102
 Немов К. 77, 81, 84
 Непенин А. Г. 24, 25, 29, 30
 Непомнящий В. С. 54, 59, 68, 69
 Неруда Ян 88, 93
 Нессельроде К. В., граф 72
 Нестеренко Е. Е. 54
 Нечкина М. В. 24, 172, 190
 Никитин А. 72
 Никитин А. Г. 54, 62, 64
 Никифоров В. 43
 Никишов М. 58
 Никишов Ю. М. 54, 58
 Николаев А. А. 54
 Николаев И. 54
 Николаев Н. П. 73
 Николаев П. А. 55
 Николаева С. Ю. 56, 59
 Николай I 5, 8, 72, 91—93, 106, 161, 162,
 164, 166, 168, 170, 175, 177, 179, 180,
 181, 184—187, 192, 193
 Николай II 111
 Николай Павлович, великий князь см.
 Николай I
 Никольский В. А. 54
 Николюкин А. 60
 Никонов В. 70
 Ничик Н. Н. 49
 Новиков А. Н. 221
 Новиков Д. И. 40
 Новиков М. 70
 Новиков Н. 54
 Новикова М. А. 48
 Новикова Н. В. 49
 Новомеский Ладо 94, 95
 Нольман М. Л. 54, 59
 Норв А. С. 85
 Носов А. 62
 Нурмухамедов М. К. 71
 Обернихина Г. А. 54
 Ободовская И. 52
 Ободовский П. Г. 81, 82, 84
 Оболенский Е. П., князь 175
 Образцова Е. В. 224
 Обухова В. Н. 68
 Обухова Э. А. 39
 Овидий Публий Назон 48, 90, 120, 121
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 54
 Овчинников А. П. 39
 Овчинников Р. 64
 Овчинникова С. Т. 43, 55, 62
 Огарев Н. П. 37, 38—39
 Огинская Л. 69
 Одоевский А. И. 64, 208
 Одоевский В. Ф. 38
 Озеров Л. А. 35, 55, 62
 Ознобишин Д. П. 76, 80—82
 Оксенов И. А. 211, 212, 217, 218, 220,
 221
 Оксман Ю. Г. 32, 57, 100, 106, 116
 Окуджава Б. Ш. 55, 57
 Окусханова Г. 71
 Оленева В. П. 48
 Оленин А. Н. 130, 175
 Оленина А. А. 41, 47, 52
 Ольбрахт И. 94, 95
 Орбелиани Г. З. 40
 Орехова Л. А. 49
 Орлов Григорий 70
 Орлов М. Ф. 20, 21, 23—30, 106, 158
 Орлова Д. 42
 Орлова-Мочалова М. Н. 220
 Орловы 36, 58
 Осетров Е. 55
 Осипов Ю. И. 52, 53, 62
 Осипова А. И. см. Беклешова А. И.
 Осипова П. А. 150
 Осиповы 50
 Осман-паша 194
 Осоргин М. А. 55, 64
 Осповат А. Л. 55
 Оссиан 124
 Остен-Сакен Д. Е., генерал-майор, ба-
 рон 182, 189
 Островский А. Л. 41
 Островский А. Н. 55
 Острый О. С. 55
 Отрепьев Григорий см. Лжедмитрий I
 Охотников К. А. 31
 П...в А... 84
 П. К. 129
 Павел I 191
 Павленков Ф. Ф. 170
 Павлищев Н. И. 154
 Павлищева О. С. 42, 148, 154
 Павлов М. Г., издатель 205
 Павлова Е. В. 55, 72
 Павлова М. Г. 218

- Павловский А. И. 69
 Павлюк Н. Н. 49
 Палиевский П. В. 59
 Панкратьев Н. П., генерал-майор 195
 Панченко А. М. 9
 Парфенов В. 69
 Паскевич И. Ф. 174, 176—177, 179—187, 188—190, 193—197
 Пастернак Б. Л. 35, 123
 Пастухова Л. С. 49
 Паустовский К. Г. 42, 55
 Пахарева К. М. 49
 Пахомова Т. А. 50
 Певзнер Л. И. 55, 72
 Пенда-Дека Константин 208—209
 Переверзев В. В. 55
 Переверзев В. Ф. 55—56
 Передреев А. 59
 Перельмутер В. 69
 Перикл 209
 Перовский А. А. 106
 Песков А. М. 56
 Пестель П. И. 18, 190, 191, 192, 193
 Петелин В. В. 37, 56
 Петр I, Великий 6, 35, 61, 90, 91, 104, 108, 112, 113, 114
 Петров, рядовой 51
 Петров Б. Д. 42
 Петров Е. Н. 181
 Петров С. М. 45
 Петрулин, вице-губернатор Бессарабии 138
 Петрунина Н. Н. 58
 Петрушанская Е. 41, 56
 Пещуров А. Н. 55
 Пиксанов Н. К. 75
 Пиларж Я. 93
 Пилявский В. И. 109
 Писарев Д. И. 39
 Пихой Р. Г. 46
 Плетнев П. А. 7, 8, 83, 149, 173, 202, 210
 Плоскова Н. Я. 11, 17
 Поволоцкая О. 68, 69
 Погодин М. П. 5, 6, 14, 197, 198, 199, 200—206
 Погодин Н. П. 92
 Погорельский Антоний см. Перовский А. А.
 Поддубная Р. Н. 48
 Подкатилова Л. 71
 Пожар С. 56
 Пожарский Д. М. 40
 Покровский Б. А. 224
 Покровский Н. Н. 46
 Полевой Н. А. 41, 92
 Полежаев А. И. 83
 Поливанов Л. И. 62
 Полиновская Л. Д. 36
 Полковникова И. В. 57
 Полторацкий С. Д. 79
 Пономарева С. Д. 37, 129
 Пономаренко Л. А. 38
 Поньрко Н. В. 9
 Попадейкин В. И. 56
 Попелюхер И. Л. 39
 Попов К. 80
 Попов П. 177
 Попов Ю. 56
 Попова Л. М. 220
 Попова Н. И. 53
 Порудолинский В. 56
 Потапова Г. Е. 198, 206
 Потоцкие 68
 Потье, инженер 140
 Правосудович Т. М. 222
 Прицгофер А. 58
 Пришвин М. М. 56
 Прожогин Н. П. 3, 57, 172
 Прокопьева Н. И. 58
 Просекова Н. Д. 59
 Проскурин О. А. 69
 Протопопов В. 61
 Прохоров М. Ф. 58
 Пруха Я. 88
 Пугачев В. В. 32, 57, 100, 101
 Пугачев Е. И. 152, 161
 Пудова А. Д. 48
 Пумпянский Л. В. 213, 217
 Пустынин М. 68
 Путнин Ф. В. 49
 Путятин Б. 8
 Пухов М. 58
 Пушкин Алексей Михайлович 79
 Пушкин В. Л. 53, 76, 78, 79, 84, 128, 130—132
 Пушкин Г. А. 225
 Пушкин Г. Г. 37, 68, 223
 Пушкин Л. С. 42, 48
 Пушкин С. Л. 58, 91, 148, 154
 Пушкина Н. О. 148
 Пушкина Н. Н. 36, 42, 50, 51, 62, 63, 67, 91, 92, 113, 148—151, 188, 223
 Пушкины 60, 65
 Пушин И. И. 19, 59, 155, 157, 160, 175
 Пушин М. И. 172, 182, 190
 Пушин П. С. 29, 39
 Пыляев М. И. 114
 Пьерро Роже 165, 170, 171—172
 Пьявко В. 224
 Пьянов А. 36
 Пюри Симон, де 223
 Пярли Ю. 71
 Рабинович В. 41
 Радвила Екатерина 171
 Радищев А. Н. 123
 Радченко Ф. П. 24, 25, 28, 29
 Раевская М. Н. 36, 103, 107
 Раевские 36, 58, 103, 106, 107, 182
 Раевский А. Н. 31, 106—107, 208
 Раевский В. Ф. 20—33, 100—102

- Раевский Ник. А. 43, 59, 70
 Раевский Н. Н. 53, 105, 106—107, 152, 160, 161, 162, 182, 190
 Раевский-Старший Н. Н. 103, 106—107, 161
 Разин Ст. Т. 161
 Разумовская А. Г. 57
 Раич С. Е. 80, 81
 Райнис Янис 226
 Рак В. Д. 152, 154
 Раковская Н. М. 39
 Раковские 169
 Рамазанова Г. Г. 56, 60
 Рассадин Ст. 60
 Рассовская Л. П. 60
 Раушенбах Б. В. 56
 Ревюз Кристина 165
 Реизов Б. Г. 153
 Рейсер С. А. 77
 Ремизов А. М. 60, 68, 69
 Репин И. Е. 60
 Рецептер В. Э. 60
 Ржевские 65
 Ржевская Каролина Розалия Текла. 164
 Ржевуские 170, 171
 Ржевуский Адам 171
 Рибас Хосе, де (Дерibas О. М.) 133
 Ризнич Амалия (урожд. Рипп) 134
 Ризнич И. С. 134
 Ризнич-Корецкая А. В. 214
 Римский-Корсаков Н. А. 41, 52
 Ринальди Антонио 109
 Ришелье Арман Эмманюэль дю Плесси (Эммануил Осипович), герцог 49, 135, 228
 Ризга 27
 Робинсон Д. 41
 Рогачев Н. П. 49
 Рогачевский А. Б. 5, 60
 Рогова А. И. 33, 60, 102
 Роднянская И. 59
 Рождественский Вс. А. 217
 Роза Сальватор 154
 Розадеева М. А. 56
 Розанов В. В. 60
 Розанова Л. А. 38
 Розен А. Е. 161, 172, 173, 176, 182, 184
 Розен Г. В. 181, 184
 Розенблюм Е. 60
 Розенштрах А. Д. 70
 Рознован-Росетти Иордаки 139
 Рознован-Росетти Николай 139
 Романов О. 219
 Романюк С. К. 39
 Ромм М. Д. 208
 Росетти Зоица 144, 145
 Росетти Параскева (в замуж. Крупенская) 144
 Росетти, семья 139, 145
 Росетти-Бэлэнеску В. М. 138—139
 Росетти-Рознован Сафта 143, 144
 Росовецкий С. К. 38
 Россина Н. В. 37, 48
 Рубановский 19
 Руденская М. П. 40
 Руденская (Балашова) С. Д. 40
 Рудзевич А. Я., генерал 21, 22, 23
 Румянцев, граф 110
 Румянцев-Задунайский П. А. 113, 188
 Рунье, француз 140
 Рушева Надя 69
 Рыбаков Ю. 61
 Рыбин В. А. 206
 Рылеев К. Ф. 40, 79, 81, 83, 85, 107, 116, 129, 147
 Рысина Ф. 55
 Саади 44, 54
 Сабанеев И. В. 21—24, 26, 28—31
 Сабина К. 87
 Сабинин В. 53
 Сабуров Я. И. 86
 Савыгин А. М. 61
 Сади см. Саади
 Сажин В. Н. 55
 Сайтов В. И. 78
 Сакен Д. Е. см. Остен-Сакен Д. Е.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 39, 54
 Сальери Антонио 37, 39, 52, 59, 116, 118, 119
 Самгина Н. 53
 Самойлов Давид 57
 Сандомирская В. Б. 100, 120, 121
 Сапожников С. В. 44
 Саражинич П. Г. 137
 Сарнов Б. М. 61
 Саувей см. Саути Роберт
 Сауленко Л. 39, 61
 Саунин С. А. 50
 Саути Роберт 117
 Сафаров А. Н. 218
 Сахаров И. В. 197
 Сахно-Устимович П. М. 182
 Сватонь В. 98
 Свербеева З. С. 208
 Светенко А. С. 39
 Светлова Г. 55
 Свиридов Г. В. 43, 44, 228
 Свиринов Н. Г. 213, 214
 Свободин А. 50
 Сволинский К. 88
 Святелик В. 61
 Седакова Т. В. 57
 Секирин П. В. 38
 Семен Август, типогр. 36, 130
 Семенов А. С. 49
 Семенов Б. А. 72
 Семенов Л. Е. 39
 Семенова А. В. 18
 Семенова С. Г. 61

- Сенска Луций Анней 120
 Сент-Бев Шарль-Огюстен 171
 Сергеев М. Д. 61
 Сергеев-Ценский С. Н. 49, 50
 Сергеева Н. М. 59
 Сергеенко В. 72
 Серебряная И. Б. 61
 Серов А. Н. 61
 Сиверс А. А. 32
 Сидоров И. 62
 Сидяков Л. С. 39, 69
 Сикар Евгения 135
 Сикар Елена 135
 Сикар Карл 135
 Сикар Карол 135
 Сикар Лаура 135
 Сикар Людвиг 135
 Сикар Михаил 135
 Сикар Наталья (урожд. Крафф) 135
 Сикар Ольга 135
 Сикар Христофор 135
 Сикары, семья 135
 Силантьева В. И. 39
 Силина И. 72
 Силич, медик 179, 181
 Симакина Г. Ф. 49
 Симачева И. Ю. 56
 Симонов К. М. 39, 71
 Синицына (Якушкина) Е. Л. 216
 Синявин И. Г. 137
 Синявский А. Д. 61
 Синявский Н. 75
 Сипягин Н. М., генерал 193
 Сиркес П. 61
 Сиххат Аббас 40
 Скабичевский А. М. 57
 Скайсткалис П. 60
 Скатов Н. Н. 46, 59, 61, 62, 69, 70, 72, 224
 Скляренко В. М. 138, 139
 Скобиоалэ Т. С. 37
 Скоропадская 160
 Скотт В. 10, 103—105, 106, 107, 117
 Скржинская М. В. 48
 Скробов В. С. 61
 Слепушкин Ф. Н. 78, 79
 Слинина Э. В. 57
 Слонимский А. 6
 Слюсарь А. А. 38, 62
 Сметана Бедржих 88
 Смирдин А. Ф. 55, 203
 Смирнов А. 68
 Смирнов А. А. 38, 48, 58
 Смирнов А. Е. 63
 Смирнов А. П. 35
 Смирнов А. С. 37
 Смирнов С. 60
 Смирнов-Сокольский Н. П. 80, 85
 Смирнова Л. А. 56
 Смирнова Э. 62
 Смирнова-Россет А. О. 62, 72, 230
 Смольников И. В. 62, 69, 72
 Смольская А. К. 38
 Смузина М. Л. 62
 Снегирев И. 82
 Собаньская Ева 172
 Собаньская Каролина 163—168
 Собаньская Констанция 168
 Собаньский А. дам 172
 Собаньский Иероним 164
 Соболевский С. А. 5—7
 Соколов В. 59
 Соколов П. П. 36
 Соколов П. Ф. 207
 Соколова К. И. 57
 Соколова С. 71
 Соколянский М. Г. 39
 Соловей Н. Я. 56
 Соловей П. 72
 Соловкина Е. Ф. 145
 Соловьев Вал. Серг. 62
 Соловьева В. С. 62
 Соловьева О. С. 177
 Сологуб В. А. 149
 Солодков В. А. 49
 Соломирская Е. А. 54
 Соломирские 54
 Солоухин В. А. 63
 Сомов О. М. 106, 200, 201
 Сопровский А. 62
 Сорокин В. 59
 Сосенушкина М. Н. 146
 Сосюра В. Н. 49
 Софокл 120
 Спектор У. 63
 Сперанская Н. М. 63, 149, 150
 Сперанский М. М. 18
 Сподарец В. И. 39
 Сподарец Н. В. 39
 Сталин И. В. 52
 Сталь Анна Луива Жермена, де 12—14, 16, 17
 Стамати Костаке (Константин) 70, 139
 Стандаров В. 68
 Станкевич А. В. 35
 Стариков А. 68
 Старшинов Н. К. 63
 Стасов В. П. 109
 Стачков Е. 228
 Стендаль (Анри Мари Бейль) 45, 211
 Степанов Л. А. 58, 63
 Страхов Н. Н. 57
 Стрежнев И. 63
 Стрижак В. 69
 Стрнадел Йозеф 96
 Строганов М. В. 9, 13, 14, 16, 39, 48, 59
 Строганова Е. Н. 48, 59, 63
 Строганова Ю. П. 57
 Струве П. Б. 68
 Струков В. В. 56
 Стукалов В. А. 53
 Стурдза А. С. 134, 157, 161, 162

- Стурдва Дмитрий 144
 Суворов А. В. 113, 188, 203
 Сукач В. 60
 Сулейманов А. С. 40
 Султанова-Леткова Е. П. 217
 Сумцов Н. Ф. 6, 11
 Сурков Е. А. 63
 Сурков Е. Д. 63
 Суслов В. 69
 Сухтелен П. П. 176, 183, 184
 Сушков М. В. 123, 124
 Сюрвилль Лора 170
 Сюрвилль Эжен 170
- Табакова З. 71
 Табенцкая С. Б. 71
 Таборский Фр. 87, 94
 Таладай М. 63
 Талейран Перигор Шарль Морис 40
 Тамарченко Е. Д. 63
 Тамарченко Е. Д. 63
 Тарасов Б. Н. 43, 59, 62
 Тарасова А. К. 211
 Тарковский Арс. А. 57, 59
 Тарунов А. М. 56
 Тархов А. Е. 56, 63, 124
 Тассо Торквато 117, 204
 Тачка-паша 194, 195
 Твардовский А. Т. 39, 59
 Телетова Н. К. 39
 Темненко Г. М. 49, 63
 Теплер де Фергюсон В. П. 215
 Тербенев М. 208
 Терник Евг. 218
 Терц А. см. Синявский А. Д.
 Тиберий, римский император 28
 Тик Людвиг 44
 Тилембаева Ш. Д. 71
 Тилле В. 94
 Тильшова А. М. 94
 Тимашева Е. А. 39
 Тиме Е. И. 215
 Тименчик Р. Д. 45
 Тимофеева О. В. 64
 Тимофей Архипович, юридивый 9
 Тихомиров В. Н. 48
 Тихонов Н. С. 220
 Тишечкина А. 68
 Тлеглонова С. 71
 Тоддес Е. А. 69
 Тодораки, семья 144
 Тодорова Т. В. 219
 Толстой А. Н. 221
 Толстой Л. Н. 49, 59, 61, 207
 Толстой Ф. П. 63, 129
 Томан К. 94
 Томашевич А. С. 219
 Томашевский Б. В. 12, 32, 51, 74—77, 100—102, 108, 118, 150, 209, 211, 213, 214, 217
- Томашевский Ю. В. 44
 Томичек Я. С. 86, 92
 Торнау Ф. Ф. 184
 Троицкая И. Б. 56
 Троллоп Ф. 154
 Трубецкой Б. А. 64, 68, 137
 Трубецкой С. П. 175, 206, 208
 Туманский В. И. 76, 79, 80, 81, 83, 84, 123, 125, 126, 137
 Туниманов В. А. 42
 Турбин В. Н. 37, 64
 Тургенев А. И. 42, 87, 123, 134, 156, 159
 Тургенев И. С. 54, 59, 217
 Тургенев Н. И. 156—159
 Тургенев С. И. 28, 157
 Тургеневы, братья 157—159
 Турков А. 59
 Турсунов Э. Н. 71
 Тынянов Ю. Н. 75, 115, 116, 217, 218, 220
 Тыщенко В. П. 64
 Тюрин И. Е. 129
 Тютчев Ф. И. 11, 12, 40, 55, 61
- Убри П. Я. 42
 Уваров Ф. П., генерал 112
 Уварова И. В. 64
 Уколов В. С. 68
 Уколова Е. А. 68
 Урбан А. 70
 Устинов В. 64
 Устинов Е. А. 72
 Ушаков Н. И. 189, 194, 195
 Ушакова Е. Н. 188
- Фаворский В. А. 47
 Файбисович В. М. 39, 48
 Файнштейн М. Ш. 64
 Фальконе Этьенн Морис 113
 Февчук Л. П. 36
 Федин К. А. 217, 220
 Федоров Б. М. 8, 78, 79, 85
 Федоров В. А. 193
 Федоров В. Д. 64
 Федосеева Е. П. 20
 Фейнберг И. 52, 62
 Фемистокл 209
 Фенелон Франсуа 64
 Фенина Г. В. 64
 Фиала В. 88
 Фикельмон Д. Ф. 62
 Филимонов В. С. 56, 129
 Филин М. 68, 69, 70
 Филина О. В. 57
 Филипенко О. 69
 Филиппова Н. Ф. 9
 Флойд Хуанита Хелм 171
 Флорин 129, 131, 132
 Флорянский В. 88

- Фомин А. Т. 211
 Фомин Н. 224
 Фомин С. 68, 69, 135
 Фомичев С. А. 39, 56, 58, 64, 69, 71
 Фонвизин Д. И. 60
 Фонвизин М. А. 18, 158, 163
 Франк Отто-Вильгельм Германович 137
 Франк С. Л. 64
 Франко И. Я. 49
 Фридкин В. М. 70, 164, 165
 Фридендер Г. М. 59, 64
 Фридман Н. В. 5, 6, 10
 Фризман Л. Г. 39, 45
 Фукс Е. Б. 203
 Фурсенко В. И. 49
- Хазан В. И. 48
 Хазин М. Г. 65, 70
 Хаит Г. 62
 Хайкин Л. 37
 Хализев В. Е. 65
 Халиппа И. Н. 68
 Халфина Н. Н. 48
 Харлап М. Г. 65
 Хвостов Д. И. 108—115
 Хвошинский Н. А. 68
 Хемингуэй Эрнест Миллер 66
 Хеннигсен Ч. Ф. 8
 Хентова С. 65
 Херасков М. М. 128, 130
 Херхеулидзе З. С., князь 137
 Хильчевский Ю. 223
 Хитрово Е. М. 68, 149, 150
 Ходасевич В. Ф. 59, 65, 69
 Ходоров А. 65
 Холопов Г. 219
 Хоменко Н. В. 48
 Хомяков А. С. 6, 10
 Хорхордина Т. И. 65
 Хотимский Б. 69
 Храмова С. И. 38
 Хребтович, графиня см. Хрептович Ел.
 Карловна
 Хрептович Ел. Карловна 107
 Худошина Э. И. 65
- Цветаева М. И. 39, 56, 65
 Цветков А. П. 48
 Цветкова Н. В. 57
 Циммерман, майор 97
 Цицерон Марк Туллий 54
 Цоффка В. 65
 Цыганкин В. П. 50
 Цявловская-Зенгер Т. Г. 76, 85, 108,
 133, 145, 146, 148
 Цявловский М. А. 5, 6, 14, 32, 75, 76, 78,
 79, 81, 84, 85, 116, 132, 142, 144,
 145—147, 201, 212, 217, 221
- Чаадаев П. Я. 62, 87, 160
 Чайковская О. 59
 Чайковский П. И. 51, 52, 62, 88, 223,
 225, 228
 Чалмаев В. А. 60
 Чапек Й. 94, 95
 Чапек Карел 94, 95
 Чапыгин А. П. 217
 Чарьева М. Д. 65
 Чебанова О. Е. 38, 48
 Челаковский Ф. Л. 86—88, 90, 93
 Черейский Л. А. 106, 137, 144, 171, 189
 Черешков А. П. 213, 215, 217
 Черкасов Н. К. 41
 Черкашин А. А. 53, 65, 72
 Чернов А. Ю. 56, 62, 65, 146, 148, 149,
 150, 152
 Чернов С. Н. 25, 156, 159, 160
 Черноиваненко Е. М. 39
 Чернышев А. И., генерал-адъютант,
 граф 161—162, 177, 179, 183
 Чернышев В. И. 35
 Чернышевский Н. Г. 65, 67
 Чернышевы 52
 Чернявская Т. Н. 56
 Черняев Н. 59
 Черняев Н. И. 7
 Чеснокова И. Г. 56
 Чех А. 88
 Чех Св. 88, 93
 Чехов А. П. 39, 49, 54, 56, 59, 67
 Чиркович С. Х. 168—170
 Чистова И. С. 58, 65
 Чичерин Б. Н. 35
 Чичерины 65
 Чудов В. 72
 Чуковский Д. 62
 Чулаки М. 69
 Чулков В. И. 38
 Чулков М. Д. 55
 Чумаков Ю. Н. 66
- Шагинян М. С. 66
 Шадури В. С. 40, 173
 Шаликов П. И. 62, 123
 Шалаяпин Ф. И. 56
 Шамфор 53
 Шамшури В. 72
 Шанский Н. М. 66
 Шапорин Ю. А. 66
 Шарапова Л. А. 58
 Шарафадина К. И. 66
 Шароев И. Г. 66
 Шарымов А. 66
 Шаталов С. Е. 55
 Шафарик П. Й. 86, 87, 92
 Шаховской А. А. 38, 49
 Шаховской В. М. 137
 Шашкова Л. 70
 Шварц А. И. 215, 220

- Швейцер М. А. 60, 66
 Шербунин А. Н. 217
 Шевелкина А. 71
 Шевченко Т. Г. 38
 Шевырев С. П. 77, 82, 84, 198—200, 201, 202, 203, 206
 Шейман Л. А. 71
 Шекспир У. 45, 59, 117, 118
 Шелемова А. О. 49
 Шеллинг Ф. В. 204, 205
 Шелухо В. 66
 Шенье Андре Мари 7, 16, 49, 56, 120—122
 Шервинский С. В. 121
 Шергин Б. В. 66
 Шереметев В. А. 187
 Шереметева Н. Н. 163
 Шестакова Е. Н. 66
 Шестов Л. 72
 Шешин А. Б. 39
 Шешунова С. В. 65
 Шикин В. 65
 Шиллер Фридрих Иоганн 72, 124, 125
 Шиллинг фон Канштадт П. Л., барон 163
 Шинкуба Б. В. 59
 Шир Ф. 88
 Ширинкин В. И. 57, 66
 Шириния Р. К. 53
 Ширский В. Ф. 216, 217, 220
 Сихмурадова Л. 66
 Шишков А. А. 44
 Шкловский В. Б. 219
 Шляховая Н. М. 38
 Шмаринов Д. А. 66
 Шмелев И. С. 68
 Шмелев О. 52
 Шмид В. 67
 Шмидт Б. А. 66, 219
 Шостакович Д. Д. 65, 225
 Шрейдер Ю. А. 71
 Штавеман Б. 219
 Штайн К. Э. 67
 Штанько Е. А. 40
 Штейнер Е. С. 67
 Штур Людовит 93
 Шуберт Ф. Ф. 183
 Шубин Б. М. 67
 Шулова А. Я. 49
 Шульгин А. В. 67
 Шульд В. С. 89, 90, 91
 Шустов А. Н. 67
- Щеглов Ю. М. 67
 Щеголев П. Е. 23, 75, 149
 Щепалова В. М. 48
 Щербатов К. 176, 179
 Щербина Л. А. 38, 48
 Щербина Н. 69
- Эгази Петр, священник 196
 Эдлинг Роксандра (урожд. Стурдза) 134—135, 142, 168
 Эйдельман Н. Я. 31, 67, 190
 Эйхенбаум Б. М. 217
 Эйхфельдт И. И. 135, 142
 Эйхфельдт М. Е. (урожд. Милло) 135, 142—145
 Эльяш Н. И. 67
 Эмин-паша 188, 189
 Эмин Геворк 59
 Энгель С. 50, 62
 Энгельгардт Е. А. 173, 182—184, 186
 Энгельс Ф. 57
 Эндельсон Е. Н. 81, 84
 Энсгольм, полковник 179
 Эрлих В. И. 52
 Эттингер П. 114
- Юзевович М. В. 194
 Юмин И. М. 23—25, 29
 Юрьева И. Ю. 67, 70
 Юшкевич В. 70
 Юшневский А. П. 18
- Языков Н. М. 56, 60, 83, 116
 Яков II Стюарт, английский король 103
 Яковенко Э. В. 48
 Яковкина Е. И. 221
 Яковлев В. 67
 Яковлев В. А. 134, 140
 Яковлев Н. В. 11
 Яковлев П. Л. 84
 Якубович Д. П. 102, 103, 107, 118, 211, 213, 215, 217
 Якубович-Мельшин П. Ф. 211, 212
 Якушкин В. Е. 102
 Якушкин И. Д. 18, 19, 157—160, 163
 Ямпольский Н. 71
 Ямщиков Савелий 62
 Яндиев Ш. Д. 67
 Яновский Н. 67
 Янушкевич А. С. 43, 45
 Ярошевицкий, подполковник 19
 Ятманова Н. И. 38
 Яцевич А. Г. 215—218
 Яценко О. А. 50, 63
- Alexinsky Gregoire см. Алексинский
 Грегуар
 Ап (Anonyme) 84
- Vanim Michael 153
 Basotà см. Башотэ, семья
 Becq de Fouquières L. см. Бек де Фукьер Л.
 Bendl V. С. см. Бендл В. Ч.
 Bezviconi G. см. Безвиконный Георгий

Callimachi S. 142
Chénier André, de см. Шенье Андре Мари
Coleridge см. Кольридж С. Т.
Cornwall Barry см. Корнуолл Барри
Cradock, Harriet 153

Delavigne 116
Dolanský Julius см. Доланский Юлиус

Gleig, George Robert 154
Goethes см. Гете И. В.
Gonaropulo см. Гоноропуло
Gontcharof см. Гончарова Н. Н.
Gonzago см. Гонзага Томас Антониу
Gorzny W. 153
Grandy, Lord Normamby 153
Grattan, Thomas Colley см. Граттан Т. К.
Grey Anna 153

Ipsylanti см. Ипсиланти А.

Kayser Ch. G. 153
Krupenski см. Крупенские

Lister, Thomas Henry 153

Marryat, Frederick 153
Martin, miss 153
Millo см. Милло, семья
Morgan, Sydney 153

Neiedlý Zdeněk см. Нееды Зденек
Norton, Caroline Elizabeth Sarah 154

Penda-Déka см. Пенда-Дека К.
Pierrot Roger

Ravenscroft, Margaret 154
Rosetti-Bălănescu см. Росетти, семья

Saint Jonh, James Augustus 154
Schmuck, H. von 153
Shelley, Mary Wollstonecraft 153
Sobanska, Carolin см. Собаньская Каролина
Southey см. Саути Роберт
Staël madame, de см. Сталь, Анна Луива Жермена, де

Trollope, Frances см. Троллоп Ф.

Wilmans Fr. см. Вильманс Ф.
Wordsworth 117

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. В. Строганов. Стихотворение Пушкина «Пророк»	5
И. В. Немировский. Пушкин и П. Д. Киселев	18

II. ОБЗОРЫ

В. В. Зайцева. Пушкиниана 1989 года	34
А. В. Дубровский. Прижизненная псевдопушкиниана	73
Л. С. Кишкин. О восприятии пушкинского наследия в Чехии	86

III. ЗАМЕТКИ

Из комментария к лирике Пушкина:

И. В. Немировский, А. И. Рогова. Послание В. Ф. Раевскому «Ты прав, мой друг, напрасно я презрел...» (1822)	100
А. В. Кулагин. «Шумит кустарник...»	102
А. В. Кулагин. «Надпись к воротам Екатерингофа».	107
О. Л. Довгий. «Ответ Катенину»	115
И. С. Кузнецов. «Из А. Шенье»	120
Н. И. Михайлова. Из комментария к «Евгению Онегину»	122
В. Н. Грабовская. Знакомые Пушкина кишиневского периода	132
В. Д. Рак. Запись «14 juillet 1826 Zo...»	145
В. Д. Рак. Нерасшифрованное заглавие в описи библиотеки Пушкина	153
Т. В. Ковалева. Пушкин и П. Х. Граббе (к истории взаимоотношений)	155
Н. П. Прожогин. Каролина Собаньская в письмах маршала Мармона и Бальзака	163
Н. Е. Мясоедова. Друг Пушкина — В. Д. Вольховский	172
Е. П. Леман. Декабрист Павел Михайлович Леман	187
Г. Е. Потапова. М. П. Погодин — критик Пушкина: К вопросу об атрибуции нескольких статей в журнале «Московский вестник»	197
М. Д. Ромм. О портретах декабристов Н. М. Муравьева и С. П. Трубецкого	206
Я. Л. Левкович. Реплика на статью Т. И. Левичевой «К заметкам Пушкина о Греческой революции»	208

Л. Н. Назарова. Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде 1930-х гг.	210
---	-----

IV. ХРОНИКА

По страницам газет 1989 г.	223
Указатель произведений А. С. Пушкина	231
Указатель имен	235

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ**

Выпуск 27

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
при Отделении литературы и языка РАН*

Редактор издательства В. Н. Немцова
Технические редакторы О. Б. Мацлевич, А. П. Николаева
Корректоры Н. И. Журавлева, С. И. Семиглазова и Е. В. Шестакова
Компьютерная верстка Т. Н. Поповой

ИБ № 1633

ЛР № 020297 от 27.11.91. Сдано в набор 19.05.95. Подписано к печати 16.11.95.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16.0. Уч.-изд. л. 20.6. Тираж 900 экз. Тип. зак. № 666. С 1258

**Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1**

**Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12**